

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

5 (47) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (SEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
Пейтер Оуй – старший научный сотрудник и консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Делфт, Нидерланды)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

5 (47) 2016

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Board:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
P.R. A. Oeij – Senior Research Scientist and Consultant, TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research (Delft, The Netherlands)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Staff:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	27

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Полтерович В.М.</i> Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России)	34
--	----

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К.</i> Институциональный механизм формирования социальных инноваций	57
<i>Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б.</i> Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей	76
<i>Ма Сюэсун.</i> Исследование влияния социальных трансформаций на бедных пожилых людей, проживающих в сельских районах	95

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Карелина М.Г.</i> Комплексная оценка интеграционной активности бизнес-структур в российских регионах	103
<i>Полухина А.Н., Шерешева М.Ю., Рукомойникова В.П., Напольских Д.Л.</i> Обоснование сравнительной эффективности реализации туристского потенциала (на примере регионов Приволжья)	122

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Гулин К.А., Россошанский А.И.</i> Российский и зарубежный опыт интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем.....	141
---	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Тихомирова В.В.* Проблемы формирования и использования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения (на примере Республики Коми) 158

ЭКОНОМИКА ТРУДА

- Чекмарева Е.А.* Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области 173
- Оуй П., Дхондт С., Жяубярите-Якштиене Р., Коррал А., Тоттердилл П.* Европейский опыт внедрения инноваций на рабочем месте: что, зачем и как? 195

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Яшалова Н.Н., Рубан Д.А.* Развитие экобизнеса как подход к финансированию экологизации экономики 219

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Безнин М.А., Димони Т.М.* К вопросу о типе экономического строя СССР 238

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Полешкина И.О.* Управление цепями поставок как драйвер создания конкурентного преимущества компаний молочной сферы 251
- Маковеев В.Н.* Применение агент-ориентированных моделей в анализе и прогнозировании социально-экономического развития территорий 272

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> Russian President Got a Constitutional Majority in the State Duma of the Seventh Convocation	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	27

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Polterovich V.M.</i> Institutions of Catching-up Development (On the Project of a New Model for Economic Development of Russia)	34
---	----

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K.</i> Institutional Mechanism for Shaping Social Innovation	57
<i>Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B.</i> Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers	76
<i>Ma Xuesong.</i> Research on Influence of Social Transformation on Rural Poor Aged People	95

REGIONAL ECONOMY

<i>Karelina M.G.</i> Comprehensive Assessment of Integration Activity of Business Structures in Russian Regions	103
<i>Polukhina A.N., Sheresheva M.Yu., Rukomoinikova V.P., Napol'skikh D.L.</i> The Rationale for Comparative Effectiveness of Tourist Potential Realization (Case Study of the Volga Region)	122

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

<i>Gulin K.A., Rossoshanskii A.I.</i> Russian and Foreign Experience of Integration of Agent-Based Models and Geographic Information Systems	141
---	-----

PUBLIC FINANCE

- Tikhomirova V.V.* Issues of Formation and Use of Financial Resources of the Social Welfare System (Case Study of the Komi Republic) 158

LABOR ECONOMICS

- Chekmareva E.A.* Research into the Conditions and Drivers of Labor Potential Reproduction in the Vologda Oblast Municipal Districts 173
- Oeij P. R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Totterdill P.* Implementing Workplace Innovation Across Europe: Why, How and What? .. 195

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Yashalova N.N., Ruban D.A.* Development of Green Business as an Approach to Financing the Greening of Economy 219

HISTORY OF ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL THOUGHT

- Beznin M.A., Dimoni T.M.* Revisiting the Type of Economic System in the USSR 238

YOUNG RESEARCHERS

- Poleshkina I.O.* Supply Chain Management as a Driving Force for Generating Competitive Advantage for Dairy Companies 251
- Makoveev V.N.* Using Agent-Based Models in the Analysis and Forecast of Socio-Economic Development of Territories 272

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.1

УДК 338.2, ББК 65.050

© Ильин В.А.

Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

18 сентября состоялись выборы в Государственную Думу РФ – главное политическое событие 2016 г. в России, открывающее новый политический цикл. По данным Центральной избирательной комиссии, действующая партия власти «Единая Россия» упрочила свои позиции в парламенте, получив конституционное большинство.

Сегодня очень многие эксперты обсуждают результаты голосования и то, каким образом и почему они были достигнуты.

Однако гораздо меньшее внимание уделяется историческому значению результатов выборов в Государственную Думу VII созыва.

Между тем исторические параллели между современной Россией, СССР периода распада и Царской Россией в эпоху революционных событий начала XX в., на наш взгляд¹, убедительно показывают, что выборы, прошедшие 18 сентября, могут стать очередной важной ступенью в переходе России к новому этапу развития.

¹ Ильин В.А. Правящие элиты – проблема национальной безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 9-34.

Для цитирования: Ильин, В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 9-26. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.1

For citation: Ilyin V.A. Russian President got a constitutional majority in the State Duma of the Seventh Convocation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 9-26. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.1

Этот переход начался в 2000 г., когда В. Путин впервые занял пост главы государства и им были предприняты решительные действия, способствовавшие выходу страны из комплексного социально-экономического и культурно-нравственного кризиса: эффективная антитеррористическая кампания и урегулирование конфликта в Чечне, введение налога на добычу полезных ископаемых, позволившее увеличить доходы федерального бюджета в 3,6 раза (с 615,5 млрд. руб. в 1999 г. до 2204,7 млрд. руб. в 2002 г.) и т.д.

В 2000–2007 гг. рост цен на нефть благоприятствовал положительной динамике уровня и качества жизни населения. В этот период стабилизации российское общество смогло осознать и сопоставить исторический опыт своего существования в периоды Советского Союза и «лихих 90-х».

В 2007 г. в мюнхенском выступлении на международной конференции по вопросам политики безопасности Президент РФ В. Путин заявил об угрозах однополярного мира, а также о том, что Россия будет продолжать независимую внешнюю политику, направленную на повышение своего суверенитета. Это был четкий сигнал зарубежным государствам (прежде всего США) о намерениях России участвовать в глобальной конкуренции.

Окончание второго президентского срока В. Путина и начало президентского срока Д. Медведева, сопровождавшееся тяжелыми для экономики последствиями мирового финансового кризиса (2008–2009 гг.), не позволили российскому обществу осознать и прочувствовать концептуальный характер мюнхенской речи В. Путина.

Вторая после мюнхенской речи попытка сформулировать основные положения

новой государственной идеологии была предпринята В. Путиным через 6 лет (в сентябре 2013 г.), в период его третьего президентского срока, на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». Именно в этой речи лидером страны была сформулирована идеологическая парадигма развития, которой планирует придерживаться государство: «Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»².

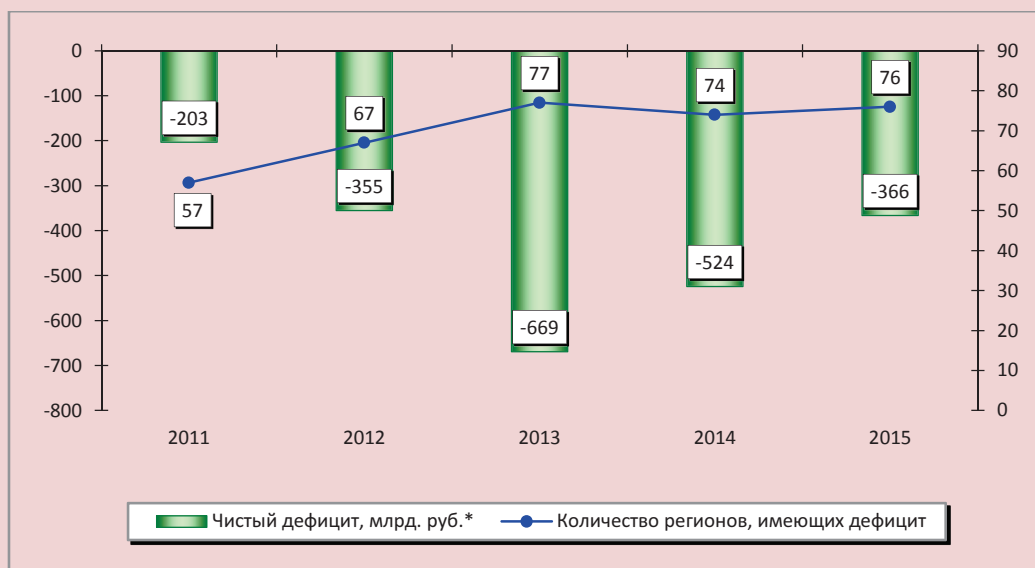
Следующая ступень в переходе России к новому этапу исторического развития связана с вхождением в её состав Крыма и Севастополя. Это событие (причем на фоне «украинского кризиса» и обострения отношений с США) объединило все слои общества. Ведущие российские ученые говорили в этот период о том, что «после долгого, почти 15-летнего периода ожидания «новая возрождающаяся» Россия наконец-то осуществила переход в свой новый век – светлый и жизнеутверждающий... Лишь бы не упустить представившийся шанс!»³

Однако успехи международной политики Президента, направленной на повышение суверенитета России и обеспечение ее национальных интересов, не были поддержаны курсом внутренней экономической политики, проводимой Правительством РФ. После мирового финансового кризиса отечественная экономика так и не вышла на устойчивый позитивный тренд,

² Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

³ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН. – С. 6-18.

Рисунок 1. Дефицит консолидированных бюджетов субъектов РФ, млрд. руб.

* Без учета профицита.

Источник: данные отчетности Федерального казначейства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>

а с 2011 г. в России начался бюджетный кризис регионов, который продолжается до сих пор: за период с 2011 по 2015 г. количество субъектов РФ, имеющих дефицит бюджета, увеличилось с 57 до 76 (рис. 1).

В условиях многолетнего затяжного экономического кризиса всё более актуальной становилась задача повышения эффективности государственного управления, национализации элит, кадровых перестановок в системе управления с целью эффективного удовлетворения первоочередных потребностей населения – в повышении уровня и качества жизни, в стабильности экономического роста и в социальной справедливости.

Выборы в Государственную Думу РФ 18 сентября 2016 г., на наш взгляд, следует рассматривать именно с этой – исторической – точки зрения. Дальнейшее развитие политической системы, кадровые измене-

ния, новые люди, пришедшие во власть, и, главное, – сможет ли Президент РФ В.В. Путин воспользоваться конституционным большинством «Единой России» в парламенте для того, чтобы реализовать стратегические цели, обозначенные им еще в 1999 г. в статье «Россия на рубеже тысячелетий», – от этого будет зависеть жизнь страны в ближайшие годы и, в частности, характер общественных настроений в период проведения президентских выборов 2018 г.

В этой программной статье В. Путин в качестве важнейших стратегических задач развития России отмечал необходимость повышения эффективности государственного управления, укрепления государственной власти, а также преодоления состояния раскола и внутренней разобщенности среди основных социальных слоев и политических элит. Важность достижения

этих целей подчеркивалась Президентом и в последующих программных заявлениях и стратегических документах: в мюнхенской речи 2007 г., в выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году, в Стратегии национальной безопасности 2015 г. и т.д.

Сегодня наибольший положительный тренд наблюдается в решении только первой из этих ключевых задач: для укрепления государственности Президент активно осуществляет кадровые перестановки на всех уровнях системы управления⁵. Однако что касается преодоления раскола в российском обществе и внутри правящих элит, то говорить об очевидных успехах в этом направлении пока преждевременно: в России по-прежнему актуальна проблема социального расслоения и имущественного неравенства, а в отношении системы

Убежден, что достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. **Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества.**

Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном.

Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. **Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее⁴.**

государственного управления создается ощущение, что **«сложились две России: одна «глубоко встроена в западный мир», другая – «новая плеяда русских государственников, которые неизбежно сопровождают державный рост»⁶.**

⁴ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. – 1999. – 30 дек.

⁵ Например:

3 марта 2016 г. Президент РФ подписал Указ «О членах Центральной избирательной комиссии», согласно которому в состав ЦИК вошла бывший председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Э.А. Памфилова. 28 марта 2016 г. она была избрана Председателем Центральной избирательной комиссии.

28 июля 2016 г. Президент РФ В.Путин объединил два федеральных округа, а также сменил нескольких губернаторов и полпредов:

- Крымский федеральный округ вошел в состав Южного федерального округа (его главой был назначен В. Устинов);
- С. Меликов был назначен первым заместителем директора Федеральной службы войск национальной гвардии, а его место на посту полпреда Президента в Северо-Кавказском федеральном округе занял О. Белавенцев;
- Н. Рогожкин был освобожден с поста полпреда Президента в Сибирском федеральном округе. Его место занял С. Меняйло;
- врио губернатора г. Севастополя (вместо С. Меняйло) был назначен Д. Овсянников;
- место В.Булавина на должности полпреда Северо-Западного федерального округа занял Н.Цуканов;
- Д. Миронов был освобожден от должности заместителя министра внутренних дел и назначен врио губернатора Ярославской области;
- вместо утратившего доверие Президента Н. Белых губернатором Кировской области был назначен И. Васильев – бывший аудитор Счетной Палаты и руководитель Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

5 октября 2016 г. В. Путин подписал Указ о назначении С.Е. Нарышкина директором Службы внешней разведки РФ (он занял место М.Е. Фрадкова).

В этот же день спикером Государственной Думы был избран В.В. Володин (бывший руководитель администрации Президента. Его место занял С.В. Кириенко).

⁶ Проханов А.А. «Государство Полярной звезды» [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». – 2016. – 17 марта.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживают особенности, которыми запомнились выборы в Государственную Думу VII созыва:

1. 18 сентября российское общество продемонстрировало крайне низкую явку: на избирательные участки пришло 47,9% россиян (52,6 млн. чел.). Для сравнения: явка на думские выборы в 2011 г. составила 60,2% (65,7 млн. чел.), а в 2007 г. — 63,7% (69,5 млн. чел.).

2. «Единая Россия», благодаря в первую очередь возвращению смешанной системы выборов (голосование по партийным спискам и одномандатным округам), получила конституционное большинство в парламенте⁷. Это открывает перед Президентом РФ качественно новые возможности по реализации курса внутренней и внешней политики (в том числе по повышению эффективности системы государственного управления) и соответствует высокой исторической ответственности главы государства перед страной, которую он взял на себя, закрепив свою личную ответственность по реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности (Указ № 683

от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁸.

Давая оценку окончательным результатам голосования, В. Путин отметил: «В условиях достаточно больших сложностей в экономике и в социальной сфере, большого количества неопределённостей, рисков люди, безусловно, выбирают стабильность и доверяют ведущей политической силе... Кроме того, результаты голосования — это ещё и реакция наших граждан на попытки внешнего давления на Россию, на угрозы, на санкции, на попытки раскачать ситуацию в нашей стране изнутри»⁹.

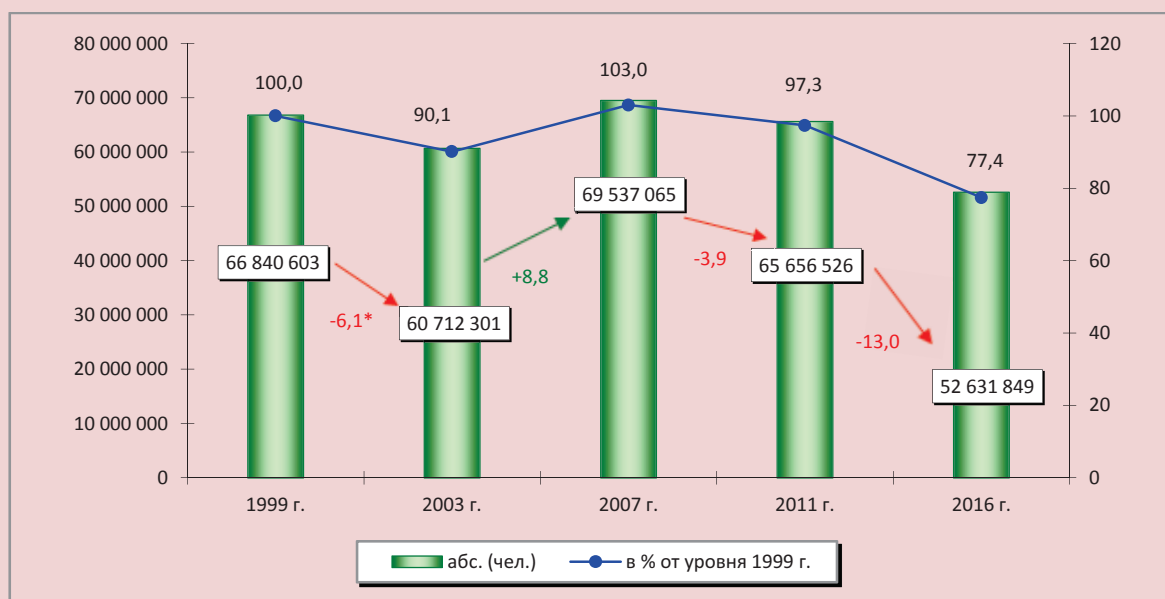
Однако динамика такого показателя, как явка людей на избирательные участки, наглядно свидетельствует о том, что значительное количество россиян не удовлетворены положением дел в стране. Явка на выборы в Государственную Думу снижается с 2007 г., причем если в 2011 г. по сравнению с 2007 г. явка на избирательные участки сократилась всего на 4 млн. чел., то в 2016 г. по сравнению с 2011 г. — на 13 млн., то есть в 3 раза больше. В целом же за период с 2007 по 2016 г. явка россиян на выборы в парламент сократилась на 16,9 млн. чел. (рис. 2).

⁷ В Государственной Думе VII созыва «Единая Россия» получила 343 мандата из 450: 140 депутатских мест (из 225) — по федеральному списку и 203 места (из 225) в одномандатных округах.

⁸ В Стратегии национальной безопасности-2015 зафиксировано, что «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» (источник: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>). Таким образом, Президент принимает на себя персональную ответственность за обеспечение реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности.

⁹ Стенограмма совещания Президента РФ В.В. Путина с членами Правительства РФ 19 сентября 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52913>

Рисунок 2. Динамика явки избирателей на выборы в Государственную Думу РФ за период с 1999 по 2016 г.

* Прирост/снижение явки избирателей на выборы в Государственную Думу РФ (млн. чел.).

Эксперты выделяют множество причин низкой явки на выборы в Государственную Думу VII созыва: отсутствие политической конкуренции; недоверие людей в отношении прозрачности выборных процедур; тот факт, что выборы проводились в сентябре, а не в декабре (как обычно); плохо организованная информационная кампания и т.д. Вместе с тем нельзя не отметить, что при всех этих нюансах **явка на выборы была и остается «лакмусовой бумажкой» общественных настроений и гражданского самосознания.** Добровольный отказ людей от участия в одной из основных демократических процедур эксперты ИС РАН трактуют как скрытую форму протеста: **«Именно неучастие**, а не протестное

голосование становится в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан»¹⁰.

И в этом смысле низкий показатель явки избирателей 18 сентября наглядно отражает неудовлетворенность населения динамикой уровня и качества жизни, которую фиксируют данные социологических исследований. Так, в феврале – октябре 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля положительных оценок успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан уменьшилась во всех основных социально-демографических категориях населения (на 2–9 п.п., вкладка 1).

¹⁰ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

Вкладка 1

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния? (вариант ответа «очень успешно и довольно успешно»)*

Социально-демографические категории	2000	2004	2005	2008	2009	2012	2013	2014	2015	фев. – окт. 2016	Изменение +/-				
											2004 к 2000	2008 к 2004	2012 к 2008	фев. – окт. 2016 к 2012	
Пол															
Мужской	26,9	35,3	37,3	36,0	33,7	27,5	31,3	33,6	34,0	27,3	+8	+1	-9	0	-7
Женский	24,7	31,9	33,4	37,2	29,9	29,2	31,3	35,8	34,3	27,6	+7	+5	-8	-2	-7
Возраст															
До 30 лет	28,5	39,7	38,0	37,5	31,8	26,7	29,9	34,8	34,7	29,6	+11	-2	-11	+3	-5
30-55 лет	24,8	32,7	34,8	36,2	30,8	28,1	31,6	33,4	34,6	26,4	+8	+4	-8	-2	-8
Старше 55 лет	24,2	28,7	33,3	36,7	32,7	30,5	32,1	36,8	33,1	27,1	+5	+8	-6	-3	-6
Образование															
Среднее и н/среднее	27,5	32,5	35,5	32,8	31,3	26,2	30,0	32,6	31,9	24,4	+5	0	-7	-2	-8
Среднее специальное	26,2	32,8	34,5	37,7	30,9	28,6	31,0	36,1	34,3	26,4	+7	+5	-9	-2	-8
Высшее и н/высшее	22,1	35,0	35,6	39,9	32,5	30,1	33,1	36,0	36,3	31,6	+13	+5	-10	+2	-5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	21,4	28,0	40,6	35,0	31,0	20,6	24,2	24,6	20,4	18,3	+7	+7	-14	-2	-2
60% среднеобеспеченных	25,7	33,3	35,7	36,5	31,6	30,5	31,8	35,7	36,1	26,8	+8	+3	-6	-4	-9
20% наиболее обеспеченных	30,7	42,5	36,3	37,7	32,9	34,6	37,1	43,6	41,8	36,3	+12	-5	-3	+2	-6
Территории															
Вологда	28,3	32,2	30,7	34,9	30,7	26,3	27,3	30,5	30,8	27,6	+4	+3	-9	+1	-3
Череповец	21,8	32,7	36,3	34,3	25,4	30,9	32,1	40,2	37,5	30,5	+11	+2	-3	0	-7
Районы	26,3	34,4	36,6	38,7	35,0	28,2	33,0	34,2	34,1	25,2	+8	+4	-11	-3	-9
Область	25,6	33,4	35,1	36,7	31,6	28,4	31,3	34,8	34,1	27,2	+8	+3	-8	-1	-7

Январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина.
* Без учета доли затруднившихся ответить.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики, роста благосостояния? (вариант ответа «без особого успеха и совершенно не успешно»)*

Социально-демографические категории	2000	2004	2005	2008	2009	2012	2013	2014	2015	фев. – окт. 2016	Изменение +/-				
											2004 к 2000	2008 к 2004	фев. – окт. 2012 к 2008	фев. – окт. 2016 к 2012	
Пол															
Мужской	54,1	50,1	50,0	47,8	51,7	60,0	57,6	54,7	52,6	59,0	-4	-2	+12	-1	+6
Женский	52,2	49,4	51,4	44,6	53,0	56,3	56,2	52,4	52,1	59,1	-3	-5	+12	+3	+7
Возраст															
До 30 лет	52,8	43,6	47,2	45,2	51,1	57,6	55,3	52,2	50,1	56,9	-9	+2	+12	-1	+7
30-55 лет	55,0	51,2	51,3	47,1	53,7	59,0	57,5	54,8	52,9	60,6	-4	-4	+12	+2	+8
Старше 55 лет	48,7	52,7	52,7	44,9	51,5	56,5	56,9	52,3	52,9	58,2	+4	-8	+12	+2	+5
Образование															
Среднее и н/среднее	49,1	48,5	49,8	43,6	48,7	57,4	57,0	54,6	52,8	59,3	-1	-5	+14	+2	+7
Среднее специальное	51,6	49,1	50,3	45,7	55,1	57,5	57,1	52,5	51,6	59,1	-3	-3	+12	+2	+8
Высшее и н/высшее	60,1	51,6	52,3	49,1	53,9	59,0	56,4	52,9	52,6	58,5	-9	-3	+10	-1	+6
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	53,8	52,2	45,8	46,8	50,7	63,1	61,8	63,4	61,8	63,1	-2	-5	+16	0	+1
60% среднеобеспеченных	53,6	51,7	50,9	45,8	53,0	57,6	56,7	52,6	51,4	60,1	-2	-6	+12	+3	+9
20% наиболее обеспеченных	52,6	43,4	52,7	50,4	56,4	53,6	53,8	47,4	47,3	55,4	-9	+7	+3	+2	+8
Территории															
Вологда	55,7	54,4	53,6	46,8	49,8	58,8	61,3	53,2	54,8	59,3	-1	-8	+12	+1	+5
Череповец	52,8	51,8	52,2	56,4	65,3	58,6	57,5	51,7	51,8	62,5	-1	+5	+2	+4	+11
Районы	51,7	46,4	48,8	40,5	47,2	57,2	54,2	54,4	51,3	56,9	-5	-6	+17	0	+6
Область	53,0	49,7	50,7	46,0	52,4	57,9	56,8	53,4	52,3	59,1	-3	-4	+12	+1	+7

Январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина; май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина; май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева; май 2012 г. – н.в. – III президентский срок В.В. Путина.

* Без учета доли затруднившихся ответить.

Удельный вес людей, негативно оценивающих работу главы государства по решению экономических проблем, за период с 2015 по февраль–октябрь 2016 года также возрос во всех основных слоях, особенно сильно (на 8–9 п.п.) – среди людей в возрасте 30–55 лет, имеющих среднее специальное образование, по самооценке доходов относящихся к группам 60% среднеобеспеченных и 20% наиболее обеспеченных граждан. Таким образом, скрытый потенциал протеста сегодня аккумулируется не только в социально уязвимых категориях общества (лица пенсионного возраста, наименее обеспеченные слои), но и среди людей со средним и высоким уровнем материального достатка.

Как отмечают некоторые российские и зарубежные¹¹ эксперты, **«власть на этих**

выборах сознательно использовала тактику снижения явки: при более низкой явке больше доля управляемого электората, голосующего за «партию власти» и ее кандидатов... «Единая Россия» почти везде улучшила свой относительный результат по сравнению с итогами голосования 4 декабря 2011 года. Однако вследствие низкой явки в абсолютных числах голосов результат «Единой России» везде ниже, чем 4 декабря 2011 года»¹².

Лидер КПРФ Г. Зюганов на встрече с Президентом РФ отметил: «В целом надо обратить внимание нам всем: **за партию власти в 2007 г. проголосовало почти 45 миллионов**, это очень мощная поддержка и исключительно важная. В кризисные, критические минуты важна широкая поддержка общества. **В этом году за партию власти, по официальной статистике,**

¹¹ Зарубежные СМИ о выборах в Государственную Думу РФ 2016 г. (источник: газета «Коммерсант.ru» от 19.09.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3093506>):

«Еще до выборов Кремль позаботился о том, чтобы выборы прошли так, как было желательно для него... выборы прошли на фоне такого политического климата, когда все оппозиционеры клеймятся «предателями», наносящими удар в спину «осажденной» России и ее президенту» (источник: немецкое издание Frankfurter Allgemeine Zeitung (Schmidt F. Keine oppositionelle Partei schafft es in die Duma // Frankfurter Allgemeine Zeitung 18.09.2016 // <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/in-russland-schafft-es-keine-oppositionelle-partei-ins-parlament-14442041.html>).

«Результаты выборов, как ожидается, не приведут к каким-то драматическим изменениям. Системные политические партии в значительной степени широко поддерживают президента страны В. Путина, а низкая явка избирателей дает возможность предположить, что оппозиционно настроенное городское население России просто осталось дома» (источник: английское издание The Guardian / Russian election unlikely to loosen Putin's grip on power // The Guardian 18.09.2016 // <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/18/russia-votes-in-election-unlikely-to-loosen-putins-grip-on-power>).

«Самый низкий показатель явки за последние четверть века помимо апатии объясняется тем, что с традиционного декабря, когда, по статистике, люди более склонны отдавать свои голоса оппозиции, Кремль перенес выборы на сентябрь, когда многие уезжают в отпуска» (источник: американское издание Wall Street Journal / Ferris-Rotman M. Putin's Party Shores Up Power in Parliamentary Elections Amid Weak Turnout // The Wall Street Journal 18.09.2016 // <http://www.wsj.com/articles/russians-head-to-polls-to-vote-for-new-parliament-1474184676>).

¹² Любарев А. (эксперт Комитета гражданских инициатив). Низкая явка спасла «Единую Россию» // Информационный портал «Газета.ru» от 16.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2012/10/16_x_4813741.shtml

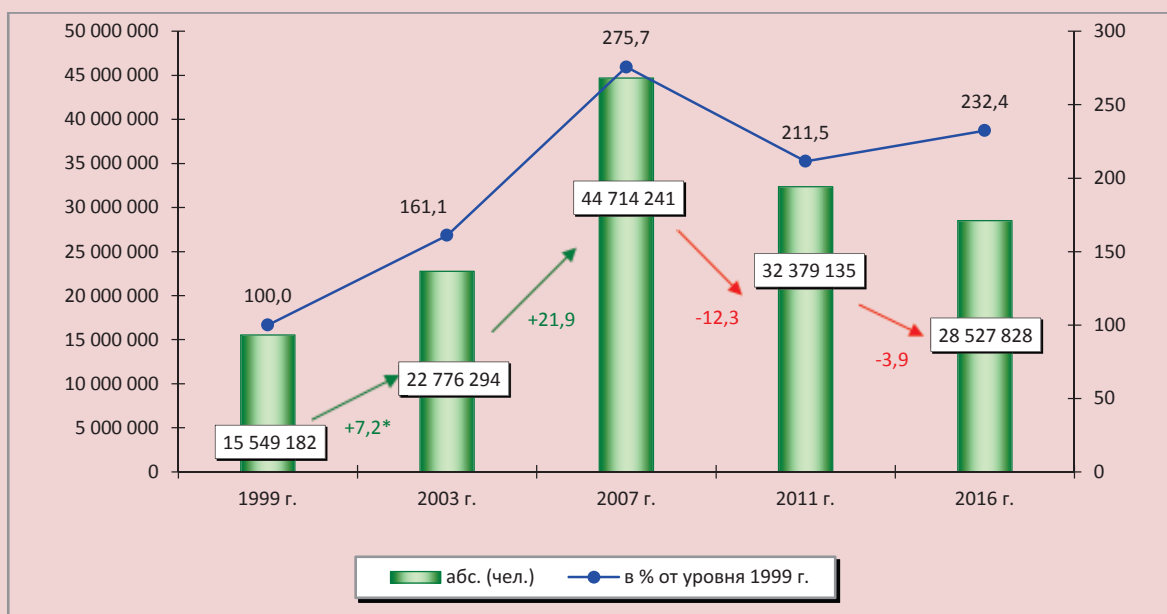
проголосовали 28,5%, потеряли 17 миллионов. Понимаю, тут есть вопросы и причины: если в 2012 году темпы роста ВВП были плюс 3,4%, в прошлом году – минус 3,7% и сейчас проседаем. Потерять за пять лет минус 7% – это, значит, недополучили ВВП почти 90 триллионов, или 35 триллионов бюджета. Это два нынешних бюджета»¹³.

По данным ЦИК, в процентном соотношении поддержка «Единой России» на выборах 2016 г. увеличилась на 5% (с 49 до 54%), однако по факту она потеряла почти

4 млн. голосов избирателей (3,85 млн. чел.), а по сравнению с выборами 2011 г. – почти 16 млн. (16,19 млн. чел.; *рис. 3*).

Только в 15 из 83 субъектов РФ отмечается увеличение количества избирателей, которые отдали свой голос за партию «Единая Россия» 18 сентября 2016 г. В остальных регионах поддержка партии власти, по сравнению с 2011 г., снизилась. Если сравнивать итоги голосования с выборами 2007 г., то увеличение числа голосов, отданных за «Единую Россию», отмечается только в 5 из 83 регионов России (*вкладка 2*).

Рисунок 3. Динамика доли голосов, отданных за партию «Единая Россия» (в 1999 г. – блок «Единство») на выборах в Государственную Думу РФ за период с 1999 по 2016 г.

* Прирост/снижение числа избирателей, проголосовавших за партию «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу РФ (млн. чел.).

¹³ Стенограмма встречи Президента РФ с лидерами партий, прошедших по итогам выборов в Госдуму // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52957>

Динамика голосов, отданных за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу РФ в 2007, 2011 и 2016 гг. (данные ЦИК)*

Территория	В %					Чел.				
	2007 г.	2011 г.	2016 г.**	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.**	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
	64,30	49,32	55,22	5,90	-9,08	44714241	32371737	28527828	-3843909	-16186413
Российская Федерация	99,36	99,48	96,33	-3,15	-3,03	574101	607909	635729	27820	61628
Чеченская республика	65,59	49,0	89,38	40,38	23,79	267776	186953	126461	-60492	-141315
Республика Бурятия	81,07	77,8	85,77	7,97	4,70	1950839	1777189	1941068	163879	-9771
Республика Татарстан	93,41	91,6	84,78	-6,82	-8,63	580894	565597	440108	-125489	-140786
Республика Мордовия	89,21	85,3	83,52	-1,78	-5,69	118255	119705	116372	-3333	-1883
Республика Тыва	92,90	89,8	81,84	-7,96	-11,06	262308	267475	233498	-33977	-28810
Карачаево-Черкесская республика	96,12	81,3	77,72	-3,58	-18,40	481583	428171	375942	-52229	-105641
Кабардино-Балкарская республика	76,82	64,6	77,69	13,09	0,87	1258100	931474	1363181	431707	105081
Кемеровская область	98,72	91,0	72,65	-18,35	-26,07	159496	151257	129222	-22035	-30274
Республика Ингушетия	72,43	66,1	71,67	5,57	-0,76	100170	90089	85923	-4166	-14247
Республика Калмыкия	64,81	64,9	68,74	3,84	3,93	800272	863047	854702	-8345	54430
Саратовская область	78,35	71,7	68,01	-3,69	-10,34	243337	209327	177428	-31899	-65909
Ямало-Ненецкий автономный округ	71,60	67,9	67,43	-0,47	-4,17	204132	297704	303794	6090	99662
Республика Северная Осетия – Алания	70,31	56,3	65,19	8,89	-5,12	556210	410858	427283	16425	-128927
Пензенская область	61,77	50,1	64,73	14,63	2,96	368750	312620	357780	45160	-10970
Брянская область	59,79	66,7	64,60	-2,10	4,81	325732	399705	268116	-131589	-57616
Тамбовская область	78,13	70,3	61,56	-8,74	-16,57	24206	19037	11266	-7771	-12940
Чукотский автономный округ	70,97	61,0	60,64	-0,36	-10,33	142627	136612	108778	-27834	-33849
Республика Адыгея	62,06	56,3	60,14	3,84	-1,92	1522005	1527253	1211518	-315735	-310487
Краснодарский край	71,89	50,2	59,75	9,55	-12,14	1604372	985470	924004	-61466	-680368
Ростовская область	57,46	49,5	59,35	9,85	1,89	739269	614484	600109	-14375	-139160
Воронежская область	60,63	45,0	59,20	14,20	-1,43	964302	713289	694713	-18576	-269589
Нижегородская область	73,57	65,1	58,75	-6,35	-14,82	603230	494437	511529	17092	-91701
Тюменская область	62,30	40,3	56,99	16,69	-5,31	382341	218095	279969	61874	-102372
Липецкая область	83,12	70,5	56,88	-13,62	-26,24	2170241	1684953	1195246	-489707	-974995
Республика Башкортостан	62,20	49,2	55,87	6,67	-6,33	672070	495691	446630	-49061	-225440
Ставропольский край	65,39	51,2	55,59	4,39	-9,80	585723	465571	410373	-55198	-175350
Белгородская область	57,10	39,8	55,33	15,53	-1,77	318581	202638	220944	18306	-97637
Рязанская область	61,72	61,3	54,03	-7,27	-7,69	459366	562073	292119	-270854	-168147
Тульская область	62,74	45,7	52,96	7,26	-9,78	387829	237415	229092	-8323	-158737
Курская область	62,27	43,4	52,70	9,30	-9,57	428160	262526	283568	21042	-144592
Чувашская республика	56,04	39,1	52,21	13,11	-3,83	736838	531254	653139	121885	-83699
Самарская область	60,57	45,1	51,79	6,69	-8,78	453248	311721	268070	-43651	-185178
Удмуртская республика	57,74	36,2	51,60	15,40	-6,14	647137	366888	410656	43768	-236481
Волгоградская область	59,23	33,7	51,54	17,84	-7,69	419701	224332	293758	69426	-125943
Ленинградская область	69,46	53,3	49,80	-3,50	-19,66	68573	51342	35065	-16277	-33508
Республика Алтай	65,96	41,0	49,45	8,45	-16,51	464999	243431	213426	-30005	-251573
Ханты-Мансийский автономный округ	66,24	43,6	49,36	5,76	-16,88	455666	277048	256438	-20610	-199228
Ульяновская область	59,85	38,9	49,15	10,25	-10,70	281992	166642	164864	-1778	-117128
Орловская область										

Территория	В %				Чел.					
	2007 г.	2011 г.	2016 г.**	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.**	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
Смоленская область	53.92	36.2	48.53	12.33	-5.39	248128	147111	155001	7890	-93127
Камчатский край	63.67	45.3	48.32	3.02	-15.35	98695	62240	44849	-17391	-53846
Республика Марий Эл	67.54	52.2	47.46	-4.74	-20.08	287333	198570	134998	-63572	-152335
Московская область	60.26	32.5	47.29	14.79	-12.97	2047427	167251	989418	822167	-1058009
Республика Саха	63.99	49.2	47.27	-1.93	-16.72	275856	184552	141128	-43424	-134728
Еврейская автономная область	66.22	48.1	46.68	-1.42	-19.54	56871	33933	23819	-10114	-33052
Калужская область	61.65	40.5	46.60	6.10	-15.05	284219	185508	156802	-28706	-127417
Сахалинская область	62.96	41.9	46.18	4.28	-16.78	139295	81419	66712	-14707	-72583
Владимирская область	56.75	38.3	46.13	7.83	-10.62	416375	230059	200175	-29884	-216200
Псковская область	56.73	36.7	46.05	9.35	-10.68	221253	112581	104976	-7605	-116277
Тверская область	59.71	38.4	45.99	7.59	-13.72	401115	234104	202855	-31249	-198260
Магаданская область	55.31	41.0	45.77	4.77	-9.54	42284	25895	19780	-6115	-22504
Архангельская область	56.72	31.9	45.21	13.31	-11.51	312249	157599	152836	-4763	-159413
Калининградская область	57.38	37.1	44.78	7.68	-12.60	246120	156131	154668	-1463	-91452
Пермский край	62.06	36.3	44.53	8.23	-17.53	721729	369944	311774	-58170	-409955
Республика Дагестан	89.19	82.8	44.48	-38.32	-44.71	1163300	1368980	1294629	-74351	131329
Астраханская область	58.00	58.1	43.50	-14.60	-14.50	273921	256994	117631	-139363	-156290
Мурманская область	55.11	32.0	43.26	11.26	-11.85	226582	111676	104181	-7495	-122401
Ивановская область	60.76	40.1	43.07	2.97	-17.69	298590	180730	136756	-43974	-161834
Курганская область	64.43	44.4	42.16	-2.24	-22.27	326566	190519	125058	-65461	-201508
Томская область	58.41	37.5	42.11	4.61	-16.30	267289	148082	108028	-40054	-159261
Ненецкий автономный округ	48.78	36.0	41.89	5.89	-6.89	8315	7176	6993	-183	-1322
Оренбургская область	60.31	34.9	41.88	6.98	-18.43	563489	294249	270594	-23655	-292895
Свердловская область	62.04	32.7	41.81	9.11	-20.23	1327711	586298	574059	-12239	-753652
Красноярский край	60.68	36.7	41.64	4.94	-19.04	768099	397941	322136	-75805	-445963
Новгородская область	63.13	35.3	40.98	5.68	-22.15	218812	103232	81216	-22016	-137596
Забайкальский край	н.д.	43.3	40.94	-2.36	н.д.	190756	190756	128964	-61792	н.д.
Санкт-Петербург	50.33	35.4	40.66	5.26	-9.67	971272	703209	496230	-207979	-476042
Иркутская область	58.50	34.9	40.56	5.66	-17.94	620673	312709	262030	-50679	-358643
Приморский край	54.87	33.3	40.35	7.05	-14.52	476318	246059	217859	-28200	-258459
Новосибирская область	59.07	33.8	39.32	5.52	-19.75	726328	408209	285700	-122509	-440628
Челябинская область	61.11	49.4	39.29	-10.11	-21.82	1128588	3237737	456485	-31915252	-672103
Ярославская область	53.17	29.0	39.14	10.14	-14.03	352568	171326	149492	-21834	-203076
Республика Коми	62.06	58.8	39.06	-19.74	-23.00	305906	316916	106426	-210490	-199480
Республика Хакасия	59.53	40.1	38.98	-1.12	-20.55	129321	84843	59357	-25486	-69964
Кировская область	55.38	34.9	38.94	4.04	-16.44	451719	212389	171833	-40556	-279886
Амурская область	69.75	43.5	38.85	-4.65	-30.90	316190	154129	103010	-51119	-213180
Республика Карелия	57.28	32.3	38.50	6.20	-18.78	177322	90942	79446	-11496	-97876
Москва	54.13	46.6	38.44	-8.16	-15.69	194027	2053156	991676	-1061480	797649
Хабаровский край	60.68	38.1	38.33	0.23	-22.35	401043	213616	139494	-74122	-261549
Вологодская область	60.47	33.4	38.03	4.63	-22.44	386002	184715	145404	-39311	-240598
Омская область	60.14	39.6	37.48	-2.12	-22.66	608208	344713	218577	-126136	-389631
Костромская область	56.36	30.7	37.20	6.50	-19.16	200963	99283	78106	-21177	-122857
Алтайский край	54.69	37.2	35.95	-1.25	-18.74	666941	384429	273105	-111324	-393836

* Ранжировано по доле голосов, отданных за «Единую Россию» в 2016 г.

** Данные за 2016 г. – предварительные (на 15.10.2016).

Конституционное большинство «Единой России» в парламенте обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, такими как:

✓ **возвращение смешанной системы выборов**¹⁶, что вполне ожидаемо¹⁷ позволило партии власти набрать абсолютное большинство голосов по одномандатным округам (*таблица*);

✓ **создание условий, способствующих снижению явки избирателей** (в частности, перенос даты единого дня голосования с декабря на сентябрь);

✓ **поправки к ФЗ «О политических партиях»**¹⁸, приведшие к появлению «заведомо непроходных»

политических сил, которые отобрали часть голосов у оппозиционных парламентских партий;

✓ **грамотно выстроенная пиар-кампания**, обращающая внимание избирателей на то, что «Единая Россия» —

Переход на смешанную систему выборов в парламент более удобен «Единой России», потому что по партийным спискам она уже не способна выиграть выборы и получить большинство. В общей сложности все эти партии могут собрать 10–12%, которые перейдут к «Единой России». По одномандатным округам они могут получить вообще 100%¹⁴.

При медведевской модели партия власти, набрав 30%, могла получить максимум 150 депутатов. При новой модели, даже если они получают 30% от 225 мест, это будет 70 депутатов. Но по одномандатным округам, используя административный ресурс, они смогут провести представителей партии власти и «Общероссийского народного фронта», забрав максимальное количество округов. По этой схеме они смогут иметь не простое, а конституционное большинство¹⁵.

партия Президента (хотя на самом деле «партия, называющая себя «партией президента», собрала лишь одну четверть тех, кто уважает В.В. Путина, несмотря на огромную пропагандистскую кампанию»¹⁹).

¹⁴ Соловьев В. (секретарь ЦК КПРФ, депутат ГД РФ; источник: Дума по новым правилам // Газета.ru от 01.03.2013. — https://www.gazeta.ru/politics/2013/03/01_a_4993629.shtml).

¹⁵ Нилов Я. (заместитель руководителя фракции ЛДПР в Государственной Думе; источник тот же).

¹⁶ Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. №20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/526816/#ixzz4Lq0DppDP>

¹⁷ Мнение экспертов (источник: Дума по новым правилам // Газета.ru от 01.03.2013. — https://www.gazeta.ru/politics/2013/03/01_a_4993629.shtml):

1. Любарев А. (эксперт Комитета гражданских инициатив): «При нынешнем уровне поддержки «Единая Россия» может получить гораздо больше мандатов за счет одномандатных округов, нежели она получает по партийным спискам. Цель этого законопроекта была в том, чтобы Госдума не изменилась и большинство осталось за единороссами».

2. Голосов Г. (профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге): «Медведевский законопроект практически ничего не менял в существующей системе. А Владимир Владимирович, очевидно, рассудил, что изменения назрели, почему он так рассудил, понятно: потому что «Единая Россия» перестала выигрывать выборы по пропорциональной системе. Старая избирательная система возвращается для того, чтобы законсервировать ситуацию с политической монополией «Единой России» на уровне Госдумы».

¹⁸ Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» / <https://rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>

¹⁹ Стариков Н.: «Рейтинг доверия Путина — 84% зз всего населения страны. Из этих 84% чуть более половины пришло на выборы в сентябре 2016 г. (явка 47,9%), и из пришедших лишь половина отдала свой голос ЕР» (источник: Стариков Н. Итоги избирательной кампании 2016 года // блог Н.В. Старикова от 19.09.2016. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/70943>

Официальные результаты выборов в Государственную Думу VII созыва*

Партии, вошедшие в Государственную Думу по итогам голосования 18 сентября 2016 г.	Количество мандатов, полученных по спискам	Количество мандатов, полученных по одномандатным округам	Общее количество мандатов
Единая Россия	140	203	343
КПРФ	35	7	42
ЛДПР	34	5	39
Справедливая Россия	16	7	23
Общее количество мандатов:	225	225	450

* Еще 3 мандата в Государственной Думе VII созыва получили председатель партии «Родина» А. Журавлев, руководитель федерального политкомитета «Гражданской платформы» Р. Шайхутдинов и самовыдвиженец В. Резник, входивший в шестом созыве Думы во фракцию «Единой России».
Источник: ЦИК обнародовал окончательные итоги выборов в Госдуму [Электронный ресурс] // РБК, 23.09.2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/23/09/2016/57e458999a7947b5f68a8268>

Является ли укрепление позиций «Единой России» результатом повышения доверия населения партии власти и лично Президенту РФ или это в большей степени результат действия вышеперечисленных причин – ключевой вопрос, от которого будут зависеть взаимоотношения между обществом и властью в ближайшем будущем. Пока что однозначно можно утверждать, что победа действующей власти на выборах 18 сентября 2016 г. – это **«кредит доверия», выданный российским обществом Президенту РФ.** При этом данный «кредит доверия» не означает, что людей устраивает существующее положение вещей в динамике уровня и качества жизни, социальном неравенстве, социальной справедливости; это не значит, что люди проголосовали за «стабильность» сложившейся ситуации.

Напротив, итоги выборов означают то, что Президенту дается карт-бланш, чтобы проявить себя в реальных действиях, соответствующих национальным интересам и его стратегической линии, намеченной еще в 1999 году²¹ и продолженной в последующих выступлениях – в мюнхенской речи (2007) и на валдайском форуме (2013), в Послании к Федеральному Собранию (2014), в Стратегии национальной безопасности (2015).

Успех на выборах, мы с вами это хорошо знаем, это всегда новый вызов, новый рубеж, потому что **перед выборами и с выборами люди связывают свои ожидания, а эти ожидания нужно оправдывать, нужно отрабатывать**, потому что парламент избирается как раз для того, чтобы решать вопросы страны, вопросы которые избиратели ставят перед различными органами власти, в том числе и перед высшим законодательным органом власти страны²⁰.

²⁰ Стенограмма выступления В. Путина на встрече с лидерами партий, прошедших по итогам выборов в Госдуму // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52957>

²¹ Более подробно стратегические цели и задачи развития России на ближайшие десятилетия изложены в программной статье В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в «Российской газете» от 30.12.1999 г.

«Во власти есть люди, которые не обольщаются результатами «Единой России», они понимают, что те люди, которые не пришли голосовать, — это очень серьезный сигнал. Потому что **пассивность очень легко может смениться на другой политический знак. Тем более что раздражение в обществе нарастает. Поэтому возникает идея, что надо что-то изменить**»²². В связи с этим в самой партии власти уже появилось много новых лиц; Президент осуществил ряд кадровых перестановок, назначив новых людей на ключевые посты в системе управления; как отмечают многие авторитетные эксперты, дело идет к комплексной перезагрузке политической системы. Не исключен вариант того, что государственное управление в стране движется по пути создания двух- или даже однопартийной системы²³.

Однако, какими бы ни были кадровые перестановки во власти, следует помнить, что они не должны быть самоцелью. Если они не будут сопровождаться удовлетворением потребности людей в социальной справедливости, то это станет всего лишь очередным проявлением имитации, о которой уже

неоднократно говорили ученые и с которой российское общество уже сталкивалось в своей новейшей истории.

Кроме того, у многих экспертов возникают большие сомнения по поводу того, что действующая власть способна изменить тренд экономической ситуации, — то ли от элементарного непонимания законов современной экономики, то ли от нежелания их понимать в силу личной заинтересованности в существующем на сегодняшний день положении вещей²⁵.

Еще одна важная проблема, которую действующей власти придется решать: события «крымской весны» сдвинули в российском обществе мощный пласт духовных потребностей, которые «лежат в основе русского цивилизационного проекта»,

Имитация становится плодом деятельности (сознательной или неосознанной) когда создаются искусственные условия процессов и явлений», предназначенных для достижения специфических (корыстных), мнимо общественно значимых, групповых и корпоративных целей... она процветает в тех условиях, когда нет устойчивой обратной связи с народом, когда не считаются с его мнением, не советуются с ним, а предлагают ему руководствоваться решением функционеров, которые стоят у власти²⁴.

²² Интервью проф. МГИМО В. Соловья радио «Комсомольская правда». Эфир от 30.09.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kp.ru/radio/guest/823390/>

²³ «Совершенно очевидно, что сейчас в России формируется система с так называемой доминирующей партией. Это партия «Единая Россия», которая будет пользоваться не просто монопольным правом в политике, но и она уже готова к тому, чтобы объявить себя авангардом общества. Как авангардом была Коммунистическая партия Советского Союза...» (источник тот же).

²⁴ Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 23.

²⁵ «В экономическом блоке правительства и Банка России никогда не признают свои ошибки. Ведь цена их огромна — только за последние два года из-за того, что ЦБ вслед за прекращением внешних источников кредита из-за западных санкций сократил и внутренний кредит, недопроизводство ВВП составило около 10 трлн. рублей, а падение инвестиций — более двух триллионов. Вдвое обесценились рублёвые доходы и сбережения граждан и предприятий» (мнение С.Ю. Глазьева о статье Д.А. Медведева «Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики», опубликованной в журнале «Вопросы экономики» № 10 за 2016 г. (источник: Глазьев С.Ю. Чего не хочет знать премьер? // Газета «Завтра» от 29.09.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/chego_ne_hochet_znat_prem_er)

хотя и находились в «спящем, латентном состоянии»²⁶. Сегодня этот эффект носит затухающий характер, он уступает место социально-экономическим проблемам, но совершенно очевидно, что **потребность в новой идеологической парадигме развития уже не сможет остаться без ответа со стороны государства.**

Этого требует и положение России на международной арене, поскольку ни один из центров многополярного мира не может существовать без идеологического стержня, по силе аналогичного американскому «обществу потребления». При этом ни социализм, ни капитализм в российском обществе доминировать уже не будут, поскольку опыт и того и другого был пережит. «При социалистическом строе мы уже жили и хорошо помним его достоинства и ограниченность... Реставрация чего бы то ни было (особенно в политической сфере) редко открывает новые горизонты»²⁷. Поэтому требуется совершенно новое содержание идеологии, основанное на глубинном, ментальном, объединяющем большинство социальных слоев российского общества, чувстве — социальной справедливости и высокой моральной нравственности.

Таким образом, «тактическое достижение не устраняет стратегической неопределённости»²⁸. Победа действующей власти на выборах в Государственную Думу возлагает на нее ответственность за решение двух

сложнейших вопросов — вывод экономики из состояния «вялотекущей депрессии» и формирование новой идеологической парадигмы духовно-нравственного развития. После того как «Единая Россия» получила конституционное большинство в парламенте, во всей властной вертикали (Президент, Правительство, Государственная Дума, губернаторы), у правящей элиты нет более-менее весомой оппозиции, которая могла бы стать препятствием для принятия тех управленческих решений, которые элита считает необходимыми. Единственное препятствие находится внутри нее самой — это уже долгие годы существующее противостояние между «государственниками» и либералами, отстаивающими свои личные интересы и интересы «коллективного Запада». Первая группа аккумулирует «достаточно сильные позиции прозападной „агентуры влияния“, тех компрадорских сил, чьи интересы и активы находятся в сфере влияния „коллективного Запада“ и которым любой ценой, „хоть тушкой, хоть чучелом“, нужны от Запада гарантии неприкосновенности этих интересов и активов». Вторая группа «готова добиваться таких гарантий „с позиции силы“, используя военно-политический потенциал России»²⁹.

Решающую роль в этом противостоянии будет играть глава государства — его политическая воля и талант стратегического планирования. Возможно, именно это станет ключевым фактором, который повлияет на выбор россиян в марте 2018 г., во время выборов Президента РФ.

²⁶ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 10.

²⁷ Савельев Д. Зачем идти назад в социализм? // Литературная газета. — 2016. — № 36 (6566). — 14 сент.

²⁸ Коньков Н., Нагорный А. Но поражения от победы... [Эл. рес.] // Газета «Завтра». — 2016. — 22 сент. — Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/no_porazhen_ia_ot_pobedi

²⁹ Гордеев А. Спор Путина и Кудрина [Электронный ресурс] // Там же. — 2 июня. — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/nagorniy-2/>

Литература

1. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3-11.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
3. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! [Текст] / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 6-18.
4. Путин, В.В. Россия на рубеже тысячелетий [Текст] / В.В. Путин // Российская газета. – 1999. – 30 декабря.
5. Стенограмма встречи Президента РФ с лидерами партий, прошедших по итогам выборов в Госдуму // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52957>
6. Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
7. Стенограмма совещания Президента РФ В.В. Путина с членами Правительства РФ 19 сентября 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52913>
8. Тощенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 12-23.
9. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 31 дек. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
10. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ. – Режим доступа <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/526816/#ixzz4Lq0DppDP>
11. Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>
12. Ferris-Rotman M. Putin's Party Shores Up Power in Parliamentary Elections Amid Weak Turnout // The Wall Street Journal 18.09.2016 // <http://www.wsj.com/articles/russians-head-to-polls-to-vote-for-new-parliament-1474184676>
13. Russian election unlikely to loosen Putin's grip on power // The Guardian 18.09.2016 // <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/18/russia-votes-in-election-unlikely-to-loosen-putins-grip-on-power>
14. Schmidt F. Keine oppositionelle Partei schafft es in die Duma / Frankfurter Allgemeine Zeitung 18.09.2016 // <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/in-russland-schafft-es-keine-oppositionelle-partei-ins-parlament-14442041.html>

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Russian President Got a Constitutional Majority in the State Duma of the Seventh Convocation

References

1. Gorshkov M.K. “Russkaya mechta”: opyt sotsiologicheskogo izmereniya [“Russian dream”: an experience of sociological assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12, pp. 3-11. (In Russian).
2. *Dvadsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov): Analiticheskii doklad Instituta sotsiologii RAN v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridrikha Eberta v Rossiiskoi Federatsii* [Twenty years of reforms in the eyes of Russians (an experience of sociological measurements): Analytical report of RAS Institute of Sociology in cooperation with the representative office of the Friedrich Ebert Foundation in the Russian Federation]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (In Russian).
3. Osipov G.V. Ne upustit' predstavivshiisya shans! [Do not miss this chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and economics of contemporary social reality. Social and socio-political situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN, 2014. Pp. 6-18. (In Russian).
4. Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii [Russia at the turn of the millennium]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1999, December 30. (In Russian).
5. Stenogramma vstrechi Prezidenta RF s liderami partii, proshedshikh po itogam vyborov v Gosdumu [Transcript of the meeting of Russian President with leaders of the parties, held after the State Duma election]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of Russian President]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52957> (In Russian).
6. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai” 19 sentyabrya 2013 g. [Transcript of Vladimir Putin’s speech at the meeting of Valdai International Discussion Club, September 19, 2013]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of Russian President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (In Russian).
7. Stenogramma soveshchaniya Prezidenta RF V.V. Putina s chlenami Pravitel'stva RF 19 sentyabrya 2016 g. [Transcript of the meeting of President of the Russian Federation Vladimir Putin with members of the Russian Government on September 19, 2016]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of Russian President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52913> (In Russian).
8. Toshchenko Zh.T. Novye liki deyatel'nosti: imitatsiya [New faces of activity: imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12, pp. 12-23. (In Russian).
9. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda №683 “O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii”* [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2015, December 31. Available at: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (In Russian).
10. Federal'nyi zakon ot 22 fevralya 2014 g. №20 “O vyborakh deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii” [Federal Law of February 22, 2014 No. 20 “On the election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”]. *GARANT.RU* [Garant.ru]. Available at <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/526816/#ixzz4Lq0DppDP> (In Russian).
11. *Federal'nyi zakon ot 2 aprelya 2012 g. № 28-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O politicheskikh partiyaakh”»* [Federal Law of April 2, 2012 No. 28-FZ “On amendments to Federal Law “On political parties”]. Available at: <https://rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html> (In Russian).
12. Ferris-Rotman M. Putin’s party shores up power in parliamentary elections amid weak turnout. *The Wall Street Journal* 18.09.2016. Available at: <http://www.wsj.com/articles/russians-head-to-polls-to-vote-for-new-parliament-1474184676>
13. Russian election unlikely to loosen Putin’s grip on power. *The Guardian* 18.09.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/18/russia-votes-in-election-unlikely-to-loosen-putins-grip-on-power>
14. Schmidt F. Keine oppositionelle Partei schafft es in die Duma. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 18.09.2016. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/in-russland-schafft-es-keine-oppositionelle-partei-ins-parlament-14442041.html>

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в августе – октябре 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (декабрь 2015 – октябрь 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В августе – октябре 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 68–69%. Поддержка главы государства сохраняется на уровне 2015 г. (69%), что значительно выше, чем в 2011–2014 гг. (55–64%). Примерно каждый пятый житель области (20%) даёт негативные оценки деятельности Президента, что несколько выше показателя 2015 г. (18%) и существенно превосходит уровень 2007 г. (12%).

Оценка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца незначительно ухудшилась: доля положительных суждений уменьшилась с 53 до 49%, отрицательных – увеличилась с 28 до 31%. Удельный вес позитивных суждений о работе Председателя Правительства РФ остается более низким, чем в 2014–2015 гг. (54–58%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ сохраняется на стабильном уровне. В августе – октябре по данным ВЦИОМ он составил 79–81% (доля негативных оценок – 13–15%); в августе – сентябре по данным Левада-Центра – 82% (удельный вес отрицательных суждений – 18%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Президент РФ															
Одобряю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	69,7	68,1	66,9	67,4	68,7	68,4	68,2	-1	+10	-7
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	16,5	16,1	17,9	20,1	19,6	19,7	18,3	+1	-7	+7
Председатель Правительства РФ*															
Одобряю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	57,9	54,9	53,5	52,8	52,7	49,4	53,5	-5	-6	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	21,7	22,6	25,7	28,6	27,7	30,6	26,2	+4	+1	-
Губернатор															
Одобряю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	39,7	35,1	34,9	38,2	38,4	39,1	37,6	-2	-8	-18
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	35,3	38,2	39,6	40,3	40,0	39,3	38,8	+3	+8	+17
* Вопрос задается с 2008 г.															

С августа по октябрь 2016 г. оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны существенно не изменилась:

- доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по укреплению международных позиций России, составляет 50–51%;
- по наведению порядка в стране – 50%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 36–37%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 26–27%.

Следует отметить, что за период с февраля по октябрь 2016 г. доля жителей области, считающих неуспешной деятельность Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан, увеличилась с 57 до 61%.

За последние 12 месяцев в среднем удельный вес положительных оценок (26%) остается более низким, чем в 2011–2015 гг. (31–35%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	53,2	50,9	50,7	52,2	50,1	51,4	51,4	0	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	31,5	29,1	30,9	29,0	30,3	28,8	29,9	-1	-4	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>121,7</i>	<i>121,8</i>	<i>119,8</i>	<i>123,2</i>	<i>119,8</i>	<i>122,6</i>	<i>121,5</i>	<i>+1</i>	<i>+9</i>	<i>-12</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	50,5	47,7	48,1	49,7	50,0	49,7	49,3	-1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	38,0	37,2	38,2	37,5	35,1	35,6	36,9	-1	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,5</i>	<i>110,5</i>	<i>109,9</i>	<i>112,2</i>	<i>115,4</i>	<i>114,1</i>	<i>112,4</i>	<i>0</i>	<i>+26</i>	<i>-7</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	41,0	36,9	35,6	38,3	36,7	35,7	37,4	-3	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	43,7	44,3	45,3	42,2	45,0	44,7	44,2	+3	-4	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>97,3</i>	<i>92,6</i>	<i>90,3</i>	<i>96,1</i>	<i>91,7</i>	<i>91,0</i>	<i>93,2</i>	<i>-6</i>	<i>+9</i>	<i>-14</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	30,9	28,0	27,6	27,5	26,7	26,4	27,9	-6	-3	-19
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	55,7	57,0	57,9	59,1	60,4	60,9	58,5	+6	+2	+19
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>75,2</i>	<i>71,0</i>	<i>69,7</i>	<i>68,4</i>	<i>66,3</i>	<i>65,5</i>	<i>69,4</i>	<i>-12</i>	<i>-5</i>	<i>-39</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца не изменилась и остается стабильной с начала 2016 г. Уровень поддержки «Единой России» составляет 36–37%, ЛДПР – 11–13%, КПРФ – 8–9%, «Справедливой России» – 5–6%.

По итогам выборов в Государственную Думу РФ в 2016 г. за партию власти отдали свои голоса 38% избирателей, за ЛДПР – 22%, за КПРФ – 14%, за «Справедливую Россию» – 11%. Как и в 2011 г., практически полное совпадение социологического замера и результатов голосования показали сторонники партии власти. Двукратное превышение доли отдавших голоса за «ЕР» над долей разделявших её идеи в 2007 г. может свидетельствовать о задействованном административном ресурсе. Партии ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» в двух последних выборных кампаниях показали заметный разрыв между ожидавшейся и реальной поддержкой, оттянув на себя часть голосов партии «Единая Россия».

С апреля 2016 г. снижается доля людей, считающих, что ни одна из основных на сегодняшний день партий не выражает их интересов (в апреле 2016 г. – 35%, в июне – 30%, в августе – 26%, в октябре – 24%). Это связано с проведённой «Единой Россией» в мае 2016 г. процедурой предвыборного голосования (праймериз), а также с выборами в Государственную Думу VII созыва, состоявшимися 18 сентября 2016 г.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)*

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		2011		2013		2014		2015		Выборы в ГД РФ 2016 г., факт		Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
		2015	2011	2007																			
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,0	39,0	35,1	34,1	36,0	36,5	36,3	36,2	-3	+5	+6					
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	21,9	7,1	6,9	8,2	10,3	10,5	12,8	9,3	+3	+2	+2					
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	14,2	6,5	9,4	7,2	8,0	7,5	9,0	7,9	+1	-2	+1					
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	10,8	3,7	2,7	2,7	4,0	4,7	6,1	4,0	0	-2	-4					
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	–	0,4	0,5	0,2	0,3	0,4	0,3	0,4	0	-2	-1					
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	–	30,5	31,7	34,9	29,7	26,1	23,7	29,4	-2	0	+12					
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	–	12,9	13,7	12,7	11,7	14,3	11,8	12,9	+1	0	-8					

* Ранжировано по официальным результатам голосования на территории Вологодской области 18 сентября 2016 г. (предварительные данные ЦИК на 20.09.2016).

Оценки социального самочувствия в августе–октябре 2016 г. существенно не изменились:

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», сохраняется на уровне 69–70%;
- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 78–80%.

Доля жителей области, считающих себя «богатыми» или «среднеобеспеченными», в октябре 2016 г. (как и в августе) составила 42–43%, что незначительно выше, чем в начале года (40%). Удельный вес «бедных и нищих» остается более высоким и сохраняется на уровне 49–50%.

С апреля 2016 г. постепенно увеличивается индекс потребительских настроений (ИПН), что свидетельствует о росте позитивных ожиданий населения относительно изменений в динамике своего материального положения и экономической ситуации в стране: в апреле 2016 г. – 74 п., в июне – 77 п., в августе – 79 п., в октябре – 81 п. Тем не менее, пока индекс потребительских настроений по-прежнему остается значительно ниже 100 пунктов, что говорит о преобладании пессимистических прогнозов в оценке населением перспектив своего личного материального благополучия и общего состояния российской экономики.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	69,6	63,4	67,0	68,0	68,8	70,2	67,8	-1	+5	+4
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	24,3	28,9	25,4	26,7	25,8	24,3	25,9	0	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	73,1	77,5	78,2	78,3	79,5	77,4	-1	+3	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	12,7	16,1	16,4	15,7	15,5	14,9	15,2	+1	0	+2
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	38,9	39,9	40,9	42,8	43,2	42,3	41,3	+3	-2	-7
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	50,5	51,4	49,4	47,1	49,5	48,9	49,5	-1	+5	+7
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	75,0	74,4	77,3	79,4	80,8	77,4	0	-12	-28

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В целом по области в августе – октябре 2016 г. сохраняется стабильная доля людей, характеризующих своё настроение как «прекрасное, нормальное, ровное» (70%). В разрезе различных социально-демографических категорий населения за последние два месяца значимых изменений не выявлено.

В двух из 14 социально-демографических групп доля положительных оценок социального настроения в октябре 2016 г. улучшилась. К этим группам относятся:

- мужчины (на 5 п.п., с 67 до 72%);
- лица со средним и неполным средним (на 3 п.п., с 62 до 65%), а также со средним специальным образованием (тоже на 3 п.п., с 69 до 72%).

Формально (в пределах ошибки выборки) ухудшение оценок социального настроения в августе – октябре 2016 г. отмечается только в одной категории – среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (доля положительных суждений снизилась на 2 п.п., с 77 до 75%).

Социальное настроение в различных социальных группах (сумма вариантов ответа «Прекрасное настроение», «Нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	69,9	63,9	66,5	70,0	67,3	71,6	68,2	-1	+4	+2
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	69,2	63,1	67,5	66,5	70,0	69,0	67,6	0	+6	+6
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,9	69,9	75,4	81,2	74,5	76,3	75,7	-1	+6	+4
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	69,0	62,1	66,0	68,3	67,1	68,9	66,9	0	+4	+2
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	65,9	61,5	63,7	59,8	67,7	68,3	64,5	-1	+6	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	64,6	57,8	62,4	62,9	61,7	64,7	62,4	-1	+5	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	67,7	60,7	67,3	69,3	68,5	72,1	67,6	-2	+4	+3
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	76,9	72,9	71,5	73,3	76,8	74,6	74,3	+2	+6	+6
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	49,8	42,6	51,3	52,0	56,3	55,5	51,3	-1	+6	0
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	72,2	66,3	67,6	69,3	70,4	71,8	69,6	-1	+4	+7
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	78,8	77,9	81,0	85,2	78,5	79,3	80,1	-2	+5	+5
Территории															
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	73,6	65,1	69,1	71,5	69,2	71,0	69,9	-4	+3	+7
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	73,2	66,4	70,5	72,5	74,0	72,7	71,6	+1	0	+3
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	65,0	60,9	63,9	63,7	65,7	68,1	64,6	0	+7	+3
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	69,5	63,5	67,1	68,1	68,8	70,1	67,9	-1	+5	+4

Заключение

По итогам главного политического события 2016 г. (выборы в Государственную Думу РФ VII созыва, которые состоялись 18 сентября) «Единая Россия» получила конституционное большинство в парламенте, поскольку за нее было отдано 55% голосов в целом по стране (по сравнению с 49% в 2011 г.). В Вологодской области, по предварительным данным ЦИК, за «Единую Россию» проголосовало 38% избирателей, что на 5 п.п. больше, чем в 2011 г. (33%).

Однако в абсолютном выражении число голосов, отданных за партию власти на выборах 2016 г., по сравнению с 2011 г. уменьшилось: по стране – на 3,9 млн. чел. (с 32,4 до 28,5 млн.), в Вологодской области – на 39,3 тыс. чел. (со 184,7 до 145,4 тыс.). Следует также отметить, что, по сравнению с 2011 г., значительно снизилась явка людей на избирательные участки: в целом по стране – на 12 п.п. (с 60,2 до 47,8%), в Вологодской области – на 15 п.п. (с 56,3 до 40,9%). В абсолютном выражении явка на выборы 2016 г. по сравнению с 2011 г. уменьшилась по стране на 13,1 млн. чел. (с 65,7 до 52,6 млн.), в Вологодской области – на 162,5 тыс. (с 553,7 до 391,2 тыс.).

Официальные итоги ЦИК по данным о выборах в Государственную Думу VII созыва вполне отражают тенденции общественного мнения, наблюдаемые по результатам мониторинговых социологических измерений. 38% жителей региона отметили, что их интересы выражает партия «Единая Россия», именно столько процентов голосов было отдано за эту партию 18 сентября.

Следует также отметить, что поддержка «Единой России» с февраля 2016 г. сохраняется на уровне 35–36%. Её победа была во многом достигнута благодаря низкой явке и возвращению смешанной системы голосования. **Доля положительных оценок деятельности ее председателя Д. Медведева в период с августа по октябрь 2016 г. снизилась на 4 п.п. (с 53 до 49%).**

В течение 2016 г. (так же как и за последние два месяца) не отмечается существенных улучшений в самооценке материального положения людей: доля тех, кто причисляет себя к категории «бедных и нищих», составляет 50%. Мнение людей об успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан также остается негативным (доля отрицательных оценок составляет 60–61%, положительных – 26–27%).

Отсутствие позитивных изменений в субъективном восприятии населением динамики уровня и качества жизни коррелирует с данными официальной статистики. **Так, по данным Вологдастата, в июле 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы жителей Вологодской области составили 88,6% к июлю 2015 г., реальная заработная плата – 98%.**

Таким образом, выборная кампания 2016 г. не привела к существенным изменениям общественного мнения о состоянии российского общества, население не проявляет ни излишнего оптимизма, ни пессимизма. Сложилась ситуация ожидания развития событий. **Остается согласиться с мнением Президента о том, что «результаты выборов – это, без всяких сомнений, только аванс со стороны нашего народа, и его нужно отработать»², и надеяться, что этот аванс будет оправдан.**

² Стенограмма совещания В.В. Путина с членами Правительства 19 сентября 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52913>

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2

УДК 330.341, ББК65.9(2Рос)-962

© Полтерович В.М.

Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России)*

**Виктор Меерович
ПОЛТЕРОВИЧ**

Центральный экономико-математический институт РАН
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47
polterov@cemi.rssi.ru

Аннотация. Показано, что институциональные траектории догоняющего развития в успешных странах включали аналогичные промежуточные институты; это сходство объясняется общностью технологических, институциональных и культурных ограничений, которые необходимо было учитывать и преодолевать. Корпоративизм, индикативное планирование, наличие «генерального» агентства развития с широкими полномочиями, поддержание заниженного валютного курса — благодаря этим и ряду других механизмов странам «экономического чуда» удалось инициировать и поддерживать быстрый рост, несмотря на низкий уровень человеческого капитала, неразвитость гражданской культуры и провалы рынка. Институты догоняющего развития способствовали формированию отношений сотрудничества между властью, бизнесом и обществом. Они смягчали действовавшие ограничения и сами постепенно модифицировались, обеспечивая переход к современным демократиям с эффективной рыночной экономикой. Проведенный анализ позволяет наметить план институциональной реформы, учитывающий институциональные особенности России. Рассмотрены принципы административной реформы. Сформулирована задача формирования «смешанной» системы национального планирования, включающей индикативное планирование и программное бюджетирование. Для финансирования запланированных проектов

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (проект № 14-02-00234а).

Для цитирования: Полтерович, В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 34-56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2

For citation: Polterovich V. M. Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 34-56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2

предлагается сочетание частно-государственного партнерства и проектного финансирования. Предложено использовать японский опыт стимулирования временных объединений фирм для разработки проектов модернизации. Обсуждаются принципы реформирования систем управления государственной собственностью и сектором науки.

Ключевые слова: промежуточный институт, социальные ценности, демократизация, национальное планирование, заимствование технологий, частно-государственное партнерство, проектное финансирование.

Введение

В последние 70 лет лишь небольшой группе стран удалось совершить «экономическое чудо»: добиться быстрого экономического роста – более 7% годовых – на протяжении 15–30 лет. Среди них пять восточноазиатских «тигров» и Малайзия, отстававшие страны Западной Европы (Испания, Греция, Ирландия) и разрушенные войной европейские экономики (Франция, Германия). Несмотря на радикальные различия почти все эти страны, стремясь постепенно построить современные рыночные механизмы, проводили институциональные реформы по единым принципам. Более точно, они формировали институциональные траектории, содержавшие ряд аналогичных промежуточных институтов¹. Важнейшими из них являются индикативное планирование и генеральное (федеральное) агентство развития (ФАР), национальная инновационная система, нацеленная не столько на создание инноваций, сколько на заимствование более передовых технологий и методов хозяйствования, а также система финансирования широкомасштабных проектов. Финансовые системы успешных догоняющих стран характеризовались существенными общими чертами. В частности, они опирались преимущественно на банковскую систему, а не на финансовые рынки, банки имели более тесные связи с кредитуемыми фирмами,

нежели это принято в развитых странах, политика центральных банков синхронизировалась с макроэкономической и промышленной политикой правительств и, как правило, была направлена на поддержание заниженного реального курса отечественной валюты.

Настоящая работа опирается на гипотезу о том, что отмеченное совпадение институциональной структуры объясняется особенностями целей, а также технологических, институциональных и культурных ограничений в странах догоняющего развития. Для передовых стран улучшение качества жизни – сложная многокритериальная задача, решение которой требует затратного поиска инноваций; возможности планирования здесь весьма ограничены. Для сильно отстающей экономики качество жизни тесно связано с ВВП на душу, а основной путь его повышения, как показал еще А. Гершенкрон, – заимствование технологий и методов хозяйствования. Относительная простота формулировки цели и наличие информации об основных путях ее достижения обуславливают принципиальную возможность эффективного планирования и определяют другие указанные выше институциональные особенности стран «экономического чуда». Ниже рассмотрен их опыт в свете сформулированной гипотезы и на его основе намечены принципы проведения институциональной реформы в России с учетом специфики российской экономики, нынешнего состояния российских институтов и гражданской культуры.

¹ О понятии промежуточного института см.: Полтерович (2007).

Две концепции догоняющего развития

Для понимания дебатов о путях реформирования российской экономики, длящихся уже четверть века, целесообразно различать два типа институтов – институты конкурентного рынка (ИКР) и институты догоняющего развития (ИДР). К первому типу я отношу институты, обеспечивающие высокое качество конкурентной среды, – защиту прав собственности, антимонопольное регулирование, низкие барьеры входа на рынок, низкий уровень коррупции и т. п. Для их эффективного функционирования необходим высокий уровень гражданской культуры. Институты второго типа являются промежуточными. Их назначение – обеспечивать быстрый экономический рост в условиях культурных, институциональных и технологических ограничений, характерных для развивающихся стран. Одновременно они смягчают эти ограничения, создавая условия для собственной модификации, приспособленной к новым условиям. Таким образом, ИДР используются как кирпичики для построения институциональной траектории, обеспечивающей переход к развитой экономике с высококачественными институтами первого типа.

Среди ограничений, которые приходится учитывать и преодолевать в этом процессе, наиболее инерционными являются характеристики гражданской культуры. Патернализм, пассивность, неуважение к закону, низкий уровень обобщенного доверия, короткий горизонт принятия решений, боязнь риска и неопределенности, неумение сотрудничать – эти черты несовместимы с институтами конкурентного рынка, обеспечивающими эффективность современных передовых систем. Как показывает опыт, попытки радикально улучшить ИКР при указанных ограничениях оказываются малоэффективными. Тем не

менее, эта точка зрения все еще находит влиятельных сторонников в России (см., в частности, Акиндинова и др., 2016)². Их рецепты сводятся к приватизации государственной собственности и снижению «нагрузки на бизнес» за счет сокращения социальных расходов (создания «легитимных институтов финансирования гражданами социальных благ», с. 32). Особые надежды авторы возлагают на внедрение накопительной пенсионной системы и увеличение пенсионного возраста, рассматривая эти механизмы как «институты длинных денег» (с. 24). При этом игнорируется опыт десятков стран, проводивших подобные реформы и не добившихся успеха. В частности, в результате введения накопительной системы в латиноамериканских странах значительная часть работников перешла в теневой сектор (см. обсуждение и ссылки: Полтерович, 2012b).

Концепция шокового улучшения институтов рынка не учитывает также, что в развивающихся экономиках некоторые виды провалов рынка играют особенно важную роль. В результате низкого уровня обобщенного доверия, короткого горизонта принятия решений и боязни риска фирмы неохотно идут на долгосрочные вложения. Короткий горизонт приводит к серьезным ошибкам. Так, неудача диверсификации российской экономики в 2000-х годах во многом вызвана тем, что рыночные сигналы направляли инвестиции преимущественно в добывающий сектор.

При принятии решений наряду с временным горизонтом большое значение имеет «технологический горизонт». Устойчивое догоняющее развитие базируется на совершенствовании технологий. В простейших случаях освоение новой техноло-

² Аналогичной концепции придерживается А.А. Курдин (2016). Ниже мы вернемся к обсуждению его программы.

гии в одной из вершин производственного графа не предполагает изменения технологий в смежных вершинах. Однако такие варианты редко приводят к быстрому росту производительности. «Прорывные» проекты обычно требуют одновременного технологического совершенствования цепочки смежных производств. Чтобы обойти эту трудность, формирование новых или существенно обновленных отраслей чаще всего опирается на импортные материалы и оборудование, а также на внешний спрос; замещение импорта и переключение на внутренние поставки продукции происходят постепенно, со значительным лагом. Ускорение этого процесса, равно как и преодоление возможных трудностей, связанных с импортными закупками и ограниченностью внешнего спроса, возможно лишь на основе широкомасштабных проектов, которые редко возникают даже в развитой рыночной среде. Такие проекты требуют координации многих игроков, предполагающей высокий уровень взаимного доверия, достаточно длинный горизонт принятия решений, надежную систему кредитования. Для реализации подобных проектов в развивающейся экономике, где указанные предпосылки отсутствуют, необходимы специальные промежуточные институты, обеспечивающие координацию под эгидой государства.

Формирование промежуточных институтов сродни процессу изобретения, поскольку требует учета специфики конкретной страны. Однако анализ опыта успешных экономик — стран «экономического чуда» — показывает, что определенный набор институтов и методов управления использовался практически всеми из них для поддержания быстрого роста. Естественно предположить, что это сходство объясняется общностью технологических, институциональных и культурных ограничений,

которые необходимо было учитывать и преодолевать. Рассмотрение таких институтов составляет одну из задач данного исследования, дополняющего ряд наших предшествующих работ (см., в частности: Полтерович, 2016).

Важно отметить, что ИДР осуществляют смягчение культурных ограничений по двум каналам. Во-первых, они формируют рамки взаимодействия, способствующие развитию гражданской культуры. Соответствующие примеры будут даны ниже. Во-вторых, они иницируют и поддерживают рост, который оказывает позитивное влияние на гражданскую культуру.

Корпоративизм как промежуточный институт

В развивающихся странах попытки введения демократии нередко влекут за собой падение производства и возврат к авторитарному режиму. Как подчеркивается в Inglehart (2000), «массовые ценности и отношения оказывают решающее влияние на выживание демократических институтов в обществе» (р. 225). Возражая против тезиса о том, что внедрение демократических институтов само по себе приводит к развитию демократических ценностей, автор пишет о россиянах: «Сдвинувшись в направлении демократии в 1991 г., они не стали... больше доверять друг другу, не стали более толерантными или в большей мере постматериалистами. В целом, они сдвинулись в противоположном направлении» (р. 227).

Принципиально важный вопрос состоит в том, как избежать таких последствий. В связи с этим стоит отметить, что современный экономический рост при любом политическом режиме требует высокого уровня образования и рациональности, а повышение уровня благосостояния неизбежно ведет к увеличению значимости постматериалистических ценностей и, значит, в конце концов, к становлению демократии (Inglehart, Welzel, 2010, р. 561).

Демократизация была успешной в тех странах, где на начальных этапах сформировались политические системы, отвечавшие патерналистским ожиданиям. Так, в странах Восточной Азии консолидация усилий в процессе реформ опиралась на «слияние» государственного аппарата и бизнеса в рамках корпоративистских режимов, постепенно трансформировавшихся от государственного корпоративизма к социетальному (Unger and Chan, 2015). Под корпоративизмом понимается система принятия политических и экономических решений, основанная на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов (прежде всего, работников и работодателей). К корпоративистским относят широкий спектр систем — от франкистской Испании до Скандинавских стран и Австрии в послевоенные годы. Как правило, в рамках таких режимов инициатором реформ был сильный лидер (Пак Чон Хи в Южной Корее, Ли Куан Ю в Сингапуре, и т. п.), сумевший создать сплоченную команду администраторов, нацеленных на решение задач стимулирования роста, — в полном соответствии с одним из принципов «государства развития», сформулированных Чалмерсом Джонсоном (Johnson, 1999). Другие отмеченные Джонсоном принципы эффективного управления в догоняющих странах также заимствованы из опыта успешных корпоративистских режимов: достаточная мера децентрализации, оценка деятельности чиновников на всех уровнях иерархии по их достижениям в обеспечении экономического роста и подчинение внешней политики задачам экономического развития.

В рамках успешных корпоративистских режимов роль государства снижалась постепенно, одновременно с изменением

массовой культуры, так что эти режимы трансформировались в современные демократии.

Система национального планирования и федеральное агентство развития

В условиях слабо развитой институциональной среды рынок сам по себе не справляется с задачей генерации крупных эффективных проектов. Связано это, прежде всего, с высокой неопределенностью, порождаемой как сильной вариативностью рыночной обстановки — колебаниями цен и валютных курсов, условий кредитования, нестабильностью спроса, так и непредсказуемым поведением государства и партнеров. Недоверие сочетается с низким уровнем договороспособности, коренящимся не только в указанных объективных обстоятельствах, но и в несовершенстве деловой культуры. Еще одно препятствие — недостаток информации о перспективных технологиях, вызванный как низким уровнем человеческого капитала, так и объективными трудностями ее получения.

В простейших ситуациях изменение технологий каким-либо одним предприятием не затрагивает смежников. Однако такие возможности развития быстро исчерпываются. Ускоренное заимствование требует синхронного изменения комплементарных технологий в разных узлах производственного графа. При низком уровне обобщенного доверия и патерналистских ожиданиях комплементарность является непреодолимым препятствием для рынка, но не для планирования.

Не случайно практически все страны «экономического чуда» в той или иной форме использовали индикативное планирование. Оно не только способствовало преодолению упоминавшихся выше провалов рынка, но и существенно влияло на массовую культуру. Вот что писал об ин-

дикативном планировании его создатель француз Пьер Массе: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана» (Masse, 1965).

В настоящее время в ряде успешных экономик существуют системы индикативного планирования – в Ирландии, Китае, Индии, Малайзии, в Саудовской Аравии. Ведомства, ответственные за этот процесс, обычно стремятся вовлечь в него бизнес-ассоциации, представителей гражданского общества, инициируют публичные обсуждения с тем, чтобы поднять уровень доверия к намечаемым преобразованиям, а значит, и к соответствующим институтам власти. Как показано в Horváth (2012), укрепление доверия ускоряет экономический рост.

Каждая из существующих ныне в разных странах систем национального планирования представляет собой тот или иной вариант синтеза двух базовых механизмов: универсального и программного планирования (Полтерович, 2015). Первое, реализуемое обычно в форме индикативного планирования, нацелено на ускоренное сбалансированное развитие отраслей и регионов за счет широкомасштабных инвестиционных проектов; оно требует формирования иерархии специализированных институтов планирования. Второе, распространенное в виде программного бюджетирования, использует для стимулирования развития относительно небольшое число программ, направленных на реше-

ние ключевых народнохозяйственных проблем; программы разрабатываются и реализуются министерствами и ведомствами, осуществляющими также и текущее управление. Национальное планирование в развивающихся странах тяготеет к первому типу, а в развитых – ко второму.

В России одновременно формируются системы обоих типов, причем два этих процесса не связаны друг с другом. Элементы индикативного планирования фактически содержатся в целом ряде законодательных актов, важнейшими из которых являются Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» и Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон 2014 года вводит элементы скользящего планирования, указывает на необходимость согласования планов и прогнозов на федеральном и региональном уровнях. Он предусматривает также вовлечение в процесс стратегического планирования граждан и хозяйствующих субъектов, объединений профсоюзов и работодателей, общественных и научных организаций³. В июле 2016 г. в закон внесено важное дополнение (статья 18.1.) о формировании стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Одновременно с формированием системы планирования универсального типа в России создается система программного бюджетирования. В 2007 г. горизонт бюджетирования увеличился с одного до трех лет. Принят ряд документов, регламентирующих составление и оценку государственных программ (Хрусталева и др., 2013, с. 49-78).

³ Более подробный анализ см.: Полтерович (2015).

Основная задача национального планирования – инициация и отбор широкомаштабных проектов модернизации производства с последующим контролем их реализации. Для ее решения требуется согласованная работа многих министерств и ведомств. Поэтому практически во всех успешных догоняющих экономиках эту работу возглавляла структура, подчинявшаяся непосредственно главе правительства: Генеральный комиссариат по планированию при Правительстве Франции, MITI в Японии, Совет по планированию в Ирландии и т. п. Интересы министерств не совпадают, и в условиях жесткой административной конкуренции без такого органа трудно добиться концентрации усилий, необходимых для обеспечения быстрого роста.

России необходимо завершить формирование смешанной системы национального планирования (СНП), интегрирующей планирование и бюджетирование (а также и НИС – см. ниже) и включающей итеративное формирование краткосрочных, средне- и долгосрочных планов на региональном и федеральном уровнях. Нужно упразднить избыточные документы, разработать единую методологию составления стратегий и прогнозов и распределения средств между статьями бюджета. Необходимо создать специальное агентство, подчиненное непосредственно Председателю Правительства. Назовем его Федеральным агентством развития (ФАР)⁴. В качестве региональных отделений ФАР можно использовать уже существующие в большинстве регионов агентства развития (РАР), реорганизовав их подходящим образом. РАР, таким образом, окажутся одновременно

⁴ Стоит отметить, что в обсуждавшемся выше законе 2014 года упоминается «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития».

подчиненными и ФАР, и региональным администрациям. Необходимо использовать модельный аппарат формирования прогнозов и оценки планов, опирающийся на современные методы представления данных и проведения расчетов (матрицы социальных счетов, вычисляемые модели общего равновесия, эконометрические модели).

Еще раз подчеркнем, что в основе нашего подхода лежит нестандартное понимание «единицы планирования», в качестве которой рассматривается не фирма, а крупный проект. Это позволит преодолеть «проклятие размерности»: в условиях рыночной экономики представляется маловероятной возможность наладить эффективное взаимодействие со всеми даже относительно крупными фирмами. Задача планирования понимается нами как составление рационального динамического портфеля проектов, согласованных с финансовыми ограничениями и влияющих на параметры производственной системы. Здесь можно использовать идеи, развитые в теории менеджмента многими проектами (см. ссылки в Sandru et al., 2015).

Должны быть предусмотрены различные формы государственной поддержки запланированных проектов (см. ниже), однако, как правило, участие государства не должно быть доминирующим. Доля бюджетных средств, расходуемых на поддержку планов, и состав планируемых показателей, так же как и функции ФАР, должны сокращаться по мере сближения России с передовыми странами по уровню технологий.

Необходимость государственного органа, занимающегося отбором проектов и независимого от министерств, видимо, осознана в российских правительственных структурах. Об этом свидетельствует создание 30 июня 2016 г. Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам,

«образованного в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных со стратегическим развитием Российской Федерации и реализацией приоритетных проектов» (Указ..., 2016). Однако пока что Совет можно в лучшем случае рассматривать как первый шаг к созданию ФАР. Совет не располагает собственными финансовыми ресурсами, необходимыми для создания самостоятельной структуры, занимающейся систематической работой по инициации, формированию и отбору широкомасштабных проектов и разработкой планов на их основе. Большая часть задач, которые должна решать такая структура, даже не поставлены. Задачи согласования вынесены на уровень вице-премьеров и ведущих министров, имеются серьезные сомнения в возможности эффективного решения спорных вопросов. Первый «пакет» проектов предлагается посвятить здравоохранению, образованию, жилищному строительству и вопросам жилищно-коммунального хозяйства. А задачи модернизации промышленности упоминаются лишь мельком.

Роль государства в экономике и управление государственной собственностью

Один из наиболее популярных аргументов в пользу приватизации — коррумпированность госчиновников. Этот аргумент, однако, несостоятелен по нескольким причинам. Во-первых, чиновники являются представителями той самой культуры, которая доминирует в обществе и к которой принадлежат и предприниматели, и менеджеры. Коль скоро и для них характерны неуважение к закону и склонность к присвоению ренты, не ясно, почему эти

черты не должны сказываться после приватизации. Во-вторых, коррумпированность и неэффективность правительства неизбежно влияют на процесс приватизации, который предоставляет особые возможности для присвоения ренты. В-третьих, государственные предприятия могут служить важным инструментом промышленной политики, обеспечивая формирование новых отраслей, освоение новых технологий и методов хозяйствования. Опыт быстро развивавшихся стран подтверждает эти соображения. Так, в Корее в период быстрого роста наблюдалась высокая коррупция. При этом государственные инвестиции, включая бюджет, госпредприятия и предприятия, контролируемые государством, составляли в 1963–1979 гг. в среднем чуть меньше 38% всех инвестиций (Kim, 1991, Table 3-1). Более того, государство существенно ограничивало область принятия решений частных предприятий. Например, в той же Корее в 1966 г. около 40% всех транзакций подвергались государственному ценовому контролю в той или иной форме (Kim, 1991, section 3B). Опыт показывает, что снижение роли государства в экономике следует осуществлять постепенно по мере накопления рыночных компетенций и совершенствования массовой культуры. При этом каждый акт приватизации или национализации должен сопровождаться детальным обоснованием (Полтерович, 2012а, 2013, 2016).

Национальная инновационная система: эффективное заимствование

Согласно А. Гершенкрону, развивающиеся страны имеют шанс догнать развитые благодаря «преимуществу отсталости» — возможности заимствовать технологии и методы хозяйствования, изобретенные и доказавшие свою эффективность в более передовых странах. Однако эта возможность не реализуется автоматически, для

ее осуществления необходимы система соответствующих институтов и продуманная экономическая политика (Wong et. al, 1999; Kaual, 2008). Как уже отмечалось, быстрое заимствование требует одновременных изменений в разных точках производственного графа. Рыночные агенты не инициируют такие проекты, особенно в условиях короткого планового горизонта и взаимного недоверия. Их формирование является основной задачей системы национального планирования (СНП) и, в частности, ФАР. При этом СНП должна тесно взаимодействовать с НИС, институты которой – технопарки, свободные экономические зоны, и т. п. – необходимо формировать так, чтобы в первую очередь способствовать заимствованию технологий.

Говоря о политике заимствования, нужно иметь в виду следующие процессы и инструменты, позволяющие влиять на абсорбционную способность страны (Полтерович, 2009b):

- регулирование импорта нового оборудования и технологий, покупка лицензий и тарифная политика;
- регулирование прямых иностранных инвестиций в отечественную экономику и за рубеж, а также правила формирования совместных предприятий;
 - стимулирование аутсорсинга;
 - освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке;
 - взаимодействие с зарубежными специалистами: обучение и стажировки за рубежом, приглашение зарубежных преподавателей, совместные исследования;
 - предотвращение утечки мозгов, стимулирование возвращения соотечественников, получивших образование или опыт работы на Западе;
 - участие государства в приобретении патентов;

- поощрение научных исследований, посвященных выявлению наиболее эффективных направлений заимствования (см. ниже);

- стимулирование диффузии технологий – передачи технологий российскими фирмами друг другу.

Опыт стран «экономического чуда» подтверждает решающую роль заимствований (см., например, Odagiri, Gotō, 1996). Их особое значение для развивающихся стран подчеркивается в исследовании Всемирного Банка (World Bank, 2008, p. 14). В этой связи пристального внимания заслуживает вопрос о прямых иностранных инвестициях. Как показывают многочисленные исследования, их влияние на рост экономики страны-реципиента неоднозначно. Этим можно объяснить политику Японии, которая, начав экономический спурт в середине 1950-х, осуществляла жесткий государственный контроль прямых иностранных инвестиций вплоть до конца 1960-х годов. При этом в 1956–1963 гг. иностранные инвесторы обязывались вкладывать в японскую экономику полученную прибыль и выручку от продажи собственности на территории Японии (Odagiri, Gotō, 1996, p. 40).

Для того чтобы интенсифицировать процесс технологического обновления, японское правительство поддерживало создание временных исследовательских ассоциаций фирм из какой-либо одной или смежных отраслей; фирмы объединялись, чтобы осваивать новые технологии, создавая общие лаборатории или выполняя разные подтемы совместного проекта. Значительная часть правительственных грантов и субсидий направлялась на поддержку исследовательских ассоциаций (Odagiri, Gotō, 1996, pp. 52–56). Благодаря такому механизму диффузия заимствованных или вновь созданных технологий осуществлялась без дополнительных издержек.

Разумеется, по мере приближения к передовой технологической границе все успешные страны постепенно переходили на инновационный путь развития, который, впрочем, не исключает заимствования (см. ссылки: Полтерович, 2009 и современный обзор литературы в Venhabib, Perla, Tonetti, 2014).

В странах «экономического чуда» стратегия заимствований на определенном этапе сопрягалась с политикой стимулирования экспорта. Это позволяло экспортерам осваивать новые технологии, не дожидаясь появления внутреннего спроса на соответствующую продукцию, и лишь постепенно расширять внутренние продажи. К сожалению, сегодня вследствие политических ограничений этот подход не может быть использован в полной мере. Поэтому особое значение приобретают комплексные проекты, предусматривающие развитие внутреннего спроса на новую продукцию и распространения опыта, приобретенного той или иной фирмой, на всю страну. Институты развития должны быть ориентированы на решение этой задачи. Высокая дифференциация российских фирм по уровню технологий (Кузнецов, 2014) создает возможность реализации этой политики. Без комплексных проектов и активной диффузии успешное импортозамещение вряд ли возможно.

Основой такой системы на региональном уровне могло бы стать налаженное взаимодействие в цепочке:

*региональные администрации – региональные агентства развития – ассоциации бизнеса – фирмы*⁵.

Региональные агентства развития распространены по всему миру. Сейчас в России их более 60, они присутствуют в подавляющем большинстве регионов. Около

⁵ См.: Полтерович (2011).

40% всех промышленных предприятий входят хотя бы в одну ассоциацию (Кузнецов, 2014, с. 77). Таким образом, есть основания рассчитывать на успешную реализацию этой идеи.

Формирование современного сектора науки и совершенствование человеческого капитала

Развитие НИС и системы планирования требует формирования современного сектора науки, содержащего все необходимые промежуточные звенья между фундаментальными и прикладными исследованиями: академические институты, университетские исследовательские центры, отраслевые НИИ, исследовательские отделы крупных фирм. Наряду с НИС и системой планирования необходима масштабная программа совершенствования человеческого капитала. Россия, как и многие развивающиеся страны, испытывает острый дефицит высококвалифицированных кадров, усугубляемый утечкой мозгов. Между тем проводимые в настоящее время реформы образования и науки не только не способствуют решению проблемы, но и усугубляют положение. В нынешнем виде – это еще одна попытка наивной трансплантации американских институтов, заведомо обреченная на провал. В наших условиях нет оснований рассчитывать на то, что университеты станут эффективными центрами фундаментальных исследований, заменив РАН, и одновременно главными проводниками их результатов в производство (одна из причин – высокая преподавательская нагрузка). Продолжение этой политики обрекает на неудачу любую долгосрочную модернизационную программу.

Задача университетов – обеспечить экономику кадрами высокой квалификации. Для разработки проектов модернизации необходима сеть отраслевых исследовательских и проектно-конструкторских

институтов. Такие сети существуют в Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Германии, где «компании обычно кооперируются с институтами, когда нуждаются в непосредственно применимых знаниях, и с университетами, чтобы получать человеческие ресурсы» (Arnold et al., 2007).

Реформа академической науки зашла в тупик. Вместо обещанного освобождения от хозяйственных забот и бюрократической работы, академические институты тонут в потоках отчетности. К тому же политика «двух ключей» оказалась нереализуемой из-за стремления чиновников управлять наукой и пассивности Президиума РАН. Необходима новая реформа Академии, нацеленная на привлечение молодых кадров, и переподчинение ФАНО обновленному Президиуму.

Неэффективной и очень затратной оказалась реформа образования, проводимая вот уже более пятнадцати лет. Одна из важнейших причин неудачи — наивные представления о возможностях «свободного рынка». Реформаторы полагали, что введение платности образования должно улучшить его качество благодаря конкуренции между вузами и более тщательному выбору образовательных учреждений абитуриентами. Обнаружилось, однако, что важную роль на рынке образовательных услуг играет «престижное потребление»: значительная часть выпускников школ стремятся не к получению качественного высшего образования, а лишь документа о нем. В 1990-х рынок ответил на такой спрос массовым возникновением образовательных учреждений, фактически торгующих дипломами. Простота их получения привлекла на этот рынок новых потребителей⁶. Возникшее неэффективное равновесие — институциональная ловушка — поддерживается

⁶ В 1992 г. в России было 2,7 млн. студентов вузов, а в 2008 г. — уже 7,5 млн. (Клячко, 2013, с. 34).

еще и принципом «деньги следуют за студентом», благодаря которому многие вузы готовы снижать требования, принимая слабых абитуриентов и не исключая явно неуспевающих студентов. Дополнительным фактором «плохого равновесия» стала крайне низкая зарплата преподавателей, обусловившая старение преподавательского корпуса и медленное обновление программ обучения.

Описанные процессы сопровождались и поддерживались снижением качества школьного образования, также обусловленным низкими зарплатами преподавателей и ошибочными реформами, прежде всего неумелым внедрением ЕГЭ. Реформаторы проигнорировали обширный опыт других стран (см. анализ и ссылки: Полтерович, 2012с) и вынуждены в течение многих лет бороться с «неожиданными» негативными эффектами. Падение качества школьного образования убедительно демонстрируют данные, приведенные Клячко (2013, с. 25). Доли школьников, получивших при сдаче ЕГЭ двойки по русскому языку и математике, выросли соответственно с 7,9 и 20% в 2006 г. до 11,2 и 23,5% в 2008 г. В 2009 г. власти были вынуждены резко снизить требования по обоим экзаменам.

Система образования в России нуждается в реформировании. Разумеется, надо продолжить повышение зарплаты преподавателей и расширять возможности получения дошкольного и школьного образования. Кроме того, в повестку дня целесообразно включить следующие предложения.

А. Предоставление права всем вузам определять проходной балл как взвешенную сумму баллов собственных экзаменов и ЕГЭ. При этом взвешивающие коэффициенты должны выбираться самостоятельно в рамках установленных для каждого вуза ограничений.

Б. Модернизация программ обучения.

В. Расширение возможностей повышения квалификации преподавателей (курсы повышения квалификации, командировки в лучшие российские и зарубежные образовательные учреждения).

Г. Закрытие образовательных учреждений крайне низкого качества на основе анонимной экспертизы их программ и классных занятий.

Важный аспект проблемы совершенствования человеческого капитала — адекватная реакция системы образования на изменение структуры потребностей. В связи с этим необходимы система непрерывного образования и постоянный мониторинг рынка труда (Денисова, 2010).

Валютный курс как инструмент промышленной политики и проблема инфляции

Политика поддержания низкого реального валютного курса, стимулирующая экспорт и импортозамещение, была обычной практикой для успешных восточно-азиатских экономик в 1960–1990 гг. (Page, 1994, p. 239). Стараются придерживаться ее и современный Китай. Несмотря на связанные с ней издержки, при высоких уровнях коррупции и лоббирования, не регулируемого на законодательном уровне, она оказывается эффективнее селективных методов промышленной политики, таких как тарифное регулирование. В статье (Полтерович, Попов, 2016) приведены аргументы в пользу проведения этой политики в современной России. Эта политика, вообще говоря, противоречит установке на таргетирование инфляции, провозглашаемой ЦБ России. В качестве цели и ЦБ, и А.А. Кудрин называют рост цен не более 4% в год. Однако эта цель никак не обоснована и на самом деле не имеет под собой достаточных оснований.

Хорошо известно, что слишком низкая инфляция, как и очень высокая, неблаго-

приятна для роста. Значит, связь между инфляцией и ростом носит пороговый характер. Многочисленные исследования (см. ссылки: Полтерович, 2006; Полтерович, Попов, 2016) показали, что для развивающихся стран порог выше, чем для развитых. Численные оценки разнятся, но большинство авторов получают величину около 10% годовых или выше. Большая часть успешных экономик начинала быстрый рост при двузначной инфляции; ее последующее снижение было результатом экономического роста.

Если не ставить задачу неперемennого снижения однозначной инфляции, то теряет смысл и вторая задача, провозглашаемая А.А. Кудриным как центральная, — снижение дефицита госбюджета до 1%. Нет никаких оснований полагать, что даже значительно больший временный дефицит несовместим с экономическим ростом. А вот сокращение расходов госбюджета, предлагаемое как основной сценарий, может надолго заблокировать экономический рост.

Сочетание частно-государственного партнерства и проектного финансирования

Особое значение в процессе планирования имеет тщательная и всесторонняя оценка эффективности проектов. С этой целью в рамках ФАР должна быть создана группа профессиональных консультантов и разработана единая методика оценивания, обеспечивающая сопоставимость эффектов для разнородных проектов (насколько это возможно). Должны быть введены стандарты независимой экспертизы. Только при условиях высокой эффективности целесообразно применение льготных процентных ставок при финансировании проектов. С другой стороны, ограничения на рост кредитной массы не должны быть слишком жесткими, не следует препятствовать финансированию заведомо эффективных проектов.

Финансирование запланированных проектов может осуществляться по разным схемам, и роль государства может варьироваться от 100%-го покрытия расходов до частичных гарантий по кредитам. Одной из наиболее привлекательных схем является, на наш взгляд, модель частно-государственного партнерства в сочетании с проектным финансированием. В последние пятнадцать лет эта модель получила распространение в западных странах, где, впрочем, она используется преимущественно для инфраструктурных проектов (Йескомб, 2015; Delmon, 2015). Однако в принципе ничто не мешает применять ее и для проектов модернизации производства. Сотрудничество государства и банка при оценке и контроле проекта может существенно снизить риски, а основной принцип – погашение кредита за счет прибыли от проекта – позволит гибко регулировать кредитную массу в стране.

Политика низкого неравенства

Как отмечено в Page (1994, p. 222), быстро развивавшиеся страны Юго-Восточной Азии совмещали быстрый устойчивый рост с очень низким уровнем неравенства. Низкое неравенство создает условия для быстрого роста в силу ряда причин. Во-первых, оно способствует социальному миру, обеспечивая при прочих равных условиях относительно низкую долю бедного населения и создавая ощущение справедливости системы, «легитимности правил и институтов». Тем самым облегчается сотрудничество государства, бизнеса и общества. Во-вторых, меньшая дифференциация доходов при прочих равных условиях ассоциирована с более низким уровнем коррупции (You, Sanjeev, 2005), что особенно важно при недостаточно развитой гражданской культуре. В-третьих, низкое неравенство способствует увеличению спроса на отечественные товары, поскольку наи-

более состоятельные потребители ориентированы на импорт. Разумеется, неравенство не должно быть чрезмерно низким, чтобы не подавить стимулы к труду.

Роль сотрудничества и совершенствование социального капитала

«В качестве конкретного образца позднего развития, случай Японии отличается от западных стран с рыночной экономикой, коммунистических диктатур или новых государств послевоенного мира. Наиболее существенным отличием является то, что в Японии государство проводило экономическую политику совместно с частным сектором... Эта модель оказалась наиболее успешной стратегией планируемого развития в истории. Она воспроизводится сегодня в индустриализирующихся государствах Восточной Азии – на Тайване и в Южной Корее, а также в Сингапуре и других странах Южной и Юго-Восточной Азии» (Johnson, 1982). Выше мы отмечали, что это сотрудничество лежало в основе идеи «государства развития» и характерных для него институтов, таких как индикативное планирование. В разных странах оно реализовывалось и в рамках других конструкций, первоначально опираясь на патернализм и доверие малого радиуса с постепенным его увеличением. В связи с этим следует упомянуть такие институты, как система пожизненного найма и система главного банка в Японии и других восточноазиатских странах (Wu, Yao, 2012), муниципальные предприятия в Китае, строительно-сберегательные кассы в послевоенных Германии и Австрии (Полтерович, Старков, 2007).

Иногда в качестве примера «экономического чуда», достигнутого путем либеральной политики, приводят реформу Эрхарда в послевоенной Западной Германии. Действительно, Эрхард не использовал индикативное планирование, однако роль го-

сударства в процессе проведенных им преобразований отнюдь не сводилась к формированию ИКР. Достаточно сказать, что либерализация цен началась в Германии лишь в 1948 году, причем вплоть до 1952 г. государство контролировало цены наиболее важных товаров — продуктов первой необходимости, стали, угля и др. В 1948—1960 гг. в распоряжении правительства находилось почти 44% всех чистых сбережений. Для отбора наиболее значимых и эффективных проектов был создан Центральный комитет по рынку капитала (Central Capital Market Committee), который тесно взаимодействовал с инвесторами, предоставляя на реализацию отобранных проектов кредиты по ставкам вдвое ниже рыночных (Stolper, Roskamp, 1979). Успех реформы Эрхарда был достигнут благодаря градуалистскому подходу и активной перераспределительной социальной политике, обеспечившей поддержку населения.

Основные направления предстоящей институциональной реформы в России

Выполненный в работе анализ приводит к гипотезе о том, что задачу догоняющего развития нельзя решить, используя лишь стандартные инструменты экономического регулирования. Необходима перестройка всей системы институтов, обеспечивающая формирование и реализацию широкомасштабных проектов модернизации. Опыт стран «экономического чуда» и анализ институциональных особенностей России подсказывает следующие основные направления такой перестройки⁷.

- Модернизация административного управления: формирование в верхнем эшелоне власти команды единомышленников (вместо структуры, основанной на принципе «сдержек и противовесов»); включение в систему управления представителей

⁷ Вследствие ограниченного объема статьи не все из этих направлений были рассмотрены выше.

бизнеса и общества; оценка деятельности высших администраторов по их вкладу в обеспечение роста (а не по степени лояльности); региональная децентрализация.

- Формирование системы национального планирования, основанной на взаимодействии государства, бизнеса и общества, для итеративной разработки и согласования целевых программ, кратко-, средне- и долгосрочных планов⁸.

- Повышение абсорбционной способности страны и формирование НИС для заимствования технологий с постепенным переходом к инновационному развитию.

- Развитие сектора науки и отладка эффективного взаимодействия в цепочке: фундаментальная наука — отраслевая наука — институты развития + исследовательские отделы крупных фирм. Университеты и система непрерывного обучения должны обеспечить эту цепочку кадрами высокой квалификации. Обновление и восстановление РАН.

- Реформа системы образования: предоставление права всем вузам определять проходной балл как взвешенную сумму баллов собственных экзаменов и ЕГЭ; модернизация программ обучения; расширение возможностей повышения квалификации преподавателей; закрытие образовательных учреждений крайне низкого качества на основе анонимной экспертизы их программ и классных занятий; развитие системы непрерывного образования и постоянный мониторинг рынка труда.

- Создание системы, сочетающей механизмы бюджетного финансирования, частно-государственного партнерства и проектного финансирования запланированных проектов. Формирование времен-

⁸ Разумеется, России не следует копировать институты стран «экономического чуда». Об особенностях задачи формирования системы национального планирования в российских условиях см.: Полтерович (2015).

ных объединений (ассоциаций) фирм и выделение им средств на конкурсной основе для разработки модернизационных проектов.

- Создание Федерального агентства развития, подчиненного непосредственно главе правительства, для управления системой национального планирования, НИС и для проведения институциональных реформ.

- Модернизация управления госсобственностью: формулировка миссии для каждого госпредприятия, масштабная продажа и покупка акций только на основе соответствующих проектов-обоснований.

- Изменение политики ЦБ: ориентация на рост, а не на снижение однозначной инфляции. Поддержание стабильного низкого реального курса рубля за счет накопления резервов и (или) снижения ключевой ставки.

- Сокращение неравенства доходов за счет прогрессивного налогообложения и акцизов на предметы роскоши.

- Формирование национальных строительно-сберегательных касс, региональных и корпоративных программ помощи работникам в приобретении жилья⁹.

- Постепенное совершенствование институтов рынка по мере улучшения гражданской культуры и уровня благосостояния.

Разумеется, этот список не претендует на полноту. Кроме того, каждый из перечисленных разделов программы нуждается в детальной разработке с учетом нынешнего состояния российских институтов и гражданской культуры.

Важно отметить, что предлагаемый проект нигде не предусматривает шоковой терапии. В основных своих пунктах он требует завершения уже начатых преобразований, что повышает его шансы на успех.

⁹ См.: Полтерович (отв. ред.; 2015).

О программе Столыпинского клуба

Описанная выше программа развивает проект институциональной реформы, предложенный в статьях (Полтерович, 2009, а, б; 2010) и в монографии (Полтерович, отв. ред.; 2010). В этих работах и в ряде наших последующих публикаций речь шла о формировании Системы интерактивного управления ростом (СИУР); предыдущий раздел по существу уточняет структуру и функции этой системы¹⁰. Программа Столыпинского клуба «Экономика роста» (Столыпинский клуб, 2015, 2016) содержит ряд аналогичных предложений. Однако между предлагаемым нами подходом и «Экономикой роста» имеются важные различия, которые хотелось бы подчеркнуть в надежде, что приведенные ниже комментарии будут в дальнейшем учтены разработчиками.

А. Индикативное планирование отнюдь не сводится к «электронной системе», основной задачей которой является прогноз, как можно понять из текста программы. Это механизм инициации и отбора крупных проектов, а также мощный инструмент улучшения условий ведения бизнеса – укрепления доверия, снижения неопределенности, увеличения горизонта принятия решений и согласования интересов.

Б. Использование предлагаемого в программе показателя прироста числа высокопроизводительных рабочих мест¹¹ в качестве основного критерия эффективности, на мой взгляд, некорректно по трем причинам. Во-первых, этот показатель

¹⁰ В частности, в работе (Полтерович, 2010) подчеркивалось, что в период стагнации западных экономик целесообразно делать ставку на импортозамещение (с. 15).

¹¹ Для значительного круга предприятий этот показатель равен числу вновь созданных рабочих мест, которые обеспечивают значение добавленной стоимости на одного работника выше определенного порога.

не учитывает издержки на создание рабочих мест. Во-вторых, он стимулирует «дробление» наиболее эффективных рабочих мест: иметь два рабочих места выгоднее, чем одно место, производящее больший объем добавленной стоимости. В-третьих, этот критерий дает преимущество фирмам с очень низким числом рабочих мест.

В. Нет оснований считать, что у нас в ближайшее время главными драйверами роста могут стать малые и средние предприятия. Опыт стран «экономического чуда» и данные опросов российских предприятий показывают, что заимствования лучше удаются крупным фирмам, а сотрудничество с ними является важным фактором стабильного развития МСБ.

Г. Сложилось мнение, что «Экономика роста» предлагает в качестве панацеи увеличение денежной массы. Такое понимание надо исключить. Возможно, причина не только в выступлениях некоторых членов Столыпинского клуба, но и в том, что предлагаемая схема финансирования проектов никак не связана с процессом их отбора в рамках системы планирования; ссылка на проектное финансирование в наших условиях не выглядит надежной гарантией эффективности проектов.

Д. Программу необходимо дополнить разделами, посвященными НИС, сектору науки и образования, проблемам приватизации. В наших нынешних условиях следует особенно подчеркнуть актуальность заимствований и рассмотреть соответствующие механизмы; политика «стимулирования» инноваций, на которые, увы, отсутствует спрос, ведет в никуда, порождая подтасовки и неэффективность.

Е. Ряд предложений программы не согласованы друг с другом. Например, справедливо отвергая снижение инфляции как генеральную цель, авторы провозглашают

необходимость рыночной ставки по кредитам в 4–5%, что не имеет смысла для неприоритетных проектов при инфляции более 4%; именно такого темпа предлагает добиваться А.А. Кудрин.

Не ясно, зачем нужен предлагаемый авторами налог на кредиты в иностранной валюте: именно такие кредиты позволяют финансировать закупки зарубежного оборудования без риска инфляции.

О методологических ошибках при разработке реформ

Следует отметить, что и программа А.А. Кудрина, и программа Столыпинского клуба содержат ряд одних и тех же методологических ошибок. На одну из них указал П.А. Минакир: обе программы предусматривают достижение сбалансированности бюджета за счет населения, что приведет к сокращению спроса на товары и, значит, к торможению роста (Минакир, 2016). Снижение благосостояния обычно влечет за собой усиление социальной напряженности, рост преступности, увеличение теневой экономики и, следовательно, ухудшение институционального климата и уменьшение собираемости налогов. Но ведь это лишает программу Кудрина единственного предлагаемого в ней средства инициации роста и сводит на нет один из главных источников роста, указанный в программе Столыпинского клуба, – снижение теневого производства. Таким образом, обе программы игнорируют важнейшее требование к любой реформе: необходимость формирования позитивных институциональных ожиданий.

Обе программы не используют для обоснования своих положений достижения экономической науки, включая исследования стратегий догоняющего развития в успешных странах. Тем самым их противостояние превращается в «борьбу мнений».

Одно из негативных последствий этого — некорректные сопоставления России с развитыми странами¹². Обе программы делают ставку на инновационное развитие, игнорируя тот факт, что отсутствие «спроса на инновации» в России типично для той стадии технологического и институционального развития, на которой находится российская экономика. Соответственно, ни одна из программ не придает должного значения решающему фактору выхода из стагнации — формированию эффективных широкомасштабных проектов заимствования и диффузии технологий. На нынешнем этапе именно эта цель должна лежать в основе всех институциональных преобразований. Как показывает опыт, она вряд ли достижима за счет одних только материальных стимулов. Чтобы преодолеть недоверие и запустить процесс, государство должно стать инициатором и участником таких проектов.

Говоря об общих недочетах, нельзя не подчеркнуть и принципиальное различие обсуждаемых программ. Реформы, предлагаемые Кудриным, нацелены исключительно на улучшение институтов конкурентного рынка. Опыт свидетельствует о том, что подобная стратегия имеет мало шансов на успех. Программа Столыпинского клуба, не отрицая важности ИКР, базируется на совершенствовании институтов догоняющего развития и потому более перспективна.

¹² Так, в работе «Экономика роста» (2015) на с. 34 читаем о том, что в России «в 2014 году ... ставки по кредитам значительно превышали уровень ставок в других развитых странах». А вот аргумент в пользу низкой инфляции: «Ни страны Большой Семерки, ни Китай не допускают высокой инфляции» (Кудрин, 2016, с. 12). Заметим, что Китай с середины 1990-х накапливал золотовалютные резервы, а значит, заботился об экономическом росте, рискуя ускорить инфляцию. В феврале 2008 г. цены в Китае выросли почти на 9% относительно февраля 2007, но в целом инфляция оставалась низкой как раз за счет роста экономики.

Заключение

Как подчеркивалось в работе (Полтерович, 2014), следует различать вложения в уровень и вложения в долговременный темп роста производства. Увеличения темпов можно добиться, создавая эффективные механизмы, обеспечивающие технический прогресс. Речь, таким образом, идет не просто о регулятивных мерах, а прежде всего о формировании институтов, способствующих технологическому совершенствованию, быстрому росту физического и человеческого капитала. Успешные страны догоняющего развития отличались тем, что им удалось такие институты построить. Эта точка зрения близка идее Чалмерса Джонсона о целесообразности различать регулятивное государство (*regulatory state*) и государство развития (*developmental state*).

Выше была сделана попытка объединить и развить идеи институциональной реформы в России, описанные в работе (Полтерович, отв. ред.; 2010) и в ряде наших последующих работ, на основе анализа институтов в странах «экономического чуда». Нами были предложены принципы административной реформы. Проблема формирования СНП сформулирована как задача создания смешанной системы, включающей индикативное планирование и программное бюджетирование. Уточнена предлагаемая схема финансирования запланированных проектов: речь идет о сочетании частно-государственного партнерства и проектного финансирования. Предложено использовать японский опыт стимулирования ассоциаций фирм для формирования проектов модернизации. Сформулированы принципы реформирования систем управления государственной собственностью и сектором науки.

Каждая из представленных идей нуждается в детальной разработке. Достаточно полная их реализация потребует, вероятно,

3–5 лет. Следует, однако, спроектировать реформу так, чтобы позитивные сдвиги можно было бы наблюдать в течение первого же года. Такой эффект возможен. Хорошо известно, например, что сам процесс составления планов, если он осуществляется не специально нанятыми для этой цели фирмами, а самими исполнителями,

заставляет их по-новому взглянуть на рутинные процессы производства, стимулирует поиск новых решений. Необходимо как можно скорее добиться повышения уровня жизни, пусть и небольшого. Если в результате подобных усилий граждане поверят в реформу, это существенно увеличит вероятность ее успеха.

Литература

1. Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. (2016). Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. – № 6. – С. 5-35.
2. Денисова И.А. (2010). Система подготовки кадров как звено модернизационной политики // Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В.М. Полтерович. – Санкт-Петербург: Алетейя.
3. Йескомб Э.Р. (2015). Государственно-частное партнерство. Основные принципы финансирования. – М.: Альпина Паблишер. – 457 с.
4. Клячко Т.Л. (2013). Образование в России: основные проблемы и возможные решения. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 48 с.
5. Кудрин А.Л. (2016). Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 г.). Тезисы доклада, представленные на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/06/01/theses/>
6. Кузнецов Б.В. (ред.) (2014). Очерки модернизации российской промышленности. Поведение фирм. – М.: Изд. дом ВШЭ. – 399 с.
7. Минакир П.А. (2016). О стратегиях роста российской экономики // Пространственная экономика. – № 2. – С. 158-167.
8. Полтерович В.М. (2006). Снижение инфляции не должно быть главной целью экономической политики Правительства России // Экономическая наука современной России. – № 2. – С. 40-48.
9. Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. – М.: Экономика. – 447 с.
10. Полтерович В.М. (2009а). Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – № 6. – С. 4-23.
11. Полтерович В.М. (2009б). Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. – № 2. – С. 3-18.
12. Полтерович В.М. (отв. ред.) (2010). Стратегия модернизации российской экономики. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 424 с.
13. Полтерович В.М. (2010). Стратегия модернизации: выход из кризиса на траекторию быстрого экономического роста // Полтерович В.М. (отв. ред.) (2010). Стратегия модернизации российской экономики. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 424 с.
14. Полтерович В.М. (2011). Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. – № 4 (55). – С. 17-29.
15. Полтерович В.М. (2012а). Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 1. Приватизация: проблема эффективности // Экономическая наука современной России. – № 4 (59). – С. 7-23.
16. Полтерович В.М. (2012б). О стимулировании накоплений и семейной пенсии // Журнал Новой экономической ассоциации. – № 3 (15). – С. 187-189.
17. Полтерович В.М. (2012с). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // Montenegro Journal of Economics. – Vol. 8. – No. 2, Special Issue, pp. 25-44.
18. Полтерович В.М. (2013). Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 2. Рационализация структуры собственности // Экономическая наука современной России. – № 1 (60). – С. 7-24.

19. Полтерович В.М. (2014). Промышленная политика: рецепты или институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (22). – С. 190-195.
20. Полтерович В.М. (2015). О формировании системы национального планирования в России // ЖНЭА. – № 2 (26). – С. 237-242.
21. Полтерович В.М. (отв. ред.) (2015). Корпоративные программы помощи сотрудникам в приобретении жилья: проблема выбора институциональной структуры. – М.: ЦЭМИ РАН. – 81 с.
22. Полтерович В.М. (2016). Институциональные реформы и гражданская культура. Доклад на XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, 19-22 апреля 2016 г. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116733/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D1%8B.pdf>
23. Полтерович В.М., Попов В.В. (2016). Валютный курс, инфляция и промышленная политика // ЖНЭА. – № 1 (29). – С. 192-198 .
24. Полтерович В.М., Старков О.Ю. (2007). Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации. – М.: Наука. – 196 с.
25. Столыпинский клуб (2015). Доклад «Экономика роста». – Режим доступа: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf.
26. Столыпинский клуб (2016). «Экономика роста». Среднесрочная программа развития экономики. Краткая версия. Март 2016. – Режим доступа: <http://stolypinsky.club/economica-rosta/>
27. Указ Президента Российской Федерации № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» (2016). Июнь. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52504>
28. Хрусталев А.А., Тищенко Т.В., Соколов И.А. (2013). Исследование влияния программного целевого подхода на бюджетный процесс, пути совершенствования методологии и информационной системы формирования бюджета, ориентированного на результат. – М.: РАНХиГС. – 93 с.
29. Benhabib J., Perla J., Tonetti Ch. (2014). Catch-up and fall-back through innovation and imitation // Journal of Economic Growth, No. 1, pp. 91-35.
30. Delmon J. (2015). Creating a Framework for Public-Private Partnership Programs : A Practical Guide for Decision-makers. World Bank, Washington, DC. World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22822>
31. Horváth R.(2012). Does Trust Promote Growth? IES Working Paper 9/2012. IES FSV. Charles University. 33 p.
32. Inglehart R. (2000). Globalization and Postmodern Values. The Washington Quarterly, Volume 23, Number 1, Winter. Pp. 215-228.
33. Inglehart, R., C. Welzel (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. Perspectives on Politics 8 (2), pp. 551-567.
34. Johnson Ch. (1982). MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975. Stanford University Press. Kindle.
35. Johnson Ch. (1999). The Developmental State: Odyssey of a Concept. In: The Developmental State. Woo-Cumings M. (ed.). Ithaca, N.Y.:Cornell University Press. Pp. 32-60.
36. Kayal A.A. (2008). National innovation systems a proposed framework for developing countries. Int. J. Entrepreneurship and Innovation Management, 8(1), pp. 74-86.
37. Kim K.S. (1991). The Korean Miracle (1962–1980) Revisited: Myths and Realities in Strategy and Development. Working Paper #166 – November, Kellogg Institute. <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/166.pdf>
38. Masse P. (1965). The French Plan and Economic Theory. Econometrica. – Vol. 33. – No. 2.
39. Odagiri Hiroyuki, Akira Gotō (1996). Technology and industrial development in Japan : building capabilities by learning, innovation, and public policy. Oxford: Clarendon Press ; New York : Oxford University Press,
40. Page, John (1994). The East Asian Miracle: Four Lessons for Development. In: Stanley Fischer and Julio J. Rotemberg (eds). NBER Macroeconomics Annual 1994, Volume 9. MIT Press. January 1994, pp. 219-282, <http://www.nber.org/books/fisc94-1>

41. Stolper W.F., K.W. Roskamp (1979). Planning a Free Economy: Germany 1945-1960. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 135. No. 3, pp. 374-404.
42. Sandru, M., Pirnea, I.C., Purcarea, A., Surugiu, I. and Schmid, J. (2015). Study On The Multi-Project Management Practices for Complex Investments. *Amfiteatru Economic*, 17 (Special No. 9), pp. 1314-1330.
43. Unger J., and A. Chan (2015). State Corporatism and Business Associations in China: A Comparison with Earlier Emerging Economies of East Asia. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 10, No. 2, pp. 178-193.
44. World Bank (2008). *Global Economic Prospects. Technology Diffusion in the Developing World*. Washington DC. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 201 p.
45. Wong, P. et. al (1999). National Innovation Systems for Rapid Technological Catch-up: An Analytical Framework and a Comparative Analysis of Korea, Taiwan, and Singapore, paper presented at the DRUID's summer conference 1999, Rebuild, Denmark. 32 p.
46. Wu X., J. Yao (2012). Understanding the rise and decline of the Japanese main bank system: The changing effects of bank rent extraction. *Journal of Banking & Finance*, Vol.36, Issue 1, pp. 36-50.
47. You, Jong-sung, Sanjeev, Khagram (2005). A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*, Vol. 70, pp. 136-157.

Сведения об авторе

Виктор Меерович Полтерович – академик, доктор экономических наук, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47); Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корпус 61, polterov@cemi.rssi.ru)

Polterovich V.M.

Institutions of Catching-up Development (On the Project of a New Model for Economic Development of Russia)

Abstract. The article shows that institutional trajectories of catching-up development in successful countries including similar interim institutions; this similarity is explained by common technological, institutional and cultural limitations which need to be taken into account and overcome. Corporatism, indicative planning, the availability of the “general” development agency with broad mandate, undervalued exchange rate – these and some other mechanisms provide the countries of the “economic miracle” with an opportunity to initiate and maintain rapid economic growth despite the low level of human capital, underdeveloped civic culture and market failures. Institutions of catching-up development contributed to the formation of collaborative relations between the government, business and society. They eased the limitations and were gradually modified, providing a transition to modern democracies with efficient market economy. The conducted analysis helps outline a plan for an institutional reform taking into account Russia’s institutional features. The principles of administrative reform are considered. The author also sets the objective of forming a “hybrid” system of national planning which includes indicative planning and program budgeting. A combination of public-private partnership and program financing is proposed for the financing of the planned projects. The author proposes to use Japanese experience of promoting temporary association of companies for the development of modernization projects. The principles of reforming the systems of state property and science management are discussed.

Key words: interim institution, social values, democratization, national planning, assimilation of technology, public-private partnership, project financing.

References

1. Akindinova N., Ya. Kuz'minov, E. Yasin (2016). *Ekonomika Rossii: pered dolgim perekhodom* [Russia's economy: Before the long transition]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], no. 6, pp. 5-35. (In Russian).
2. Polterovich V.M. (Ed.), Denisova I.A. (2010). *Sistema podgotovki kadrov kak zveno modernizatsionnoi politiki* [Personnel training system as an element of modernization policy]. *Strategiya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki* [Russian economy modernization strategy]. Saint Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
3. Yescombe E.R. (2015). *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo. Osnovnye printsipy finansirovaniya* [Public-private partnership. Principles of policy and finance]. Moscow: Al'pina Publisher. 457 p. (In Russian).
4. Klyachko T.L. (2013). *Obrazovanie v Rossii: osnovnye problemy i vozmozhnye resheniya* [Education in Russia: main problems and possible solutions]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. 48 p. (In Russian).
5. Kudrin A.L. (2016). *Ob istochnikakh ekonomicheskogo rosta (v perspektive do 2025 g.)* [On the sources of economic growth (up to 2025)]. *Tezisy doklada, predstavlennye na zasedanii prezidiuma Ekonomicheskogo soveta 25 maya 2016 g.* [Report proceedings presented at the Economic Council Presidium meeting, May 25th, 2016]. Available at: <http://polit.ru/article/2016/06/01/theses/> (In Russian).
6. Kuznetsov B.V. (Ed.). (2014) *Ocherki modernizatsii rossiiskoi promyshlennosti. Povedenie firm* [Essays on the modernization of Russian industry. Companies' behavior.]. Moscow: Izd. dom VShE. 399 p. (In Russian).
7. Minakir P.A. (2016). *O strategiyakh rosta rossiiskoi ekonomiki* [On the growth strategies of the Russian economy]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], no. 2, pp. 158-167. (In Russian).
8. Polterovich V.M. (2006). *Snizhenie inflyatsii ne dolzhno byt' glavnoi tsel'yu ekonomicheskoi politiki Pravitel'stva Rossii* [Lowering inflation must not be the main objective of the Russian economic policy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of contemporary Russia], no. 2, pp. 40-48. (In Russian).
9. Polterovich V.M. (2007). *Elementy teorii reform* [Reform theory elements]. Moscow: Ekonomika. 447 p. (In Russian).
10. Polterovich V.M. (2009a). *Gipoteza ob innovatsionnoi pauze i strategiya modernizatsii* [The innovation pause hypothesis and the strategy of modernization]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], no. 6, pp. 4-23. (In Russian).
11. Polterovich V.M. (2009b). *Problema formirovaniya natsional'noi innovatsionnoi sistemy* [The problem of creating a national innovation system]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and the mathematical methods], no. 2, pp. 3-18. (In Russian).
12. Polterovich V.M. (Ed.). (2010). *Strategiya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki* [The strategy of Russian economy modernization]. Saint Petersburg: Aleteiya. 424 p. (In Russian).
13. Polterovich V.M (Ed.). (2010). *Strategiya modernizatsii: vykhod iz krizisa na traektoriyu bystrogo ekonomicheskogo rosta* [Modernization strategy: resolving the crisis by achieving rapid economic growth]. *Strategiya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki* [The strategy of Russian economy modernization], Saint Petersburg: Aleteiya. 424 p. (In Russian).
14. Polterovich V.M. (2011). *Regional'nye instituty modernizatsii* [Regional modernization institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of contemporary Russia], no. 4(55), pp. 17-29. (In Russian).
15. Polterovich V.M. (2012a). *Privatizatsiya i ratsional'naya struktura sobstvennosti. Chast' 1. Privatizatsiya: problema effektivnosti* [Privatization and rational ownership structure. Part 1. Privatization: issues of effectiveness]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of contemporary Russia], no. 4 (59), pp. 7-23. (In Russian).
16. Polterovich V.M. (2012b). *O stimulirovanii nakoplenii i semeinoi pensii* [Stimulation of savings and the family pension]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 3 (15), pp. 187-189. (In Russian).
17. Polterovich V.M. (2012c). *Proektirovanie reform: kak iskat' promezhutochnye instituty* [Reform Design: How to Search for Interim Institutions]. *Montenegrin Journal of Economics*, volume 8, no. 2, special issue, pp. 25-44. (In Russian).
18. Polterovich V.M. (2013). *Privatizatsiya i ratsional'naya struktura sobstvennosti. Chast' 2. Ratsionalizatsiya struktury sobstvennosti* [Privatization and rational ownership structure. Part 2. Ownership structure rationalization.]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of contemporary Russia], no. 1 (60), pp. 7-24. (In Russian).

19. Polterovich V.M. (2014). Promyshlennaya politika: retsepty ili instituty? [Industrial policy: recipes or institutions?]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 2(22), pp. 190-195. (In Russian).
20. Polterovich V.M. (2015). O formirovanii sistemy natsional'nogo planirovaniya v Rossii [On the formation of national planning system in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New economic association], no. 2 (26), pp. 237-242. (In Russian).
21. Polterovich V.M. (Ed.). (2015). *Korporativnye programmy pomoshchi sotrudnikam v priobretanii zhil'ya: problema vybora institutsional'noi struktury* [Home purchase assistance programs in corporations: a problem of institutional design]. Moscow: TsEMI RAN. 81 p. (In Russian).
22. Polterovich V.M. (2016). InstitutSIONal'nye reformy i grazhdanskaya kul'tura [Institutional reforms and civic culture]. *Doklad na XVII Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, NIU VShE, 19–22 aprelya 2016 g.* [Report at the 17th April International Scientific Conference on the issues of society and economy development, National Research University Higher School of Economics, 19–22 April]. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116116733/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D1%8B.pdf> (In Russian).
23. Polterovich V.M., Popov V.V. (2016). Valyutnyi kurs, inflyatsiya i promyshlennaya politika [Exchange rate, inflation and industrial policy]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 1 (29), pp. 192-198. (In Russian).
24. Polterovich V.M., Starkov O.Yu. (2007). *Formirovanie ipoteki v dogonyayushchikh ekonomikakh: problema transplantatsii* [Mortgage formation in catching-up economies: the problem of transplantation]. Moscow: Nauka. 196 p. (In Russian).
25. Stolypinskii klub [Stolypin club] (2015). *Doklad "Ekonomika rosta" [Report "Growth economy"]*. Available at: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf. (In Russian).
26. Stolypinskii klub [Stolypin club] (2016). *"Ekonomika rosta". Srednesrochnaya programma razvitiya ekonomiki. Kratkaya versiya. Mart 2016* ["Growth economy". A medium-term program of economic development. Short version. March 2016]. Available at: <http://stolypinsky.club/economica-rosta/> (In Russian).
27. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 306 "O Sovete pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam" (2016). Iyun'* [Decree of the President of the Russian Federation No. 306 "On the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects", dated June 2016]. Available at: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52504> (In Russian).
28. Khrustalev A.A., Tishchenko T.V., Sokolov I.A. (2013). *Issledovanie vliyaniya programmogo tselevogo podkhoda na byudzhetniy protsess, puti sovershenstvovaniya metodologii i informatsionnoisistemy formirovaniya byudzheta, orientirovannogo na rezul'tat* [The research of the impact of program targeted approach on budget process, ways of improving the methodology and information system of results-oriented budgeting]. Moscow: RANKhiGS. 93 p. (In Russian).
29. Benhabib J., J. Perla, Ch. Tonetti (2014). Catch-up and fall-back through innovation and imitation. *Journal of Economic Growth*, no. 1, pp. 91-35.
30. Delmon J. (2015). Creating a Framework for Public-Private Partnership Programs: A Practical Guide for Decision-makers. *World Bank, Washington, DC*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22822>
31. Horváth R. (2012). Does Trust Promote Growth? *IES Working Paper 9/2012*. IES FSV. Charles University. 33 p.
32. Inglehart R. (2000). Globalization and Postmodern Values. *The Washington Quarterly*, volume 23, no. 1, winter, pp. 215-228.
33. Inglehart, R., C. Welzel (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*, no. 8 (2), pp. 551-567.
34. Johnson Ch. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford University Press. Kindle.
35. Woo-Cumings M. (Ed.), Johnson Ch. (1999). The Developmental State: Odyssey of a Concept. *The Developmental State*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. Pp. 32-60.

36. Kayal A.A. (2008). National innovation systems a proposed framework for developing countries. *Int. J. Entrepreneurship and Innovation Management*, no. 8(1), pp. 74-86.
37. Kim K. S. (1991). The Korean Miracle (1962–1980). *Revisited: Myths and Realities in Strategy and Development. Working Paper no. 166* – November, Kellogg Institute. Available at: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/166.pdf>
38. Masse P. (1965). The French Plan and Economic Theory. *Econometrica*, volume 33, no. 2.
39. Odagiri Hiroyuki, Akira Gotō (1996). *Technology and industrial development in Japan: building capabilities by learning, innovation, and public policy*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 40 p.
40. Page J. (1994). The East Asian Miracle: Four Lessons for Development. In: Fischer S., Rotemberg J.J. (Eds.). *NBER Macroeconomics Annual*, volume 9, January, pp. 219-282. Available at: <http://www.nber.org/books/fisc94-1>
41. Stolper W. F., Roskamp K.W. (1979). Planning a Free Economy: Germany 1945–1960. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* [Journal of Institutional and Theoretical Economics], volume 135. no. 3, pp. 374-404.
42. Sandru M., Pirnea I. C., Purcarea A., Surugiu I., Schmid J. (2015). Study On The Multi-Project Management Practices for Complex Investments. *Amfiteatru Economic*, 17 (special No. 9), pp. 1314-1330.
43. Unger J., Chan A. (2015). State Corporatism and Business Associations in China: A Comparison with Earlier Emerging Economies of East Asia. *International Journal of Emerging Markets*, volume 10, no. 2, pp. 178-193.
44. World Bank (2008). Global Economic Prospects. Technology Diffusion in the Developing World. Washington DC. *The International Bank for Reconstruction and Development*. 201 p.
45. Wong P. et. al (1999). *National Innovation Systems for Rapid Technological Catch-up: An Analytical Framework and a Comparative Analysis of Korea, Taiwan, and Singapore, paper presented at the DRUID's summer conference, 1999, Rebild, Denmark*. 32 p.
46. Wu X., Yao J. (2012). Understanding the rise and decline of the Japanese main bank system: The changing effects of bank rent extraction. *Journal of Banking & Finance*, volume 36, issue 1, pp. 36-50.
47. You Jong-sung, Sanjeev Khagram (2005). A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*, volume 70, pp. 136-157.

Information about the Author

Viktor Meerovich Polterovich – Doctor of Economics, Academician, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation, polterov@cemi.rssi.ru); Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Building 61, Moscow, 119991, Russian Federation)

Статья поступила 01.09.2016

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.3

УДК 330.341.2; 334.025, ББК 65.01

© Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К.

Институциональный механизм формирования социальных инноваций*

**Евгений Васильевич
ПОПОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
erorov@mail.ru

**Анна Юрьевна
ВЕРЕТЕННИКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
vay_uies@mail.ru

**Жоомарт Кубанычбекович
ОМОНОВ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 13
jomaomon@gmail.com

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №14-06-00024, и Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-32-00003.

Для цитирования: Попов, Е.В. Институциональный механизм формирования социальных инноваций / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, Ж.К. Омонов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 57-75. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.3

For citation: Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K. Institutional mechanism for shaping social innovation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 57-75. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.3

Аннотация. Институциональная среда формирует условия для развития социально-инновационных проектов. При этом действующие правила и нормы могут как стимулировать, так и сдерживать развитие социальных инноваций на конкретной территории. Целью данного исследования является разработка институционального механизма формирования социальных инноваций. Для раскрытия обозначенной тематики были использованы метод многопараметрической систематизации, метод графического моделирования и другие общенаучные методы. Теоретические положения представленного исследования опираются на институциональную теорию, теорию общественного сектора, теорию инноваций, теорию жизненного цикла и др. В исследовании авторами систематизированы институты, влияющие на формирование и развитие социально-инновационной среды, сформирован перечень барьеров в сфере социального проектирования, а также разработаны возможные варианты снижения воздействия неэффективных институциональных образований. Предложен институциональный механизм формирования социальных инноваций, демонстрирующий возможные причины неэффективности социально-инновационных проектов и показывающий, каким образом институциональная среда и внутренние правила и нормы влияют на возможность реализации проекта и его эффективность. Разработанный механизм подтверждает сильное влияние институциональных условий на процесс создания и внедрения социально-инновационных проектов. Представленные в исследовании результаты могут быть использованы при разработке институциональных условий хозяйствования социально-ориентированных некоммерческих организаций и социальных предпринимателей, ориентированных на разработку и внедрение инновационных проектов.

Ключевые слова: институты, социальные инновации, институциональный механизм, институциональная среда.

Введение

Важнейшим показателем социально-экономического развития любой страны выступает уровень благосостояния населения. При этом, снижение уровня жизни различных категорий граждан приводит к обострению социальных потребностей общества, требующих быстрого решения. Однако удовлетворение данных потребностей на государственном или муниципальном уровне не всегда возможно осуществить в короткие сроки, что связано как с ограниченностью необходимых ресурсов, многоуровневостью и бюрократичностью системы, наличием неэффективных институциональных образований, так и с недостатком социальных инициатив со стороны граждан. В связи с этим своевременными становятся предложения и конкретные действия отдельных индивидов, формирующих условия для удовлетворения соци-

альных потребностей общества. В данном контексте особую значимость приобретают социальные инновации, выступающие эффективным инструментом повышения качества жизни граждан.

Интерес к социальным инновациям активизируется в кризисный период не случайно. Разработка механизмов вовлечения индивидов в процесс развития общественного сектора является эффективным способом повышения социальной удовлетворенности населения, что благоприятно сказывается как на благосостоянии населения, так и на социально-экономическом развитии рассматриваемой территории.

Б.А. Ерзнкян отмечает, что «социальное по определению не может быть навязано сверху, оно может возникнуть — при наличии определенных условий, а иногда и спонтанно, вопреки всяким условиям — лишь снизу, как инициатива, если и не

масс, то отдельных индивидов, граждан». При этом сам процесс формирования социального сектора автор называет «выращиванием» [4, с. 29]. «Выращивание», в свою очередь, предполагает формирование институциональной среды, разработку институциональных механизмов, стимулирующих социально-инновационную активность как отдельных групп, так и конкретных индивидов.

Современные социально-экономические условия также подтверждают необходимость создания институциональных механизмов, стимулирующих социальную активность населения и формирующих институциональные условия для поддержания и развития социально-инновационных проектов.

В связи с этим целью данного исследования является разработка институционального механизма формирования социальных инноваций. Для достижения данной цели были проанализированы подходы к рассмотрению социальных инноваций, выявлены основные характеристики социальных инноваций, определено понятие институциональной среды социальных инноваций, проведена систематизация экзогенных и эндогенных институтов, описаны институциональные барьеры российской экономики, препятствующие развитию социальных инноваций, графически представлен и раскрыт авторский институциональный механизм формирования социальных инноваций.

Понятие «социальные инновации»

Своевременность изучения обозначенной области знаний подтверждается ростом числа форумов, конференций, посвященных проблемам социальных инноваций: конференция «Social Innovation Residency» в Канаде, «Social innovation summit» в Сан-Франциско, Форум социальных инноваций регионов (г. Омск), а также ростом

числа структур и организаций, занимающихся поддержкой развития социальных инноваций: офис социальных инноваций и гражданского участия в Белом доме в Вашингтоне; Министерство социального развития и социальных инноваций в Британской Колумбии, Центр социального предпринимательства и социальных инноваций (НИУ ВШЭ) и мн. др.

Рост интереса к данной тематике обязан быстрой трансформации современных социально-экономических систем, что связано с увеличением скорости технологических изменений, процессом глобализации, интенсивностью информационных потоков, а также развитием сетевых отношений между экономическими агентами.

При этом теория социальных инноваций находится на начальном этапе формирования. Социальные инновации являются одним из эффективных инструментов, нацеленных на повышение общественного благосостояния [19]. Среди основных наиболее известных примеров социальных инноваций: Википедия, Открытый университет, такие проекты массового образования, как Coursera, Khan Academy; сообщества ветровых ферм [15, 21] и др.

Однако в научной литературе отсутствует общепринятая трактовка социальных инноваций, что стало причиной более подробного изучения данного вопроса. Среди зарубежных исследователей, раскрывающих сущность данного явления, следует выделить Дж. Мулгана, П. Коха, Дж. Хукнеса, Дж. Филаса, М. Мура, Р. Нельсона, Л. Эрла. Среди отечественных исследований стоит отметить А. Голубеву, Е. Соколову, Х.З. Ксенофонтову. Особенности развития социальных инноваций и социальной инфраструктуры раскрыты также в работах ученых уральской экономической школы [2, 24]. Эволюция социальных инноваций в общественном секторе освещена в работах И.С. Кац [5].

Проведенный нами анализ научной литературы позволил выделить следующие подходы к определению социальных инноваций. Представители первого подхода [3, 21, 22, 23] трактуют социальные инновации как инновации, нацеленные на достижение социальных целей. В рамках второго подхода Р. Хейскала [17] и Центр социальных инноваций Стэнфордского университета рассматривают социальные инновации как новшества, которые происходят в социальном пространстве. Такая трактовка данного понятия близка концепции «институт». Представители третьего подхода [18] относят к социальным инновациям новшества в общественном секторе. В данном случае социальная инновация рассматривается как общественное благо. На основе анализа существующих подходов в данном исследовании было предложено авторское определение социальных инноваций как *новых идей, возможностей и действий в социальном пространстве, увеличивающих возможность применения ресурсов для решения экономических, социальных, культурных и экологических проблем*. Под социальным пространством при этом понимается совокупность взаимосвязанных социальных процессов, отношений, а также социальных практик и позиций, влияющих на деятельность по созданию социальных инноваций.

Институциональная среда социальных инноваций

Институциональная среда социальных инноваций представляет собой набор институтов и институциональных механизмов, институциональных соглашений, которые диктуют условия взаимодействия между экономическими агентами на всех этапах социально-инновационного процесса. Институциональная среда способна как стимулировать развитие социально-инновационных проектов, так и сдерживать

их реализацию; как выступать катализатором уровня социальной инновационности, так и являться барьером внедрения социально-инновационных проектов. Для более подробного понимания наполнения институциональной среды социальных инноваций были рассмотрены существующие подходы к систематизации институтов, применимые к данному виду деятельности.

В отношении классификации, систематизации и типологии институтов в научной литературе существует множество разработок. Ниже представлены наиболее распространенные критерии систематизации институтов: уровень реализации (формальные и неформальные институты) [8], сфера реализации (политические, экономические, социальные, экологические), масштаб (макро-, микро-, мини- и наноинституты), отношение к государственно-территориальным образованиям (муниципальные, региональные, национальные, международные), тип отрасли (промышленные, транспортные, сельскохозяйственные и т.п.), оценка функционирования (эффективные, неэффективные), функции управления (институты планирования, контроля, организации и мотивации), место возникновения (эндогенные и экзогенные), степень воздействия (прямое, косвенное), характер воздействия (стимулирующие и сдерживающие институты).

Выбор критерия классификации институтов в данной работе обусловлен прежде всего задачами, которые ставит перед собой автор. В рамках данного исследования мы сконцентрировали свое внимание на следующих классификационных признаках: место возникновения, уровень формализации, степень и характер воздействия, масштаб.

Место возникновения (экзогенность или эндогенность) института показывает, на какие институты возможно повлиять в ходе подготовки социально-инновационного

проекта, а влияние каких следует предвидеть. *Уровень формализации* определяет характер влияния института, а также устойчивость тех или иных правил и норм [1]. *По степени воздействия* следует выделять институты прямого воздействия, оказывающие непосредственное влияние на социальные инновации, и институты косвенного воздействия, характеризующие среду, в которой реализуются проекты социальных инноваций. Разделение институтов на стимулирующие и сдерживающие, позволяет выявить возможности институциональной среды и барьеры, которые она создает. Масштаб института показывает значимость института и его место в иерархии институтов.

Важно отметить сочетание различных характеристик институтов и их влияние на социально-инновационные проекты. Например, сдерживающие неформальные институты выступают достаточно серьезными барьерами на пути внедрения социальных инноваций, что находит отражение, например, в консервативности мышления отдельных общественных групп. В то же время поддерживающие (стимулирующие) институты формируют благоприятные условия для реализации социальных инноваций. С целью более подробного изучения институциональной среды социальных инноваций были отдельно рассмотрены экзогенные и эндогенные институты, формирующие институциональную среду социальных инноваций.

Экзогенная институциональная среда социальных инноваций

Экзогенная институциональная среда – совокупность правил и норм, характеризующая условия взаимодействия экономических агентов по поводу создания того или иного блага, описанная в федеральном, региональном или муниципальном законодательстве, национальными и территориальными нормами, а также от-

раженная в привычках поведения, характере взаимодействия партнеров и конкурентов на конкретной территории или в отрасли.

Базовым критерием систематизации экзогенных институтов является степень формализации. Эффективность институциональной среды определяется не только эффективностью формальных институтов, но и действием неформальных институтов, учет которых служит неотъемлемым условием формирования полной картины институциональной среды социальных инноваций.

Следующий выбранный нами критерий систематизации объединяет два классификационных признака: характер и степень воздействия на социальные инновации. Другими словами, для анализа экзогенной институциональной среды социальных инноваций были выделены стимулирующие, сдерживающие институты, а также институты косвенного воздействия. Примером стимулирующих институтов являются институты государственного финансирования социально-инновационных проектов. Санкции и эмбарго, характеризующие сдерживающие институты, препятствуют расширению социальных инноваций. Международная, экономическая или социальная политика относится к косвенным институтам и описывает среду, в которой планируется внедрение социальной инновации.

Третьим параметром систематизации институтов является масштаб распространения института. Разделение институтов по отношению к уровню государственно-территориальных образований позволяет выстроить иерархию институтов и определить, ресурсы какого уровня направлены на обеспечение определенных правил и норм. Целесообразно выделять муниципальный, региональный, национальный и международный уровни.

Графически структура экзогенной институциональной среды социально-инновационного развития представлена на рисунке 1 в виде куба, в котором каждая плоскость отражает соответственно один из вышеупомянутых критериев.

В целом представленный куб содержит 18 различных сочетаний, что говорит о наличии соответствующих норм и правил с обозначенными характеристиками или, напротив, свидетельствует о наличии пробелов в данном виде деятельности.

С целью более подробного раскрытия институциональной среды социальных инноваций были отдельно рассмотрены формальные (табл. 1.) и неформальные институты.

Поддерживающие формальные институты на международном уровне в данном виде деятельности представлены как институты гражданской активности, институты распространения знаний, институты финансирования социальных инноваций.

На национальном уровне данная группа включает различные государственные программы, государственно-частное партнерство, льготное налогообложение. К данной группе также относится законодательная база, регулирующая деятельность центров трансферта технологий, социально-инновационных центров, в том числе при вузах.

Поддерживающие институты на региональном уровне, как правило, дополняют аналогичные институты на национальном уровне. Однако их преимуществом является более концентрированная направленность. Сдерживающие формальные институты препятствуют гармоничному развитию экономических процессов и являются барьером на пути реализации социальных инноваций. На международном уровне сдерживающие нормы и правила представлены как санкции, эмбарго, специальные визовые режимы. Распространенным примером сдерживающих институтов на национальном и региональном

Рисунок 1. Структура институциональной среды социально-инновационного развития

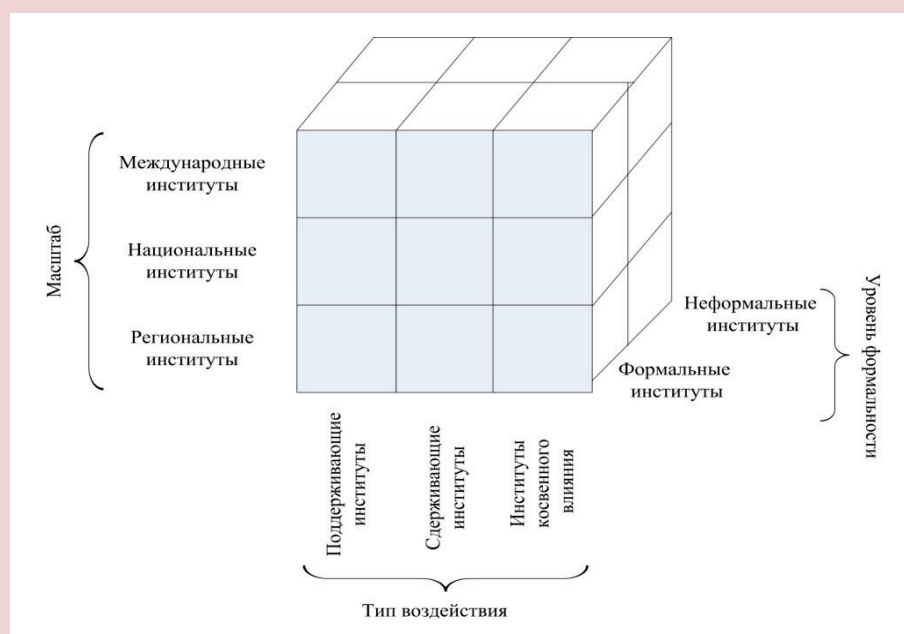

Таблица 1. Примеры формальных институтов социальных инноваций

Уровень	Тип воздействия		
	Поддерживающие	Сдерживающие	Косвенного влияния
Международный	Институты гражданской активности (вовлечения) Институты распространения знаний Институты поддержки (финансирования) социальных инноваций	Санкции, эмбарго, специальный визовый режим и т.д.	Международная политика Международное законодательство Международные движения и т.д.
Национальный	Государственные программы поддержки Федеральные институты социального развития Государственно-частное партнерство Тендеры Институты регулирования предпринимательства, НКО Льготное налогообложение для социально-ориентированных предпринимателей Институты трансферта технологий Федеральный закон «О некоммерческих организациях»	Неэффективные нормы правового обеспечения и законодательной базы на национальном уровне	Государственная социальная, экономическая, финансовая политика Государственная статистика
Региональный и муниципальный	Региональные и муниципальные институты поддержки малого и среднего предпринимательства	Неэффективные нормы правового обеспечения и законодательной базы на региональном и муниципальном уровне	Экономическая, социальная, финансовая политика региона/города

уровнях также являются несовершенные институты правового обеспечения и законодательной базы.

Институты косвенного воздействия представляют собой институты непрямого влияния. Такие нормы и правила характеризуют социально-экономическую систему в целом: политические, правовые, финансовые, экологические, экономические, социальные и другие факторы, влияющие на ее развитие.

Неформальные институты представляют собой незадокументированные правила, нормы и механизмы их принуждения. Они отличаются высокой степенью устойчивости, которая способна как стимулировать развитие социальных инноваций, так и препятствовать их внедрению. В отечественной литературе проблема неформальных институтов вызывает все больший интерес со стороны ученых. Так, например, вышла монография В.Л. Тамбовцева, в которой он подробно раскрывает природу неформальных институтов,

принципы их функционирования, а также подходы к изучению неформальных институтов в общественных науках [14].

В качестве примера неформальных поддерживающих институтов на мировом уровне следует отметить религиозные устои в христианстве, где долгом считается создавать блага «для ближнего своего» как путь к спасению души. Традиции взаимопомощи и сплоченности в решении общественных проблем в различных общинах относятся как к национальному, так и к региональному уровню.

Сдерживающими неформальными институтами будут являться религиозные нормы, отвергающие, например, научно-технический прогресс, тем самым препятствуя развитию новых видов деятельности, в том числе и социальных инноваций. Например, представителям низших каст в Индии запрещается заниматься предпринимательской деятельностью. Подобные нормы существуют как на национальном, так и на региональном уровне.

Эндогенная институциональная среда социальных инноваций

Эндогенная институциональная среда представляет собой совокупность внутренних правил и норм, которым следуют разработчики при реализации социально-инновационного проекта. Аналогично анализу экзогенной институциональной среды нами были выделены критерии для структурирования эндогенных институтов. В связи с тем, что основной задачей социальных инноваций является решение социальных проблем и удовлетворение общественных потребностей, целесообразно разделять институты по видам деятельности: коммуникационные, производственные, аналитические [12, с. 126]. В качестве второго критерия систематизации институтов рассмотрены стадии жизненного цикла социальных инноваций, включающие инициацию, инвенцию, имитацию и адаптацию [6].

На этапе инициации происходит идентификация общественной проблемы, за-

пускается процесс генерации новых идей. Производственная институциональная среда данной стадии включает разнообразные правила и методы генерации идей. Аналитическая составляющая институциональной среды содержит правила и нормы проведения предпроектного анализа, связанные с уточнением потребности, поиском ресурсов, планированием предстоящей деятельности. Коммуникационная проекция отражается в построении эффективных отношений с потенциальными и действующими контрагентами.

На стадии инвенции непосредственно разрабатывается социальный товар или услуга. Здесь происходит реализация идеи в социально-инновационный проект. Следует выделять институты проектной деятельности, финансирования, обеспечения безопасности (в том числе защита информации), снабжения, подбора и развития персонала. Более подробная детализация представлена в *таблице 2*.

Таблица 2. Примеры эндогенных институтов социальных инноваций

Виды деятельности	Стадии инновационного процесса			
	Инициация	Инвенция	Имитация	Адаптация
Производственная	Институты генерации идей, институты стратегической политики	Институты проектной деятельности, институты привлечения и освоения ресурсов, институты обеспечения безопасности, институты материального и нематериального стимулирования	Институты диффузии инноваций, франчайзинга, институты трансплантации, институты продажи бизнеса	Институты организационных изменений, реинжиниринга процессов
Аналитическая	Институты финансового анализа и планирования, институты привлечения инвестиций, институты идентификации потребностей, институт поиска ресурсов	Институт анализа и оценки деятельности организации, институты финансового, управленческого учета	Институт анализа внешней среды, институты прогнозирования	Институты мониторинга и анализа изменений, институты идентификации потребностей
Коммуникационная	Институты взаимодействия с контрагентами	Институт связи с ответственностью	Институт связи с ответственностью (вовлечение населения), институты распространения и анализа информации, институты коммуникаций с внешним и внутренним окружением	Институты взаимодействия с клиентами, государственными структурами

На этапе имитации наблюдается копирование и распространение социально-инновационного решения, его проецирование на другие территории или иные виды деятельности. В данной связи целесообразно упомянуть о работах В.М. Полтеровича [11], где ученый раскрывает суть трансплантации институтов.

Адаптация представляет собой этап, на котором текущее социальное решение проходит процедуру трансформации в связи с изменившимися условиями внешней среды. Степень инновации практически отсутствует, однако формируется основа для разработки нового социально-инновационного проекта.

Следует отметить, что представленные в таблице институты являются лишь возможными примерами в данном виде деятельности и могут быть дополнены иными правилами и нормами.

Институциональные проблемы развития социальных инноваций

Представленная выше систематизация институтов, описывающая институциональное пространство разработки и внедрения социальных инноваций, является теоретической платформой для дальнейшего анализа институциональных условий на конкретной территории. При этом инициаторы и разработчики социально-инновационных проектов сталкиваются с рядом проблем, которые приводят к тому, что социальные проекты становятся неэффективными. Например, потерпели фиаско такие национальные социальные инновации, как проект «Электронная Россия», внедрение технических регламентов. Сложность внедрения социальных инноваций объясняется множеством параметров.

Во-первых, эффект от внедрения социально-инновационного проекта зачастую

является отложенным и неявным. Для его определения требуется заранее проработанный механизм оценки эффективности предлагаемого решения.

Во-вторых, социальная инновация должна быть встроена в существующее социально-экономическое пространство. Другими словами, действующие на данной территории институты должны быть ориентированы на развитие социально-инновационной среды.

В-третьих, социальная инновация должна удовлетворять осознаваемые обществом и его конкретными членами потребности, а также обеспечивать готовность потенциального потребителя платить за данную социальную инновацию.

В настоящее время институциональная среда, ориентированная на поддержку непосредственно социальных инноваций, только формируется. При этом социальные предприниматели сталкиваются с рядом барьеров, препятствующих социально-инновационному развитию. Барьеры могут быть проявлены как институциональные ловушки [10], дисфункции институтов [13], а также как отсутствие необходимых правил и норм, регулирующих данный вид деятельности.

Для выявления институциональных проблем в развитии социальных инноваций мы опирались на практическую информацию о социальных инновациях, систематизированную по итогам Форума социальных инноваций регионов, который прошел в ноябре 2015 года в Омске [9], а также на работы ученых, посвященные систематизации институциональных ловушек [7, 10]. Это позволило определить институциональные барьеры, препятствующие развитию социальных инноваций, и возможные пути снижения их отрицательного влияния (табл. 3).

Таблица 3. Институциональные барьеры внедрения социальных инноваций

Причины, сдерживающие социальные инновации	Сдерживающая институциональная среда		Пути снижения отрицательного влияния
	Институциональные ловушки	Дисфункции институтов или отсутствие институтов	
Низкий уровень доверия	Оппортунистическое поведение участников и партнеров проекта	Дисфункция института доверия в части взаимодействия инноватора с партнерами	Проектирование эффективных формальных институтов
Сопrotивление населения новшествам	Консервативность мышления	Дисфункция институтов развития в связи с рискованым характером деятельности	Постоянная поддержка социально-инновационных проектов Разработка механизма привлечения граждан в процесс социального предпринимательства
Хаотичное и слабое распространение информации о социальных инновациях	Дороговизна маркетинговых услуг	Дисфункция институтов поиска информации в части неравномерного распределения информации	Информирование предпринимателей о способах распространения информации Разработка площадки социальных предпринимателей
Несовершенство механизмов финансовой поддержки	Экономическая неконкурентоспособность социально-инновационных проектов	Неразвитые институты государственно-частного и муниципально-частного партнерства	Внесение изменений в закон о концессионных соглашениях Разработка программ ГЧП непосредственно для социальных предпринимателей
Слабые меры государственной поддержки социальных инноваций	Несистемность действий государства в поддержке социальных инноваций, отсутствие поддержки инвестиционных проектов в социальной сфере	Отсутствие институтов развития социальных инноваций	Поддержка инвестиционных проектов в социальной сфере (низкие кредиты, возмещение расходов и т.п.)
Отсутствие частных инвесторов в социальной сфере	Нежелание предпринимателей инвестировать в социальные проекты	Дисфункции институтов реализации социальных проектов в части отсутствия наставничества	Государственная поддержка социальных инвесторов
Отсутствие необходимых знаний и навыков в социальном проектировании и предпринимательстве	Низкая привлекательность данного вида деятельности для высококвалифицированных кадров	Дисфункции институтов образования в части ограниченного успешного опыта	Формирование знаний и навыков в области организации социально-инновационных проектов
Отсутствие дорожной карты	Недостаточный опыт внедрения социальных инноваций	Дисфункции поддержки социальных инноваций на муниципальном и государственном уровне	Введение дорожной карты для социальных новаторов
Высокие риски	Неразвитая институциональная среда активизации потенциальных социальных новаторов	Отсутствие институциональных механизмов страхования социальных новаторов	Внедрение выгодных программ страхования социальных новаторов

В первую очередь в таблице представлены проблемы, непосредственно характеризующие неформальную институциональную среду: низкий уровень доверия и со-

противление населения новшествам. Для решения данных проблем необходимы сильные и прозрачные общественные институты, доверие к которым должно возрасти.

Вторая группа проблем (хаотичное и слабое распространение информации о социальных инновациях, несовершенство механизмов финансовой поддержки, слабые меры государственной поддержки, отсутствие частных инвесторов в социальной сфере, отсутствие необходимых знаний и навыков в данной сфере, высокие риски, отсутствие дорожной карты) может быть решена посредством разработки различных социальных программ, проектов, внесения изменений в законодательство и т.д. Решения по данной группе носят более формальный характер. Более подробно в таблице отражена информация о совершенствовании институциональной среды социальных инноваций. Устранение барьеров социально-инновационного развития приведет к резкому скачку не только в развитии социальной сферы, но и благоприятно скажется на экономических показателях территории.

Институциональный механизм формирования социальных инноваций

Эффективная реализация социально-инновационных проектов требует соответствующих институциональных условий. В связи с этим необходимо рассмотреть, какие экономические агенты вовлечены в процесс создания социальных инноваций, с какими институтами сталкивается разработчик в ходе реализации проекта, в какой форме представлен сам проект.

Социально-инновационное пространство включает в себя субъектов, задействованных в процессе внедрения и реализации социальных инноваций, в том числе разработчиков социальной инновации, государственные структуры, общественные фонды, обеспечивающие поддержку подобных проектов, население как конечного потребителя получаемого результата. В качестве объекта выступают непосредственно социальные инновации как результат проектной

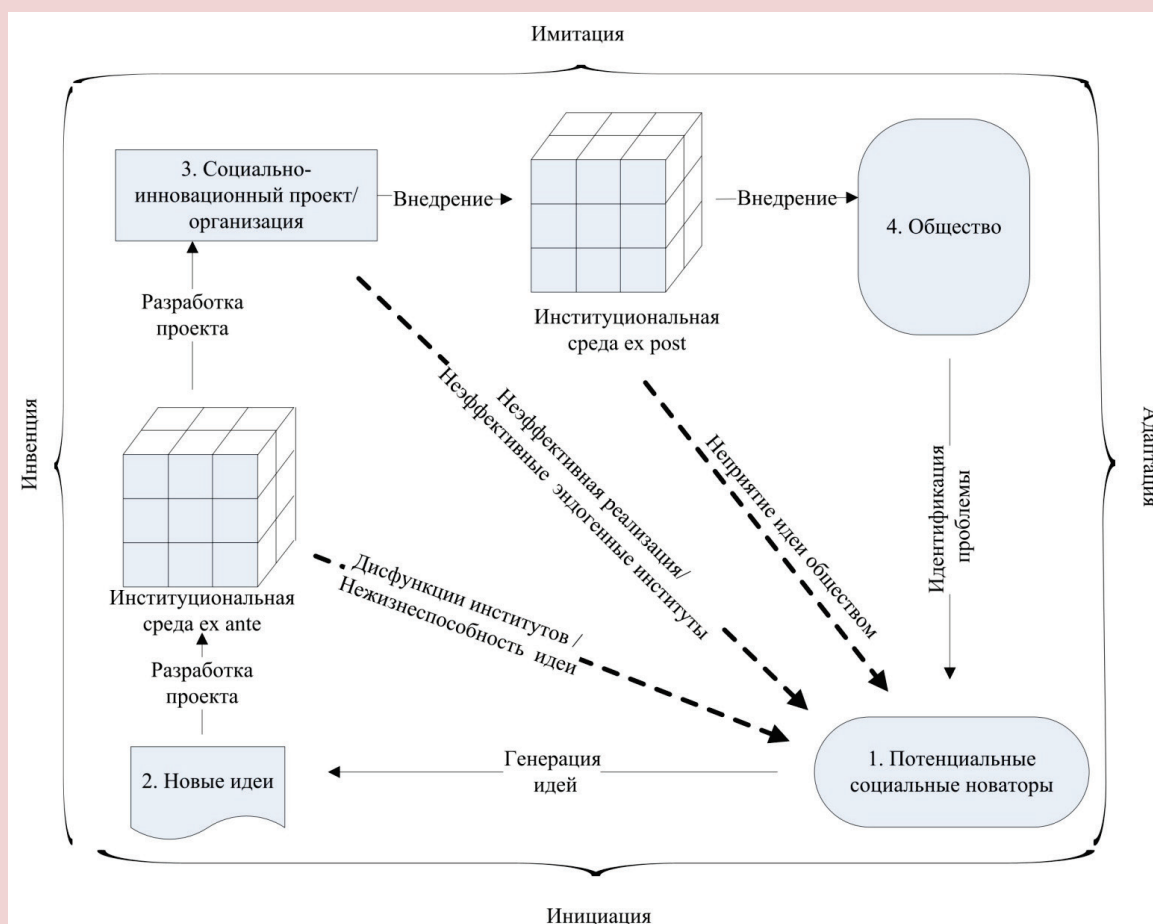
деятельности. В институциональной среде могут быть выделены институты *ex ante* и институты *ex post*. При этом институты *ex ante* являются неким фильтром эффективности и жизнеспособности инновации в существующих институциональных условиях, в то время как институты *ex post* характеризуют готовность населения к потреблению данной социальной инновации.

В ходе разработки социальная инновация трансформируется из одной формы в другую. Выявленная в социальной среде проблема становится причиной генерации идей, которая при соответствующей поддержке будет представлена как социально-инновационный проект, а затем трансформирована непосредственно в ту социальную услугу или продукт, которые потребляет общество.

Анализ взаимодействий по поводу разработки и внедрения социальных инноваций позволил разработать институциональный механизм формирования социальных инноваций, представленный на *рисунке 2*. Для обоснования описанного механизма целесообразно показать его связь с жизненным циклом социальных инноваций. Поэтому были рассмотрены особенности каждой стадии применительно к социальным инновациям.

Кризисные состояния в экономических процессах, неблагоприятная экономическая и политическая ситуация на мировой арене, различные провалы как в государственном, так и в частном секторе выступают побуждающей силой на пути социально-инновационного развития. Данные явления запускают процесс инициации социальной инновации. В качестве потенциальных социальных новаторов могут выступать как государственные структуры, социальные предприниматели, социально-ориентированные некоммерческие организации, так и простые граждане, столкнувшиеся с конкретной проблемой.

Рисунок 2. Институциональный механизм формирования социальных инноваций

На стадии инвенции разработчик облачает свою идею в конкретную форму: готовит проект, формирует основную документацию, формирует команду проекта и т.д. После этого оформленная в том или ином виде идея проходит институциональный фильтр. Попадая в институциональную среду ex ante, разрабатываемый проект сталкивается со множеством в основном формальных институтов. При этом данные институты либо замедляют процесс превращения данной идеи в социальную инновацию, либо, напротив, стимулируют его. Здесь возможны два сценария развития социальной инновации, определяемые как

качеством и актуальностью данной инновации, так и особенностями институциональной среды на данной территории. Первый сценарий реализуется в случае качественно проработанного социально-инновационного проекта, его востребованности на данной территории, а также поддерживающей институциональной среды. В этом случае проект получает необходимую поддержку, в том числе финансовую, а разработчик переходит непосредственно к его внедрению.

Второй сценарий, предполагающий провал данного проекта, возможен в случае некачественно подготовленного

проекта либо сдерживающей институциональной среды. Если первая причина кроется в неэффективных эндогенных институтах, то вторая причина имеет место при слабых экзогенных институтах.

Если проект был качественно проработан, признан актуальным и поддержан инвесторами, то инициативная группа приступает к этапу его реализации. Отношения, возникающие между участниками проектной группы, могут носить как трудовой характер, так и быть основаны на доверии (не оформлены документально). При крупных социальных проектах целесообразно оформить возникающие отношения юридически. Процесс регламентации деятельности, разработка организационной структуры, оформление отношений между участниками процесса будем называть процессом эндогенного институционального проектирования.

После того как проект готов, целесообразно перейти к процессу доведения данной инновации до потребителя. Стадия имитации включает распространение данной инновации среди потребителей, а также копирование предлагаемого решения на других территориях или силами иных экономических субъектов. Преградой для эффективной реализации социально-инновационного проекта может стать неготовность потребителя к данному социальному решению либо отсутствие понимания решаемой проблемы как таковой. На данном этапе также возможны два сценария развития. Эффективная институциональная среда *ex post* будет способствовать распространению данной инновации, неэффективные институты, в свою очередь, приведут к провалу проекта на данном этапе. Если предлагаемая социальная инновация противоречит неформальным институтам, существует вероятность провала внедряемого проекта.

В случае отсутствия подобного противоречия происходит дальнейшее развитие и распространение проекта. Его масштаб постепенно начинает расширяться. Данный этап предполагает наличие институтов, обеспечивающих правомерную передачу социальных технологий, в том числе посредством лицензирования или франчайзинга. Примерами успешного распространения социальных инноваций посредством сильных неформальных институтов являются модель Грамин Банка, партисипативное бюджетирование, общественные движения по охране порядка и окружающей среды и т.п.

Важную роль на данном этапе играет диффузия и копирование инноваций [20]. Здесь социальные инновации могут стать причиной изменений в социально-экономических системах, что окажет влияние на социальные движения, бизнес-модели, законы и нормативные акты, инфраструктуру, изменение мышления и действия населения. Например, активная деятельность движения «Гринпис» способствовала системным изменениям во многих странах: были приняты нормативы по защите окружающей среды, изменилось мышление людей в части защиты окружающей среды, уменьшилось число выбросов в атмосферу, предприятия стали активно внедрять международный стандарт экологического менеджмента ISO 14000.

Потребности общества и особенности социально-экономических систем постоянно изменяются. В связи с этим социальным инновациям приходится адаптироваться к данным изменениям. Подобное «возрождение» реализуется в рамках процесса адаптации, а жизненный цикл запускается вновь. Например, общественная организация «Гринпис» идентифицирует возникающие проблемы в части защиты окружающей среды и успешно разрабатывает проекты по их решению.

Более подробную демонстрацию предлагаемого институционального механизма представим на примере социально-инновационного проекта «Грамин Банк» нобелевского лауреата 2006 года М. Юнуса. Разработанная им уникальная программа микрокредитования, представляющая по своей сути так называемое солидарное кредитование, предполагала не проверку кредитоспособности заемщика, а оценку человеческого потенциала группы, которой выдавались денежные средства. Важной особенностью разработанного проекта, усиливающей его социальную ориентированность, являлось направление получаемой прибыли на поддержку социальной инфраструктуры и иные социальные проекты. Представленное описание характеризует стадию инициации социальной инновации.

На стадии инвентии М. Юнусом были предприняты первые шаги для реализации данной идеи: 42 фермера получили небольшой заем в размере 27 долл. Успех данного проекта зависел от эффективности неформальных институтов, в частности институтов доверия. При этом минимизация формальных процедур выдачи микрокредитов, снижающая себестоимость данного проекта, способствовала установлению низкой процентной ставки. Неформальные институты, представленные как институты доверия, а также традиции и обычаи на данной территории, по своей сути, заменили формальные процедуры. Данный проект продемонстрировал также влияние формальных институтов на неэффективные неформальные институты. Основными заемщиками Грамин банка являлись женщины (97%). Данный факт противоречил религиозным нормам, запрещающим женщинам заниматься предпринимательской деятельностью. Однако существующие формальные институты позволили нейтрализовать данную проблему [26].

На стадии имитации данного проекта наблюдалось как увеличение масштаба данного проекта, так и трансплантация принципов микрокредитования в других странах. На стадии адаптации «Грамин Банк» стал предлагать новые виды кредитов: пятипроцентные «студенческие» кредиты, кредиты на «строительство туалетов и колодцев», кредиты на покупку «сотового телефона» и т.д.

В российской экономике, как было отмечено выше, интерес к социальным инновациям растет с большой скоростью. Однако на примере таких крупных государственных проектов, как «Электронная Россия», внедрение технических регламентов и разработка Единой государственной автоматизированной системы можно видеть негативное влияние действующих институтов на результаты внедрения социально-инновационных проектов. Рассмотрим данные примеры более подробно.

Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» оказалась неэффективной. Недобросовестное поведение исполнителей проекта привело к хищению средств и, таким образом, к высоким транзакционным издержкам. Поставленные цели не удалось реализовать в обозначенный срок вследствие наличия институциональных ловушек и дисфункций институциональной среды.

Другим практическим примером институциональной ловушки являются неэффективные нормы формальной институциональной среды, с которой сталкиваются разработчики на стадии имитации. На практике это обуславливается неэффективностью бюрократического аппарата и методов принятия решений. Данная проблема достаточно ярко проявила себя на стадии реализации технических регламентов. Подразумевалось, что регламенты будут вводиться законами прямого действия, что

исключит дополнительные административные барьеры и возможность девиантного поведения. В результате вместо планируемых 700 техрегламентов до 2011 года принято всего лишь 11. Однако в настоящее время планируется внедрение новых технических регламентов, которые будут действовать по всей территории Евразийского экономического союза.

Примером неэффективного институционального проектирования, которое происходит на стадии инвенции, является ЕГАИС (Единая государственная автоматизированная система), предназначенная для государственного контроля производства и оборота этилового спирта. Стоимость ее внедрения оценивается примерно в 7–12 млрд. руб. Нерациональное проектирование данной системы негативно отразилось на производителях в виде убытков за 2006 г. в 1 млрд. долларов США, общие потери составили до 60 млрд. рублей.

Успешным примером внедрения социальных инноваций стал проект «Зелёный коридор», который в десятки раз сократил административные барьеры, уровень коррупции, временные и материальные затраты населения на получение муниципальных услуг. Проект был создан в г. Шахты Ростовской области с целью ускорения движения документов при предоставлении населению муниципальных услуг. На фазе инициации идея внедрения проекта «Зелёный коридор» была обусловлена следующими причинами: большее количество обращений граждан, отсутствие контрольного срока и длительности оформления документов и др. На этапе наблюдался качественный институциональный дизайн проекта, который оптимизировал время оформления документов, процесс взаимодействия заявителей с государственными служащими, распределил ответственность

между чиновниками и решил проблему территориальной разобщенности участвующих при оформлении документов. В результате длительность процесса регистрации земельного участка сократилась с 12 месяцев до 18 дней.

В целом приведенные примеры достаточно ярко демонстрируют влияние институциональной среды на эффективность социально-инновационных проектов. Кроме того, предложенный институциональный механизм формирования социальных инноваций позволил представить особенности взаимодействия элементов в социально-экономическом пространстве. Механизм демонстрирует важность как экзогенных, так и эндогенных институтов при внедрении, разработке и реализации социально-инновационных проектов, что подтверждает его теоретическую и практическую значимость.

Заключение

Исследование, проведенное с целью разработки институционального механизма формирования социальных инноваций, позволило получить следующие результаты.

Во-первых, систематизированы институты социальных инноваций по таким критериям, как место их возникновения, масштабность, уровень формализации, степень и характер влияния.

Во-вторых, проведён практический анализ социальных инноваций, на базе которого выявлены основные барьеры современной институциональной среды социально-инновационного развития. Данные барьеры проклассифицированы, предложены меры по их устранению.

В-третьих, представлен институциональный механизм формирования социальных инноваций на каждом этапе жизненного цикла. Разработанный институциональный механизм демонстрирует

возможные варианты развития инноваций в зависимости от отдельных характеристик институциональной среды той или иной территории.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в расширении теории институционального анализа и теории инноваций применительно к социальным процессам, а также в формировании теоретической платформы для дальнейшего углубленного анализа. Практическая значимость результатов состоит в возмож-

ности их использования органами государственного управления для проведения эффективной политики по устранению барьеров и созданию благоприятной институциональной среды социальных инноваций. Кроме этого, данные разработки имеют большое значение для социальных предпринимателей, некоммерческих организаций и государственных органов, которые иницируют социально-инновационные проекты и непосредственно внедряют их в социально-экономическом пространстве.

Литература

1. Аузан, А.А. Трансформация неформальных институтов: опыт полевого исследования [Текст] / А.А. Аузан // Экономическая политика. — 2015. — Т. 10. — № 3. — С. 61-67.
2. Голова, И.М. Инновационно-технологическое развитие промышленных регионов в условиях социально-экономической нестабильности [Текст] / И.М. Голова, А.Ф. Суховой // Экономика региона. — 2015. — № 1 (41). — С. 131-144.
3. Голубева, А.А. Инновации в общественном секторе: введение в проблему [Текст] / А.А. Голубева, Е.В. Соклова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. — 2010. — № 4. — С. 28-57.
4. Ерзнкян, Д.А. Выращивание структур социального сектора: проблемы публичности благ [Текст] / Д.А. Ерзнкян // Журнал экономической теории. — 2005. — № 3. — С. 29-51.
5. Кац, И.С. Эволюция социальных инноваций в общественном секторе [Текст] / И.С. Кац, В.Л. Симонова // Журнал экономической теории. — 2016. — № 1. — С. 137-142.
6. Кортов, С.В. Эволюционное моделирование жизненного цикла инноваций [Текст] / С.В. Кортов. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. — 342 с.
7. Малкина, М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики [Текст] / М.Ю. Малкина // Журнал институциональных исследований. — 2011. — Т. 3. — № 1. — С. 50-60.
8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги. — Начала, 1997. — 180 с.
9. Официальный сайт форума социальных инноваций, г. Омск [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://socio-forum.ru/2015/>
10. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35. — Вып. 2.
11. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 24-50.
12. Попов, Е.В. Институты / Е.В. Попов. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — 712 с.
13. Сухарев, О.С. Теория эффективности экономики / О.С. Сухарев. — М.: Финансы и статистика, 2009. — 368 с.
14. Тамбовцев, В.Л. Экономическая теория неформальных институтов / В.Л. Тамбовцев. — М.: РГ-Пресс, 2014. — 176 с.
15. Battistella, C. Open innovation web-based platforms: The impact of different forms of motivation on collaboration / C. Battistella, F. Nonino // Innovation: Management, Policy & Practice. — 2012. — Vol. 14. — № 4. — Pp. 557-575.
16. Heiscala, R. Social innovations: structural and power perspectives // Social Innovations, Institutional Change and Economic Performance / R. Heiscala, Edited by T.J. Hämmäläinen. — UK, USA: Edward Elgar Publishing, 2007. — Pp. 52-79.

17. Koch, P. On innovation in the public sector / P. Koch, J. Hauknes. – Oslo: Publin, 2005. – Pp. 1-102.
18. Moore, M. Creating Public Value: Strategic Management in Government Cambridge / M. Moore. – Massachusetts: Harvard University Press, 1995. – Pp. 1-24.
19. Social innovation: what it is, why it matters and how it can be accelerate / G. Mulgan, S. Tuckers, R. Ali, B. Sanders. – London, 2007. – 52 p.
20. Owen, T. Public Goods and Externalities: Old and New Perspectives / T. Owen // Public Goods and Market Failures: A Critical Examination. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1992. – Pp. 1-26
21. Phills, J. Rediscovering Social Innovation: Stanford Social Innovation Review / J. Phills, K. Deiglmeier, T. Miller. – 2008. – Pp. 34-43.
22. Pol, E. Social innovation: Buzz word or enduring term? / E. Pol, S. Ville // The Journal of Socio-Economics. – 2009. – № 38. – Pp. 878-885.
23. Popov, E. Evaluating the Social Infrastructure of Municipalities / E. Popov, I. Kats, A. Veretennikova // Montenegrin Journal of Economics. – 2015. – Vol. 11. – № 2. – Pp. 31-48.
24. Tanimoto K. The emergent process of social innovation: multi-stakeholders perspective / Tanimoto K. // Int. J. Innovation and Regional Development. – 2012. – Vol. 4. – Pp. 267-279.
25. Yunus, M. Banker to the Poor: Micro-lending and the Battle Against World Poverty / M. Yunus, A. Jolis. – Sydney: Read How You Want, 2008. – 273 p.

Сведения об авторах

Евгений Васильевич Попов – чл.-корр. РАН, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (e-mail: eropov@mail.ru)

Анна Юрьевна Веретенникова – к.э.н., Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (e-mail: vay_uies@mail.ru)

Жоомарт Кубанычбекович Омонов – аспирант, младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 13, jomaomon@gmail.com)

Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Omonov Zh.K.

Institutional Mechanism for Shaping Social Innovation

Abstract. Institutional environment creates conditions for shaping social innovation projects. In this case, current rules and standards can both stimulate and inhibit the development of social innovation in a particular territory. The goal of the present study is to develop an institutional mechanism for the formation of social innovation. It is done with the help of multiparameter systematization method, graphic modeling and other general scientific methods. Theoretical principles of the research presented in the paper are based on the institutional theory, public sector theory, innovations theory, life cycle theory and others. The authors systematize the institutions that influence the formation and development of socio-economic environment; they also point out a list of barriers in the sphere of social project management and put forward possible solutions that help mitigate the impact of inefficient institutional structures. The paper proposes an institutional mechanism for shaping social innovation; this mechanism shows possible reasons

for inefficiency of social innovation projects and explains how the institutional environment and internal rules and regulations affect the feasibility of project implementation and its effectiveness. The mechanism developed by the authors confirms a strong influence of institutional conditions on the process of creating and implementing social innovation projects. Results presented in the study can be used for shaping the institutional environment for socially oriented non-profit organizations and social entrepreneurs focused on the development and implementation of innovation projects.

Key words: institutions, social innovation, institutional mechanism, institutional environment.

References

1. Auzan A.A. Transformatsiya neformal'nykh institutov: opyt polevogo issledovaniya [Transformation of informal institutions: the experience of field research]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2015, vol. 10, no. 3, pp. 61-67. (In Russian).
2. Golova I.M., Sukhovei A.F. Innovatsionno-tehnologicheskoe razvitie promyshlennykh regionov v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoi nestabil'nosti [Innovation and technological development of industrial regions in the conditions of socio-economic insecurity]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2015, no. 1 (41), pp. 131-144. (In Russian).
3. Golubeva A.A., Soklova E.V. Innovatsii v obshchestvennom sektore: vvedenie v problemu [Innovation in the non-governmental sector: introduction to the problem]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8. Menedzhment* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 8. Management], 2010, no. 4, pp. 28-57. (In Russian).
4. Erznkyan D.A. Vyrashchivanie struktur sotsial'nogo sektora: problemy publichnosti blag [Cultivation of social sector structures: problems of public nature of goods]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of economic theory], 2005, no. 3, pp. 29-51. (In Russian).
5. Kats I.S., Simonova V.L. Evolyutsiya sotsial'nykh innovatsii v obshchestvennom sektore [Evolution of social innovation in the public sector]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of economic theory], 2016, no. 1, pp. 137-142. (In Russian).
6. Kortov S.V. *Evolutsionnoe modelirovanie zhiznennogo tsikla innovatsii* [Evolutionary modeling of the life cycle of innovation]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2003. 342 p. (In Russian).
7. Malkina M.Yu. Institutsional'nye lovushki innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki [Institutional traps of innovation development of the Russian economy]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institutional studies], 2011, vol. 3, no. 1, pp. 50-60. (In Russian).
8. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Translated from English by A.N. Nesterenko; foreword and scientific editorship of B.Z. Mil'ner. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi. – Nachala, 1997. 180 p. (In Russian).
9. *Ofitsial'nyi sait foruma sotsial'nykh innovatsii, g. Omsk* [Official website of the forum for social innovation]. Available at: <http://socio-forum.ru/2015/>. (In Russian).
10. Polterovich V.M. Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods], 1999, vol. 35, no. 2. (In Russian).
11. Polterovich V.M. Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2001, no. 3, pp. 24-50. (In Russian).
12. Popov E.V. *Instituty* [Institutions]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2015. 712 p. (In Russian).
13. Sukharev O.S. *Teoriya effektivnosti ekonomiki* [Theory of efficiency of economy]. Moscow: Finansy i statistika, 2009. 368 p. (In Russian).
14. Tambovtsev V.L. *Ekonomicheskaya teoriya neformal'nykh institutov* [Economic theory of informal institutions]. Moscow: RG-Press, 2014. 176 p. (In Russian).
15. Battistella C., Nonino F. Open innovation web-based platforms: The impact of different forms of motivation on collaboration. *Innovation: Management, Policy & Practice*, 2012, vol. 14, no. 4, pp. 557-575.
16. Heiscalá R. Social innovations: structural and power perspectives. *Social Innovations, Institutional Change and Economic Performance*. Edited by T.J. Hämmäläinen. UK, USA: Edward Elgar Publishing, 2007. Pp. 52-79.
17. Koch P., Hauknes J. *On innovation in the public sector*. Oslo: Publin, 2005. Pp. 1-102.

18. Moore M. *Creating Public Value: Strategic Management in Government* Cambridge. Massachusetts: Harvard University Press, 1995. Pp. 1-24.
19. Mulgan G., Tuckers S., Ali R., Sanders B. *Social innovation: what it is, why it matters and how it can be accelerate*. London, 2007. 52 p.
20. Owen T. Public goods and externalities: old and new perspectives. *Public Goods and Market Failures: A Critical Examination*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1992. Pp. 1-26
21. Phills J., Deiglmeier K., Miller T. *Rediscovering Social Innovation: Stanford Social Innovation Review*. 2008. Pp. 34-43.
22. Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? *The Journal of Socio-Economics*, 2009, no. 38, pp. 878-885.
23. Popov E., Kats I., Veretennikova A. Evaluating the Social Infrastructure of Municipalities. *Montenegrin Journal of Economics*, 2015, vol. 11, no. 2, pp. 31-48.
24. Tanimoto K. The emergent process of social innovation: multi-stakeholders perspective. *Int. J. Innovation and Regional Development*, 2012, vol. 4, pp. 267-279.
25. Yunus M., Jolis A. *Banker to the Poor: Micro-lending and the Battle Against World Poverty*. Sydney: Read How You Want, 2008. 273 p.

Information about the Authors

Evgenii Vasil'evich Popov – RAS Corresponding Member, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, epopov@mail.ru); Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and Entrepreneurship

Anna Yur'evna Veretennikova – Ph.D. in Economics, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, vay_uiec@mail.ru); Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and Entrepreneurship

Zhoomart Kubanychbekovich Omonov – Postgraduate Student, Junior Research Associate, Ural Federal University Named After the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and Entrepreneurship (13, Lenin Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, jomaomon@gmail.com)

Статья поступила 18.05.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4

УДК 314.117:316.346.32-053.9(470.12), ББК 60.542.18(2Рос-4Вол)

© Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б.

Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей*

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
onk82@yandex.ru

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
lastchaos12@mail.ru

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
coretra@yandex.ru

**Евгений Борисович
ШУЛЕПОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
common@vscc.ac.ru

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Для цитирования: Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей / О.Н. Калачикова, В.Н. Барсуков, А.В. Короленко, Е.Б. Шулепов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 76-94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4

For citation: Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B. Determinants of active longevity: results of a survey of Vologda long-livers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 76-94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4

Аннотация. Проблема старения населения является одним из главных демографических вызовов современности для большинства развитых и развивающихся стран. Последствия демографического старения не ограничиваются исключительно экономическими аспектами (увеличение нагрузки на трудоспособное население, рост дефицита пенсионных фондов) и ведут к изменению отношения общества к социальной группе пожилых людей, раскрытие ресурсного потенциала которой представляет одну из важнейших задач для любого «стареющего» государства. В то же время приоритетом демографической политики всех стран является увеличение продолжительности жизни населения. Таким образом, учитывая прогнозируемое сокращение предложения на рынке труда и возможное повышение пенсионного возраста в России, власти всех уровней делают акцент не просто на увеличении показателей ОПЖ, а на активном долголетии граждан страны, которое выражается в поддержании физических и моральных кондиций человека в течение как можно более длительного периода. Данная работа посвящена исследованию факторов активного долголетия. В её первой части дан статистический анализ распространенности явления в различных регионах мира и России. Сделан вывод о несущественной роли географических и климатических условий в глобальном масштабе. Вместе с тем выявлено, что численность долгожителей в подавляющем большинстве случаев прямо пропорциональна уровню социально-экономического развития территории. Во второй части статьи представлены результаты социологического исследования факторов активного долголетия, основанного на серии интервью с долгожителями г. Вологды. Как свидетельствуют полученные данные, среди рассматриваемых факторов наибольшую значимость и вклад в увеличение продолжительности жизни имеют не биологические (генетические) или географические, а поведенческие факторы, такие как физическая активность, сбалансированное питание и правильный режим дня, отсутствие вредных привычек, вовлеченность в общественную деятельность и широта социальных связей, высокая трудовая активность. Выявленные «секреты» активного долголетия не являются конкретными рекомендациями, а скорее представляют собой элементы стиля и образа жизни человека в целом, соблюдение которых может заметно повысить вероятность не просто дожития до старших возрастов, но и сохранения при этом физической и умственной активности.

Ключевые слова: активное долголетие, долгожители, старение населения.

Введение. Демографическое старение и активное долголетие

Двадцатый век стал знаковым с точки зрения демографических трансформаций. В этот период наблюдался колоссальный рост численности населения планеты, ученые впервые заговорили об установлении контроля над смертностью и рождаемостью, произошло изменение модели брачно-семейных отношений, заметно возросла интенсивность миграционных процессов [6]. Одним из самых важных качественных демографических изменений явилась трансформация возрастной структуры населения. Изменения в структуре

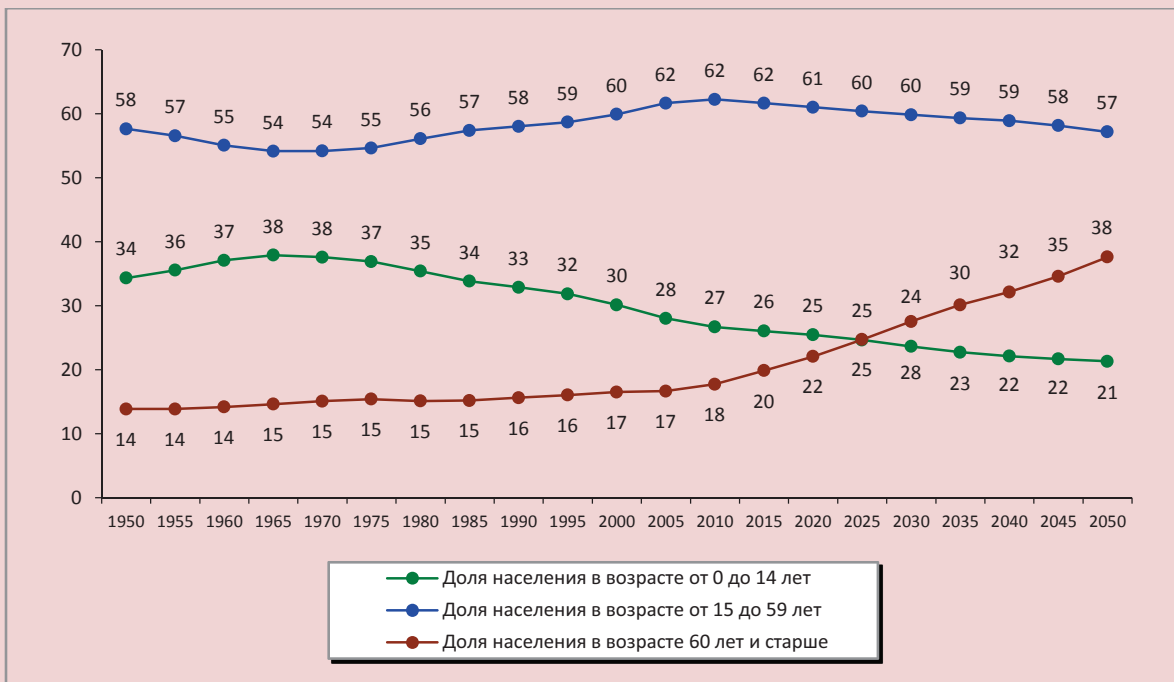
смертности (особенно младенческой) привели к небывалому росту ожидаемой продолжительности жизни во всех возрастах [5]. В то же время снижение рождаемости выступило главным фактором уменьшения доли населения младших возрастных групп. Как итог, население развитых и развивающихся стран, для которых описанные выше изменения были наиболее характерными, начало «стареть»: доля пожилых людей перманентно увеличивалась, тогда как удельный вес детей сокращался. Это явление получило название «демографического старения». Позднее, когда факторы этого процесса были достаточно изучены,

ученые вынуждены были признать, что в условиях суженного воспроизводства населения он является необратимым. Об этом говорят и данные среднего варианта прогноза ООН: из данных *рисунка* видно, что уже к 2025 г. удельный вес населения старше 60 лет превысит долю детей в возрасте от 0 до 14 лет и эта разница продолжит увеличиваться. По аналогии с известным «русским крестом» это явление можно назвать «перекрестком поколений». Несмотря на сокращение удельного веса детей, доля населения трудоспособного возраста (15–59 лет), до текущего момента, имела тенденцию к росту, что объясняет принцип действия «демографического окна» [27]: на фоне резкого сокращения рождаемости и, соответственно, удельного веса иждивенческих групп в определенный момент доля трудоспособного населения

достигает своего максимума, после чего начинает снижаться, т.к. резервы ее увеличения «снизу» (т.е. за счет подрастающего поколения) постепенно исчерпываются. Большинство развитых и развивающихся стран уже получили и использовали свои демографические «дивиденды», и в дальнейшем доля трудоспособного населения будет только сокращаться.

Старение населения по своим последствиям – очень многогранное явление, оказывающее влияние практически на все сферы жизни общества. В частности, значительно возрастает общая демографическая нагрузка на трудоспособное население [2]. Учитывая необратимость процесса демографического старения, правительства стран, столкнувшихся с этим явлением, вынуждены искать выход из сложившейся ситуации путем проведения соответствующих

Изменение удельного веса основных возрастных групп в общей численности населения мира, факт и прогноз

Источник: World Population Prospects 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources/>

реформ. Наиболее простым и эффективным решением служит повышение пенсионного возраста, в результате чего искусственным образом сокращается численность пенсионеров и, в свою очередь, увеличивается число налогоплательщиков. Безусловно, данная реформа имеет под собой достаточные экономические основания и дает положительный финансовый эффект, однако с точки зрения демографии не всегда оправданна. Например, в России показатель ожидаемой продолжительности жизни заметно выше показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни: в 2013 году разница между ними составляла 13 лет [12]). Это значит, что к 61 году большая часть населения уже не может продолжать трудовую деятельность в силу плохого здоровья. В такой ситуации повышение «пенсионного порога» может повлечь еще большее ухудшение здоровья населения старших возрастов, рост числа получателей пенсий по инвалидности, переход определенной части пожилых людей в теневой сектор экономики либо рост безработицы за счет пенсионеров, которые просто не смогут найти себе место на рынке труда [18]. Таким образом, решение о повышении пенсионного возраста должно иметь под собой твердый демографический фундамент. В этой связи особую важность приобретает проблема не просто долголетия, а **активного** долголетия, которое выражается как в сохранении удовлетворительного состояния здоровья в пожилом возрасте, так и в возможности продления периода трудовой деятельности в старости. В данной работе представлены результаты социологического исследования (серия интервью с долгожителями г. Вологды), цель которого заключалась в выявлении наиболее важных факторов активного долголетия.

Долголетие в цифрах. Где живут долгожители

Существует большое количество работ [4, 21, 22 и др.], посвящённых изучению долгожительства человека, ведущих факторов и условий этого явления. В исследованиях рассматриваются наиболее известные мировые «очаги» или так называемые «голубые зоны» долголетия: Япония (о-в Окинава), Китай (горы Тибета, провинция Бама), Италия (о-в Сардиния), Греция (о-ва Икарция, Родос), Кавказ (горные районы Абхазии, Грузии), Коста-Рика (п-ов Никоя), Куба (провинция Вилья Клара) и др. В этой части статьи мы сделали акцент на исследовании долгожительства как глобального явления, имеющего, в свою очередь, ярко выраженные региональные различия. Для анализа были использованы два показателя: численность людей в возрасте 90 лет и старше в расчете на 100 тыс. населения (согласно методике ВОЗ [7]), а также аналогичный показатель для возрастной группы 100 лет и старше, динамика увеличения которого показывает интенсивность нарастания «глубины старения» относительно темпов прироста первого показателя (табл. 1).

Как видно из таблицы, в 2015 году наибольшее число долгожителей в расчете на 100 тыс. населения зафиксировано в развитых странах. Однако если рассматривать тенденции изменения, то можно констатировать, что темпы прироста показателя для возрастной группы 90 лет и старше за период с 1990 по 2015 г. в развитых странах были несколько ниже, чем в развивающихся и наименее развитых (2,7 раза против 3,1 и 3,3 раза соответственно). Эта особенность еще раз подтверждает закономерность глобального развития процесса демографического старения: хотя развитые страны столкнулись с проблемой старения

Таблица 1. Динамика изменения численности долгожителей
 в расчете на 100 тыс. населения в регионах мира

Регион	Год					
	1990		2015		2040	
	Численность долгожителей в возрасте 90 лет и старше, в расчете на 100 000 населения	Численность долгожителей в возрасте 100 лет и старше, в расчете на 100 000 населения	Численность долгожителей в возрасте 90 лет и старше, в расчете на 100 000 населения	Численность долгожителей в возрасте 100 лет и старше, в расчете на 100 000 населения	Численность долгожителей в возрасте 90 лет и старше, в расчете на 100 000 населения	Численность долгожителей в возрасте 100 лет и старше, в расчете на 100 000 населения
Мир в целом	92	2	228	6	542	23
Развитые страны	291	6	773	21	1859	81
Развивающиеся страны	41	1	130	3	386	15
Наименее развитые страны	13	0	43	1	93	5
Африка	18	0	33	0	62	1
Восточная Африка	17	0	31	0	59	1
Центральная Африка	18	0	23	0	36	0
Северная Африка	31	0	75	1	173	4
Южная Африка	30	0	63	2	170	5
Западная Африка	6	0	8	0	12	0
Азия	44	1	157	4	468	19
Восточная Азия	50	0	265	7	978	39
Центральная Азия	137	6	100	3	137	7
Южная Азия	33	1	86	2	227	9
Юго-Восточная Азия	44	1	121	5	268	14
Западная Азия	52	1	83	2	228	6
Европа	264	4	698	16	1667	74
Восточная Европа	167	3	344	6	759	23
Российская Федерация	167	4	253	3	483	11
Северная Европа	390	8	850	21	1833	62
Южная Европа	270	3	951	26	2515	152
Западная Европа	364	5	958	23	2161	93
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	73	2	246	8	701	37
Страны Карибского бассейна	146	3	412	21	947	73
Центральная Америка	94	3	239	8	593	34
Южная Америка	57	1	232	7	725	35
Северная Америка	390	12	717	22	1511	54
Океания	193	4	501	10	1170	36
Австралия/Новая Зеландия	249	5	676	14	1628	52
Меланезия	14	0	30	0	77	0
Микронезия	30	0	94	0	418	14
Полинезия	38	0	127	3	429	17

 Источники: World Population Prospects 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources/>, расчеты авторов.

населения гораздо раньше, в развивающихся регионах и странах «третьего мира» этот процесс проходит более интенсивно, а территориальная дифференциация постепенно уменьшается. Тем не менее развитые страны отличаются большей «глубиной старения»: темпы прироста численности долгожителей в возрасте 100 лет и старше в расчете на 100 тыс. населения за указанный период были самыми высокими.

При более детальном изучении «карты долголетия» с точки зрения географической принадлежности оказывается, что по данным на 2015 г. абсолютными лидерами по рассматриваемым показателям являются Европа и Северная Америка. Однако если в США и Канаде распределение «зон долголетия» относительно однородно, то в Европейском регионе присутствует значительная дифференциация. Страны Западной, Южной и Северной Европы занимают лидирующие места в рейтинге самых «старых» территорий, в то время как Восточная Европа уступает им примерно в три раза по численности долгожителей в расчете на 100 тыс. населения. Тот же вывод относится и к Российской Федерации, где показатели ниже, чем в восточноевропейских странах, и сопоставимы с показателями Центральной и Южной Америки.

Япония занимает первое место по численности долгожителей в расчете на 100 тыс. населения, ей существенно уступают другие страны Азиатского региона. В своих регионах заметно выделяются также Австралия и Новая Зеландия, страны Карибского бассейна. Меньше всего долголетие распространено на Африканском континенте.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что численность долгожителей в большей степени коррелирует с уровнем социально-экономического развития страны

или региона и чаще всего прямо пропорциональна ему. Так, например, несмотря на крайне небольшую в целом распространенность долгожительства в Африке, показатели на 100 тыс. населения все же заметно выше в странах Северной Африки и ЮАР, как наиболее развитых регионах этого континента. Похожее положение в Австралии и Новой Зеландии, значительно превосходящих другие территории Океании по уровню развития экономики и социальной сферы. Такие примеры можно найти на любом континенте и в любой климатической зоне. Безусловно, генетическая предрасположенность и место проживания являются важнейшими факторами долгой и активной жизни человека, однако, как показывает опыт западных стран [4], поведенческие (образ жизни, питание и др.) и институциональные факторы (развитая система здравоохранения и социальная инфраструктура, высокий уровень и качество жизни населения) в глобальном масштабе тоже вносят существенный вклад в увеличение продолжительности активной жизни населения.

Как уже говорилось ранее, Российская Федерация занимает далеко не ведущие позиции по исследуемому показателю. Тем не менее и для нее характерна территориальная дифференциация по уровню долголетия (численность долгожителей в возрасте 90 лет и старше на 100 тыс. населения). Вопреки устойчивому мнению о «кавказском долголетии», Северо-Кавказский федеральный округ занимает предпоследнее место по числу долгожителей (184 чел. на 100 тыс. населения; табл. 2), заметно уступающему среднему значению по стране (253 чел. на 100 тыс. населения). Лидерами же являются Центральный и Северо-Западный федеральные округа (369 и 408 чел. на 100 тыс. населения соответственно), в которых наибольший вклад

Таблица 2. Динамика изменения численности долгожителей в расчете на 100 тыс. населения в федеральных округах Российской Федерации, 1995, 2005, 2015 гг.

Федеральный округ	Тип населения	Год							
		1995		2005		2015		Темп прироста	
		1*	2**	1	2	1	2	3***	4****
Дальневосточный	Все население	64	2	110	2	146	3	228	150
	Городское население	50	1	116	2	153	4	306	400
	Сельское население	105	5	92	2	121	2	115	40
Крымский	Все население	-	-	-	-	295	5	-	-
	Городское население	-	-	-	-	343	5	-	-
	Сельское население	-	-	-	-	227	4	-	-
Приволжский	Все население	186	1	263	4	293	6	158	600
	Городское население	151	1	224	3	280	6	185	600
	Сельское население	272	2	358	6	325	7	119	350
Северо-Западный	Все население	139	2	244	5	369	14	265	700
	Городское население	124	2	239	5	379	16	306	800
	Сельское население	208	3	267	4	311	4	150	133
Северо-Кавказский	Все население	-	-	193	23	184	8	-	-
	Городское население	-	-	164	11	187	5	-	-
	Сельское население	-	-	221	34	181	11	-	-
Сибирский	Все население	123	1	189	3	238	5	193	500
	Городское население	111	1	190	3	242	6	218	600
	Сельское население	153	2	186	4	228	4	149	200
Уральский	Все население	134	1	189	3	230	5	172	500
	Городское население	122	1	165	2	225	5	184	500
	Сельское население	183	2	281	4	253	6	138	300
Центральный	Все население	215	2	344	6	408	15	190	750
	Городское население	182	1	291	6	405	16	223	1600
	Сельское население	336	3	563	7	418	8	124	267
Южный (по 2009 год)	Все население	216	5	256	17	-	-	-	-
	Городское население	181	3	238	10	-	-	-	-
	Сельское население	264	8	279	27	-	-	-	-
Южный (с 2010 года)	Все население	-	-	332	5	306	9	-	-
	Городское население	-	-	301	5	322	11	-	-
	Сельское население	-	-	385	6	279	7	-	-

* Численность долгожителей в возрасте 90 лет и старше, в расчете на 100 000 населения.

** Численность долгожителей в возрасте 100 лет и старше, в расчете на 100 000 населения.

*** Темпы прироста численности долгожителей в возрасте 90 лет и старше, в расчете на 100 000 населения, %.

**** Темпы прироста численности долгожителей в возрасте 100 лет и старше, в расчете на 100 000 населения, %.

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система [Эл. рес]. – Реж. дост.: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты авторов.

вносят два крупнейших мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург (534 и 535 чел. на 100 тыс. населения соответственно). Это еще раз подтверждает вывод о наличии связи между численностью долгожителей и уровнем социально-экономического развития территорий. Долгожительство как

явление характерно также для сельских территорий ЦФО (Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области) и СЗФО (Новгородская и Псковская области): в указанных регионах уровень долголетия превышает показат

тель 400 чел. на 100 тыс. населения. Т.к. в сельских территориях этих двух округов более развитая социально-экономическая инфраструктура и они находятся ближе к «полюсам» роста (мегаполисам и крупным городам), чем аналогичные территории других федеральных округов, то численность долгожителей в них более высокая.

Что касается столетних граждан, то наибольшая их численность в расчете на 100 тыс. населения также зафиксирована в ЦФО и СЗФО (15 и 14 чел. на 100 тыс. населения соответственно). В отличие от возрастной группы 90 лет и старше, столетние долгожители чаще проживают в городской местности, что, вероятно, связано с большей доступностью учреждений здравоохранения и социальной защиты, потребность в услугах которых приобретает особое значение в столь преклонном возрасте. По численности столетних граждан Москва и Санкт-Петербург (30 и 29 чел. на 100 тыс. населения соответственно) уступают первое место Астраханской области (32 чел. на 100 тыс. населения).

Вологодская область не относится к группе регионов, лидирующих по уровню долголетия (в 2015 году на 100 тыс. населения приходилось 311 чел. в возрасте от 90 лет и старше), однако этот показатель заметно превосходит среднероссийский (253 долгожителя на 100 тыс. населения). Гендерное распределение является нормальным для этой возрастной категории: 90% всех долгожителей – женщины. При этом две трети (65%) населения старше 90 лет проживает в городской местности, что тоже соответствует общероссийским показателям. В данном исследовании нами была предпринята попытка изучить феномен активного долголетия и его детерминанты на территории Вологодской области, в частности, на примере Вологды, которая,

с одной стороны, в общественном понимании не считается «зоной долголетия», с другой – демонстрирует достаточно высокие значения показателей долголетия. Причем региональные и муниципальные власти уделяют большое внимание проблеме активного долголетия (так, разработана уникальная концепция активного долголетия на территории муниципального образования «Город Вологда» на период до 2035 года «Вологда – город долгожителей», утвержденная решением Вологодской городской Думы от 29 декабря 2014 года № 129 [11]).

Факторы долголетия. Как живут долгожители

В 2016 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН по заказу Администрации города Вологды на территории муниципального образования выполнено социологическое исследование факторов активного долголетия. В основу исследования положен *метод полустандартизованного интервью*¹ с долгожителями, проживающими на территории города. Это проводимая по определенному плану (гайду) беседа интервьюера с респондентом с открытой записью ответов последнего. В ходе исследования состоялось 15 глубинных интервью. Возраст опрошенных варьируется от 77 до 102 лет. Важно отметить, что выборка не строилась на принципах строгого соответствия распределения опрошенных пропорциям половозрастного состава долгожителей. Главным критерием выбора респондентов являлась активность их жизни в столь преклонном возрасте.

¹ Полустандартизованное интервью, как и стандартизованное, предполагает детальную разработку общего плана всей беседы, последовательность и конструкции вопросов, варианты возможных ответов, но в нём интервьюер уже может изменять порядок вопросов в зависимости от ситуации, а также может несколько менять их конфигурацию по мере надобности.

Структура детерминант, определяющих активное долголетие, была выделена на основании систематизации сформировавшихся в науке подходов [3, 8, 17, 21, 23, 24]:

1. Генетические (наследственность).
2. Географические, природно-климатические.
3. Образ жизни, поведенческие стереотипы:
 - физическая активность (занятия физкультурой и спортом);
 - характер питания (режим и рацион питания);
 - «вредные привычки»;
 - медицинская активность;
 - преодоление стресса;
 - трудовая активность;
 - социальная активность (общественная деятельность, социальные связи).
4. Социально-экономические и институциональные:
 - уровень жизни и жилищные условия;
 - деятельность институтов и социальных служб.

Гайд интервью включал в себя блоки вопросов для выявления влияния выделенных факторов на долголетие. Исследования учёных [1, 13, 14] подтверждают, что разные факторы вносят неравномерный вклад в продолжительность жизни человека: 50–70% – образ жизни, 10–20% – наследственность; 10–20% – состояние окружающей среды, 8–12% – уровень развития здравоохранения. Остановимся подробнее на результатах интервьюирования с целью оценить влияние каждого из этих факторов на долголетие вологжан.

Генетические и географические факторы долголетия

При оценке предрасположенности человека к долголетию первостепенным является генетический фактор, т.к. степень его значимости определяет влияние поведенческих (вторичных) и социально-эко-

номических/институциональных (третьих) факторов. В нашем исследовании мы проверяли два основных положения: теорию гетерозиса (силы гибрида)² и наличие долгожителей среди родственников опрошенных. Явление гетерозиса зависит от степени родства и географической отдаленности рождения родителей ребенка: предрасположенность к долголетию у детей, чьи предки проживали на значительном друг от друга расстоянии, заметно повышается [3]. По результатам интервью теория гетерозиса не подтвердилась. Родители опрошенных долгожителей, в подавляющем большинстве случаев, родились и выросли либо в одном, либо в соседних населенных пунктах. Причем это характерно не только для родителей, но и для более дальних родственников. География рождений опрошенных долгожителей тоже не так обширна: в основном это или Вологодская область, или прилегающие к ней территории (современная территория Северо-Западного федерального округа).

Практически все опрошенные отмечали, что среди их родственников были долгожители, однако это в основном дедушки или бабушки либо дяди или тети. Причем в подавляющем большинстве женщины. Прямого наследования долголетия от родителей выявлено не было. Что касается мнения самих респондентов, то лишь единицы отметили генетическую предрасположенность к долгой жизни.

В проведенном исследовании нами не было выявлено ведущей роли генетического или географического факторов.

² Согласно теории гетерозиса (силы гибрида), если окажется, что родители (или ближайшие предки) респондента – выходцы из сильно территориально удаленных пунктов, то главным фактором станет именно генетика. Если родители (и ближайшие предки) респондента окажутся коренными вологжанами, то возрастает значимость иных факторов, в том числе поведенческих и социально-экономических.

Следовательно, на первое место выходят иные, связанные со спецификой образа и условий жизни детерминанты, речь о которых пойдёт далее.

Важным результатом обследования стала заметная разница психологического и биологического возрастов. Практически все вологодские долгожители чувствуют себя на много лет моложе «паспортного» возраста. При этом установку на долгую жизнь давали себе лишь единицы. Из некоторых интервью можно было услышать о «мечте» прожить до 100 лет, что, однако, представлялось им с большим трудом. В то же время опрошенные отмечали, что не живут «одним днем», а постоянно ставят перед собой новые цели и задачи, стремятся постоянно совершенствоваться, и это, по их словам, придает дополнительную жизненную энергию.

Образ жизни и поведенческие стереотипы

Поведенческие факторы могут быть различными: физическая активность (занятия физкультурой и спортом), сбалансированное питание, соблюдение режима дня, отсутствие вредных привычек, хорошее психоэмоциональное состояние, медицинская активность и др. Все эти аспекты составляют основу понятия «здоровый образ жизни» (ЗОЖ).

Физическая активность. Все опрошенные долгожители на протяжении жизни так или иначе занимались физкультурой и спортом: начиная с ежедневной утренней зарядки и заканчивая профессиональным спортом. Если рассматривать гендерную специфику, то стоит отметить, что женщины чаще отдавали предпочтение индивидуальным видам спорта (лыжи, велосипед, коньки, гимнастика), в то время как мужчины — командным (баскетбол, волейбол, хоккей). Нагрузки не ограничивались занятиями физкультурой и спортом:

каждый из опрошенных нами респондентов застал времена Великой Отечественной войны и многим уже с малых лет приходилось заниматься тяжелым физическим трудом (работа в полях, на заводах и т.д.). Вероятно, именно события тех лет сформировали у долгожителей ответственное отношение к труду и установку на то, что нужно постоянно поддерживать в тоне функционал своего тела. Как показало исследование, практически все опрошенные в обязательном порядке начинают свое утро с зарядки и гимнастики. Много внимания долгожителями уделяется пешей ходьбе и другим способам поддержания физической активности в пожилом возрасте (например, скандинавская ходьба, лыжи), что еще раз подтверждает известный тезис «движение — это жизнь». Из проведенных бесед можно сделать вывод, что одним из универсальных средств поддержания физической активности в пожилом возрасте становится работа на дачном участке. Помимо очевидной выгоды, заключающейся в выращивании натуральных продуктов, дача становится для многих представителей старшего поколения еще и полезным для здоровья хобби. Полученные результаты во многом подтверждают высказывание доктора биологических наук, профессора Г.Д. Бердышева: «Во все времена, во всех странах, у всех народов среди долгожителей преобладают лица, которые всю жизнь занимались интенсивным физическим трудом» [3].

Режим и рацион питания. Важным элементом формирования «фундамента» активного долголетия выступает соблюдение режима и рациона питания. Данные, полученные в ходе интервью, свидетельствуют о том, что режим питания в разной степени на протяжении жизни соблюдали практически все опрошенные. С возрастом распорядку приема пищи уделялось

еще больше внимания. Особенностей в рационе питания выявить не удалось: подавляющее большинство наших долгожителей не ограничивали себя при выборе продуктов. В то же время респонденты отмечали, что питаться нужно в меру и ни в коем случае не переедать. И все же на некоторых моментах, связанных с продуктами питания, стоит остановиться отдельно. Во-первых, во многих интервью прозвучали слова о том, что на протяжении жизни респонденты употребляли в пищу преимущественно натуральные продукты, часто выращенные на собственных приусадебных участках. Во-вторых, отмечалось, что важнейшим элементом режима питания является завтрак, который обязательно должен включать в себя белковую пищу (яйца, творог, молоко). Особого внимания заслуживает такой продукт, как чеснок. В нескольких интервью именно этот пряный овощ назывался в качестве одного из секретов долголетия, причем потребление может варьироваться от простой добавки в еду до настоек на его основе.

Вредные привычки. Когда говорят о поведенческих факторах риска в старших возрастах, то помимо низкой физической активности часто упоминаются потребление алкоголя и табака. Отсутствие вредных привычек является одним из секретов активного долголетия. Этот тезис подтвердился и в ходе проведенного исследования: в подавляющем большинстве респонденты отмечали, что на протяжении всей своей жизни не злоупотребляли алкоголем и табачными изделиями. Максимум, что могли позволить себе некоторые опрошенные, это потребление спиртных напитков по праздникам и в малых количествах. Важно отметить, что часть долгожителей принципиально указывали на то, что алкоголь и табак являются главными барьерами, препятствующими активному долголетию.

Увлечения и хобби. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что одним из факторов активного долголетия выступает наличие у пожилого человека любимого дела – хобби. Спектр увлечений вологодских долгожителей необычайно широк: художественная самодеятельность (танцы, пение, театр), спорт, рукоделие, чтение и написание книг, интеллектуальные игры, участие в различных конкурсах («Пенсионер года», «Бабушка года»), садоводство, охота, рыбалка и многое другое. Большинство опрошенных уже в пожилом возрасте освоили компьютер/сеть Интернет и активно пользуются достижениями технического прогресса.

Наличие хобби мотивирует долгожителей к постоянному совершенствованию своих навыков, способствует формированию установок на продолжение активной деятельности.

Общественная деятельность. Для вологодских долгожителей является характерным участие в различных общественных организациях. Это могут быть советы ветеранов, группы на базе досугового центра «Забота» и др. Нельзя не отметить и активную гражданскую позицию респондентов: они не только продолжают участвовать в выборах федерального и регионального значения, но и в некоторых случаях сами избирались на депутатские должности, а также возглавляли избирательные комиссии или были их членами.

Социальные связи. Активная жизненная позиция вологодских долгожителей способствует расширению и поддержанию обширного круга социальных связей. Прежде всего следует отметить, что в ближайшее окружение респондентов входят, как правило, родственники. Они занимают важное место в жизни пожилых людей: кто-то проживает с ними, кто-то регулярно навещает и помогает. Практически во всех

случаях семьи долгожителей включают в себя достаточно большое число детей, внуков и правнуков. Житейская мудрость является базой выполнения одной из важнейших социокультурных функций старшего поколения – передачи жизненного опыта, а свое воплощение она находит главным образом в семейном кругу. Долгожители играют важную объединяющую роль в своих семьях, которая, в том числе, позволяет формироваться семейным традициям.

Помимо этого, в круг общения респондентов входит огромное число людей, с которыми они связаны либо общими интересами, либо профессиональной деятельностью. Часто в число друзей входят интересные и известные люди, которые многим обязаны и очень благодарны нашим долгожителям. Важно отметить, что, вне зависимости от круга общения и сферы деятельности, долгожители пользуются большим уважением в своей среде и сегодня.

Преодолению стрессовых ситуаций способствовали прочные семейные и дружеские связи. Именно к ним чаще всего обращались наши респонденты, когда испытывали негативные эмоции, проблемы. Многие переживали эмоциональный кризис, углубившись в работу, полностью посвятив себя любимому делу.

Трудовая активность. Наиболее яркой отличительной чертой, присущей опрошенным долгожителям, является продолжительность периода трудовой деятельности. Все они начинали свой трудовой путь еще с малых лет, чаще всего помогая по хозяйству своим родителям. Многих в раннем возрасте застали военные времена, когда приходилось трудиться по 10 часов и более. Закаленные в таких тяжелых условиях, они продолжали трудовую деятельность на протяжении всей своей долгой жизни. Список профессий доста-

точно широк, но одна важная особенность объединяет всех опрошенных, которые, вне зависимости от сферы деятельности, любили свою работу, всегда занимали руководящие должности в своих организациях либо пользовались большим уважением среди коллег. Помимо лидерских качеств, долгожителей отличали дисциплинированность, инициативность и новаторские склонности. Важно отметить, что, по данным опроса о качестве жизни пожилых людей³, работающие пенсионеры значительно выше оценивают состояние своего здоровья, имеют широкий круг общения, а также чувствуют себя более счастливыми, чем неработающие представители старшего поколения.

Многим респондентам была свойственна высокая трудовая мобильность, которая часто выражалась не только в смене организаций и сферы деятельности в пределах одного города, но и в частых переездах по всей России. В тех случаях, когда подобные ситуации имели место, пространственные перемещения приносили благоприятный эффект, т.к. респондентам удавалось познакомиться с новыми местами, людьми, а иногда даже с новыми культурами. Во всех без исключения случаях им удавалось найти общий язык с коллективом, что, безусловно, имело положительный эффект и при оценке условий труда, которые также в большинстве

³ Специализированный опрос «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» проведен ИСЭРТ РАН в 2015 году. Объем генеральной совокупности составляет 427 861 человек. Объем выборки – 1500 человек. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании выделены два крупных города – Вологда и Череповец, в отдельную группу вынесены остальные районы Вологодской области. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%.

случаев признавались удовлетворительными. Со многими коллегами по работе долгожители продолжают общаться и по сегодняшний день.

подавляющее большинство респондентов продолжили трудиться после выхода на пенсию и никаких проблем, связанных с этим переходом, не испытывали. Этому способствовало не только поддержание социальных связей с коллегами, но и сохранение прежнего уровня дохода, к которому прибавлялось пенсионное пособие. Важно отметить, что свою трудовую деятельность долгожители заканчивали не вследствие эмоциональной усталости или недостаточной компетентности, а по естественным причинам (чаще всего из-за проблем со здоровьем).

Социально-экономические и институциональные факторы активного долголетия

Уровень жизни. Что касается материального положения опрошенных и жилищных условий, то на текущий момент их можно назвать удовлетворительными: долгожители не испытывают неудобств с точки зрения комфортности проживания, а также острой потребности в каких-либо товарах или услугах. При этом материальное и жилищное благополучие опрошенных объясняется не только социально-ориентированным характером государственной политики, направленной на улучшение уровня и качества жизни пожилых граждан, но и их индивидуальными заслугами в трудовой деятельности, которые позволили обеспечить достойную жизнь не только себе, но и своим детям, внукам и правнукам.

Деятельность институтов, осуществляющих работу с пожилыми людьми. Важнейшую роль в работе с пожилыми людьми играют органы здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения. В целом, как показало исследование, долгожители не так часто напрямую

сталкиваются с работой этих учреждений. В беседах отмечалось, что чаще всего респонденты пользуются услугами врачей, которые в большинстве случаев являются их хорошими знакомыми. С точки зрения медицинской активности долгожителей гендерных различий выявлено не было: мужчины и женщины в равной степени заботятся о своем здоровье, следуя всем рекомендациям врачей.

Существенное значение для укрепления здоровья как в молодом, так и в более позднем возрасте имеет санаторно-курортное лечение. Практически все респонденты его получали и получают, причем часто отмечалось, что именно этот фактор позитивным образом отразился на их состоянии здоровья уже в пожилом возрасте.

Важно отметить, что большинство опрошенных долгожителей чувствуют внимание со стороны городских властей. Чаще всего оно выражается в приглашениях на различные официальные мероприятия, поздравлениях с юбилейными и другими важными датами, во вручении наград за заслуги перед жителями города.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило важность поведенческих факторов активного долголетия. Из бесед с долгожителями становится понятно, как много внимания на протяжении жизни уделялось ими занятиям физкультурой и спортом, режиму питания. Отсутствие вредных привычек вкупе с высокой физической активностью заметно снижает поведенческие факторы риска в старших возрастах.

Секретом долголетия можно назвать и сохранение в пожилом возрасте большого круга социальных связей, который не ограничивается родственниками и включает в себя много знакомых и друзей по интересам, а также бывших коллег по работе. Именно продолжительная трудовая дея-

тельность и активная гражданская позиция отличают долгожителей от среднестатистического жителя города. Существенным фактором активного долголетия, присутствующим у всех интервьюированных, является удивительный жизненный оптимизм, стремление развиваться (наличие любимого дела), умение планировать свой день и жизнь в целом, ставить долгосрочные цели.

Заключение

По итогам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что среди рассматриваемых факторов активного долголетия наибольшую значимость и вклад в увеличение продолжительности жизни имеют не биологические (генетические) или географические (хотя традиционно их рассматривают как первичные факторы при исследовании предрасположенности к долголетию), а поведенческие факторы, такие как физическая активность, сбалансированное питание и правильный режим дня, отсутствие вредных привычек, вовлечённость в общественную деятельность и широта социальных связей, высокая трудовая активность, «антиидивенческий» тип поведения, целеустремлённость и стрессоустойчивость.

Выделенные на основании данных интервьюирования факторы и «секреты» активного долголетия в целом подтверждаются результатами современных исследований [8, 14, 17, 23, 24]. Отметим лишь то, что превалирующее у всех респондентов

ответственное отношение к себе, к своему здоровью, постановка целей и задач на краткосрочные и долгосрочные периоды, а также неиссякаемая мотивация на поддержание в тонусе психического и физического состояния, широкий круг общения и, что немаловажно, высокая познавательная активность дают долгожителям возможность эффективно планировать свою жизнь, а следовательно, и чувствовать уверенность в завтрашнем дне.

В отличие от генетических, поведенческие факторы активного долголетия могут регулироваться, и любой человек может формировать установки на долголетье, используя как свой личный опыт, так и опыт сограждан, которым удалось дожить до преклонного возраста, сохраняя физический и духовный тонус. Влияние на поведенческие установки населения в целом может оказываться и посредством принятия стратегических документов на уровне федеральных, региональных и муниципальных органов власти (например, концепция активного долголетия на территории муниципального образования «Город Вологда» «Вологда — город долгожителей»). При этом не стоит забывать и об институциональных факторах активного долголетия, которые находятся в полном ведении органов власти и могут стать важным инструментом с точки зрения совершенствования системы работы с гражданами пожилого возраста.

Литература

1. Андриянов, В. Социально-экономические и философские проблемы старения населения [Текст] / В. Андриянов // Общество и экономика. — 2011. — № 4-5. — С. 87-121.
2. Барсуков, В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории [Текст] / В.Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз. — 2016. — № 1 (43). — С. 195-213.
3. Бердышев, В.Г. Эколого-генетические факторы старения и долголетия [Текст] / В.Г. Бердышев. — Ленинград: Наука, 1968. — 203 с.
4. Бюттнер, Д. Правила долголетия. Результаты крупнейшего исследования долгожителей [Текст] / Д. Бюттнер. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 272 с.

5. Вишневский, А.Г. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни [Электронный ресурс] / А.Г. Вишневский. – Режим доступа: <http://institutiones.com/general/2104-vozvrast-vykhoda-na-pensiyu-i-prodolzhitelnost-zhizni.html>
6. Вишневский, А.Г. Куда ведет демографический переход? [Электронный ресурс] / А.Г. Вишневский // Вестник московской школы гражданского просвещения. – 2014. – № 2-3 (65). – Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-773.html>
7. Всемирный доклад о старении и здоровье. Резюме [Текст] / Всемирная организация здравоохранения. – 2015. – 32 с.
8. Доброхлеб, В.Г. Активное долголетие как проблема современной молодёжи [Текст] / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. – 2012. – № 4 (58). – 87-91.
9. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>
10. Ермолина, А.А. Индекс активного долголетия как инструмент оценки политики в отношении пожилых в России (Active Ageing Index as an Instrument of Evaluation of Social Policy Toward Elderly People in Russia) : доклад на научно-практическом семинаре «Активное долголетие в контексте социальной политики: проблемы измерения», г. Москва, 10 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csils.hse.ru/seminari>
11. Концепция активного долголетия на территории муниципального образования «Город Вологда» на период до 2035 года «Вологда – город долгожителей»: утв. реш. Вологодской городской Думы от 29 декабря 2014 года № 129 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Вологодской городской Думы. – Режим доступа: <http://www.duma-ologda.ru/upload/iblock/885/885247c5427317c01085cf106e97e1b7.pdf>
12. Короленко, А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода [Текст] / А.В. Короленко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 192-210.
13. Общественное здоровье и экономика [Текст]: монография / Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Д.И. Шмаков, Е.В. Тарасова. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 288 с.
14. Островская, И.В. Продолжительность активного долголетия [Текст] / И.В. Островская // Медицинская сестра. – 2006. – № 6. – С. 14-17.
15. Практическая демография [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
16. Программная справка ЕЭК ООН №13 по вопросам старения «Активное старение» [Текст] / Европейская экономическая комиссия ООН, июнь 2012 г. – 16 с.
17. Савченков, М.Ф. Здоровый образ жизни как фактор активного долголетия [Текст] / М.Ф. Савченков, Л.М. Соседова // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). – 2011. – Т. 103. – № 4. – С. 138-143.
18. Соловьев, А.К. Повышение пенсионного возраста: демографические условия и макроэкономические риски [Текст] / А.К. Соловьев // Экономист. – 2015. – № 7. – С. 3-12.
19. Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. №164-р // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aVz61bY5i.pdf>
20. Татарина, О.В. Некоторые демографические показатели старения и долголетия в Якутии [Текст] / О.В. Татарина, Ю.В. Никитин // Успехи геронтологии. – 2008. – Т. 21. – № 4. – С. 525-534.
21. Уилкоккс, Б. Почему японцы не стареют. Секреты Страны восходящего солнца [Текст] / Б. Уилкоккс, Д. Уилкоккс, М. Судзуки. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 544 с.
22. Уилкоккс, Б. Программа жизни острова Окинава: Секреты долгой и здоровой жизни [Текст] / Б. Уилкоккс, Д. Уилкоккс, М. Судзуки. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 544 с.
23. Характеристика феномена долголетия. Взгляд на проблему [Текст] / М.С. Пистром, В.Э. Сушинский, И.И. Семенов, В.В. Артюшик // Медицинские новости. – 2016. – № 1. – С. 48-51.
24. Шааб, К.С. Долголетие как социальный феномен [Текст] / К.С. Шааб // Аналитика культурологии. – 2008. – № 12. – С. 300-302.
25. Шабунова, А.А. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления [Текст] / А.А. Шабунова, В.Н. Барсуков // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 76-87.

26. Ядов, В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы [Текст] / В.А. Ядов. – М., 1998. – 252 с.
27. Lee, R. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy [Text] / R. Lee, A. Mason. – WESS background paper, 2015. – 35 p.
28. World Bank. Health Nutrition and Population Statistics [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=health-nutrition-and-population-statistics#>
29. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource]. – Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
30. World Population Ageing 2013 [Electronic resource]. – URL: ST/ESA/SER.A/348.<http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml>
31. World Population Prospects: the 2015 revision [Electronic resource]. – Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>
32. World report on aging and health [Text] / World Health Organization. – 2015. – 246 p.

Сведения об авторах

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, lastchaos12@mail.ru)

Александра Владимировна Короленко – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, coretra@yandex.ru)

Евгений Борисович Шулепов – аспирант, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, common@vscs.ac.ru)

Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B.

Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers

Abstract. Population ageing is a major demographic challenge for the majority of developed and developing countries. The implications of population ageing are not reduced to purely economic aspects (increasing the burden on the working population, growing deficit of pension funds) and they lead to a change in people's attitude toward the elderly as a social group, the resource potential of which should be disclosed, the task being of major importance for any "ageing" country. At the same time, a priority of population policy in any country is to increase life expectancy of its citizens. Thus, given the forecast reduction in demand on the labor market and possible raise of the retirement age in Russia, authorities at all levels focus not just on the increase in life expectancy, but on active longevity of its citizens, which is reflected in the maintenance of physical and moral health of man for as long as possible. The paper investigates determinants of active longevity. The first part of the paper provides statistical analysis of prevalence of this phenomenon in various regions of the world and Russia. The authors draw a conclusion that here the role of geographical and climatic conditions on a global scale is insignificant. However, it is revealed that the number of long-livers in the vast majority of cases is directly proportional to the level of socio-economic

development of the territory. The second part of the paper presents the results of sociological research on the determinants of active longevity based on interviews with long-livers in Vologda. The data obtained show that among the factors under consideration it is not the biological (genetic) or geographic factors that are of the greatest importance to the increase in life expectancy, rather it is the behavioral factors such as physical activity, balanced nutrition and a correct day regimen, absence of bad habits, involvement in social activities and extensive social environment, high labor activity. The revealed “secrets” of longevity are not specific recommendations, they rather represent the elements of the style and lifestyle of an individual on the whole, the compliance with which may significantly increase the chances of survival to older ages and help retain physical and mental activity.

Key words: active longevity, long-livers, population ageing.

References

1. Andriyanov V. Sotsial'no-ekonomicheskie i filosofskie problemy stareniya naseleniya [Socio-economic and philosophical problems of population ageing]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2011, no. 4-5, pp. 87-121. (In Russian).
2. Barsukov V.N. Trudovaya aktivnost' naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, fakty, tendentsii prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2016, no. 1(43), pp. 195-213. (In Russian).
3. Berdyshev V.G. *Ekologo-geneticheskie faktory stareniya i dolgoletiya* [Environmental and genetic factors of ageing and longevity]. Leningrad: Nauka, 1968. 203 p. (In Russian).
4. Buettner D. *Pravila dolgoletiya. Rezul'taty krupneishego issledovaniya dolgozhitelei* [Rules of longevity. The results of the largest study of centenarians]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 272 p. (In Russian).
5. Vishnevskii A.G. *Vozrast vykhoda na pensiyu i prodolzhitel'nost' zhizni* [Retirement age and life expectancy]. Available at: <http://institutiones.com/general/2104-vozvrast-vykhoda-na-pensiyu-i-prodolzhitel'nost-zhizni.html>. (In Russian).
6. Vishnevskii A.G. Kuda vedet demograficheskii perekhod? [Where does the demographic transition lead?]. *Vestnik moskovskoi shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya* [Vestnik of the Moscow School of Civic Education], 2014, no. 2-3(65). Available at: <http://otetrad.ru/article-773.html>. (In Russian).
7. *Vsemirnyi doklad o starenii i zdorov'e. Rezyume* [World report on ageing and health. Summary]. World Health Organization, 2015. 32 p. (In Russian).
8. Dobrokhleb V.G. Aktivnoe dolgoletie kak problema sovremennoi molodezhi [Active aging as a problem of modern young people]. *Narodonaselenie* [Population], 2012, no. 4(58), pp. 87-91. (In Russian).
9. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema* [Unified interdepartmental information-statistical system]. Available at: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>. (In Russian).
10. Ermolina A.A. *Indeks aktivnogo dolgoletiya kak instrument otsenki politiki v otnoshenii pozhilykh v Rossii (Active Ageing Index as an Instrument of Evaluation of Social Policy Toward Elderly People in Russia): doklad na nauchno-prakticheskoy seminar "Aktivnoe dolgoletie v kontekste sotsial'noi politiki: problemy izmereniya"*, g. Moskva, 10 marta 2015 g. [Active Ageing Index as an Instrument of Evaluation of Social Policy Toward the Elderly People in Russia: a report on the scientific-practical seminar “Active ageing in the context of social policy: questions of assessment”, Moscow, March 10, 2015.]. Available at: <https://csils.hse.ru/seminari>. (In Russian).
11. Kontsepsiya aktivnogo dolgoletiya na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya “Gorod Vologda” na period do 2035 goda “Vologda – gorod dolgozhitelei”: utv. resh. Vologodskoi gorodskoi Dumy ot 29 dekabrya 2014 goda № 129 [“Vologda – a city of long-livers” – the concept for active longevity on the territory of the municipal formation “City of Vologda” for the period till 2035: approved by the decision of the Vologda City Duma of December 29, 2014 No. 129]. *Ofitsial'nyi sait Vologodskoi gorodskoi Dumy* [Official website of the Vologda City Duma]. Available at: <http://www.duma-vologda.ru/upload/iblock/885/885247c5427317c01085cf106e97e1b7.pdf>. (In Russian).

12. Korolenko A.V. Dinamika smernosti naseleniya Rossii v kontekste kontseptsii epidemiologicheskogo perekhoda [Dynamics of mortality in Russia in the context of the epidemiologic transition concept]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4 (40), pp. 192-210. (In Russian).
13. Prokhorov B.B., Gorshkova I.V., Shmakov D.I., Tarasova E.V. *Obshchestvennoe zdorov'e i ekonomika: monografiya* [Public health and the economy: monograph]. Moscow: MAKS Press, 2007. 288 p. (In Russian).
14. Ostrovskaya I.V. Prodolzhitel'nost' aktivnogo dolgoletiya [Duration of active ageing]. *Meditinskaya sestra* [Nurse], 2006, no. 6, pp. 14-17. (In Russian).
15. Rybakovskii L.L. (Ed.). *Prakticheskaya demografiya* [Practical demography]. Moscow: TsSP, 2005. 280 p. (In Russian).
16. *Programmynaya spravka EEK OON №13 po voprosam stareniya "Aktivnoe starenie", iyun' 2012 g.* [Active ageing. UNECE Policy Brief on Ageing No. 13. June 2012]. 16 p. (In Russian).
17. Savchenkov M.F., Sosedova L.M. Zdorovyi obraz zhizni kak faktor aktivnogo dolgoletiya [Healthy lifestyle as a factor promoting active ageing]. *Sibirskii meditsinskii zhurnal (Irkutsk)* [Siberian medical journal (Irkutsk)], 2011, vol. 103, no. 4, pp. 138-143. (In Russian).
18. Solov'ev A.K. Povyshenie pensionnogo vozrasta: demograficheskie usloviya i makroekonomicheskie riski [Raising the retirement age: demographic conditions and macroeconomic risks]. *Ekonomist* [Economist], 2015, no. 7, pp. 3-12. (In Russian).
19. Strategiya deistviy v interesakh grazhdan pozhilogo vozrasta: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 5 fevralya 2016 g. №164-r [Strategy of actions in the interests of elderly citizens: approved. by the Resolution of the Government of the Russian Federation of February 5, 2016 No. 164-R]. *Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Rossii* [Official website of the Russian Government]. Available at: <http://government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf>. (In Russian).
20. Tatarinova O.V., Nikitin Yu.V. Nekotorye demograficheskie pokazateli stareniya i dolgozhitel'stva v Yakutii [Some demographic indices of ageing and longevity in Yakutia]. *Uspekhi gerontologii* [Successes in gerontology], 2008, vol. 21, no. 4, pp. 525-534. (In Russian).
21. Willcox B., Willcox D., Suzuki M. *Pochemu yapontsy ne stareyut. Sekrety Strany voskhodyashchego solntsa* [The Okinawa Program]. Moscow: RIPOL klassik, 2013. 544 p. (In Russian).
22. Willcox B., Willcox D., Suzuki M. *Programma zhizni ostrova Okinava: Sekrety dolgoi i zdorovoi zhizni* [The Okinawa Program: How the World's Longest-Lived People Achieve Everlasting Health--And How You Can Too]. Moscow: RIPOL klassik, 2005. 544 p. (In Russian).
23. Pstrom M.S., Sushinskii V.E., Semenenkov I.I., V.V. Artyushchik Kharakteristika fenomena dolgoletiya. Vzglyad na problemu [Characterizing the phenomenon of longevity. A look at the problem]. *Meditinskiiye novosti* [Medical news], 2016, no. 1, pp. 48-51. (In Russian).
24. Shaab K.S. Dolgozhitel'stvo kak sotsial'nyi fenomen [Longevity as a social phenomenon]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 2008, no. 12, pp. 300-302. (In Russian).
25. Shabunova A.A., Barsukov V.N. Tendentsii demograficheskogo stareniya naseleniya Rossiiskoi Federatsii i puti ikh preodoleniya [Trends in demographic ageing of population of the Russian Federation and ways of overcoming them]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 1 (75), pp. 76-87. (In Russian).
26. Yadov V.A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, techniques]. Moscow, 1998. 252 p. (In Russian).
27. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. WESS background paper, 2015.* 35 p.
28. *World Bank. Health Nutrition and Population Statistics.* Available at: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=health-nutrition-and-population-statistics#>
29. *World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository.* Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
30. *World Population Ageing 2013.* Available at: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)
31. *World Population Prospects: the 2015 revision.* Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>
32. *World Report on Aging and Health.* World Health Organization, 2015. 246 p.

Information about the Authors

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, onk82@yandex.ru)

Vitalii Nikolaevich Barsukov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, lastchaos12@mail.ru)

Aleksandra Vladimirovna Korolenko – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, coretra@yandex.ru)

Evgenii Borisovich Shulepov – Graduate Student, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, common@vscc.ac.ru)

Статья поступила 03.06.2016

Исследование влияния социальных трансформаций на бедных пожилых людей, проживающих в сельских районах

Ма Сюэсун

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай

Аннотация. В настоящее время Китай переживает период ускоренных социальных преобразований, при которых в сельской местности страны происходят глубокие изменения в политической системе, производстве, образе жизни, составе семьи и структуре доходов, что является прогрессом для общества. Между тем, из-за сложности и длительного характера социальных преобразований, это приводит к обеднению пожилых людей, проживающих в сельской местности, и затрудняет решение проблемы бедности для данной категории населения. Проблемы и трудности, возникающие в ходе социальных преобразований, должны быть решены и преодолены.

Ключевые слова: социальная трансформация, сельские районы Китая, бедные пожилые люди.

Под социальной трансформацией понимается исторический процесс перехода общества от менее развитого к более развитому и эффективно функционирующему. Китайское общество переживает исторический процесс «изменения и развития от

традиционного общества к современному, от аграрного общества к индустриальному и информационному, от закрытого общества к открытому¹», за которым следует переход от сельского общества к городскому и соответственное развитие.

¹ Guo Dehong. A review of research on Chinese modern society transformation., *Historiography Anhui*, 2003, volume 1.

Для цитирования: Ма Сюэсун. Исследование влияния социальных трансформаций на бедных пожилых людей, проживающих в сельских районах / Ма Сюэсун // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 95-102. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.5

For citation: Ma Xuesun. Research on influence of social transformation on rural poor aged people. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 95-102. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.5

Социальная трансформация Китая — это длительный исторический процесс. Исследователи обычно делят его на три этапа. Первый этап: 1840—1949 гг. — начало социальной трансформации Китая, его ключевыми событиями стали Первая Опиумная война и основание нового Китая; второй этап: 1949—1978 гг., когда социальная трансформация в Китае происходила в умеренном темпе; особенностями данного этапа стали начало строительства нового Китая, возникновение большого количества проблем, требовавших решения, и вставшие перед страной многочисленные испытания и трудности; третий этап: 1978 г. — настоящее время, который характеризуется быстрыми и ускоренными процессами социальной трансформации в Китае; важным событием данного этапа является Третье пленарное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 11 созыва, а отличительными особенностями — углубленные реформы и принятие политики открытости. В настоящей статье исследуемый временной отрезок приходится в основном на третий этап (1978 г. — настоящее время).

I. Изменения в сельской местности Китая в период социальной трансформации

В 1978 году на Третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 11 созыва была принята руководящая идеология «освобождения ума и поиска правды, опираясь на факты». Также было принято серьезное стратегическое решение о смещении ключевых приоритетов в работе партии на осуществление социалистической модернизации, политики открытости и реформ. С тех пор Китай перешел на путь открытости и реформ и проводит социалистическую политику с собственной национальной спецификой. Социальные преобразования в Китае вошли в быструю и ускоренную стадию, и ки-

тайское общество пережило колоссальные перемены. Глубокие изменения в сельских районах Китая показаны главным образом в следующих аспектах.

1. Упразднение системы народных коммун

Что касается реформирования системы то, во-первых, упразднение системы народных коммун в значительной степени высвободило многие сельскохозяйственные факторы производства, включая рабочую силу. После того как в 1958 г. было принято решение о повсеместном создании народных коммун сельских жителей, существовавшие долгое время жестко централизованная система управления и метод среднего распределения прочно закрепили факторы сельскохозяйственного производства в рамках сельской общины, что в значительной степени сдерживало производственный энтузиазм фермеров. Упразднение системы народных коммун предоставило фермерам право выбора занятия и сняло с них институциональные ограничения, позволив им переходить из сельского хозяйства в другие области занятости.

2. Реализация системы ответственности домохозяйств с оплатой труда в зависимости от производительности

1 января 1982 г. был принят первый официальный документ в истории Коммунистической партии Китая, касающийся сельского труда. В нем ясно указывалось, что установление квот фермерского производства на основе домохозяйств и контрактная система домохозяйств входят в сферу производственной ответственности социалистической коллективной экономики. После этого система ответственности домохозяйств с оплатой труда в зависимости от производительности приобрела всестороннюю поддержку, поэтому фермеры получили автономные права, право принятия операционных решений, право на

продажу продукции и распределение доходов и стали относительно независимыми производителями. С внедрением системы ответственности домохозяйств с оплатой труда в зависимости от производительности был исправлен недостаток, заключающийся в том, что традиционное высокоцентрализованное управление и режим работы были неэффективными. Фермеры были тесно связаны с землей, и их переход из категории простых работников в категорию производителей и управляющих в коллективной экономике в значительной степени способствовал росту их производственного энтузиазма.

3. Фактическое ослабление системы регистрации по месту жительства

В 1984 году Центральное правительство Китая приняло решение о том, что «фермерам, занимающимся предоставлением услуг и занятым в предпринимательской деятельности и в сфере услуг» разрешено обосновываться в городах. В октябре 1984 г. Государственный совет издал «Уведомление о фермерах, обосновывающихся в городах», согласно которому фермеры и их родственники, работающие в городах (за исключением уездных городов) и занятые в предпринимательстве и в сфере услуг, получают постоянное местожительство в городе. Трудоспособные граждане или те, кто работает на предприятиях и учреждениях длительное время, получают разрешение от Департамента общественной безопасности на регистрацию постоянного места жительства и считаются представителями неаграрных домохозяйств. Возникновение такого явления, как «зарегистрированное постоянное место жительства с самообеспечением в городах», ознаменовало официальное начало реформы системы регистрации домохозяйств, проведя четкую границу между селом и

городом. Хотя это был ещё только первый шаг на длительном пути, но он очень важен на пути к фактически свободной системе регистрации домохозяйств.

В октябре 1985 г. Китай приступил к внедрению системы идентификационных карт. Фактически свободная система регистрации домохозяйств и внедрение системы идентификационных карт предоставили фермерам правовой статус при перемещении между городом и селом.

4. Создание рыночного механизма и реформа системы трудоустройства

В 1993 году решением Центрального Комитета Коммунистической партии Китая «О некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики», принятым на Третьем пленарном заседании 14 созыва, было указано, что страна должна направлять излишки сельской рабочей силы в неаграрные отрасли экономики и способствовать созданию её упорядоченного потока между регионами. В декабре 1993 г. «Общая концепция реформы трудовой системы при создании системы социалистической рыночной экономики», разработанная Министерством труда, предложила следующее: «Целевой режим развития рынка рабочей силы заключается в создании современного рынка рабочей силы с честной конкуренцией, эффективным функционированием, качественным регулированием и полным набором услуг; кроме того, он призван изменить кадровую политику планирования производства и распределения и убрать барьер идентификации личности, препятствующий перемещению рабочей силы между различными системами собственности. Работник может самостоятельно выбрать профессию и свободно перемещаться, а предприятия могут самостоятельно выбирать сотрудников. Поставщик и потребитель рабочей си-

лы устанавливаются трудовые отношения на основе честной конкуренции и выбора. С точки зрения долгосрочного развития создание рынка рабочей силы в рамках честной конкуренции требует постепенного стирания границ трудовой мобильности между городом и деревней и между регионами». Создание рыночного механизма и реформа системы трудоустройства способствуют перемещению излишков трудовых ресурсов села в город. Значительное количество рабочих-мигрантов в Китае участвует в трудовой мобильности в течение почти 40 лет. Рабочие-мигранты вносят огромный вклад в социальные преобразования в Китае.

5. Значительные изменения в структуре доходов фермеров

После проведения реформ и принятия политики открытости чистый доход фермеров на душу населения вырос с 134 юаней в 1978 г. до 11422 юаней в 2015 г., ежегодно увеличиваясь на 12,77% и сохраняя высокие темпы роста в целом.

Вместе с тем, в структуре доходов фермеров произошли глубокие изменения: её тип был преобразован из упрощенного в составной, произошла диверсификация источников дохода; операционный доход домохозяйства постепенно сокращался, а трудовой доход увеличивался. В настоящее время трудовой доход составляет значительную долю в доходах фермеров (свыше 50%).

6. Значительные изменения в структуре сельского населения и составе семьи

Китайская политика «Одна семья — один ребенок», реформы и политика открытости были приняты почти одновременно. За 30 лет проведения политики «Одна семья — один ребенок» структура сельского населения и структура семьи в Китае претерпели глубокие изменения.

В сельской местности Китая существует положительный взгляд на продолжение рода: «Вы можете стать счастливее, если у вас будет больше детей». Политика «Одна семья — один ребенок» была принята в 1979 г. В основном молодые фермеры отправлялись на заработки в города и попадали под влияние современной городской цивилизации. Между тем, экономическое положение и особенности трудовой деятельности молодых фермеров, работающих в городе, отразились и на их репродуктивных установках. «Поздний брак и меньшее количество детей» стали неизбежным выбором для молодых рабочих-мигрантов. Политика планирования семьи привела к сокращению численности населения Китая на 400 миллионов человек; эта политика, без сомнения, реализовывалась и в сельской местности. Сельская рабочая сила показывает нисходящий тренд, и это установленный факт. Однако, по своему составу сельская семья уменьшается и приближается к нуклеарной. Данные показывают, что количество членов сельской семьи уменьшилось с 5,7 человека в среднем в 1978 году² до 3,3 человека в среднем в 2010 году³.

В процессе социальной трансформации сельская местность Китая претерпела и другие глубокие изменения: например, отмена сельскохозяйственных налогов изменила отношения между фермерами и государством; кроме того, поощрялось рыночное экономическое развитие и увеличивалась мобильность населения, в сельской местности появилась новая, более сложная, иерархическая классификация, диверсифицированные преимущества и т. д.

² Han Jun. Research on rural economic and social transformation since the reform and opening-up. *Economic Research Guide*, 2008, volume 2.

³ National Health and Family Planning Commission, China *Family Development Report 2014*. China Population Publishing House, 2014.

II. Влияние социальных преобразований на бедных пожилых людей, проживающих в сельских районах

1. Численность бедных пожилых людей на селе

Для того, чтобы проработать вопрос, касающийся бедных пожилых людей сельских районов, необходимо провести оценку их количества.

Чтобы «получить реальную картину», мы рассматриваем в данном исследовании число людей, получающих минимальное сельское прожиточное пособие. Выбор объясняется тем, что организации выше уездного уровня в Китае ведут учет количества людей, получающих минимальное сельское прожиточное пособие, и ежемесячно представляют данную информацию в Министерство гражданской администрации, в том числе информацию о количестве людей старше 60 лет, получающих минимальное сельское прожиточное пособие. Несмотря на то, что минимальное сельское прожиточное пособие и дополнительная стандартная выплата в Китае различны, данные о пожилых людях, получающих минимальное сельское прожиточное пособие, подтверждаются как на местном уровне экономического развития, так и по собственному уровню жизни, что точно отражает количество бедных пожилых людей в сельской местности. По данным Министерства гражданской администрации, в конце 2015 года общее количество людей, получающих минимальное сельское прожиточное пособие, составляло 49 031 599, включая 20 043 541 человек в возрасте старше 60 лет. На конец 2015 года было зарегистрировано 1,581 млн. человек, получающих пособие согласно пяти национальным направлениям поддержки, и 3,581 млн. человек — согласно адресным мерам поддержки. В настоящее время в Китае насчитывается 25 205 541 бедных пожилых людей, проживающих на селе и получающих минимальное сельское прожиточное

пособие и пособие в рамках пяти национальных направлений поддержки. Необходимо отметить, что хотя количество людей, получающих минимальное сельское прожиточное пособие, рассчитывается ежемесячно, оно может охватывать минимальный масштаб численности бедного населения, и фактическое число бедных пожилых людей, проживающих в сельской местности, может значительно превышать данный показатель.

В 1978 году начался ускоренный период социальной трансформации страны. В этот период китайская экономика переживала бурное развитие, существенно повысился уровень урбанизации, излишки сельской рабочей силы перемещались в города в большом количестве и на длительный срок, политика планирования семьи была полностью выполнена, были созданы и реализованы новая сельская кооперативная система медицинской помощи и новая дотационная система страхования на селе. На общем фоне быстрых социальных преобразований некоторые факторы становятся причинами обеднения пожилого сельского населения и затрудняют борьбу с бедностью среди пожилого населения сельских районов. Таким образом, положение дел в данной социальной группе представляет очередную проблему в период социальной трансформации.

2. Ускорение урбанизации и обезлюдение сельских территорий

Как правило, если уровень урбанизации составляет 30–60%, это период ускорения урбанизации. В 1998 г. уровень урбанизации Китая составил 30,4%, т.е. началась фаза ускоренной урбанизации. Китайская Народная Республика была основана в 1949 г., когда уровень урбанизации составлял лишь 10,64%; в 1999 г. он — 30,89%, т.е. за 50 лет рост составил лишь 20,25 процентных пункта и 0,41 процентных пункта в год. После начала фазы ускорения в 1998 г. темпы ур-

банизации достигли 56,10% в 2015 г. За 17 лет они выросли на 25,21 процентных пункта, что превышает суммарный показатель предыдущих 50 лет, и среднегодовой рост составлял 1,48 процентных пункта, что свидетельствует об очевидной тенденции ускорения урбанизации.

С ускорением урбанизации наблюдается значительное перемещение излишков сельской рабочей силы в города, обезлюдение сельских территорий. Это привлекло большое внимание общественности, поскольку обезлюдение деревни — очень серьезная проблема.

Обезлюдение сделало жизнь сельских пожилых людей ещё более тяжелой, особенно это касается бедных пожилых людей. Во-первых, с уменьшением числа жителей прекращают работу или переезжают в другие места пункты оказания медицинской помощи. Во-вторых, с уменьшением масштабов деревни не производится ремонт дорог, коммуникаций и прочих объектов инфраструктуры. С течением времени состояние инфраструктуры ухудшается. В-третьих, вследствие постепенного сокращения количества сельских жителей испытывают трудности некоторые системы обслуживания (уход за пожилыми людьми, культурно-досуговая сфера и т. д.), требующие взаимодействия с населением; не может быть обеспечено функционирование даже имеющейся системы услуг. В-четвертых, традиционные сельские развлечения прошлого, такие как пение, танцы с фонарями в виде огненных драконов и т. д., уже не проводятся и данные традиции не передаются из поколения в поколение. Пожилые люди могут чувствовать себя одиноко, и даже проведение похорон тоже представляет трудности.

3. «Оставленная» деревня и «забытая» бедность

Как было сказано выше, большинство переселенцев в Китае — это сельские ми-

гранты. Согласно системе «неполной урбанизации», они работают в городе, но зарегистрированы в сельской местности. Некоторые члены семьи работают в городе, другие остаются в сельской местности. Они работают в городе в молодом возрасте и возвращаются в деревню в старости. Таким образом, существует огромная группа пожилых людей, оставшихся в сельской местности, в то время как их молодые родственники уехали на заработки в город. В Докладе о старении населения Китая (2013) отмечено, что в 2012 году было около 50 миллионов оставшихся в деревнях пожилых людей, что составляло 50% от общего количества сельских жителей⁴. Существует три основных типа пожилых людей, оставшихся в деревнях: пожилая семейная пара, одинокие пожилые люди и домохозяйства, состоящие из старых бабушек и дедушек с несовершеннолетними внуками.

С увеличением возраста пожилых людей, оставшихся в деревнях, их заболеваемость с каждым годом возрастает. Однако, вследствие ограниченной доступности медицинской помощи в сельских районах, возникают трудности в её получении. Если пожилым людям, оставшимся в деревнях, необходимо будет съездить к врачу в город, они не смогут этого сделать из-за того, что им не с кем оставить внуков или они не смогут добраться до города без сопровождения, поэтому многие пожилые люди переносят незначительные и серьезные заболевания без получения медицинской помощи, что существенно отражается на их физическом здоровье. Оставшиеся в деревнях пожилые люди на длительный срок разлучаются с детьми. Они страдают от бедности не только в экономическом плане, но и переживают духовное одиночество. Оставленные в деревнях пожилые

⁴ Wu Yushao (Ed.). *China Ageing Development Report 2013*. Social Sciences Academic Press, 2013.

люди не могут рассчитывать на лечение, которое получают другие группы пожилого населения в случае болезни, и не могут жить полноценной жизнью в старости.

4. Двойной ущерб вследствие потери единственного ребенка в семье

«Семья, потерявшая единственного ребенка» — это семья, в которой супруги родили или усыновили ребенка, но он умер в результате болезни или несчастного случая, и пара не смогла больше ни родить, ни усыновить ребенка⁵. «Семья, потерявшая единственного ребенка» — это новая проблема, вызванная политикой планирования семьи.

Профессор Му Гуанцзун из Института изучения населения при Пекинском университете считает, что политика «Одна семья — один ребенок» представляет риск для семьи⁶, этот риск испытывают семьи, потерявшие единственного ребенка. Кроме того, очень сложно справиться с психологической травмой; теряется функция семьи как продолжателя рода; семья испытывает финансовые затруднения, и её ждет одинокая и грустная старость; семейные отношения ухудшаются; семья распадается, что добавляет унижение к горю от потери ребенка; семья испытывает трудности из-за необходимости заботиться о третьем поколении.

5. Низкие выплаты в рамках новой системы сельского социального пенсионного страхования

В 2009 г. Китай запустил экспериментальную программу сельского социального пенсионного страхования. К концу декабря 2012 г. все административные единицы уездного уровня приняли новую систему сельского социального пенсионного стра-

хования. Источниками средств являются отдельные платежи, коллективные субсидии и государственные дотации. Таким образом, объем выплат по новой системе сельского социального пенсионного страхования определяется условиями экономического развития и финансовыми возможностями регионов. В слаборазвитых районах выплаты фермерам в рамках системы пенсионного страхования всегда очень низкие.

В 2014 г. Государственный совет издал «Рекомендации по созданию единой системы базового пенсионного страхования для городских и сельских жителей», чтобы объединить новую систему сельского пенсионного страхования с системой пенсионного страхования городских жителей и создать единую систему базового пенсионного страхования для городских и сельских жителей в целом по стране. Выплаты согласно данной системе производятся в соответствии с правилами. Есть 12 уровней выплат пенсионного страхования: 100 юаней, 200 юаней, 300 юаней, 400 юаней, 500 юаней, 600 юаней, 700 юаней, 800 юаней, 900 юаней, 1000 юаней, 1500 юаней и 2000 юаней в год. Более высокий уровень оплаты лучше подходит для регионов с разным уровнем экономического развития и для городских и сельских жителей с разным уровнем дохода. Выплаты по другим критериям существенно не изменились. Для бедных пожилых людей, проживающих в сельской местности, размер выплат в рамках пенсионного страхования очень низкий, что не способствует улучшению их материального положения. Между тем, существует препятствие для переноса и продления пенсионного страхования для трудовых мигрантов, что вызывает скрытое беспокойство по поводу получения пенсии в родном городе. В настоящее время среди бедных пожилых людей, проживающих в сельской местности, есть много тех, кто ранее был трудовым мигрантом.

⁵ Wang Weiwei, Hu Cheng. Review of loss of single child family problem in China. *Journal of Chongqing City Management College*, 2013, volume 3.

⁶ Mu Guangzong. Building people-oriented population policy and population strategy. *Study Times*. 4th edition. 2004. October 18.

6. Новая сельская кооперативная система медицинской помощи неэффективна в борьбе с бедностью

Болезнь — это один из важных факторов, сопровождающих бедность, особенно актуальный для бедных пожилых людей, проживающих в сельской местности.

Пожилые люди отличаются высоким уровнем заболеваемости, разнообразием болезней и высоким процентом госпитализации. Увеличивается количество случаев старческого слабоумия, требующих постоянного медицинского наблюдения. Бедность, вызванная болезнью, — распространенное явление в сельской местности.

Новая сельская кооперативная система медицинской помощи смягчила экономическое бремя, вызванное заболеваниями среди сельских бедных пожилых людей. Однако, как показывает наше исследование, многие пожилые люди страдают от бедности, являющейся следствием болезни. Размер пособия в рамках новой сельской кооперативной системы медицинской помощи — небольшой, а процедура подачи заявки на «реимбурсацию» доста-

точно сложная и длительная. Учреждение, в котором можно получить реимбурсацию, находится далеко, а стоимость подачи заявления возрастает, поэтому многие пациенты отказываются от лечения. Набор медицинских услуг, предоставляемых стационарными медицинскими учреждениями, в некоторых уездах и городах ограничен. Если пациент обращается в медицинское учреждение более высокого уровня, то размер реимбурсации будет снижен. Таким образом, пожилые пациенты, проживающие в деревнях, оказываются в затруднительном положении.

Социальные трансформации характеризуются целостностью, сложностью и продолжительностью. Очевидно, что, с одной стороны, социальная трансформация приведет к развитию сельской местности Китая, а с другой стороны, будет способствовать развитию бедности и препятствовать борьбе с бедностью среди пожилых людей, проживающих в сельских районах. Данные проблемы возникли в результате процесса преобразований, и он же сыграет ключевую роль в их решении.

Сведения об авторе

Ма Сюэсун — главный научный сотрудник Академии общественных наук провинции Цзянси, Наньчан, Китай

Ma Xuesong

Research on Influence of Social Transformation on Rural Poor Aged People

Abstract. China is in the acceleration period of social transformation. In this period, Chinese rural area is experiencing profound change in political system, production mode, living style, family structure and income composition, which is the progress of society. Meanwhile, due to the complexity and persistence of social transformation, it results in rural poor aged people and causes some difficulties for rural poor aged people to get rid of poverty. Problems and difficulties in the social transformation process must be solved and overcome in the process of social transformation.

Key words: social transformation, Chinese rural area, poor aged people.

Information about the Author

Ma Xuesong — Chief Research Associate, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, China)

Статья поступила 18.07.2016

Комплексная оценка интеграционной активности бизнес-структур в российских регионах*

**Мария Геннадьевна
КАРЕЛИНА**

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
marjyshka@mail.ru

Аннотация. В условиях введения экономических санкций и усиливающейся международной изоляции проблема исследования межрегиональных различий интеграционного развития приобретает для России особую актуальность, что определило необходимость комплексной оценки интеграционной активности бизнес-структур в российских регионах. Многообразие подходов к изучению проблем и перспектив экономической интеграции и существующий диспут о роли интеграционных процессов в развитии региональных экономик определили комплексность рассмотрения в работе понятий «интеграция» и «интеграционная активность» для формирования объективных предпосылок анализа интеграционной активности бизнес-структур в регионах России. Информационную базу исследования составили данные российских информационно-аналитических агентств. В качестве исследовательского инструментария были использованы методы анализа структурных сдвигов, методы анализа экономической дифференциации и концентрации, методы непараметрической статистики, а также методы эконометрического анализа. В первой части статьи показано, что социально-экономическое развитие субъектов России тесно связано с функционированием расположенных на его территории интегрированных бизнес-структур. Исследование структуры и динамики интеграционной активности позволило выявить возрастающую

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-5339.2016.6).

Для цитирования: Карелина, М.Г. Комплексная оценка интеграционной активности бизнес-структур в российских регионах / М.Г. Карелина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 103-121. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.6

For citation: Karelina M.G. Comprehensive assessment of integration activity of business structures in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 103-121. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.6

неоднородность интеграционной активности бизнес-структур в регионах России. Гипотеза о существенной дивергенции слияний и поглощений корпоративных структур в российских регионах была подтверждена высокими значениями коэффициента Джини, коэффициента Герфинделя и децильного коэффициента дифференциации. Во второй части статьи проведен сравнительный анализ и предложен эконометрический подход к измерению интеграционной активности бизнес-структур в субъектах Российской Федерации на основе построения интегральных синтетических категорий. Центральное место в предложенном подходе заняла разработка системы показателей интеграционной активности, которая включила в себя пять функциональных блоков: рынок корпоративного контроля, мезоэкономические показатели, финансы организаций, инвестиции, преступления и правонарушения в сфере экономики. Предложенная иерархическая система статистических показателей и частных критериев интеграционной активности охватывает практически всех участников рыночных отношений и комплексно отвечает требованиям институтов государственного регулирования. Результаты исследования имеют практическую значимость, так как они могут быть использованы для совершенствования существующих федеральных программ, направленных на сглаживание диспропорций в социально-экономическом развитии субъектов РФ. На основе представленного анализа возможно качественное формирование инфраструктуры рынка слияний и поглощений и разработка мер региональных политик повышения конкурентоспособности российских регионов.

Ключевые слова: бизнес-структура, интеграционная активность, региональная экономика, слияния и поглощения, структурные изменения, эконометрический подход.

Введение

В последние десятилетия роль экономической интеграции в системе экономических отношений любого государства существенно возросла. Масштабы и уровень экономической интеграции в значительной степени являются макроэкономическими индикаторами эффективного функционирования национальной экономики и ее институтов. В современных российских условиях интеграционные процессы способствуют восстановлению структурной целостности национальной экономики, выравниванию пространственных характеристик промышленного потенциала страны, активизации инновационной активности бизнеса, повышению конкурентоспособности отечественной продукции, что является залогом реиндустриализации отечественной экономики [3].

Исследование интеграционной активности бизнес-структур в регионах России целесообразно начать с уточнения описы-

вающих ее фундаментальных категорий. Термин «экономическая интеграция» появился в 1930-е гг. в работах немецких и шведских экономистов, но и сегодня общей теории интеграции пока не создано [6]. Теоретические школы, фиксируя внимание на отдельных сторонах интеграционного процесса, дают разные определения интеграции как экономического явления. Поэтому традиционно существуют разные подходы к толкованию главных категорий, характеризующих интеграционный процесс [23]. Согласно одному из самых емких определений, представленному в Большом экономическом словаре А.Б. Борисова: *интеграция* (от лат. integer – целый) – объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними. При этом экономическая интеграция имеет место как на уровне национальных хозяйств целых стран, так и на уровне отдельных бизнес-структур [24].

Согласно синергетической парадигме, описывающей законы развития сложных систем, в основе эволюционных процессов лежит свойство данных систем упорядочивать внутреннюю структуру путем усиления взаимосвязей структурных элементов. Применение этого положения к исследованию процесса производственной интеграции позволяет сформулировать понятие *интеграционной активности*, под которым понимается экономическая деятельность хозяйствующих субъектов, направленная на углубление и усиление взаимодействия, взаимосвязей и сотрудничества с целью более полного использования хозяйствующими субъектами своих конкурентных преимуществ и получения синергетического эффекта от объединения.

Так сложилось, что исследования особенностей развития в России корпоративных интегрированных бизнес-структур и проблем социально-экономического развития российских регионов ведутся в основном независимо друг от друга – разными учеными, экспертами и разными научно-исследовательскими, аналитическими структурами. Как результат – несмотря на то, что в последнее время было опубликовано достаточно много исследований интеграционной активности хозяйствующих субъектов на уровне российской экономики в целом (например, И.Г. Владимирова, Ю.В. Игнатишин, С.В. Гвардин, М.М. Мусатова, Н.Б. Рудык и др.), анализ интеграционной активности бизнес-структур в регионах России в основном остается без внимания¹.

Следует отметить, что в настоящее время не проработаны вопросы статистического анализа структурных различий в ре-

гиональной интеграционной активности, построения интегральной оценки мобильности структуры М&А² по регионам, федеральным округам (ФО). Среди признаков, характеризующих региональную экономическую систему, следует особое внимание уделить показателям интеграционной активности, оказывающим влияние на экономический рост и эффективность функционирования региональных экономик.

Таким образом, проблема исследования дифференциации межрегиональных различий социально-экономических показателей, в том числе и интеграционной активности хозяйствующих субъектов, приобретает для России особую актуальность. Причем исследования в этой области должны базироваться на сопоставимой статистической информации, поскольку только в этом случае могут быть выполнены предметные исследования. На основе проведенного сравнительного анализа данных информационно-аналитических агентств в качестве источника информации для проведения данного исследования была выбрана база данных агентства «Слияния и поглощения».

Статистический анализ интеграционной активности бизнес-структур в региональном разрезе

Неравномерность распределения экономической активности на территории России способствует усилению дифференциации ее субъектов по уровню развития. Рост дифференциации российских регионов во многом объясняется жесткой конкуренцией за ограниченные ресурсы. В 2013 г. в пяти регионах было сосредоточено 24,52% трудовых ресурсов страны. В пяти регионах, лидерах по объемам инвестиций, было сосредоточено 64,53% таких инвестиций [13].

¹ Чуть ли не единственным исключением из этого правила является книга О.В. Кузнецовой, А.В. Кузнецова, Р.Ф. Туровского, А.С. Четверикова «Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов» (2013).

² Американская аббревиатура процессов слияний и поглощений.

В современных условиях бизнес-структуры являются неотъемлемым атрибутом экономического развития российских регионов. Они функционируют практически во всех отраслях экономики, реализуют свои проекты в значительном количестве регионов [12, 18]. При этом социально-экономическое развитие субъектов РФ тесно связано с функционированием расположенных на его территории хозяйствующих субъектов, т.е. находится в прямой зависимости от количественных и качественных результатов деятельности предприятий российских бизнес-структур в долгосрочном периоде. Эта взаимосвязь проявляется через инвестиционную и инновационную составляющие, поддержку социальной сферы, компенсационные выплаты российских бизнес-структур за использование ресурсной и инфраструктурной базы территории [5, 16].

Примерно четверть всех регионов России, в которых основным донором бюджета выступают крупные вертикально-интегрированные структуры, имеют многопрофильную экономику [11]. Анализ статистической взаимосвязи между количеством сделок слияний и поглощений

российских бизнес-структур и налоговыми отчислениями по федеральным округам на основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($\rho = 0,772$) показал наличие прямой связи между количеством сделок M&A и налоговыми отчислениями. Отсюда следует, что процессы слияний и поглощений необходимо рассматривать в контексте стратегического взаимодействия региональных органов власти и компаний.

В таблице 1 представлены дескриптивные статистики стоимостного объема регионального рынка слияний и поглощений за 2006–2013 гг. Данные таблицы показывают, что минимальное значение стоимостного объема регионального рынка M&A в 2013 г. составило 63 млн. долл. США. При этом изучаемое распределение регионов было неоднородным в течение всего анализируемого периода (коэффициент вариации колеблется в интервале от 311,15 до 426,48%).

Таким образом, интеграционная активность регионов России, рассчитываемая как стоимостный объем регионального рынка M&A, неоднородна. В Центральном федеральном округе значение

Таблица 1. Дескриптивные статистики стоимостного объема регионального рынка слияний и поглощений по субъектам РФ, 2006–2013 гг.

Показатель	Значение							
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1. Минимальное значение x_{\min} , млн. долл. США	63	98	85	18	43	75	61	63
2. Максимальное значение x_{\max} , млн. долл. США	27651	71010,4	77154	42343,6	73619	68514	11811	12005
3. Среднее значение \bar{X} , млн. долл. США	1015,3	2098,9	1910,6	922,1	912,3	1268,9	1368,9	1320,5
4. Коэффициент вариации v , %	343,1	426,48	347,9	383,23	354,87	311,5	399,2	398,78
5. Среднеквадратическое отклонение σ , млн. долл. США	3483,6	8951,6	6648,9	3534,2	3237,4	3952,7	5463,8	5265,9
6. Асимметрия A	7,84	7,78	7,91	7,86	6,93	6,01	5,60	5,72
7. Эксцесс E	10,94	11,35	12,71	12,13	11,05	11,35	11,56	11,48

Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».

данного показателя в 2013 г. составило 49594 млн. долл. США, в Уральском – 3863 млн. долл. США, а в Северо-Кавказском – только 28 млн. долл. США. Высокая интеграционная активность в Центральном ФО обеспечивается стоимостным объемом рынка слияний и поглощений г. Москвы. Низкая интеграционная активность в Южном и Северо-Кавказском ФО связана в первую очередь с практически полным отсутствием интеграционной активности в таких субъектах, как Ставропольский край, Волгоградская и Ростовская области, Республика Ингушетия.

Согласно исследованиям О.В. Кузнецовой, причин низкой интеграционной активности хозяйствующих субъектов в Северо-Кавказском ФО две. Первая причина – сложная социально-политическая обстановка и существующее мнение о специфике ведения хозяйственной деятельности в этих регионах. Вторая причина – изначально (к началу рыночных преобразований в России) невысокий уровень развития промышленности. Республики в советские времена были преимущественно аграрными, и, соответственно, привлекательных для бизнеса активов в них практически не было [8].

Рассмотрим индивидуальные коэффициенты относительных структурных сдви-

гов с переменной базой сравнения показателя «Стоимостный объем регионального рынка М&А» по федеральным округам за период 2004–2013 гг. (табл. 2).

Северо-Кавказский федеральный округ был выделен из состава Южного федерального округа Указом Президента РФ от 19 января 2010 г. В связи с этим для сопоставимости значений и сравнений стоимостного объема регионального рынка по ФО значения стоимостного объема рынка М&А для республик Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республик, Ставропольского края и Чеченской Республики для 2003–2010 гг. были выделены из значения стоимостного объема рынка слияний и поглощений для Южного федерального округа и сгруппированы в отдельную группу.

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод: несмотря на то, что Северо-Кавказский, Южный и Дальневосточный федеральные округа являются аутсайдерами по абсолютному показателю «Стоимостный объем регионального рынка М&А», они характеризуются наибольшими темпами роста по данному показателю. Максимальный относительный структурный сдвиг за 2004–2013 гг. с переменной базой сравнения наблюдался в Дальневосточном ФО в 2008 г. (56,6 п.п.).

Таблица 2. Коэффициенты относительных структурных сдвигов показателя «Стоимостный объем регионального рынка М&А», п.п.

Федеральный округ	2005/ 2004	2006/ 2005	2007/ 2006	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012
Центральный	1,7	1,5	1,3	1,3	2,7	0,7	0,6	0,7	0,7
Северо-Западный	0,3	0,4	3,9	1,3	0,9	1,4	0,4	0,3	0,4
Южный	11,0	13,0	1,3	27,0	7,7	0,1	3,1	2,8	2,9
Приволжский	0,2	0,1	9,7	0,5	4,1	0,2	1,2	0,9	0,9
Уральский	1,5	1,6	0,7	1,0	6,4	0,8	1,2	1,1	1,2
Сибирский	0,2	0,1	1,6	5,3	9,0	0,1	0,7	0,6	0,5
Дальневосточный	15,0	17,0	0,7	56,6	0,6	0,5	3,2	2,3	2,3
Северо-Кавказский	13,5	11,0	1,1	23,0	6,8	0,3	2,8	1,7	1,8

Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».

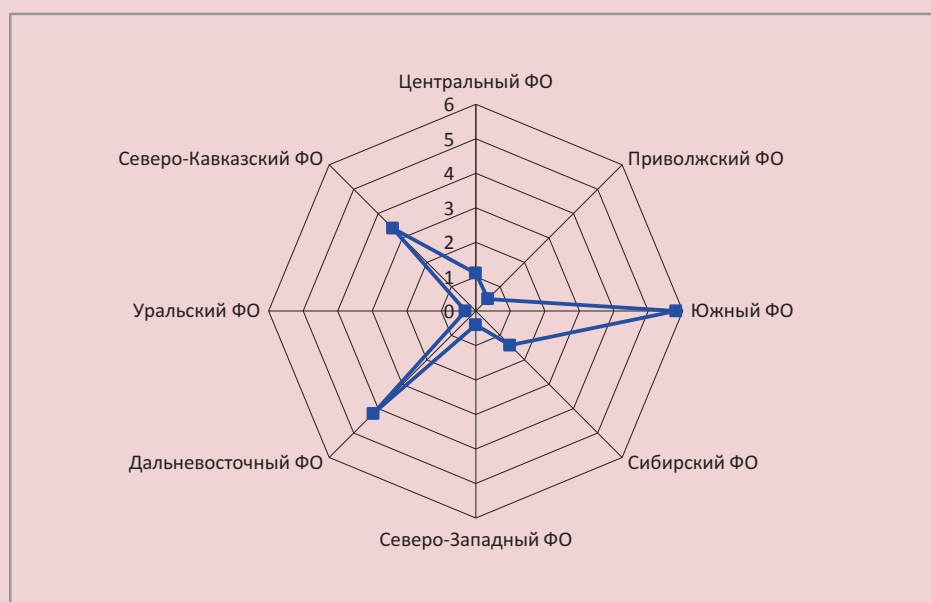
Если исследовать вклад каждого федерального округа в общероссийском количестве заключенных сделок слияний и поглощений в 2013 г., то здесь лидируют Центральный и Приволжский ФО, а аутсайдерами являются Южный и Северо-Кавказский ФО. Из входящих в состав Центрального федерального округа 18 субъектов основная доля количества заключенных интеграционных сделок принадлежит Москве (91,3% от общего числа сделок М&А в данном округе). Из входящих в состав 11 регионов Северо-Западного ФО максимальная доля числа заключенных сделок М&А принадлежит Санкт-Петербургу (75,77%), Новгородской (7,02%) и Псковской (6,38%) областям.

В целях исследования подвижности структурных сдвигов интеграционной активности регионов в федеральном разрезе проведем анализ структурных сдвигов по показателю «Количество заключенных

сделок слияний и поглощений». Анализ линейного относительного структурного сдвига с постоянной базой сравнения показывает, что структурные сдвиги во всех федеральных округах России за 2004–2013 гг. характеризуются как большие структурные сдвиги. Распределение федеральных округов в 2013 г. по значению линейного структурного сдвига представлено на *рисунке 1*.

Анализ его данных позволяет выявить, что, как и в случае стоимостного объема регионального рынка М&А, наибольшими структурными сдвигами количественного объема рынка корпоративного контроля характеризуются Южный и Дальневосточный ФО. Это может быть связано с тем, что в данных федеральных округах имеется много производственных активов, как находящихся в стадии банкротства и подлежащих продаже, так и динамично развивающихся и привлекательных для инвесторов. Наименьшими структурными сдвигами

Рисунок 1. Линейные относительные структурные сдвиги (базисные) количественного объема рынка М&А в разрезе федеральных округов, 2013 г.

Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».

количественного объема рынка слияний и поглощений характеризуются Уральский и Северо-Западный ФО.

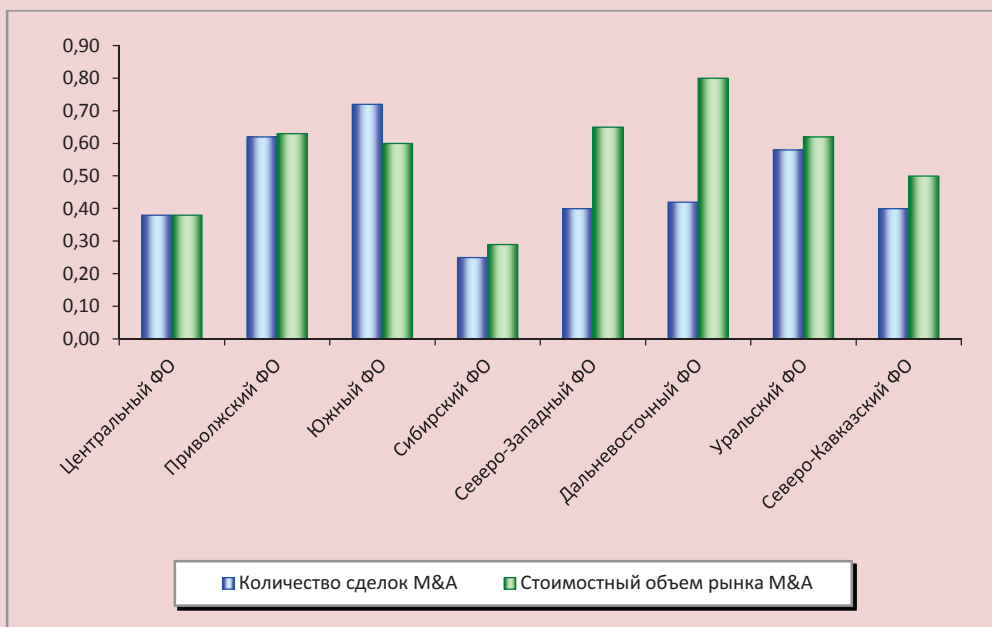
Чтобы избежать взаимопогашения разных по знаку изменений удельных весов отдельных элементов в общей численности, были рассчитаны квадратичные относительные структурные сдвиги в структуре количества сделок M&A и стоимостного объема рынка M&A в федеральном разрезе в 2013 г. к 2009 г. (рис. 2).

Анализ рисунка показывает, что все без исключения федеральные округа России в результате финансово-экономического кризиса снизили свою интеграционную активность. При этом структура рынка слияний и поглощений по показателю «Стоимостный объем рынка M&A» претерпела более существенные изменения, чем структура рынка по показателю «Количество сделок M&A» в 6 из 8 федеральных округов.

Влияние макроэкономических факторов на слияния и поглощения отмечали многие зарубежные исследователи. К примеру, Wu Changqi, Xie Ningling [21] утверждали, что сделки слияний и поглощений зависят от внешней среды, то есть от таких факторов, как рост/кризисность экономики, степень конкуренции, политические и экономические изменения. Некоторые исследователи подчеркивают важность неэкономических факторов, а именно политических, правовых и т.д. (Liu Yan, Liu Ming [25]).

Во время кризиса российские бизнес-структуры значительно сократили масштабы экспортной экспансии и сосредоточились на внутреннем рынке для решения проблем задолженностей и реструктуризации своих активов. Резиденты заняли выжидательные позиции по поводу сокращения или устранения разрыва между

Рисунок 2. Относительные структурные сдвиги, рассчитанные по количественному и стоимостному объему рынка слияний и поглощений (2013 г. к 2009 г.)

Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».

их ценовыми ожиданиями и ожиданиями продавцов и в связи с этим не торопились осуществлять выход на региональные рынки [10].

В подтверждение *гипотезы о существенной дивергенции слияний и поглощений корпоративных структур в российских регионах* рассмотрим динамику изменения коэффициентов неравенства распределения интеграционной активности, рассчитанные по показателю «Стоимостный объем рынка М&А» для квинтильных (20-процентных) групп регионов за 2004–2013 гг. В пятую квинтильную группу (регионы-лидеры) вошли такие субъекты, как г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО, Республика Татарстан и др.

Представление о процессе концентрации интеграционной активности в субъектах РФ в целом дают данные *таблицы 3*. За 2003–2012 гг. сравнительно постоянной была доля четвертой квинтильной группы. При этом наблюдалось уменьшение доли первой, второй и третьей квинтильных групп – с 5,71 до 5,46%, т.е. за исследуемые 10 лет она снизилась в 1,28 раза.

Наименее интеграционно-активная первая квинтильная группа регионов характеризовалась наиболее значительным падением с 1,08 до 0,62% (снижение в 1,74

раза). При этом возросла доля наиболее интеграционно-активной пятой квинтильной группы – в 1,02 раза. Таким образом, приведенные данные показывают, что по сравнению с 2004 г. в 2013 г. ситуация в области распределения интеграционной активности по субъектам РФ изменилась в части увеличения интеграционной активности в пятой и уменьшения М&А-активности в первой квинтильной группе.

Наряду с показателем «Доля квинтильной группы в общем объеме стоимостного объема рынка М&А» для анализа концентрации по группам регионов целесообразно воспользоваться специальными коэффициентами, комплексно характеризующими рассматриваемое явление. К ним, например, относится «коэффициент концентрации» (индекс Джини).

Основой для расчета индекса Джини является построение кривой Лоренца, характеризующей накопление изучаемого признака в зависимости от накопления элементов совокупности [22]. Согласно подходу В.А. Литвинова, индекс Джини, определяя степень отклонения фактически сложившегося распределения интеграционной активности от линии их возможного равномерного распределения, комплексно характеризуя процесс концентрации интеграционной деятельности по группам субъек-

Таблица 3. Доли квинтильных групп российских регионов в общем объеме стоимостного объема рынка слияний и поглощений, %

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Стоимостный объем рынка М&А, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе по 20% группам регионов										
Первая (наименьшая М&А-активность)	1,08	0,96	0,86	0,39	0,49	1,32	0,53	1,34	0,60	0,62
Вторая	1,68	2,65	2,76	1,85	1,70	2,05	1,95	2,85	2,08	2,02
Третья	2,95	2,89	3,05	3,12	2,28	3,35	4,29	4,04	3,08	2,82
Четвертая	5,43	5,18	5,27	4,88	4,95	4,78	5,05	5,15	4,18	4,11
Пятая (наибольшая М&А-активность)	88,86	88,32	88,06	89,76	90,58	88,50	88,18	86,62	90,06	90,43
Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».										

ектов РФ, лишь косвенным образом отражает собственно концентрацию в узком смысле этого слова, т.е. стремление «стянуть» всю интеграционную активность хозяйствующих субъектов в один регион [9].

Принимая во внимание сказанное, мы предложили в исследовании региональной интеграционной активности бизнес-структур при анализе концентрации использовать коэффициент концентрации Герфинделя:

$$K = \sum_{i=1}^5 d_i^2, \quad (1)$$

где d_i – доля каждой группы регионов в общем объеме стоимостного объема рынка M&A.

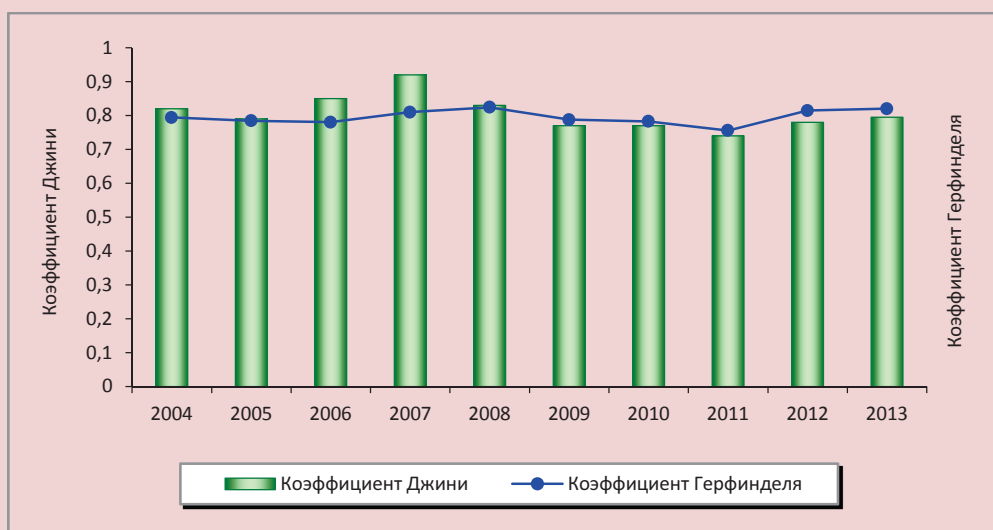
Данный коэффициент изменяется от 0 до 1. В отличие от индекса Джини коэффициент Герфинделя является показателем «прямого действия» и индифферентен к линии теоретически возможного равномерного распределения [20]. Иначе говоря, коэффициент Герфинделя принимает неравномерность распределения интегра-

ционной активности за аксиому, а его изменения отражают изменения в сложившихся пропорциях между группами, т.е. в соотношениях долей отдельных групп регионов в общем объеме стоимостного объема рынка слияний и поглощений.

На протяжении всего периода 2004–2013 гг. коэффициент Джини демонстрировал высокие значения, что свидетельствует о неравномерности распределения интеграционной активности по субъектам РФ (рис. 3).

Наибольшее значение коэффициента Джини приходится на 2007 г. ($G_{2007}=0,92$), наименьшее на 2011 г. ($G_{2011}=0,74$). На протяжении 2004–2013 гг. значение коэффициента Герфинделя не опускалось ниже значения, равного $K_{2005}=0,76$, что свидетельствует о высокой концентрации интеграционной активности российских бизнес-структур. Кроме того, в 2013 г. наблюдается увеличение концентрации интеграционной активности на 1,92% по сравнению с 2012 г.

Рисунок 3. Динамика значений коэффициента Джини и Герфинделя для интеграционной активности российских регионов в 2004–2013 гг.

Источник: авторские расчеты по данным информационно-аналитического агентства «Слияния и поглощения».

Индекс Джини и коэффициент Герфинделя, характеризующая концентрацию интеграционной активности хозяйствующих субъектов по регионам РФ, опосредованно отражают общую меру дифференциации М&А-активности в российских регионах. Однако при этом не нужно смешивать концентрацию как сосредоточение чего-либо с дифференциацией как отличие (различие) частей целого. Под дифференциацией мы понимаем прежде всего отличие варьирующего признака (объем стоимостного регионального рынка М&А) как взвешенной величины в крайних группах. Следовательно, индекс Джини и коэффициент Герфинделя не могут прямо использоваться для характеристики дифференциации интеграционной активности, а, значит, необходимо для ее изучения применять особые показатели, такие, например, как квантильные коэффициенты дифференциации.

Децильный коэффициент дифференциации представляет собой соотношение стоимостного регионального объема рынка слияний и поглощений, выше и ниже которых расположено по 10% соответственно наиболее и наименее интеграционно-активных регионов РФ [14, 15]. В результате было получено, что децильный коэффициент дифференциации, равный отношению 9-го и 1-го дециля, в 2013 г. увеличился на 1,16% по сравнению с 2012 г. и составил $D_{2013} = 174$, т.е. минимальный стоимостный объем рынка корпоративного контроля 10% наиболее интеграционно-активных субъектов превышает максимальный стоимостный объем рынка М&А наименее интеграционно-активных регионов РФ в 174 раза.

Таким образом, для экономики России характерна деформированная пространственная структура интеграционной активности бизнес-структур в регионах. Суще-

ствующая как государственная, так и региональная политика в области развития интеграционной деятельности не оказывает достаточного влияния на сглаживание диспропорций в распределении направлений реализации интеграционных проектов. Все это свидетельствует о необходимости корректировки политики государства по повышению интеграционной активности российских бизнес-структур в регионах РФ, которая должна базироваться на обоснованном подходе к многомерному ранжированию российских регионов по уровню интеграционной активности.

Эконометрический подход к измерению региональной интеграционной активности

Исторически сформировавшиеся отличия в социально-экономическом развитии субъектов РФ оказывают большое влияние на структуру и эффективность рынка корпоративного контроля в российских регионах. В частности, современный взгляд на проблему развития собственности и контроля в трансформирующейся экономике российских регионов представлен в трудах Института экономики переходного периода и в трудах Института социально-экономического развития территорий РАН. Исследованию особенностей развития, а также разработке моделей региональных экономических систем с учетом протекающих М&А-процессов посвящены работы Н.Я. Калюжной, Г.В. Гутмана, А.А. Мироедова, С.В. Федина. Одни из первых исследований характера взаимосвязей интеграционных процессов российских бизнес-структур и факторов развития российских регионов представлены в трудах О.В. Тютык.

Вместе с тем характерной особенностью исследований является отсутствие работ, посвященных вопросам оценки влияния интеграционных процессов на экономику

регионов и классификации субъектов РФ по уровню интеграционной активности. При этом математико-статистические методы являются необходимым инструментом для получения более глубоких и полноценных знаний о механизме изучаемых интеграционных процессов в региональном разрезе. В связи с этим в работе была предпринята одна из первых попыток сформировать *методику многомерного ранжирования регионов России по уровню М&А-активности на основе использования эконометрического подхода, позволяющего учесть различные составляющие интеграционной активности российских бизнес-структур.*

В работе на основе накопленного значительного отечественного и зарубежного опыта измерения развития территорий предложен *эконометрический подход для оценки региональной интеграционной активности*, который позволяет не только оценить величину интеграционного потенциала региона, но и выявить возможности и резервы роста региональной экономики, определить направления государственной политики в области стимулирования интеграционного развития бизнес-структур в регионах России.

Центральное место в предложенном подходе занимает разработка системы показателей: определение состава, содержания, выявление взаимосвязей между ними и придание их совокупности системного характера [4]. На основе анализа российского и зарубежного опыта, с учетом приведенных выше особенностей распределения интеграционных процессов на территории России, а также особенностей формирования и реализации интеграционной политики субъектами РФ, была предложена система показателей региональной интеграционной активности (рис. 4).

Данная система адаптирована к имеющейся и доступной статистической

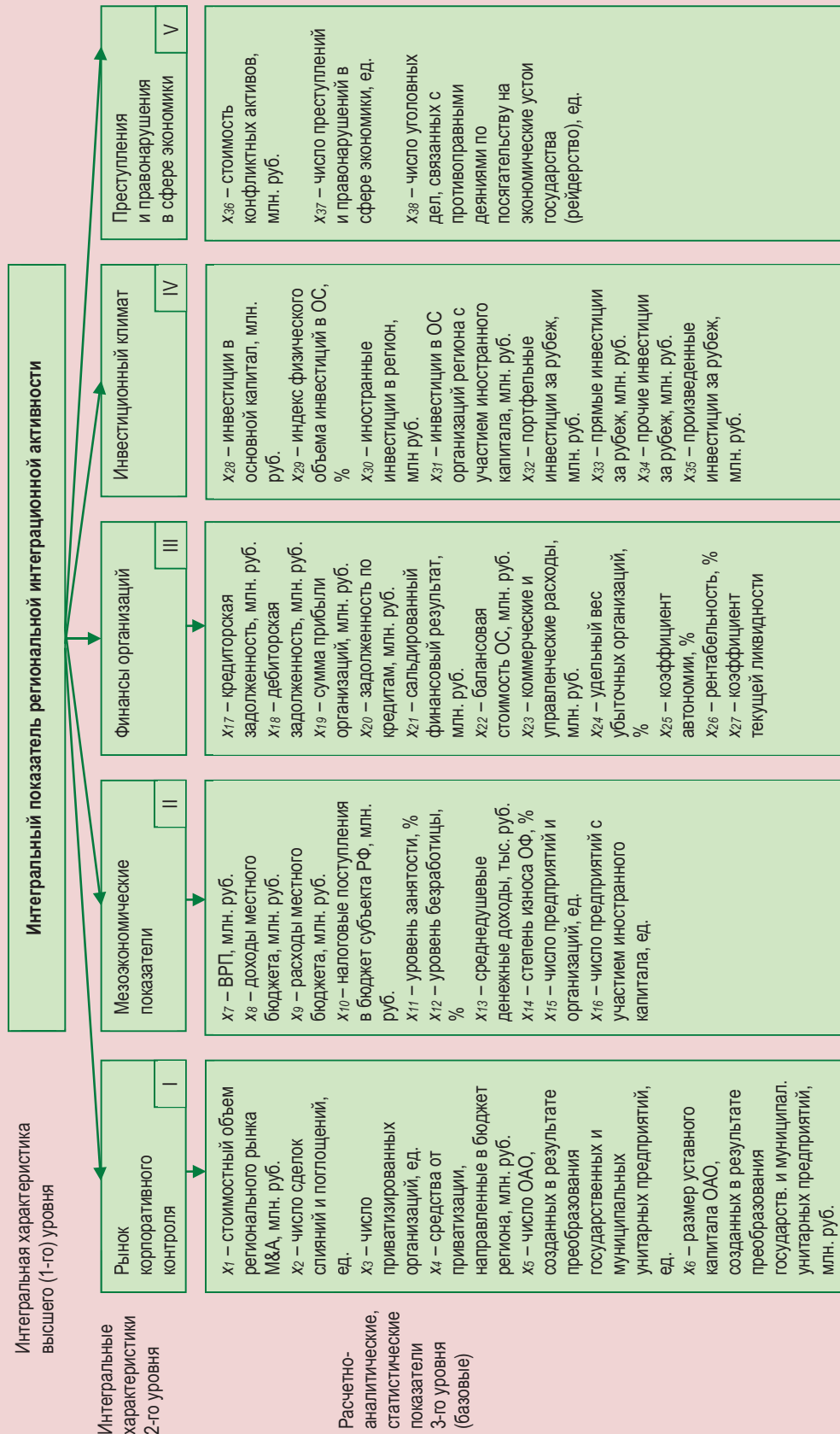
информации Росстата и информационного аналитического агентства «Слияния и поглощения» и включает в себя 38 показателей, разбитых на 5 функциональных блоков:

- 1) *рынок корпоративного контроля* (6 переменных);
- 2) *мезоэкономические показатели* (10 переменных);
- 3) *финансы организаций* (11 переменных);
- 4) *инвестиции* (8 переменных);
- 5) *преступления и правонарушения в сфере экономики* (3 переменные).

Согласно работам С.А. Айвазяна интегральный индикатор исследуемого свойства представляет из себя определенное вида свертку значений более частных свойств и критериев, которые достаточно полно описывают интеграционную активность [1, 19]. В рамках проводимого исследования интеграционной активности бизнес-структур в регионах России был выбран объективистский подход, который основан на структурно-функционалистском типе парадигм. При таком подходе интересы исследователя сосредоточены на анализе и измерении статистических показателей, характеризующих целые конгломераты исследуемого свойства.

Методология построения интегрального индикатора в рамках объективистского подхода представляет собой многоэтапную процедуру и основана на свертке статистически регистрируемых показателей, а также на некоторых методах многокритериального ранжирования объектов. В частности, веса исходных показателей в интегральных индикаторах выбираются так, чтобы по значению интегрального индикатора можно было наиболее точно восстановить значения всех исходных показателей априорного набора [7].

Рисунок 4. Система статистических показателей региональной интеграционной активности в регионе РФ

Источник: авторские разработки.

В работе был рассмотрен только 61 российский регион, поскольку только в этих субъектах Российской Федерации за 2003–2013 гг. были зафиксированы завершённые сделки слияний и поглощений. Агрегирование показателей, характеризующих интеграционную активность бизнес-структур в российских регионах в 2013 г., проводилось в условиях, когда собственное значение первой главной компоненты превышает 55% суммы всех собственных значений главных компонент [2]. Для этого по значениям унифицированных частных показателей был найден интегральный индикатор «региональная интеграционная активность».

Согласно *таблице 4* наибольший вес у частных критериев блока «Мезоэкономические показатели». В частности, у показателя «Налоговые поступления в бюджет субъекта РФ» максимальный вес, что может объясняться тем, что основными налогоплательщиками в российских субъектах являются интегрированные бизнес-структуры, которые влияют на развитие и интеграционную активность регионов в целом.

Интегральные индикаторы были использованы для ранжирования субъектов РФ. В результате было получено, что к регионам с высокой интеграционной активностью относятся 5 субъектов, к регионам со средней интеграционной активностью – 30, к регионам с низкой интеграционной активностью – 26 субъектов. Результаты обобщенной ранговой оценки уровня региональной интеграционной активности представлены в *таблице 5*.

Так, в 2013 г. число сделок слияний и поглощений в регионах с высокой региональной интеграционной активностью составляло 83,35% от общероссийского числа сделок M&A, а стоимостный объем рынка – 87,12% от общероссийского объема рынка слияний и поглощений. При этом в данную группу не попал ни один из субъектов Приволжского федерального округа, который объективно входит в группу наиболее экономически развитых регионов России и включает в себя несколько городов-миллионеров.

Таблица 4. Показатели, имеющие наибольший вес в интегральном индикаторе «Региональная интеграционная активность», 2013 г.

Показатель	Наименование показателя	Интегральное свойство	Весовой коэффициент
x_2	Число сделок M&A	Рынок корпоративного контроля	0,0735
x_6	Размер уставного капитала ОАО, созданных в результате преобразования государственных и муниципальных унитарных предприятий		0,0735
x_7	Валовой региональный продукт	Мезоэкономические показатели	0,0779
x_{10}	Налоговые поступления в бюджет субъекта РФ		0,0802
x_{19}	Сумма прибыли организаций	Финансы организаций	0,0786
x_{21}	Сальдированный финансовый результат		0,0781
x_{33}	Произведенные инвестиции за рубеж	Инвестиционный климат	0,0742
x_{34}	Прямые инвестиции за рубеж		0,0709
x_{35}	Прочие инвестиции за рубеж		0,0738
x_{36}	Стоимость конфликтных активов	Преступления и правонарушения в сфере экономики	0,0618
x_{38}	Число уголовных дел, связанных с противоправными деяниями по посягательству на экономические устои государства (рейдерство)		0,0618

Источник: авторские разработки.

Таблица 5. Результаты обобщенной ранговой оценки уровня региональной интеграционной активности субъектов РФ, 2013 г.

Субъект РФ	Уровень региональной интеграционной активности
Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ (ЮГРА)	Высокий
Область: Амурская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Ленинградская, Липецкая, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская, Томская, Тульская, Челябинская, Ульяновская, Ярославская Республика: Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, Чувашская, Якутия Край: Краснодарский, Красноярский Автономный округ: Чукотский, Ямало-Ненецкий	Средний
Область: Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Костромская, Курская, Нижегородская, Омская, Орловская, Псковская, Ростовская, Смоленская, Тверская Республика: Карелия, Тыва Край: Алтайский, Забайкальский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский	Низкий
Источник: авторские разработки.	

Большинство субъектов Сибирского ФО попало в группу со средней региональной интеграционной активностью, где большое число сделок обусловлено процессами, происходящими в агропромышленном комплексе. Во-первых, Сибирский округ является для российских агрокомпаний площадкой для выхода на наиболее привлекательный китайский рынок. Во-вторых, в Сибири есть несколько сильных игроков, например «Хлеб Алтая», «Мельник», «ОГО» и др.

Значительные различия в уровне развития интеграционной активности регионов России имеют под собой как конъюнктурный характер, влияние которого на рынок слияний и поглощений будет нивелировано в среднесрочной перспективе, так и долгосрочный характер. К фактору конъюнктурного типа относится наличие резервов производственных мощностей. Это может дать возможность увеличить выпуск по многим видам экономической деятельности лишь вследствие увеличения спроса, без нового строительства и реконструкции, и, как следствие, дать импульс активизации интеграционной активности в среднесрочной перспективе.

К фактору долгосрочного характера можно отнести отраслевую структуру производства. В регионах, в экономиках которых преобладают добывающие отрасли, финансовые ресурсы вкладываются в капиталоемкие долгосрочные интеграционные проекты. Инвестиционные вложения в развитие инфраструктуры необходимы для создания условий для экономического роста, при этом прямой вклад от инвестиций в краткосрочной перспективе может не давать значительного прироста добавленной стоимости.

В этой ситуации одним из важнейших условий решения поставленных задач является консолидация ограниченных ресурсов на основе развития активного взаимодействия органов власти и бизнес-структур. Партнерское взаимодействие характеризуется наличием согласованности и некоего баланса интересов органов власти и бизнес-структур, регламентацией их прав, обязанностей, перекрестным разделением рисков и солидарной ответственностью [17].

При этом для региональных сравнений большой интерес представляет сравнение региональной интеграционной активности 2013 г. с региональной интеграционной

активностью 2008 г., поскольку в 2013 г. по сравнению с 2008 г. в технико-юридическом аспекте совершения сделок слияний и поглощений бизнес-структур можно выделить следующие тенденции:

- совершение сделок в гораздо более сжатые сроки, чем ранее;
- сделки российских холдингов становятся менее формальными и зачастую более простыми по структуре.

Максимальный вклад в значение интегрального индикатора региональной интеграционной активности в 2008 г. — у показателей блока «Финансы организаций». В частности, у показателя «Дебиторская задолженность» максимальный вес $\omega_{18} = 0,0824$, у показателя «Сумма прибыли организаций» — $\omega_{19} = 0,0818$, у показателя «Сальдированный финансовый результат» — $\omega_{21} = 0,0818$. Это объясняется тем, что 2008 год был пиком по количеству сделок слияний и поглощений и основное внимание уделялось устойчивости финансового положения компании-цели.

В результате построения интегрального индикатора региональной интеграционной активности 2008 г. было получено, что к регионам с высокой интеграционной активностью относятся 4 субъекта, к регионам со средней интеграционной активностью — 38, к регионам с низкой интеграционной активностью — 19 субъектов. Следует отметить, что в 2008 г. у 62,30% регионов наблюдалась средняя интеграционная активность. Регионы-лидеры 2008 г. сохранили свое положение и в 2013 г. (г. Москва, Московская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ).

Таким образом, тенденции пространственного интеграционного развития оказались достаточно постоянными по отношению к внешним факторам, финансово-экономический кризис и послекризисное восстановление экономики не существен-

но изменили пространственные пропорции развития М&А-активности, несмотря на то что темпы снижения производства во время кризиса и послекризисного восстановления сильно отличались по субъектам РФ.

Выводы

Проведенный анализ может служить основой для отбора регионов, которым необходимо оказать государственную поддержку по активизации интеграционной активности в минимальные сроки и с наибольшей эффективностью. Сокращение различий в уровне экономического развития регионов страны позволит решить такие важные задачи, как сохранение единого экономического пространства России и развитие процессов межрегиональной экономической интеграции, формирование общероссийского и регионального рынков страны.

Комплексная оценка динамики развития интеграционной активности субъектов РФ может являться основой при разработке федеральных целевых программ по выравниванию экономического развития регионов в рамках интеграционного развития, способствовать созданию благоприятной среды для развития бизнеса и улучшения инвестиционного климата и содействовать повышению эффективности государственной поддержки регионов Российской Федерации.

Одними из основных направлений увеличения интеграционной активности бизнес-структур в регионах России и повышения эффективности интеграции хозяйствующих субъектов являются:

- улучшение инвестиционного климата и развитие конкуренции в регионах Российской Федерации;
- внедрение рациональных форм участия российских бизнес-структур в реализации приоритетов промышленной политики как на региональном, так и на федеральном уровнях;

- разработка региональных политик развития субъектов РФ, учитывающих особенности протекающих интеграционных процессов бизнес-структур внутри регионов (должна присутствовать четкая взаимосвязь между стратегическими планами развития регионов и консолидированными планами развития предприятий интегрированных структур);
- совершенствование способов участия региональных властей в деятельности интегрированных структур при реализации ими региональных проекций инвестиционных стратегий;
- внедрение практики так называемого индивидуального сопровождения интеграционных проектов, когда представители региональных администраций принимают активное участие в решении разного рода административных вопросов при реализации интеграционных проектов бизнес-структур.

Литература

1. Айвазян, С.А. Анализ качества и образа жизни населения / С.А. Айвазян. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
2. Айвазян, С.А. Прикладная статистика и основы эконометрики // Т.1: Теория вероятностей и прикладная статистика / С.А. Айвазян, В.С. Мхитарян. – М.: Юнити-дана, 2001. – 656 с.
3. Берсенева, В.Л. Институты экономической интеграции / В.Л. Берсенева, С.Г. Важенин, А.И. Татаркин. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. – 70 с.
4. Бородин, Ф.М. Социальные индикаторы: учебник / Ф.М. Бородин, С.А. Айвазян. – М.: Юнити-дана, 2006. – 607 с.
5. Глебова, И.С. Интеграционные процессы как фактор социально-экономического развития региона / И.С. Глебова, Д.В. Роднянский // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 284.
6. Ендовицкий, Д.А. Экономический анализ слияний/поглощений компаний: научное издание / Д.А. Ендовицкий, Д.Е. Соболева. – М.: КНОРУС, 2008. – 448 с.
7. Карелина, М.Г. Инновационная активность российских регионов: проблемы измерения и эконометрический подход / М.Г. Карелина // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 21 (396). – С. 14-24.
8. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов / О.В. Кузнецова, А.В. Кузнецов, Р.Ф. Туровский, А.С. Четверикова. – Изд. 3-е. – М.: Либриком, 2013. – 440 с.
9. Литвинов, В.А. Концентрация и дифференциация денежных доходов по группам населения Российской Федерации / В.А. Литвинов // Экономический журнал ВШЭ. – 1999. – № 2. – С. 226-237.
10. Мусатова, М.М. Основные тренды развития интеграционных процессов в современных условиях / М.М. Мусатова. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2013. – 131 с.
11. Мхитарян, В.С. Оценка эффективности интеграционных проектов металлургических компаний / В.С. Мхитарян, М.Г. Поликарпова // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 2. – С. 114-122.
12. Поликарпова, М.Г. О системе статистических показателей интеграционной активности в российской экономике / М.Г. Поликарпова, Т.А. Иванова // Вопросы статистики. – 2014. – № 11. – С. 24-37.
13. Растворцева, С.Н. Факторы концентрации экономической активности в регионах России / С.Н. Растворцева, Д.С. Терновский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2 (44). – С. 153-170.
14. Статистика / И.И. Елисева, И.И. Егорова и др. – М.: Велби; Проспект, 2004. – 448 с.
15. Теория статистики / Р.А. Шмойлова, В.Г. Минашкин и др. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 656 с.
16. Тютюк, О.В. Модель регионального рынка слияния и поглощения: особенности трансформации отношений собственности и эффективность региональной экономической системы (на примере Пермского края) / О.В. Тютюк // Вопросы современной науки и практики / Университет им. В.И. Вернадского, 2008. – № 3 (13). – С. 241-245.

17. Ускова, Т.В. Управление экономикой региона на основе партнерского взаимодействия органов власти и бизнес-структур / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 34-46.
18. Черных, А.А. Структурная политика в корпоративном секторе промышленности региона / А.А. Черных // Предпринимательство. – 2011. – № 6. – С. 58-62.
19. Aivazian, S.A. Synthetic indicators of quality of life: construction and utilization for social-economic management and comparative analysis / S.A. Aivazian // Austrian Journal of Statistics. – 2005. – Vol. 34. – № 1. – P. 5-20.
20. Calkinst, S. The New Merger Guidelines and the Herfindahl-Hirschman Index / S. Calkinst // California Law Review. – 1983. – № 71. – P. 402-429.
21. Wu Changqi Determinants of Cross-Border Merger & Acquisition Performance of Chinese Enterprises / Wu Changqi, Xie Ningling // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2010. – № 2. – P. 6896-6905.
22. Dorfman, R. A formula for the Gini coefficient / R. Dorfman // The Review of Economics and Statistics. – 1979. – № 1. – P. 146-149.
23. Haan, J. On the relationship between economic freedom and economic growth / J. Haan, J-E Sturn // European Journal of Political Economy. – 2000. – № 16. – P. 215-241.
24. Lubatkin, M.H. Mergers and the performance of the acquiring firm / M.H. Lubatkin // Academy of Management Review. – 1983. – № 8 (2). – P. 218-225.
25. Yan, L. The Analysis on Non-Economic Influencing Factors in Transnational Mergers Made by Chinese Energy Firms Based on ESP Paradigm / L. Yan, L. Ming // Energy Procedia. – 2011. – № 5. – P. 69-73.

Сведения об авторе

Мария Геннадьевна Карелина – кандидат экономических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38, marjyshka@mail.ru)

Karelina M.G.

Comprehensive Assessment of Integration Activity of Business Structures in Russian Regions

Abstract. In the context of economic sanctions and growing international isolation, the research into regional differences in integration development acquires special relevance for Russia; this fact determines the need for a comprehensive assessment of integration activity of business structures in Russian regions. The diversity of approaches to the study of problems and prospects of economic integration and the current debate about the role of integration processes in the development of regional economies determined a comprehensive approach to the concepts of “integration” and “integration activity” in order to create objective prerequisites for analyzing integration activity of business structures in the regions of Russia. The information base of the research is the data of Russian information and analytical agencies. The tools used in the research include methods for analyzing structural changes, methods for analyzing economic differentiation and concentration, nonparametric statistics methods, and econometric analysis methods. The first part of the paper shows that socio-economic development in constituent entities of Russia is closely connected with the operation of integrated business structures located on their territory. Having studied the structure and dynamics of integration activity, we reveal the growing heterogeneity of integration activity of business structures in Russian regions. The hypothesis about significant divergence of mergers and acquisitions for corporate structures in Russian regions was confirmed by high values of the Gini coefficient, the Herfindahl index and the decile differentiation coefficient. The second part of the paper contains a comparative analysis and proposes an econometric approach to the measurement of integration activity

of business structures in subjects of the Russian Federation on the basis of integral synthetic categories. The approach we propose focuses on the development of a system of indicators of integration activity that included five functional blocks: corporate control market, meso-economic indicators, finances of organizations, investment, economic crime and offences. The hierarchical system of statistical indicators and individual criteria of integration activity covers practically all the participants of market relations and comprehensively meets the requirements of state regulation institutions. The results of the study are of practical significance, because they can be used to improve current federal programs aimed to level the imbalances in socio-economic development of constituent entities of the Russian Federation. Based on the analysis presented in the paper it is possible to form an infrastructure of the market of mergers and acquisitions and to work out regional policies for enhancing the competitiveness of Russian regions.

Key words: business structure, integration activity, regional economy, mergers and acquisitions, structural changes, econometric approach.

References

1. Aivazyan S.A. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya* [Analyzing the quality and way of life of the population]. Moscow: Nauka, 2012. 432 p. (In Russian).
2. Aivazyan S.A., Mkhitarian V.S. *Prikladnaya statistika i osnovy ekonometriki. T. 1: Teoriya veroyatnostei i prikladnaya statistika* [Applied statistics and foundations of econometrics. Volume 1: Theory of probability and applied statistics]. Moscow: Yuniti-dana, 2001. 656 p. (In Russian).
3. Bersenev V.L., Vazhenin S.G., Tatarkin A.I. *Instituty ekonomicheskoi integratsii* [Institutions for economic integration]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2003. 70 p. (In Russian).
4. Borodkin F.M., Aivazyan S.A. *Sotsial'nye indikatory: uchebnik* [Social indicators: textbook]. Moscow: Yuniti-dana, 2006. 607 p. (In Russian).
5. Glebova I.S. Rodnyanskii D.V. Integratsionnye protsessy kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Integration processes as a factor in socio-economic development of the region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no. 1, p. 284. (In Russian).
6. Endovitskii D.A., Soboleva D.E. *Ekonomicheskii analiz sliyaniy/pogloshchenii kompanii: nauchnoe izdanie* [Economic analysis of mergers/acquisitions: scientific edition]. Moscow: KNORUS, 2008. 448 p. (In Russian).
7. Karelina M.G. Innovatsionnaya aktivnost' rossiiskikh regionov: problemy izmereniya i ekonometrichekii podkhod [Innovation activity of the Russian regions: measurement problems and the econometric approach]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2015, no. 21 (396), pp. 14-24. (In Russian).
8. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V., Turovskii R.F., Chetverikova A.S. *Investitsionnye strategii krupnogo biznesa i ekonomika regionov* [Investment strategies of big business and regional economy]. 3rd edition. Moscow: Librikom, 2013. 440 p. (In Russian).
9. Litvinov V.A. Kontsentratsiya i differentsiatsiya denezhnykh dokhodov po gruppam naseleniya Rossiiskoi Federatsii [Concentration and differentiation of income in population groups of the Russian Federation]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic journal], 1999, no. 2, pp. 226-237. (In Russian).
10. Musatova M.M. *Osnovnye trendy razvitiya integratsionnykh protsessov v sovremennykh usloviyakh* [Main trends in the development of integration processes in modern conditions]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2013. 131 p. (In Russian).
11. Mkhitarian V.S., Polikarpova M.G. Otsenka effektivnosti integratsionnykh proektov metallurgicheskikh kompanii [Assessment of efficiency of integration projects of metallurgical companies]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of management theory and practice], 2013, no. 2, pp. 114-122. (In Russian).
12. Polikarpova M.G., Ivanova T.A. O sisteme statisticheskikh pokazatelei integratsionnoi aktivnosti v rossiiskoi ekonomike [About the system of statistical indicators of integration activity in the Russian economy]. *Voprosy statistiki* [Issues of statistics], 2014, no. 11, pp. 24-37. (In Russian).

13. Rastvortseva S.N., Ternovskii D.S. Faktory kontsentratsii ekonomicheskoi aktivnosti v regionakh Rossii [Drivers of concentration of economic activity in Russia's regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2 (44), pp. 153-170. (In Russian).
14. Eliseeva I.I., Egorova I.I. et al. *Statistika* [Statistics]. Moscow: Velbi; Prospekt, 2004. 448 p. (In Russian).
15. Shmoilova R.A., Minashkin V.G. et al. *Teoriya statistiki* [The theory of statistics]. Moscow: Finansy i statistika, 2003. 656 p. (In Russian).
16. Tyutyk O.V. Model' regional'nogo rynka sliyaniya i pogloshcheniya: osobennosti transformatsii otnoshenii sobstvennosti i effektivnost' regional'noi ekonomicheskoi sistemy (na primere Permskogo kraya) [Model of regional market of mergers and acquisitions: peculiarities of property relations transformations and efficiency of regional economic system (illustrated by Perm Region)]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Problems of contemporary science and practice], 2008, no. 3 (13), pp. 241-245. (In Russian).
17. Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. Upravlenie ekonomikoi regiona na osnove partnerskogo vzaimodeistviya organov vlasti i biznes-struktur [Management of the regional economy on the basis of partnership interaction between the authorities and business structures]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 6 (36), pp. 34-46. (In Russian).
18. Chernykh A.A. Strukturnaya politika v korporativnom sektore promyshlennosti regiona [Structural policies in the corporate sector of regional industry]. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship], 2011, no. 6, pp. 58-62. (In Russian).
19. Aivazian S.A. Synthetic indicators of quality of life: construction and utilization for social-economic management and comparative analysis. *Austrian Journal of Statistics*, 2005, vol. 34, no. 1, pp. 5-20.
20. Calkins, S. The New Merger Guidelines and the Herfindahl-Hirschman Index. *California Law Review*, 1983, no. 71, pp. 402-429.
21. Wu Changqi, Xie Ningling. Determinants of cross-border merger & acquisition performance of Chinese enterprises. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, no. 2, pp. 6896-6905.
22. Dorfman R. A formula for the Gini coefficient. *The Review of Economics and Statistics*, 1979, no. 1, pp. 146-149.
23. Haan J., Sturn J.-E. On the relationship between economic freedom and economic growth. *European Journal of Political Economy*, 2000, no. 16, pp. 215-241.
24. Lubatkin M.H. Mergers and the performance of the acquiring firm. *Academy of Management Review*, 1983, no. 8 (2), pp. 218-225.
25. Yan L., Ming L. The analysis on non-economic influencing factors in transnational mergers made by Chinese energy firms based on ESP Paradigm. *Energy Procedia*, 2011, no. 5, pp. 69-73.

Information about the Author

Mariya Gennad'evna Karelina – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, Chelyabinsk Oblast, 455000, Russian Federation, marjyshka@mail.ru)

Статья поступила 02.08.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.7

УДК 332.14, ББК 65.49

© Полухина А.Н., Шерешева М.Ю., Рукомойникова В.П., Напольских Д.Л.

Обоснование сравнительной эффективности реализации туристского потенциала (на примере регионов Приволжья)

Анна Николаевна

ПОЛУХИНА

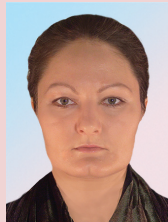
Поволжский государственный технологический университет
424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3
Ann_mari@rambler.ru

Марина Юрьевна

ШЕРЕШЕВА

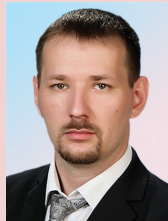
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46
m.sheresheva@gmail.com

Вера Павловна

РУКОМОЙНИКОВА

Поволжский государственный технологический университет
424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3
rukomvera@mail.ru

Дмитрий Леонидович

НАПОЛЬСКИХ

кандидат экономических наук

Поволжский государственный технологический университет
424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3
NapolskihDL@yandex.ru

Для цитирования: Обоснование сравнительной эффективности реализации туристского потенциала (на примере регионов Приволжья) / А.Н. Полухина, М.Ю. Шерешева, В.П. Рукомойникова, Д.Л. Напольских // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 122-140. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.7

For citation: Polukhina A.N., Sheresheva M.Yu., Rukomoinikova V.P., Napol'skikh D.L. The rationale for comparative effectiveness of tourist potential realization (case study of the Volga Region). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 122-140. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.7

Аннотация. В статье проведен анализ долгосрочных программ развития туризма регионов Приволжья. Уделено пристальное внимание мероприятиям по финансированию отрасли, заложенным в программах развития. Проанализированы отечественные и зарубежные методики оценки туристского потенциала. Изучена динамика туристского потенциала регионов Приволжья с опорой на экспертное мнение. С помощью эконометрических методов исследована зависимость между показателями вложений и доходов в туризм Приволжья за последние шесть лет – с 2009 по 2014 год. Анализ проведен с использованием статистических данных, представленных Российской туристической ассоциацией и Федеральной службой государственной статистики РФ по категориям доходности от платных туристских услуг и от сферы услуг гостеприимства и предприятий общественного питания. На основе проведенного анализа построены диаграммы, демонстрирующие дифференциацию регионов Приволжья по эффективности вложений в туризм и реализации туристского потенциала. Показано, что туристский потенциал территорий и его реализация весьма дифференцированы. Регионы Приволжья разделены на группы по эффективности реализации потенциала. Эффективность реализации природно-рекреационного и историко-культурного потенциала выше в тех регионах, где достаточно развиты места размещения и развлечения туристов, где сформированы эффективные механизмы контроля за выполнением программ и проработаны индикаторы ожидаемой эффективности реализации мероприятий. В результате исследования показана необходимость разработки единых показателей ожидаемых конечных результатов программ развития туризма. Применение единой системы унифицированных показателей должно стать принципом контроля за выполнением региональных программ развития туризма. Данные, полученные в результате исследования, будут полезны при совершенствовании существующих региональных программ развития туризма.

Ключевые слова: туристский потенциал, долгосрочные программы развития туризма, инфраструктура туризма, эффективность вложений, индикаторы эффективности.

Введение. Современная ситуация, сложившаяся в российской экономике под влиянием международных событий 2014–2015 гг., особо остро поставила вопрос импортозамещения. На первый взгляд это актуальное направление в экономике России не включает сферу туризма и рекреации. Но полагаем, что это неверное утверждение. Долгое время теории и практики туризма говорили о необходимости развития внутреннего, въездного и регионального туризма, однако любые инициативы в этой плоскости входили в противоречие с реальным положением дел на рынке туристских услуг. Выездной туризм, особенно рекреационный выездной туризм в такие страны, как Турция и Египет, в последние 10–15 лет оставался лидирующим направлением российского

туризма. Но события 2015 г. резко изменили положение дел: главным трендом завершившегося года специалисты называют переориентацию на внутренний туризм¹. В этих условиях развитие сферы внутреннего туризма в России становится важнейшей задачей, и в ближайшей перспективе это вызовет необходимость пересмотра действующих программ развития туризма в российских регионах и остро поставит вопрос адекватной оценки их туристских ресурсов.

Методология исследования. Туристский потенциал любой территории складывается из природных и рукотворных объектов и

¹ Главным трендом уходящего года специалисты единогласно называют переориентацию на внутренний туризм. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/culture/2015/12/17/323671.html>

явлений, а также условий, возможностей и средств, необходимых и пригодных для формирования туристского продукта. Поэтому научные концепции, выдвигаемые в качестве основы для оценки туристского потенциала, предлагают комплексный учет целого ряда факторов. К ним относятся природно-климатические ресурсы (климатические условия, ландшафт, водные и минеральные ресурсы, флора, фауна, отдельные памятники природы и др.), историко-культурные ресурсы (материальное и нематериальное культурное наследие региона) и социально-экономические ресурсы (инфраструктура туристской отрасли, управленческие, кадровые и образовательные, материальные, финансовые и информационные ресурсы и условия) [5]. Соответственно, проблема разработки единой методики оценки туристского потенциала территории привлекает внимание специалистов разных областей знаний: географии, архитектуры, туризма и др. [4]. Интерес представляют известные методики оценки туристско-рекреационного потенциала территорий, разработанные А.Ю. Александровой [1], А.В. Дроздовым [2], Б.В. Робинсоном [8], модели комплексной оценки туристских ресурсов, которые предлагают Е.О. Ушакова [11], И.А. Селиванов [10], интегральная модель оценки М.А. Саранчи [9]. Можно также отметить авторскую методику оценки туристского потенциала, основанную на использовании индексного метода [7]: на основе расчётов по Вологодской области В.С. Орлова и Е.Г. Леонидова выделяют группы территорий (муниципальные образования) по уровню туристского потенциала. Данная методика позволяет обозначить проблемы, сдерживающие развитие и реализацию туристского потенциала.

При рассмотрении процессов реализации туристского потенциала в российских

регионах с точки зрения системного подхода авторами определено, что адаптация региональных экономических систем к новому формату предоставления туристических услуг в связи с внешнеэкономической нестабильностью потребует активного создания новых адаптивных механизмов. Механизм адаптации к новому типу развития туристического бизнеса в условиях политики импортозамещения, основанный на реализации инвестиций как долгосрочного авансирования капитала, будет рассматриваться в работе как совокупность последовательно реализуемых изменений, имеющих стратегическую направленность на достижение баланса между экономическими интересами бизнес-сообщества и социальной ответственностью государства [21]. Адаптером, формирующим процессы адаптации региональной экономической системы к новым условиям туристической деятельности, выступает совокупность инфраструктурных, институционально-организационных и научно-образовательных факторов. Адапталитизатором, повышающим адаптивную способность российского туристического бизнеса, является совокупность инвестиционно-финансовых, внешнеэкономических, социокультурных факторов. Управленческий и предпринимательский факторы лежат в основе технологий эффективной адаптации, при этом неформальные теневые механизмы представляют собой «узел блокад», препятствующих конструктивной адаптации.

При изучении реализации потенциала исследователи в основном сосредоточены на экономических методах оценки: увеличение денежных поступлений от туризма, повышение уровня занятости, рост доходов местного населения и другие экономические последствия. К оценке реализации потенциала подключают маркетинговые факторы: повышение осведомленности о

дестинации [16], рост числа положительных откликов туристов [15], степень сформированности притягательности места [18], количество образов брендов в сознании потенциальных туристов [20]. В ряде зарубежных исследований [17; 22] акцентируется внимание на том, что оценка туристского потенциала регионов, основой привлекательности которых является красота ландшафтов, обязательно должна включать оценку атрибутов природного ресурса и природоохранных требований по сохранению почв, охране лесов и животного мира. В частности, методика оценки рекреационных и туристских ресурсов Новой Зеландии [17] предполагает комплексный анализ ландшафтной привлекательности и соответствующих туристских активностей. Для этого использован метод разграничения природных ресурсов на основе определения границ растительности с использованием аэрофотосъемки и полевых проверок. При определении качества ландшафтных видов авторы применяли субъективный индекс с вариантами оценки качества ресурса как высокого, среднего или низкого. В исследовании использована шкала из пяти пунктов, которые отражают общую пригодность определенного природного ресурса для деятельности на основе отдыха и туризма, а также его значение в национальном масштабе с точки зрения рекреационного и туристского потенциала.

Дж. Прискин [22] предложила методику оценки потенциала прибрежных регионов Австралии, основанную на совокупном анализе четырех блоков оценки: привлекательность природных ресурсов региона, доступность, поддерживающая инфраструктура, степень ухудшения состояния окружающей среды. Подобный подход дает лицам, принимающим решения, планирующим и реализующим региональные программы, инструмент для учета как

позитивных, так и негативных последствий освоения туристского потенциала. При этом важно понимать, что баланс потенциальных выгод и издержек является основой успеха региональных программ по развитию туризма. В частности, экологическая нагрузка должна быть принята во внимание и в тех регионах, которые не ставят во главу угла природную привлекательность территории. Это обусловлено тем, что местные сообщества являются, согласно современному подходу в управлении туристскими дестинациями, ключевыми стейкхолдерами [14; 19], поэтому следует включать в систему показателей эффективности такие индикаторы, как степень роста потребления воды и энергопотребления², выброс отходов вторгающимися в рекреационную зону гостями и т.п.

Анализ регионального и муниципального российского законодательства в сфере туризма показывает, что в региональных программах развития туризма заложены плановые показатели реализации программ, как-то: количество экземпляров изданных рекламно-информационных материалов о турпотенциале; количество российских и международных специализированных выставок, в которых принято участие; количество проведенных для российских и зарубежных СМИ и туроператоров рекламно-информационных туров; количество приобретенных туристских информационных терминалов; число туристов, посещающих регион; объем оказанных туристских услуг; объем инвестиций, привлеченных в рамках оказания государственной финансовой поддержки в форме возмещения процентной ставки по кредитам коммерческих банков на развитие туристской индустрии. Однако ни в одном

² Например, в Испании турист использует в среднем 880 литров воды в день по сравнению с 250 литрами, используемыми местными жителями [23].

из региональных законов не содержится каких-либо четких указаний на методику проведения оценки. Таким образом, проблема оценки эффективности реализации туристского потенциала не менее остра и на этом уровне.

Методика исследования. С целью научного обоснования возможности применения предложенных используемых в рамках исследования показателей для оценки сравнительной эффективности реализации туристского потенциала был проведен основанный на официальных статистических данных Федерального агентства по туризму [21] за 2014 год корреляционный анализ показателей развития туристического бизнеса в российских регионах. Корреляционный анализ проводился на основе аналитического инструментария Microsoft Excel. В качестве базовой единицы исследования выступает Субъект Российской Федерации, так как это наименьшая по масштабу из административно-территориальных единиц, по которым централизованно собирается относительно комплексная и однородная статистика развития туристической отрасли. Корреляционно-регрессионный анализ проводился по всем 85 субъектам РФ, включая Республику Крым и город федерального значения Севастополь. В качестве основных результирующих показателей эффективности реализации туристского потенциала авторами рассматриваются следующие: «объем платных туристских услуг», «инвестиции в основной капитал, направленные на развитие коллективных средств размещения (КСР)», «объем платных услуг КСР (КСР)», так как данные показатели являются определяющими для формирования потенциала развития туристических кластеров и определения вектора развития территории региона в современных экономических условиях.

Исходными данными для анализа сравнительной эффективности реализации туристского потенциала могут выступать экспертные оценки потенциала территории в сфере туризма, а также статистические данные, представленные на региональном и общероссийском уровнях. В частности, на российском уровне наиболее авторитетным рейтинговым агентством, ведущим учет туристского потенциала регионов на протяжении десяти лет, является российское рейтинговое агентство «Эксперт-РА» [3]. Анализируемые регионы ранжируются по ежегодным (ежемесячным) показателям, учитывающим доходную и затратную части. По результатам ранжирования могут быть построены различные графики, например графики, демонстрирующие результаты ранжирования регионов по туристскому потенциалу, а также графики, характеризующие доходную часть от платных туристских услуг и объектов туризма в регионах. При этом на ось абсцисс наносятся значения, характеризующие результаты ранжирования регионов по инвестициям в туризм. А на оси ординат откладываются показатели, соответствующие целевым характеристикам вышеописанных графиков. Граничными показателями эффективности каждого графика могут являться показатели, характеризующие соответствие рангов вложений рангам доходной или потенциальной составляющей экономической эффективности туризма в регионах. Данная характеристика может быть проверена путем построения на графике линии, разделяющей все рассматриваемые рейтинговые результаты на две категории, первая из которых, расположенная выше описанной линии, характеризуется достижением попавших в нее объектов ожидаемых результатов, соответствующих их потенциальным возможностям, и вторая категория, расположенная ниже описанной линии,

не соответствующая ожидаемым показателям. Выявленные по результатам анализа группы можно обозначить как регионы лидеры, середняки и аутсайдеры. Для каждой группы можно предложить свои пути повышения эффективности.

Результаты исследования. Из перечня показателей развития туристической сферы в субъектах РФ были выбраны статистические показатели, которые с точки зрения авторов формируют туристский потенциал региона. В таблице 1 представлены статистические характеристики

исследуемой выборки статистических показателей эффективности формирования и реализации туристского потенциала российских регионов.

С целью углублённого изучения детерминант реализации туристического потенциала в регионах РФ в рамках корреляционного анализа проведена дифференциация между показателями, характеризующими функционирование гостиниц и аналогичных средств размещения, и показателями функционирования прочих коллективных средств размещения (КСР). Допустимость

Таблица 1. Статистические характеристики исследуемой выборки статистических показателей эффективности формирования и реализации туристского потенциала российских регионов*

Показатели	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Экссесс	Асимметричность	Интервал	Минимум	Максимум
Число гостиниц и аналогичных средств размещения	129,01	96	144,47	28,20	4,44	1135	3	1138
Число мест в гостиницах и аналогичных средствах размещения	9758,16	4874	16748,11	25,13	4,63	118336	182	118518
Численность размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, чел.	396646,11	197732	740218,18	30,16	5,04	5553232	6204	5559436
Число КСР, ед.	186,55	129	211,52	29,60	4,53	1680	4	1684
Число мест в КСР	18700,91	9681	31523,33	39,63	5,62	257034	219	257253
Численность размещенных в КСР лиц, чел.	527233,44	287663	859844,97	19,44	4,14	5610202	8584	5618786
Среднесписочная численность работников КСР, чел.	4745,31	2463	7810,46	24,30	4,42	56598	47	56645
Численность работников турфирм, чел.	541,94	330	821,19	39,50	5,53	6754	6	6760
Объем платных туристских услуг, млн. рублей	1758,16	844	3081,28	25,15	4,53	22184	20	22204,6
Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие КСР, млн. рублей	2103,85	799	5768,63	32,96	5,63	39790	14	39804,5
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млн. рублей	892,81	19	5834,66	82,46	9,02	53665	0	53664,9

* Составлено по: Ростуризм: сводные статистические данные по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russiatourism.ru/content/8/section/81/detail/4124/>

подобного разделения коллективных средств размещения по группам также обусловлена спецификой формирования Федеральным агентством по туризму сводных показателей по субъектам РФ. Первый блок показателей составляют следующие показатели функционирования туристической отрасли региона: «число гостиниц и аналогичных средств размещения», «число мест в гостиницах и аналогичных средствах размещения», «численность размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения».

Второй блок составляют такие показатели функционирования туристической отрасли региона, как: «число КСР», «число мест в КСР», «численность размещенных лиц в КСР». Третий блок формируют показатели кадровой обеспеченности процессов реализации туристического потенциала в субъектах РФ, в данный блок входят следующие показатели: «численность работников турфирм», «объем платных туристских услуг». Результаты корреляционного анализа представлены в *таблице 2*.

На основании представленных в таблице результатов можно сделать следующие выводы. В целом прослеживается наличие сильной статистической взаимосвязи между показателями формирования и реализации туристического потенциала субъектов РФ. Низкие значения коэффициента корреляции характеризуют наличие слабой взаимозависимости показателя «инвестиции в основной капитал, направленные на развитие КСР» с показателями, характеризующими численность размещенных за отчетный период в КСР человек, также не прослеживается корреляционной зависимости между инвестициями в гостиничный бизнес и показателями, характеризующими рынок туристических услуг: «численность работников турфирм» и «объем платных

туристских услуг». Следует подчеркнуть, что для двух последних показателей в целом характерна слабая взаимосвязь с показателями функционирования КСР на фоне наличия сильной связи между собой (значение коэффициента корреляции 0,9).

Таким образом, полученные в ходе корреляционного анализа выводы о наличии тесной взаимосвязи между показателями формирования и реализации туристического потенциала российских регионов обосновывают возможность применения для сравнительной эффективности реализации туристского потенциала метода экспертных оценок. Сделан вывод, что комплексная методика оценки туристского потенциала, проводимая агентством «Эксперт-РА», не противоречит полученным в ходе корреляционного анализа результатам и дополняет их. Методическая согласованность рассмотренных подходов позволяет применять в ходе исследования графики, демонстрирующие результаты ранжирования регионов по туристскому потенциалу, а также графики, характеризующие доходную часть от платных туристских услуг и объектов туризма в регионах.

На примере регионов Приволжского федерального округа продемонстрируем возможности методики сравнительной эффективности реализации туристского потенциала³.

По объему платных туристских услуг Приволжский округ на протяжении последних пяти лет занимает второе место после Центрального округа [6]. Так, в 2013 году оборот туристских услуг Приволжского округа составил 25 млрд. руб., тогда как Центральный округ заработал 44 млрд. руб.

³ Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ. Задание № 26.1378.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа показателей формирования и реализации туристского потенциала в российских регионах*

Показатели	Число гостиниц и аналогичных средств размещения	Число мест в гостиницах и аналогичных средствах размещения	Численность размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, чел.	Число КСР, ед.	Число мест в КСР, ед.	Численность размещенных лиц в КСР, чел.	Среднесписочная численность работников КСР	Численность работников турфирм	Объем платных туристских услуг, млн. рублей	Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие КСР, млн. рублей	Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млн. рублей
Число гостиниц и аналогичных средств размещения	1,00										
Число мест в гостиницах и аналогичных средствах размещения	0,90	1,00									
Численность размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, чел.	0,72	0,86	1,00								
Число КСР, ед.	0,99	0,89	0,68	1,00							
Число мест в КСР, ед.	0,92	0,94	0,68	0,94	1,00						
Численность размещенных в КСР лиц, чел.	0,82	0,92	0,98	0,80	0,81	1,00					
Среднесписочная численность работников КСР	0,86	0,89	0,72	0,89	0,95	0,84	1,00				
Численность работников турфирм, чел.	0,66	0,76	0,95	0,63	0,60	0,91	0,66	1,00			
Объем платных туристских услуг, млн. рублей	0,57	0,64	0,86	0,55	0,47	0,82	0,54	0,90	1,00		
Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие КСР, млн. рублей	0,80	0,77	0,43	0,81	0,87	0,57	0,77	0,32	0,20	1,00	
Объем платных услуг КСР, млн. рублей	0,81	0,92	0,93	0,78	0,80	0,95	0,81	0,88	0,76	0,67	1,00

* Составлено по: Ростуризм: результаты корреляционного анализа показателей формирования и реализации туристского потенциала в российских регионах на основе сводных статистических данных по субъектам Российской Федерации.

О высоких показателях доходности сферы туризма Приволжья свидетельствует тот факт, что в первую двадцатку российских регионов по доходам более миллиарда в год от сферы туризма вошли восемь регионов Приволжского округа: Нижегородская область, Башкортостан, Пермский край, Татарстан, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Оренбургская и Кировская области.

С 2005 г. туристский потенциал стал одним из девяти видов частных потенциалов в методике агентства «Эксперт-РА» по расчету инвестиционного потенциала регионов. В состав туристского потенциала (табл. 3), согласно критериям экспертов из «Эксперт-РА», входят четыре параметра: природно-рекреационный и историко-культурный комплексы, развитость сети размещения туристов и мест развлечения. Первые два параметра являются поводами для посещения туристами региона, вторые — условиями для того, чтобы туристы задержались в регионе и потратили отложенные для этого случая деньги. Именно оптимальное сочетание и пропорциональное разви-

тие этих элементов туризма может сделать туристскую дестинацию притягательной для путешественников.

Согласно оценке «Эксперт-РА», наилучшие показатели регионов соответствуют наименьшим значениям рангов. На протяжении девяти лет составления рейтинга количество субъектов РФ колебалось от 88 в 2005 году до 83 в 2015 году, при этом распределение мест лидеров довольно стабильно. Среди регионов Приволжского округа верхние строчки рейтинга постоянно занимают республики Татарстан и Башкортостан, Нижегородская область, Пермский край и Самарская область. Во вторую группу со средним туристским потенциалом входят Саратовская, Оренбургская, Кировская области, а также Чувашская Республика. В третью группу с низким туристским потенциалом попадают Удмуртская Республика, Пензенская область, Республика Мордовия, Ульяновская область и Республика Марий Эл.

Далее уделим более пристальное внимание финансированию туристской отрасли, заложенному в программах развития

Таблица 3. Динамика туристского потенциала регионов Приволжского округа

Регион ПФО	Ранг туристского потенциала по оценке «Эксперт-РА»										
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Татарстан	7	6	5	6	7	6	5	6	6	5	6
Республика Башкортостан	6	7	6	8	6	7	7	7	7	8	8
Нижегородская область	11	12	17	15	9	10	12	12	11	11	12
Пермский край	10	9	13	12	12	11	11	11	12	12	14
Самарская область	15	21	26	29	23	21	17	16	15	15	16
Саратовская область	23	26	31	31	34	25	27	26	26	27	28
Оренбургская область	47	47	49	51	40	33	30	31	29	26	31
Кировская область	21	25	28	27	37	34	40	41	41	41	41
Чувашская Республика	52	54	47	48	49	41	46	46	45	48	48
Удмуртская Республика	51	49	48	44	51	49	52	47	50	50	52
Пензенская область	36	38	40	43	62	55	55	54	54	57	58
Республика Мордовия	62	64	59	60	60	62	60	61	62	62	67
Ульяновская область	40	44	53	50	64	54	61	63	66	63	62
Республика Марий Эл	64	66	67	69	68	71	70	70	71	72	73

Составлено по: Эксперт-РА: рейтинги регионов России [Электронный ресурс]. – URL: http://raexpert.ru/rankings/#r_1108;

туризма в регионах Приволжья. Средства, заложенные в программах развития туризма, а также усредненные показатели ежегодных вложений в туризм представлены в *таблице 4*. Объем финансирования мероприятий заложен в программах анализируемых регионов с учетом средств из республиканского и федерального бюджетов.

Своевременный доступ к статистическим данным в сфере туризма до недавнего времени представлял серьезную проблему для экспертов. В настоящее время на официальном сайте Ростуризма размещены сводные данные за последние пять лет по категориям: прием и размещение туристов, объем платных туристских услуг. Как видно из *табл. 5*, по объему оказанных

Таблица 4. Показатели финансовых вложений в туризм в регионах Приволжского округа

Регион ПФО	Вложения в туризм, млн. руб.	
	Среднегодовой показатель	Всего
Республика Татарстан	5739	22956
Чувашская Республика	902	7216
Пермский край	518	2591
Нижегородская область	421	2103
Республика Башкортостан	397	1987
Пензенская область	220	1539
Самарская область	210	1262
Ульяновская область	178	891
Республика Мордовия	152	764
Республика Марий Эл	36	215
Кировская область	17	133
Оренбургская область	11	68
Удмуртская Республика	10	70
Саратовская область	10	34

Составлено по стратегическим программам развития туризма в регионах Приволжского федерального округа.

Таблица 5. Объем платных туристских услуг регионов Приволжья, млн. рублей

Регион ПФО	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Нижегородская область	2120	2620	2731	3866	5634	7243,8
Республика Башкортостан	2351	2395	2572	2742	3366	3870,5
Пермский край	1411	1596	2229	2834	3335	3027,3
Республика Татарстан	1137	1239	1509	1932	2313	2477,5
Самарская область	1119	1322	1447	1624	1832	1608,7
Саратовская область	970	1145	1474	1408	1453	1244,8
Ульяновская область	376	630	700	996	1305	1173,7
Оренбургская область	625	661	963	1092	1191	1287,3
Кировская область	496	730	811	874	1052	1027,6
Пензенская область	409	460	446	590	719	836,7
Республика Марий Эл	261	315	431	573	700	685,4
Чувашская Республика	391	470	542	596	691	701,8
Удмуртская Республика	152	240	257	458	684	681,6
Республика Мордовия	229	297	369	382	542	522,6

Составлено по: Ростуризм: сводные статистические данные за 6 лет (с 2009 по 2014 год) по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russiatourism.ru/content/8/section/81/detail/4124/>

платных туристских услуг в Приволжском округе лидируют Нижегородская область, Республика Башкортостан, Пермский край, Республика Татарстан и Самарская область.

Анализ динамики доходности туристских услуг за последние пять лет показывает, что кризисные 2010–2011 годы были успешными только для Пермского края и Республики Татарстан, в то время как в остальных регионах ПФО темпы развития туристской отрасли снизились. В 2012 году значительно улучшили показатели доходности Удмуртская Республика (на 78%), Нижегородская, Ульяновская области, а также Республика Мордовия (на 42%), Пензенская область и Республика Марий Эл (на 33%), Пермский край и Республика Татарстан (на 28%). В 2013–2014 гг. хороший темп роста показателя сохранился в Удмуртской Республике, Нижегородской области и Республике Башкортостан. Республика Татарстан, Оренбургская и Пензенская области

также показали положительную динамику, хотя и не столь значительную.

Еще одна статья доходной части туризма – сфера услуг гостеприимства и предприятий общественного питания. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [12], пятерка лидеров Приволжья распределилась следующим образом: республики Башкортостан и Татарстан, Нижегородская и Самарская области, Пермский край (табл. 6).

Для определения эффективности вложений в туризм в регионах Приволжья соотнесем показатели вложений и доходов в туризм за последние пять лет (табл. 7). Исходя из показателей финансовых вложений в туризм в регионах ПФО, представленных в таблице 4, определим ранг инвестиционной активности региона (ранг вложений). Ранг доходов определим, исходя из совокупных данных объема платных туристских услуг (см. табл. 5) и оборота по доходам от гостиниц и ресторанов (см. табл. 6).

Таблица 6. Оборот по доходам от гостиниц и ресторанов Приволжского округа, млрд. руб.

Регион ПФО	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Башкортостан	7,7	12,3	12,2	26	37	30,3
Республика Татарстан	10,2	16,8	18,8	19,7	22,8	22,4
Пермский край	7,7	5,8	6,5	6,8	25,8	21,7
Нижегородская область	5,9	8,7	12,4	14,5	17,4	20
Самарская область	7,3	11,2	14	11,9	12,8	13,7
Удмуртская Республика	2,9	3,7	4,9	6,8	6,7	7,4
Кировская область	3,5	3,6	3,8	5,2	5,8	6,4
Чувашская Республика	2,5	3,1	3	4,1	5,7	5,9
Саратовская область	2,9	3,3	3,8	4,5	4,6	4,9
Оренбургская область	3,1	3,1	3,2	4,5	4,9	4,9
Ульяновская область	1,4	2,1	3	2,6	3,2	3,2
Пензенская область	2,2	2,4	3,3	3	3	3,1
Республика Марий Эл	1,5	1,7	2,1	2,3	2,5	2,8
Республика Мордовия	0,7	0,9	0,8	1,2	1,3	2,7

Составлено по: Оборот по доходам от гостиниц и ресторанов Приволжского округа / Федеральная служба государственной статистики.

Таблица 7. Эффективность вложений регионов Приволжского округа в туризм*

Регион ПФО	Ранг вложений	Ранг доходов
Республика Башкортостан	10	14
Республика Татарстан	14	13
Нижегородская область	11	12
Пермский край	12	11
Самарская область	8	10
Удмуртская Республика	2	9
Кировская область	4	8
Чувашская Республика	13	7
Оренбургская область	3	6
Саратовская область	1	5
Ульяновская область	7	4
Пензенская область	9	3
Республика Марий Эл	5	2
Республика Мордовия	6	1

* В определении рангов использовались совокупные показатели за шесть лет (с 2009 по 2014 год), приведенные в таблицах 4–6.

На основе проанализированной зависимости между показателями вложений и доходов в сферу туризма была построена диаграмма, демонстрирующая дифференциацию регионов Приволжья по эффективности вложений в туризм (рис. 1). Цифрами на рисунке обозначены регионы Приволжья по рангу доходов в сферу туризма: 1 – Республика Мордовия; 2 – Республика Марий Эл; 3 – Пензенская область; 4 – Ульяновская область; 5 – Саратовская область; 6 – Оренбургская область; 7 – Чувашская Республика; 8 – Кировская область; 9 – Удмуртская Республика; 10 – Самарская область; 11 – Пермский край; 12 – Нижегородская область; 13 – Татарстан; 14 – Республика Башкортостан.

Среди субъектов Приволжья, находящихся в зоне выше диагональной линии, что в целом говорит об эффективности вложений за последние пять лет, стоит отметить Башкирию, вышедшую в лидеры по доходам, тогда как по вложениям она замкнула пятерку лидеров. Примечательно, что в плане вложений в туризм с большим отрывом от остальных регионов Приволжья стоит Татарстан, однако даже такое крупное событие, как Универсиада-2013,

не позволило ему взять по рангу доходов первое место в округе. Разница между вложениями и доходами в туризм Татарстана составляет одну позицию, и координаты этой республики находятся ниже диагонали, вместе с регионами Приволжья, которые можно считать субъектами, не в полной мере оправдавшими свою инвестиционную активность на данный момент.

Вероятно, для более адекватной оценки в данном случае требуется более длительный период времени. В Чувашии, Пензенской области и Мордовии уровень инвестиционной активности значительно выше уровня доходов. На шесть позиций отстает ранг доходов от ранга вложений в Чувашии и Пензенской области, на пять позиций – в Республике Мордовия. В этой же группе находятся Ульяновская область и Республика Марий Эл, здесь разница в ранге доходов и вложений составляет три позиции.

Оценив динамику туристского потенциала, финансовую активность региона в сфере туризма и динамику доходов, можно приступить к изучению эффективности реализации туристского потенциала в

Рисунок 1. Эффективность вложений в туризм в регионах Приволжья

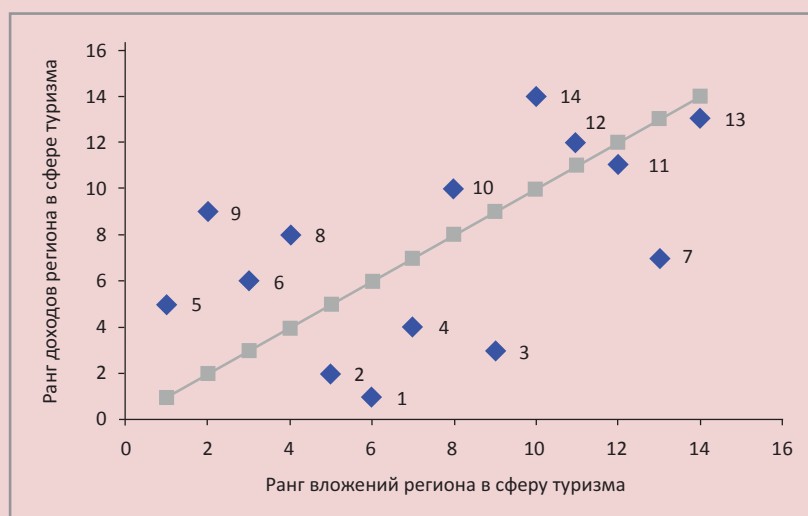

Таблица 8. Эффективность реализации туристского потенциала в регионах Приволжья*

Регион ПФО	Ранг вложений региона в сферу туризма	Ранг туристского потенциала региона
Республика Татарстан	14	14
Чувашская Республика	13	6
Пермский край	12	11
Нижегородская область	11	12
Республика Башкортостан	10	13
Пензенская область	9	4
Самарская область	8	10
Ульяновская область	7	2
Республика Мордовия	6	3
Республика Марий Эл	5	1
Кировская область	4	7
Оренбургская область	3	8
Удмуртская Республика	2	5
Саратовская область	1	9

* В определении рангов использовались показатели, приведенные в таблицах 3–4.

регионах Приволжья. Полученные выше данные о затратной и доходной частях туризма, а также сведения о туристском потенциале сведены в *таблицу 8*.

Представленная ниже диаграмма (*рис. 2*) распределяет регионы в зависимости от соотношения ранга вложений региона в сферу туризма и ранга туристского потенциала региона. На рисунке цифрами обозначены области Приволжья по рангу

туристского потенциала: 1 – Республика Марий Эл; 2 – Ульяновская область; 3 – Республика Мордовия; 4 – Пензенская область; 5 – Удмуртская Республика; 6 – Чувашская Республика; 7 – Кировская область; 8 – Оренбургская область; 9 – Саратовская область; 10 – Самарская область; 11 – Пермский край; 12 – Нижегородская область; 13 – Республика Башкортостан; 14 – Татарстан.

Рисунок 2. Эффективность реализации туристского потенциала в регионах Приволжья

Республика Татарстан находится на диагональной линии, имея самые высокие позиции по обоим показателям в регионе Приволжье, что говорит о хороших условиях, сложившихся в республике для инвесторов и предпринимателей, и о широких перспективах развития здесь туристской отрасли.

Регионы, координаты которых находятся ниже диагонали (на которой ранги соответствуют друг другу), можно считать субъектами, не в полной мере использующими свой туристский потенциал. В наибольшем удалении от диагональной линии расположены Чувашия, Пензенская и Ульяновская области. В Чувашии уровень финансирования туризма значительно выше уровня доходов на данный момент. Ставка на туризм делается здесь как на инновационный путь развития республики, поскольку она не обладает иным значительным природно-ресурсным потенциалом. Туристский потенциал Пензенской и Ульяновской областей оценивается экспертами значительно ниже Чувашии, однако по рангу вложений в

туризм данные области находятся в середине рейтинга районов Приволжья. Здесь уровень инвестиционной активности значительно выше уровня туристского потенциала. Получается, что в туризме Пензенской и Ульяновской областей, где ставка делается на историко-культурный и событийный туризм, сложились неплохие условия по привлечению инвесторов и предпринимателей.

Марий Эл и Мордовия, имеющие низкие показатели инвестиционной активности и туристского потенциала, характеризуются разницей между рангами вложений и туристского потенциала в четыре и три позиции соответственно. Отсутствие ряда значимых в туристской привлекательности параметров требует от руководства данных областей дополнительных усилий по планированию и проведению комплекса мероприятий с целью улучшения условий, которые сложились в регионе для инвесторов и предпринимателей.

Пермский край, занимающий высокое место в рейтинге Приволжья по инвестициям в туризм и имеющий высокий турист-

ский потенциал, оказался чуть ниже диагональной линии. Разница между рангом вложений и потенциалом здесь составляет одну позицию, что также свидетельствует о широких возможностях развития здесь туризма.

Анализируя группу над диагональной линией, следует отметить Башкортостан, Нижегородскую и Самарскую области, у которых ранги вложений и потенциала достаточно высоки. Показатели потенциала на данный момент превышают вложения, что в целом свидетельствует о достаточно высокой эффективности реализации потенциала данных территорий и в то же время об имеющихся перспективах роста, особенно в направлении поиска инвесторов. Неплохие показатели туристского потенциала имеют Кировская, Оренбургская и Саратовская области, однако вложения в туризм здесь достаточно низкие. То, что эти регионы не придают должного значения финансированию туристской отрасли, может обернуться против них, так как из группы над диагональной линией их могут быстро сместить конкурирующие области, вкладывающие более значительные средства в развитие туризма.

Заключение. На примере регионов Приволжского федерального округа видно, что туристский потенциал территорий и эффективность его реализации весьма различны. Первая пятерка областей-лидеров Приволжья, определившаяся как по туристскому потенциалу, так и по доходам от сферы туризма за последние пять лет, имеет солидные долгосрочные программы развития туризма. Это Татарстан, Башкирия, Пермский край, Нижегородская и Самарская области. В пятерке регионов-лидеров созданы подробные программы с рядом подпрограмм, серьезно проработаны индикаторы ожидаемой эффективности реализации мероприятий, механизмы и

эффекты программы. По всем статьям бюджета в данных областях сделана детализация мероприятий, разработаны программы продвижения области как туристской дестинации, запланировано участие в российских и международных выставках, проведение туристских форумов, фестивалей, конкурсов, размещение информации о туристском потенциале в российских и зарубежных СМИ, проведение для российских и зарубежных СМИ и туроператоров рекламно-информационных туров. В продвижении туристского потенциала этих регионов заложены средства на интернет-технологии, на хостинг сайтов, создание и поддержку интернет-порталов по туризму, создание интерактивной карты планирования маршрутов, геоинформационной системы и виртуальной модели объектов показа, а также на создание и обеспечение деятельности туристской информационной системы.

В ряде областей (Чувашия, Татарстан, Башкирия, Нижегородская и Самарская области) в программах развития туризма продуманы кредитно-финансовые механизмы государственной поддержки инвесторов, сельского и социального туризма, предоставление грантов на развитие туризма. Однако в программах развития туризма Удмуртии, Оренбургской, Ульяновской и Пензенской областей уделено мало внимания или вообще не уделяется внимание научным и проектно-исследовательским работам по созданию туристско-рекреационных зон, разработке технико-экономических обоснований проектов туристских кластеров с целью включения в федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Кроме того, в перечисленных выше областях слабое внимание уделено совершенствованию системы подготовки,

переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере туризма и научному обеспечению, проведению обучающих семинаров, в том числе с участием зарубежных специалистов, изданию методической литературы, международным стажировкам по обмену опытом, созданию системы международных обменов.

Данные, полученные в результате построения диаграммы по эффективности реализации туристского потенциала регионов Приволжья, могут быть полезными при совершенствовании существующих программ развития туризма как для отдельных регионов, так и для страны в целом. Актуальность оценки эффективности реализации туристского потенциала еще более остро ставит вопрос разработки единых показателей, характеризующих ожидаемые конечные результаты программ

развития туризма в региональных стратегических программах, и организации контроля выполнения программ. Одним из важнейших принципов контроля программ развития туризма должны стать их открытость и оперативная доступность, отчеты о результатах должны быть доступны широкому кругу пользователей и размещены на сайтах министерств по туризму в регионах. При этом необходимо разрабатывать такой инструментарий оценки, который позволяет взвесить как позитивные, так и негативные последствия освоения туристского потенциала, такие как экологическая нагрузка или снижение комфортности проживания для местных жителей, а также сформировать стимулы для разработки и реализации региональных, межрегиональных и международных проектов в сфере туризма.

Литература

1. Александрова, А.Ю. Оценочные методы / А.Ю. Александрова // География туризма. – М.: Кнорус, 2008. – С. 205-214.
2. Дроздов, А.В. Выявление, оценка и использование туристских ресурсов России: современная ситуация, проблемы и пути их решения / А.В. Дроздов // Актуальные проблемы туризма: сборник научных трудов Российской международной академии туризма. – 2007. – №1. – С. 228-250.
3. Инвестиционные рейтинги регионов России [Электронный ресурс]. – URL: http://raexpert.ru/rankings/#r_1108
4. Комплексная оценка туристского потенциала муниципальных образований Вологодской области [Текст]: информ.-аналит. записка о первом этапе НИР / исполн. В.С. Орлова, Е.Г. Леонидова. – Вологда, 2011. – 86 с.
5. Кусков, А.С. Туристское ресурсоведение / А.С. Кусков. – М.: Академия, 2008. – 208 с.
6. Марченко, Г. Клондайк для инвестора. Туризм по полному праву претендует на роль национального проекта [Электронный ресурс] / Г. Марченко, Е. Мачульская. – URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2005/part5/>
7. Орлова, В.С. Туристский потенциал Вологодской области / В.С. Орлова, Е.Г. Леонидова // Проблемы развития территории. – 2011. – Вып. 4 (56). – С. 51-57.
8. Робинсон, Б.В. Особенности оценки потенциала ресурсов развития туризма / Б.В. Робинсон // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2013. – Вып. 5. – С. 28-33.
9. Саранча, М.А. Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории / М.А. Саранча // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 1. – С. 118-127.
10. Селиванов, И.А. Разработка системной модели комплексной оценки туристских ресурсов региона [Электронный ресурс] / И.А. Селиванов // Российский экономический интернет-журнал. – 2006. – № 1. – URL: <http://www.e-rej.ru/publications/107>
11. Ушакова, Е.О. Вопросы комплексной оценки туристских ресурсов региона / Е.О. Ушакова // Российское предпринимательство. – 2012. – Вып. 8. – С. 132-137.

12. Федеральная служба государственной статистики. Оборот по доходам от гостиниц и ресторанов Приволжского округа [Электронный ресурс]. – URL: <http://maristat.mari.ru/scripts/dbdpfoInet/DBInet.cgi>
13. Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/>
14. Шерешева, М.Ю. Сетевой подход в изучении туристских дестинаций: новые тенденции / М.Ю. Шерешева, Р. Баджо // Инициативы XXI века. – 2014. – № 2. – С. 58-63.
15. Ashouri, P., & Fariyadi, Sh. (2010). Potential Assessment of Nature-Based Tourism Destinations Using MCA Techniques (Case Study: Lavasan-e Koochak). *Journal of Environmental Studies*, 36, 55-76.
16. Buhalis, D. (2000). Marketing the Competitive Destination of the Future. *Tourism Management*, 21(1), 97-116.
17. Cocklin, C., Harte, M., & Hay, J. (1990). Resource Assessment for Recreation and Tourism: A New Zealand Example. *Landscape and Urban Planning*, 19, 291–303.
18. Constantin, M., & Daniela-Luminia, C. (2009). Tourism Potential and the Diminishing of Regional Disparities in Romania. *Economy and Business Administration*, 2, 151-155.
19. D'angella, F. & Go, F. M. (2009). Tale of two cities' collaborative tourism marketing: Towards a theory of destination stakeholder assessment. *Tourism Management*, 30(3), 429-440.
20. Enright, M. J., & Newton, J. (2004). Tourism Destination Competitiveness: a Quantitative Approach. *Tourism Management*, 25(6), 777-788.
21. Polukhina A.N., Rukomoinikova V.P. (2016) Development of cluster approach in tourism (Russia case study) // *Journal of Applied Engineering Science* Vol 14, No 1. P. 61-67.
22. Priskin J. (2001). Assessment of natural resources for nature-based tourism: the case of the Central Coast Region of Western Australia. *Tourism Management*, 22(6), 637-648.
23. Romero, R., & Homar V. (2012). Projections of the climate potential for tourism in Platja de Palma, Spain. *International journal of Tourism Research*, 11, 64-82.

Сведения об авторах

Анна Николаевна Полухина – доктор экономических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3, Ann_mari@rambler.ru)

Марина Юрьевна Шерешева – доктор экономических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, m.sheresheva@gmail.com)

Вера Павловна Рукомойникова – кандидат филологических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3, rukomvera@mail.ru)

Дмитрий Леонидович Напольских – кандидат экономических наук, Поволжский государственный технологический университет (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3, Napol'skikhDL@yandex.ru)

Polukhina A.N., Sheresheva M.Yu., Rukomoinikova V.P., Napol'skikh D.L.

The Rationale for Comparative Effectiveness of Tourist Potential Realization (Case Study of the Volga Region)

Abstract. The article presents the analysis of long-term tourism development programs of the Volga Region. Great attention is given to the sector's financing measures set out in development programs. Domestic and foreign tourist potential assessment methods are analyzed. Tourist potential dynamics of the Volga Region

is studied based on expert opinion. Using econometric approach the authors study the correlation between tourism investments and incomes of the Volga Region for the past six years – from 2009 to 2014. The analysis was carried out using statistics provided by the Russian Tourism Association and the Federal State Statistics Service of the Russian Federation by category of profitability from paid tourist services and from hospitality and catering services. The conducted analysis helped construct the figures showing the differentiation of the Volga regions by tourism investment efficiency and tourist potential realization. It is shown that tourist potential of the territories and its realization are highly differentiated. The sub-regions of the Volga Region are divided into groups according to the effectiveness of potential realization. The effectiveness of implementation of natural recreational and historical and cultural potential is higher in the sub-regions where places of tourist accommodation and entertainment are developed enough, effective mechanisms for programs implementation control are formed and the indicators of expected effectiveness of measures implementation are elaborated. The study has revealed the need for the development of common indicators of expected final results of tourism development programs. The use of a unified system of standardized indicators should become the principle of monitoring the implementation of regional tourism development programs. Data obtained by the research will be useful for the improvement of the existing regional tourism development programs.

Key words: tourist potential, long-term tourism development program, tourism infrastructure, efficiency of investments, efficiency indicators.

References

1. Aleksandrova A.Yu. Otsenochnye metody [Assessment methods]. *Geografiya turizma* [Tourism geography], Moscow: Knorus, 2008, pp. 205–214. (In Russian).
2. Drozdov A.V. Vyyavlenie, otsenka i ispol'zovanie turistskikh resursov Rossii: sovremennaya situatsiya, problemy i puti ikh resheniya [Identification, assessment and exploitation of Russian tourist resources]. *Aktual'nye problemy turizma: sbornik nauchnykh trudov Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma* [Relevant tourism issues: collection of scientific works of the Russian International Academy for Tourism], no. 1, 2007, pp. 228-250. (In Russian).
3. *Investitsionnye reitingi regionov Rossii* [Investment rating of Russian regions]. Available at: http://raexpert.ru/rankings/#r_1108. (In Russian).
4. Orlova V.S., Leonidova E.G. *Kompleksnaya otsenka turistskogo potentsiala munitsipal'nykh obrazovaniy Vologodskoi oblasti: inform.-analit. zapiska o pervom etape NIR* [Complex assessment of tourist potential of the Vologda Oblast municipal units: information and analysis note on the first stage of the research study]. Vologda, 2011. 86 p. (In Russian).
5. Kuskov A.S. *Turistskoe resursovedenie* [Tourist resource study]. Moscow: Akademiya, 2008. 208 p. (In Russian).
6. Marchenko G., Machul'skaya E. *Klondaik dlya investora. Turizm po polnomu pravu pretenduet na rol' natsional'nogo proekta* [Klondike for an investor. Tourism has every right to become another national project]. Available at: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2005/part5/>. (In Russian).
7. Orlova V.S., Leonidova E.G. Turistskii potentsial Vologodskoi oblasti [The Vologda Oblast tourist potential]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], issue 4 (56), 2011, pp. 51-57. (In Russian).
8. Robinson B.V. Osobennosti otsenki potentsiala resursov razvitiya turizma [Features of assessment of tourism resource development potential]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya* [Modern science: relevant issues and ways to address them], 2013, issue 5, pp. 28-33. (In Russian).
9. Sarancha M.A. Metodologicheskie problemy integral'noi otsenki turistsko-rekreatsionnogo potentsiala territorii [Methodological problems of integral assessment of territory's tourist potential]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], no. 1, 2011, pp. 118-127. (In Russian).
10. Selivanov I.A. Razrabotka sistemnoi modeli kompleksnoi otsenki turistskikh resursov regiona [Development of a system model for the complex assessment of tourist resources of the region]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian economic Internet journal], no. 1, 2006. Available at: <http://www.e-rej.ru/publications/107>. (In Russian).

11. Ushakova E.O. Voprosy kompleksnoi otsenki turistskikh resursov regiona [Issues of comprehensive assessment of tourism resources in the region]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Issues of complex assessment of tourist resources of the region], 2012, issue 8, pp. 132-137. (In Russian).
12. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Oborot po dokhodam ot gostinits i restoranov Privolzhskogo okruga* [Federal State Statistics Service. Income turnover of hotels and restaurants of the Volga Federal District]. Available at: <http://maristat.mari.ru/scripts/dbdpfoInet/DBIInet.cgi>. (In Russian).
13. *Federal'noe agentstvo po turizmu* [Federal Agency for Tourism]. Available at: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/>. (In Russian).
14. Sheresheva M.Yu., Badzho R. Setevoi podkhod v izuchenii turistskikh destinatsii: novye tendentsii [Network approach in studying tourist destinations: new trends]. *Initsiativy 21 veka* [Initiatives of the 21st century], 2014, no. 2, pp. 58-63. (In Russian).
15. Ashouri P., Fariyadi Sh. Potential Assessment of Nature-Based Tourism Destinations Using MCA Techniques (Case Study: Lavasan-e Koochak). *Journal of Environmental Studies*, 2010, no. 36, pp. 55-76.
16. Buhalis D. Marketing the Competitive Destination of the Future. *Tourism Management*, 2000, no. 21 (1), pp. 97-116.
17. Cocklin C., Harte M., Hay J. Resource Assessment for Recreation and Tourism: A New Zealand Example. *Landscape and Urban Planning*, 1990, no. 19, pp. 291-303.
18. Constantin M., Daniela-Luminia C. Tourism Potential and the Diminishing of Regional Disparities in Romania. *Economy and Business Administration*, 2009, no. 2, pp. 151-155.
19. D'angella F., Go F. M. Tale of two cities' collaborative tourism marketing: Towards a theory of destination stakeholder assessment. *Tourism Management*, 2009, no. 30(3), pp. 429-440.
20. Enright M. J., Newton J. Tourism Destination Competitiveness: a Quantitative Approach. *Tourism Management*, 2004, no. 25(6), pp. 777-788.
21. Polukhina A.N., Rukomoinikova V.P. Development of cluster approach in tourism (Russia case study). *Journal of Applied Engineering Science*, 2016, volume 14, no. 1, pp. 61-67.
22. Priskin J. Assessment of natural resources for nature-based tourism: the case of the Central Coast Region of Western Australia. *Tourism Management*, 2001, no. 22(6), pp. 637-648.
23. Romero R., Homar V. Projections of the climate potential for tourism in Platja de Palma, Spain. *International Journal of Tourism Research*, 2012, no. 11, pp. 64-82.

Information about the Authors

Anna Nikolaevna Polukhina - Doctor of Economics, Associate Professor, Volga State University of Technology (3, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424032, Russian Federation, ann_mari@rambler.ru)

Marina Yur'evna Sheresheva - Doctor of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Building 46, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation, m.sheresheva@gmail.com)

Vera Pavlovna Rukomoinikova - Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, Volga State University of Technology (3, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424032, Russian Federation, rukomvera@mail.ru)

Dmitrii Leonidovich Napol'skikh - Ph.D. in Economics, Volga State University of Technology (3, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424032, Russian Federation, napolskihDL@yandex.ru)

Статья поступила 3.08.2016

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.8

УДК 330.4, ББК 65.050.03

© Гулин К.А., Россошанский А.И.

Российский и зарубежный опыт интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем*

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а
gil@vscc.ac.ru

**Александр Игоревич
РОССОШАНСКИЙ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а
alexanderrossy@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор разработанных российскими и зарубежными исследователями механизмов интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных технологий. Основные положения статьи базируются на критическом анализе отечественных и зарубежных литературных источников (монографии, научные статьи). Исследование основано на применении общенаучных методов познания: системного подхода; анализа и синтеза; класси-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-18-10296 «Разработка комплекса агент-ориентированных моделей, имитирующих социально-экономическую систему Евразийского континента и детализированных до уровня отдельных индивидуумов».

Для цитирования: Гулин, К.А. Российский и зарубежный опыт интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем / К.А. Гулин, А.И. Россошанский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 141-157. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.8

For citation: Gulin K.A., Rossoshanskiy A.I. Russian and foreign experience of integration of agent-based models and geographic information systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 141-157. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.8

фикации, систематизации и группировки; методов обобщения, сравнения и типологизации. В статье изложены теоретико-методологические основы интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем. Раскрыты понятие и сущность агент-ориентированных моделей, выделены их основные преимущества по сравнению с другими методами моделирования. Дана характеристика среды функционирования агентов как ключевого понятия в теории агент-ориентированного моделирования. Показано, что геоинформационные системы обладают разнообразными информационными ресурсами для расчетов, поиска, моделирования реального мира в различных аспектах, выступая эффективным инструментом отображения среды функционирования агентов, и позволяют максимально приблизить модель к реальным условиям. Авторами акцентируется внимание на широком спектре возможностей по проведению самого разнообразного круга исследований в различных пространственных и временных рамках. Приводится сравнительный анализ платформ, поддерживающих интеграцию агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем. Рассмотрены примеры сложных социально-экономических моделей: модель креативного города, модель оказания гуманитарной помощи. В условиях отсутствия сложившихся стандартов описания результатов исследования авторы сосредоточили внимание на таких элементах моделей, как характеристика агентов и среды их функционирования, поведение и правила взаимодействия агентов между собой и внешней средой. Отражены возможности и перспективы использования данных моделей на практике.

Ключевые слова: геоинформационные системы, пространственное развитие, агент, агент-ориентированные модели.

В настоящее время агент-ориентированное моделирование становится достаточно популярным инструментом, применяемым как в научной сфере, так и при разработке сложных управленческих решений. Во многом это обусловлено возможностью учитывать активность элементов модели, наделяя их помимо набора индивидуальных характеристик целевыми установками, посредством чего имитируется их реакция на изменения среды, в которой они функционируют. Как отмечает доктор экономических наук *А.Р. Бахтизин*, основная идея, лежащая в основе агент-ориентированных моделей, заключается в построении «вычислительного инструмента» (представляющего собой совокупность агентов с определенным набором свойств), позволяющего проводить симуляции реальных явлений [1]. То есть агент-ориентированное моделирование используется для изучения сложных систем на макроуровне

посредством динамического взаимодействия его элементов на микроуровне (метод «снизу-вверх»).

Как отмечают *C. Castle* и *A. Crooks* [14, 23], среди преимуществ агент-ориентированных моделей по сравнению с традиционными методами моделирования (например, нисходящие нелинейные динамические системы, дискретно-событийное моделирование, клеточные автоматы и т.д.) можно выделить три основных аспекта: 1) фиксация возникающего явления; 2) обеспечение естественной среды для изучения некоторых систем; 3) гибкость, что особенно важно при взаимодействии с геоинформационными системами (ГИС).

Одним из основных направлений развития агент-ориентированных моделей (АОМ) выступает разработка АОМ на базе геоинформационных систем. Многими исследователями доказывается позиция

о том, что реальные пространственные данные должны не только рассматриваться внутри модели, но и стать элементами самой модели, а это предполагает как статичность и экзогенность пространственных элементов, так и их активное и взаимное участие. На первый взгляд интеграция АОМ и ГИС может показаться тривиальной задачей, однако она позволяет максимально приблизить функционирование агентов к реальным процессам и явлениям.

В статье ставилась цель систематизировать современный отечественный и зарубежный опыт интеграции агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем. Для достижения поставленной цели отражены потенциальные и реальные области применения, дан обзор наиболее востребованных платформ по их интеграции, рассмотрены наиболее успешные агент-ориентированные модели на базе ГИС.

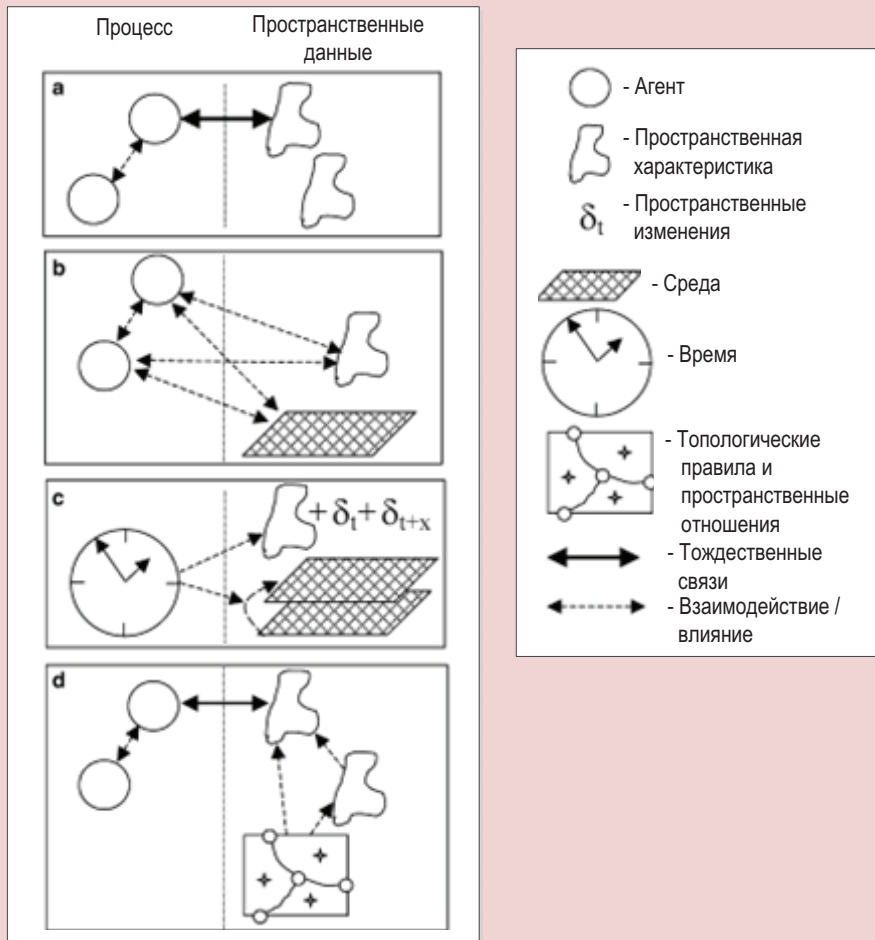
Наряду с «агентом» как центральным термином и основной действующей единицей в теории и практике агент-ориентированного моделирования, важнейшим элементом АОМ выступает среда их функционирования. То есть взаимодействие агентов не осуществляется как бы в «вакууме» (где присутствуют только связи типа «агент-агент»), а происходит в заданном пространстве, которое также оказывает прямое или косвенное воздействие на принятие решений агента («агент-агент» и «агент-среда»). На *рисунке 1* представлена концептуальная иллюстрация ключевых видов отношений между агентами и средой. Такое взаимодействие агентов в пространстве называется «пространственно явным», даже если при этом сам агент является статичным. В то же время агент-

ориентированные модели не исключают возможности взаимодействия агентов без учёта пространственного расположения, то есть агенты «пространственно неявные» [11]. Сама среда, в которой находятся агенты, может быть представлена в виде физического или социального пространства заданной формы и размера, характеризуется возможными состояниями, сферами влияния, определенными правилами динамического измерения и многим другим [8, с. 32].

Существенным подспорьем в стремлении агент-ориентированных моделей к максимальному отражению реальности выступает представление среды функционирования агентов в виде геоинформационных систем. Как отмечают академики *В.Л. Макаров* и *В.В. Окрепилов*, данная интеграция «абсолютно естественна» и существенно приближает агент-ориентированные модели к близкой к действительности окружающей среде [3, с. 713].

Термин «геоинформационные системы» введен в научный оборот в 60-е годы XX века *Р.Ф. Томлинсоном* при создании электронной пространственной информационной системы в Канаде [6]. Это понятие соответствовало новой технологии применения ЭВМ для хранения и обработки данных, связанных в первую очередь с управлением природными ресурсами (например, картографирование старовозрастных лесов, система охраняемых природных технологий в США и т.п.). В связи с этим первоначально использовавшиеся для анализа и визуализации пространственных данных ГИС сложно было бы представить в роли инструмента динамического имитационного моделирования и тем более как самостоятельную платформу для агент-ориентированного моделирования [5].

Рисунок 1. Варианты взаимодействия среды и агентов:
 а) тождественные отношения, б) причинно-следственные связи,
 с) временные отношения, д) топологические отношения.

Источник: Spatial process and data models: Toward integration of agent-based models and GIS / D.G. Brown, R. Riolo, D.T. Robinson, M. North, W. Rand // Journal of Geographical Systems. – 2005. – Vol. 7. – Pp. 25-47 (перевод авторов).

Следует отметить, что термин «геоинформационные системы» может рассматриваться с двух позиций [2, 6]. Во-первых, ГИС – это программно-аппаратный комплекс, способный хранить и использовать данные, описывающие объекты в пространстве. Во-вторых, ГИС представляет собой информационно-справочную систему.

В настоящее время геоинформационные системы обладают разнородными ин-

формационными ресурсами, логически объединёнными картографической основой и используемыми для расчетов, поиска, моделирования реального мира в различных аспектах. Наиболее распространенными программными продуктами для разработки и управления ГИС выступают: семейство программных продуктов американской компании ESRI (например, ArcGIS Online, ArcGIS for Desktop, ArcGIS for Server, ArcGIS Apps и другие); семейство

программных продуктов Mapinfo GIS; ГеоГраф ГИС, разработанная Центром геоинформационных исследований Института географии РАН; Geomedia, разработанная Intergraph Corporation и т.д.

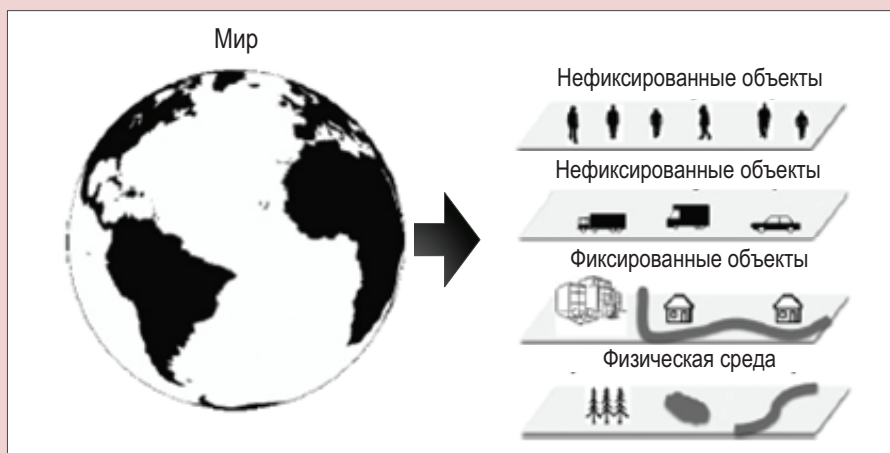
Современные ГИС способны решать широкий спектр разнообразных задач, таких как отслеживание передвижения транспортных средств, поиск оптимального пути с учётом транспортных особенностей, прогнозирование экологической ситуации и т.д. Учитывая возрастание функциональных возможностей программного обеспечения, к стандартным функциям любой геоинформационной системы можно отнести: импорт и экспорт данных; хранение данных и управление ими; визуализация данных; обработка и анализ; моделирование.

С точки зрения исследователя интеграция АОМ и ГИС обеспечивает возможность рассматривать деятельность агентов в реальных географических координатах (в пределах отдельно взятого района, муниципалитета, региона, страны и т.п.).

Это в свою очередь позволяет отслеживать возникновение явлений или процессов в ходе индивидуальных взаимодействий агентов в ГИС во времени и в пространстве, что даёт возможность разрабатывать различные механизмы принятия решений, будь то обоснование размещения нового торгового центра или регулирования миграционных процессов [3, 13].

В качестве примера наиболее информативного отображения интеграции АОМ и ГИС-технологий А. Crooks предлагает модель мира [13] (рис. 2), которая представлена в виде набора слоёв и объектов различных типов (например, транспорт или люди – в качестве движимых объектов и здания или сооружения – недвижимых). Сами слои образуют искусственный мир для используемых агентов и могут представлять собой строго очерченное пространство, например дороги, при помощи которых агенты могут добираться из пункта А в пункт Б, спальные районы или место работы.

Рисунок 2. Отображение мира в качестве набора слоёв динамических и статических объектов

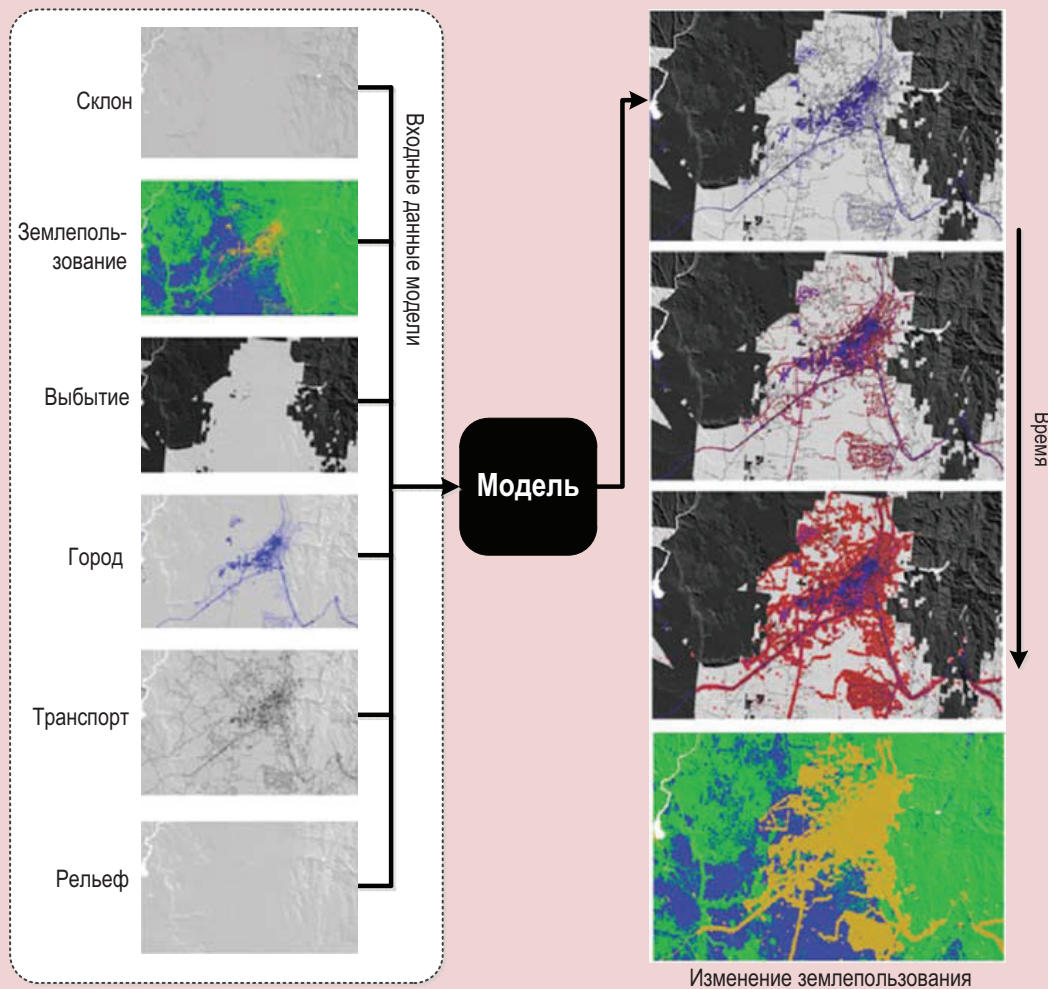

Источник: Brunsdon C., Singleton A.D. Geocomputation: A practical Primer. – London: SAGE Publications Inc., 2015. – Рр. 63-77 (перевод авторов).

Следующий пример (рис. 3) иллюстрирует модифицированную модель SLEUTH¹, которая прогнозирует изменение масштаба роста уровня урбанизации городов. В данном случае модель запускается с определенными сценариями роста уровня урбанизации городов, рассчитанными согласно заданным коэффициентам роста. Пространственные данные позволяют производить корректировку модели,

а именно ответить на вопрос: соответствуют ли действительности разработанные сценарии роста? То есть применяемые в модели коэффициенты роста могут быть откалиброваны таким образом, чтобы данные, рассчитанные на множестве агентов, совпадали с реальными данными [7]. Впоследствии соответствие модели реальной действительности позволит говорить о достоверности прогнозов.

Рисунок 3. Динамика землепользования в Санта-Фе, Нью-Мексико

Источник: Brunsdon C., Singleton A.D. Geocomputation: A practical Primer. – London: SAGE Publications Inc., 2015. – Pp. 63-77 (перевод авторов).

¹ Самомодифицирующаяся модель (клеточный автомат) исторической урбанизации в районе залива Сан-Франциско.

Подробнее см.: Clarke K.C., Hoppen S., Gaydos L.J. A Self-Modifying Cellular Automaton Model of Historical Urbanization in the San Francisco Bay Area // Environment and Planning B. – 1997. – 24(2). – Pp. 247-261.

Потенциальные и реальные области применения АОМ на базе ГИС

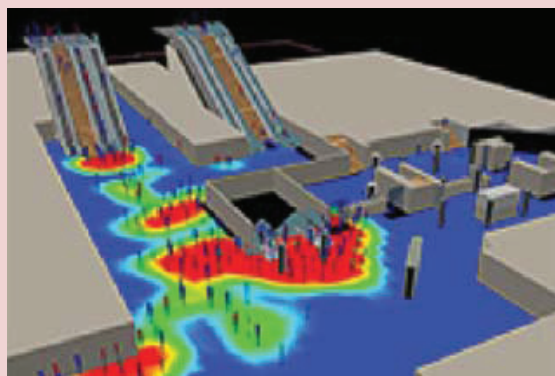
Агент-ориентированные модели предоставляют широкий спектр возможностей по осуществлению самого разнообразного круга исследований в различных пространственных и временных рамках. Рассматриваемый перечень вопросов охватывает временные диапазоны от сиюминутных решений в процессе передвижения пешеходов [16] до миграционных процессов [22], длящихся годы или даже десятилетия. Агент-ориентированные модели совместно с ГИС-технологиями успешно применяются в различных областях науки, начиная от естественных и технических и заканчивая общественными и гуманитарными. АОМ представляют собой искусственные лаборатории, своего рода искусственные общества, позволяющие осуществлять проверку идей и гипотез о явлениях, которые зачастую весьма непросто воссоздать в реальном мире². Наглядным примером может случить моделирование эвакуации людей

из здания при возникновении пожара. Воссоздание непредвиденной ситуации в искусственно заданном мире (в данном случае это здание, охваченное пожаром), населенном искусственными людьми (ими могут выступать люди, проживающие или работающие в здании), позволяет выявить потенциальные проблемы, например влияние плотности потока людей на лестницах и в коридорах на динамику выхода с этажа здания. Точность полученных моделей обеспечивается за счёт использования подтвержденных статистикой натуральных наблюдений и ранее проведенных экспериментов.

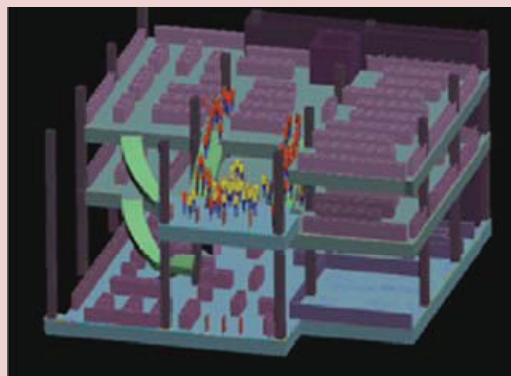
На рисунке 4 схематически изображена имитационно-стохастическая модель «Эва-тек», которая демонстрирует движение потоков, состоящих из людей различной степени мобильности. Среда функционирования заданных агентов представлена в виде двух слоёв, которые отчётливо демонстрируют скопления агентов вблизи лестниц и узких коридоров.

Рисунок 4. Поэтажные планы здания:

а – места начального размещения людей; б – движение людей к выходам

а

б

Источник: Эвакуация и поведение людей при пожарах : учеб. пособие / В.В. Холщевников, Д.А. Самошин, А.П. Парфененко, И.С. Кудрин, Р.Н. Истратов, И.Р. Белосохов. – М. : Академия ГПС МЧС России, 2015. – 262 с.

² Во многих случаях проведение экспериментов с реальными объектами может быть неоправданно дорогим, опасным или просто невозможным.

Следует отметить, что данный пример весьма показателен в плане важности визуализации пространства, в котором задействованы агенты, и ни в коем случае не ограничивает область применения лишь вопросами безопасности. Агент-ориентированное моделирование в сочетании с геоинформационными системами позволяет решать широкий спектр задач, таких как: анализ и предотвращение заторов на дорогах в часы пик в центре города, планирование потенциального распространения болезней, оптимизация лесозаготовки, анализ уровня преступности для предотвращения будущих правонарушений.

Техническое обеспечение интеграции АОМ и ГИС

В настоящее время выделяется два способа интеграции АОМ и ГИС [5]. Первый способ заключается в создании слабых (неполных) или сильных связей между АОМ и ГИС, причем сами программные продукты работают по отдельности. Второй способ предполагает создание единой системы на базе АОМ или ГИС.

Учитывая тот факт, что «агент-ориентированное моделирование не требует использования специализируемых программ, что в принципе позволяет применять средства разработки широкого профиля» [1],

Таблица 1. Современные платформы, поддерживающие интеграцию АОМ и ГИС

Название (разработчик)	Год запуска продукта	Язык программирования	Открытый код	Требуемый уровень программирования	Механизм интеграции	Соответствие FIPA	Производительность
AGLOBE (Czech Technical University)	2003 г.	Java	Да	Базовый	АОМ-центричная	Частичное	Высокая
AnyLogic (The AnyLogic Company)	2003 г.	Java, UML-RT (UML for real time)	Нет	Базовый	АОМ-центричная	Отсутствует	Высокая
GAMA (IRD/UPMC International Research Unit UMMISCO)	2007 г.	GAML	Да	Базовый	АОМ-центричная	Частичное	Выше среднего
Repast (University of Chicago)	2003 г.	Java, C#, C++, Lisp, Prolog, Python	Да	Базовый	АОМ-центричная	Отсутствует	Высокая
MASON (George Mason University)	2003 г.	Java	Да	Базовый	АОМ-центричная	Отсутствует	Выше среднего
NetLogo (The Center for Connected Learning (CCL) and Computer-Based Modeling, Northwestern University)	1999 г.	NetLogo	Нет	Базовый	АОМ-центричная	Отсутствует	Выше среднего
Swarm (Santa Fe Institute / SWARM Development Group, USA)	1994 г.	Objective-C / Java	Да	Базовый	АОМ-центричная	Отсутствует	Средняя
ENVISION (Oregon State Univeristy)	1998 г.	C++, Delphi, Visual Basic и др. поддерживающие COM технологии	Да	Продвинутый	ГИС-центричная	Отсутствует	Средняя
ArcGIS (ESRI)	1999 г.	C++, Python	Да	Продвинутый	ГИС-центричная	Отсутствует	Средняя

Источники: составлено авторами по Kravari K., Bassiliades N. A Survey of Agent Platforms // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2015. – No. 18 (1) 11. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/1/11.html>.

подробнее рассмотрим современные платформы, поддерживающие создание единой системы: АОМ-центричные и ГИС-центричные системы.

В статье «*A Survey of Agent Platforms*» [25] К. Kravari и N. Bassiliades провели сравнительный анализ двадцати четырех наиболее перспективных платформ для агент-ориентированного моделирования. Отметим, что 7 из них (*AGLOBE, AnyLogic, GAMA, Repast, MASON, NetLogo и Swarm*) поддерживают использование ГИС-технологий, то есть представляют собой АОМ-центричные модели. Для сопоставимости рассмотрим ещё два варианта уже геоинформационных систем (*ENVISION и ArcGIS*), позволяющих строить агентные модели. Основные характеристики вышеуказанных платформ приведены в *таблице 1*.

Классификация платформ с точки зрения языка программирования выступает крайне удобной с позиции исследователя, решившего моделировать те или иные процессы. Как можно видеть из таблицы, большая часть рассматриваемых платформ написана на языках программирования C, C++ и Java, что справедливо и в целом для АОМ.

FIPA (The Foundation for Intelligent Physical Agents) представляет собой международную организацию по стандартизации интероперабельности гетерогенных агентов в АОМ. Соответствие требованиям FIPA обеспечивает некоторое преимущество при продвижении программных продуктов за счет гарантии соблюдения архитектуры агентов и работы системы. Однако данное условие не обязательно: например, *AGLOBE* поддерживает только технические стандарты, связанные с коммуникационными принципами.

Применение агент-ориентированных моделей на базе ГИС в исследованиях социально-экономических процессов

Модель креативного города. В работе группы исследователей Университета Джорджа Мейсона (*A. Malic, A. Crooks, H. Root, M. Swartz*) [19] используется агент-ориентированный подход при изучении влияния творческого потенциала на развитие городов. В основе разрабатываемой модели лежит предположение о том, что ведущие города мира привлекают наиболее талантливых людей, предлагая им не только лучшие профессиональные возможности, но и высокий уровень развития культурно-досуговой сферы (например, театры, художественные галереи, выставки, концерты и т.п.) и государственных услуг (например, здравоохранение, образование и т.п.) [20]. Посредством реализации модели авторы пытаются ответить на ряд вопросов: каковы основные факторы, препятствующие появлению творческих кластеров в городах развивающихся стран мира? Какие пространственные и социально-экономические условия способствуют их появлению? Авторы делают акцент на следующих факторах, способствующих формированию креативного города: плотность населения, городская и региональная мобильность, социальная терпимость.

Модель предназначена в качестве инструмента для понимания взаимосвязи между творчеством человека и развитием города. Агенты в модели представляют людей, являются «пространственно явными» и обладают следующим набором характеристик:

1. Креативность: низкая, средняя, высокая.
2. Уровень образования: образованный и необразованный.
3. Уровень дохода: 1000 – 35000 ед.
4. Терпимость: 1 – 99%.

Ввиду повышенного внимания к мегаполисам развивающихся стран мира, в качестве среды функционирования агентов выбран город Карачи. Районирование среды производилось в соответствии с действующим местным законодательством: жилая зона (60%), коммерческая зона (10%), зелёная зона (10%), водное пространство (10%), инфраструктура (10%).

Визуальное представление среды осуществлялось при помощи Google Earth. Информационной базой для модели послужили данные социологического опроса молодежи г. Карачи [27], отражающие следующие характеристики: уровень образования, утечка умов, уровень творчества, распределение доходов, уровень терпимости. Количество агентов в модели – 2100, что составляет 0,01% населения города. Модель разработана на базе платформы NetLogo.

Поведение агентов в модели:

1. Мобильность агентов. Движение агентов в модели продиктовано их желанием повысить уровень общей удовлетворенности, которое зависит от стоимости арендной платы и контроля за социальной сегрегацией.

2. Распространение креативности. Развитие многофункционального проектирования (т.е. комбинирования жилого, коммерческого и других видов землепользования), транспортной доступности, пешеходной инфраструктуры, территорий общего пользования создаёт условия для привлечения талантливых, творческих людей.

3. Доход и рынок аренды жилья. Повышение уровня креативности агентов (например, за счёт взаимодействия с агентами более высокого уровня креативности) приводит к увеличению уровня доходов. Агенты в модели могут также терять уровень креативности при отсутствии взаимодействия с другими агентами. Повышение

творческого потенциала агентов приводит и к более высоким требованиям к жилищным условиям и качеству городской среды, что, в свою очередь, увеличивает стоимость арендных платежей. Как следствие, менее обеспеченные агенты теряют доступность к высокопродуктивным творческим кластерам, что приводит к увеличению неравенства в доходах.

4. Прирост населения и утечка умов. Определяемые пользователем темпы прироста агентов в модели оказывают воздействие на всех агентов независимо от уровня творческого потенциала. Однако утечка умов влияет лишь на низкокреативных агентов.

В конечном итоге взаимодействие агентов приводит к появлению творческих кластеров, что оказывает положительное воздействие на экономическое развитие мегаполисов (рис. 5). Однако кластеризация порождает проблему социально-экономического неравенства.

Модель оказания гуманитарной помощи.

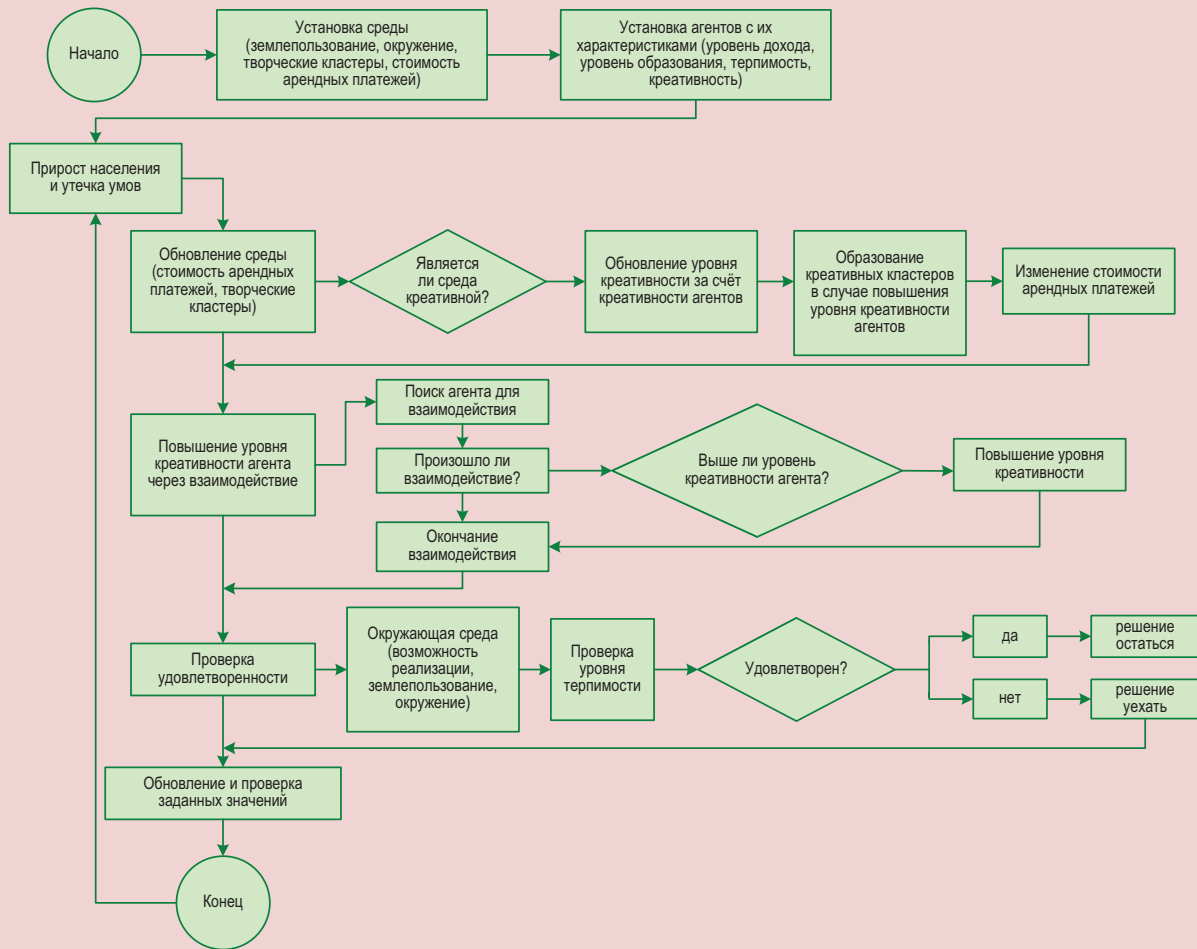
Агент-ориентированному моделированию с использованием геоинформационных систем, изучения последствий катастрофических событий посвящена работа *A. Crooks и S. Wise* [18]. Авторами представлена пилотная модель, имитирующая поведение агентов в городе Порт-о-Пренс после землетрясения в январе 2010 года. Модель состоит из нескольких модулей, которые охватывают физические и социальные процессы, происходящие в процессе оказания гуманитарной помощи.

В модели присутствуют два типа агентов:

- 1) центры оказания гуманитарной помощи (центры);
- 2) пострадавшие.

Центры одновременно выступают и как недвижимые объекты, расположенные в среде, и как агенты, наделенные определенным количеством ресурсов, которые

Рисунок 5. Концептуальная модель креативного города

Источник: Exploring Creativity and Urban Development with Agent-Based Modeling / A. Malic, A. Crooks, H. Root, M. Swartz // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2015. – 18 (2). – URL : <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/2/12.html> (перевод авторов).

они распределяют между пострадавшими. За каждым центром закреплена сеть охвата пострадавших, а также количество единиц гуманитарной помощи, оказываемой на одного пострадавшего. Цель центров заключается в предоставлении материальных ресурсов пострадавшим, то есть в удовлетворении их основной потребности — в выживании.

Пострадавшие обладают определенным энергетическим уровнем и знаниями об

окружающей среде, такими как расположение собственного дома и возможное размещение центра оказания гуманитарной помощи. Ключевым атрибутом пострадавших является энергетический уровень, который характеризует их здоровье. Достижение нулевого значения означает смерть агента и удаление из модели. Первоначальный энергетический уровень агентов задётся с учётом близости их проживания от районов бедствия.

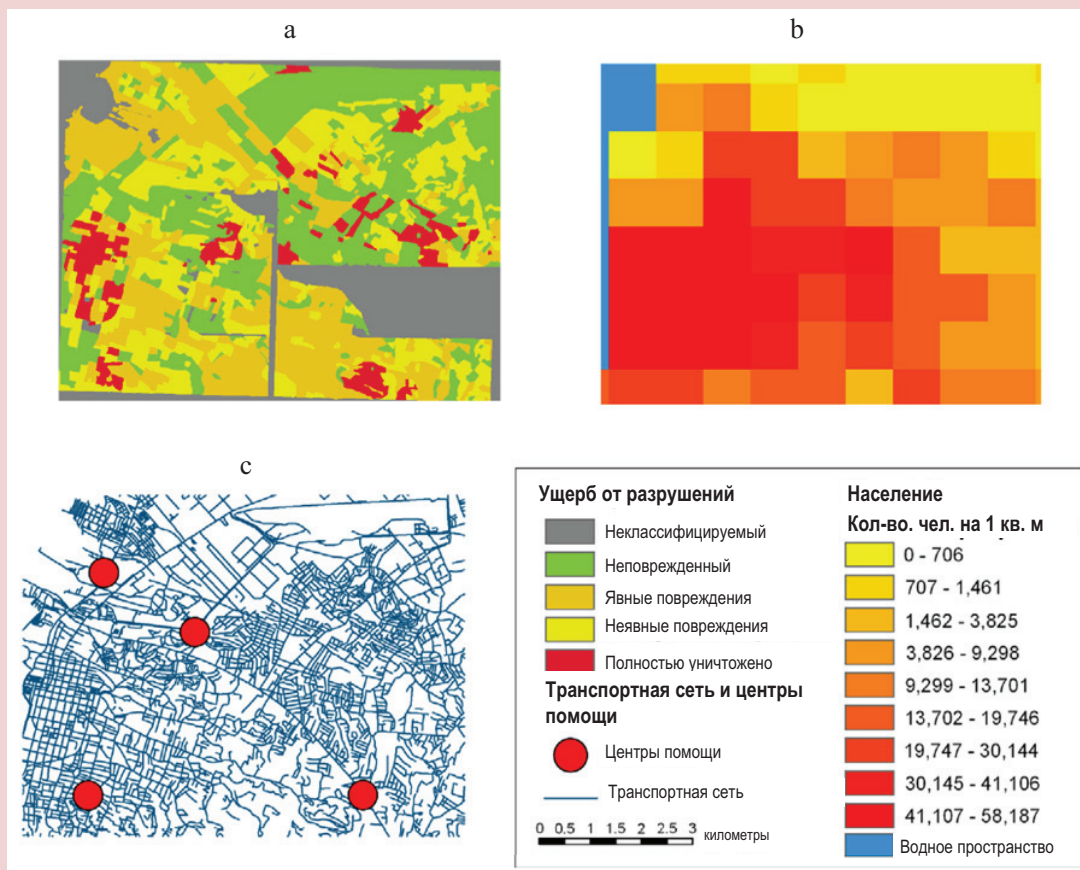
Пострадавшие принимают решения в соответствии со своей целью — максимизировать энергетический уровень. Они выбирают одно из нескольких действий: например, добраться до центра помощи или остаться дома. Взаимодействие агентов между собой предполагает отсутствие случаев сообщения заведомо ложных сведений о расположении центров помощи, а также случаев умышленного умалчивания информации.

На рисунке 6 в детализированном виде представлена среда функционирования агентов. В качестве входных данных ис-

пользуется информация об уровне разрушений (рис. 6a), о плотности населения (рис. 6b), существующих транспортных сетях и расположении центров оказания гуманитарной помощи (рис. 6c), а также о ряде вспомогательных параметров.

Авторами особо подчеркивается, что регионы, пострадавшие от стихийных бедствий, испытывают недостаток информационных ресурсов, необходимых для адекватного и своевременного реагирования. Информационная база модели сформирована посредством краудсорсинга и VGI данных (так называемая добровольная

Рисунок 6. Фрагмент ГИС г. Порт-о-Пренс

а) ущерб от разрушений; б) население; в) транспортная сеть и расположение центров гуманитарной помощи.

Источник: Crooks A., Wise S. GIS and agent-based models for humanitarian assistance // Computers, Environment and Urban Systems. – 2013. – № 41. – С. 100-111 (перевод авторов).

географическая информация [21]). В частности, информация о плотности населения получена из моделей распределения населения LandScan; данные об уровне повреждения взяты из G-Mosaic; для отображения транспортных сетей использовался OpenStreetMap.

Итогом модели выступает ряд статистических данных: число смертей агентов, количество единиц гуманитарной помощи, не дошедшей до пострадавших, суммарное количество затраченной энергии агентов, оставшихся в живых. Модель демонстрирует потенциал использования краудсорсинга и данных VGI в качестве источников формирования реалистичной среды функционирования агентов для имитации поведения индивидов в случае возникновения критических ситуаций. По замыслу авторов разработанная модель может быть использована в качестве инструмента поддержки при принятии решений об оказании гуманитарной помощи.

Обобщая возможности агент-ориентированного моделирования на базе геоинформационных систем, отметим, что дан-

ный инструмент позволяет создавать не только максимально приближенных к действительности агентов, но и встраивать их в существующие физические и социальные пространства в реальном времени. Это, в свою очередь, говорит о перспективности использования агентного моделирования, в том числе и в выработке эффективных и своевременных управленческих решений. Однако, как отмечают ведущие российские (В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин) и зарубежные (A. Herpenstall, A. Crooks, M. Batty, etc.) учёные, ключевой проблемой на данный момент выступает скорость работы агент-ориентированных моделей на базе ГИС, то есть возможность запускать сложные модели с тысячами пространственно осведомленных агентов. В настоящий момент решение видится, во-первых, в ограничении информативности ГИС до необходимого количества характеристик пространства, к которым обращаются агенты в процессе функционирования; во-вторых, в увеличении производительности современных процессоров.

Литература

1. Бахтизин, А.Р. Агент-ориентированные модели экономики [Текст] / А.Р. Бахтизин. – М. : Экономика, 2008. – 279 с.
2. Введение в геоинформационные системы [Электронный ресурс] // Географические информационные системы и дистанционное зондирование. – Режим доступа : <http://gis-lab.info>
3. Макаров, В.Л. Принципы мониторинга качества жизни на основе агент-ориентированных моделей [Текст] / В.Л. Макаров, В.В. Окрепилов // Вестник Российской академии наук. – 2016. – № 8. – С. 711-718.
4. Макаров, В.Л. Современные методы прогнозирования последствий управленческих решений [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин // Управленческое консультирование. – 2015. – № 7. – С. 12-24.
5. Макаров, В.Л. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин. – М. : Экономика, 2013. – 295 с.
6. Середович, В.А. Геоинформационные системы (назначение, функции, классификация) [Текст] : монография / В.А. Середович, В.Н. Ключниченко, Н.В. Тимофеева. – Новосибирск : СГГА, 2008. – 192 с.
7. Сушко, Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация [Текст] / Е.Д. Сушко : препринт # WP/2012/292. – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – 54 с.
8. Фаттахов, М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития Москвы [Текст] / М.Р. Фаттахов // Экономика и математические методы. – 2013. – № 2. – С. 30-43.

9. Чекмарева, Е.А. Обзор российского и зарубежного опыта агент-ориентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 225-246.
10. Эвакуация и поведение людей при пожарах [Текст] : учеб. пособие / В. В. Холщевников, Д.А. Самошин, А.П. Парфененко, И.С. Кудрин, Р.Н. Истратов, И.Р. Белосохов. – М. : Академия ГПС МЧС России, 2015. – 262 с.
11. Agent-based Models of Geographical Systems [Text] / A. Heppenstall, A. T. Crooks, L.M. See, M. Batty (eds.). – New York : Springer, 2012. – 746 p.
12. Benenson, I. Geosimulation. Automata-based modeling of urban phenomena [Text] / I. Benenson, P. Torrens. – Chichester : Wiley, 2004. – 312 p.
13. Brunsdon, C. Geocomputation: A practical Primer [Text] / C. Brunsdon, A.D. Singleton. – London. – SAGE Publications Inc, 2015. – Pp. 63-77.
14. Castle, C.J.E. Principles and Concepts of Agent-Based Modelling for Developing Geospatial Simulations [Text] / C.J.E. Castle, A.T. Crooks. – Centre for Advanced Spatial Analysis (University College London) : Working Paper 110, 2006. – 62 p.
15. Clarke, K.C. A Self-Modifying Cellular Automaton Model of Historical Urbanization in the San Francisco Bay Area [Text] / K.C. Clarke, S. Hoppen, L.J. Gaydos // Environment and Planning B. – 1997. – 24(2). – Pp. 247-261.
16. Crooks, A. Walk This Way: Improving Pedestrian Agent-Based Models through Scene Activity Analysis [Text] / A. Crooks, A. Croitoru, X. Lu, S. Wise, J.M. Irvine, A. Stefanidis // International Journal of Geo-Information. – 2015. – 4(3). – Pp. 1627-1656.
17. Crooks, A.T. Constructing and Implementing an Agent-Based Model of Residential Segregation through Vector GIS [Text] / A.T. Crooks. – Centre for Advanced Spatial Analysis (University College London) : Working Paper 133. – 2008. – 42 p.
18. Crooks, A.T. GIS and Agent-Based models for Humanitarian Assistance [Text] / A.T. Crooks., S. Wise // Computers, Environment and Urban Systems, № 41. – 2013. – Pp. 100-111.
19. Exploring Creativity and Urban Development with Agent-Based Modeling [Text] / A. Malic, A. Crooks. H. Root, M. Swartz // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2015. – 18 (2). – URL : <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/2/12.html>
20. Florida, R. Cities and the Creative Class [Text] / R. Florida // City & Community. – 2003. – Vol. 2. – Pp. 3-19.
21. Goodchild, M.F. Citizens as sensors: the world of volunteered geography [Text] / M.F. Goodchild // GeoJournal. – 2007. – № 69. – Pp. 211-221.
22. Gulden, T. Modeling Cities and Displacement through an Agent- based Spatial Interaction Model [Text] / T. Gulden, J.F. Harrison, A.T. Crooks // The Computational Social Science Society of America Conference. – 2011. – URL: https://www.researchgate.net/publication/267800670_Modeling_Cities_and_Displacement_through_an_Agent_based_Spatial_Interaction_Model
23. Heppenstall, A. Agent-based modeling in geographical systems [Text] / A. Heppenstall, A.T. Crooks // AccessScience, McGraw-Hill Education, Columbus. – URL: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/2696623/Website/AccessScienceABM.pdf>
24. Johnston, K.M. Agent-based modeling in ArcGIS [Text] / K.M. Johnston. – California : Esri Press, 2013. – 559 p.
25. Kravari, K. A Survey of Agent Platforms [Text] / K. Kravari, N. Bassiliades // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2015. – No. 18 (1) 11. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/1/11.html>
26. Landscape Epidemiology Modeling Using an Agent-Based Model and a Geographic Information System [Text] / S.M. Niaz Arifin, R. Reaz Arifin, Dilkushi de Alwis Pitts, M. Sohel Rahman, S. Nowreen, G.R. Madey, F.H. Collins // Land. – 2015. – No. 4. – Pp. 378-412.
27. Malic, A. Karachi Youth Survey: Attitudes, Ambitions and Entrepreneurial Potential of Karachi's Youth [Text] / A. Malic, M. Karim // USIP Conference, Washington, DC. – 2012.
28. Spatial process and data models: Toward integration of agent-based models and GIS [Text] / D.G. Brown, R. Riolo, D.T. Robinson, M. North, W. Rand // Journal of Geographical Systems. – 2005. – Vol. 7. – Pp. 25-47.
29. Synthetic Modelling of Pedestrian Movement / Renee Puusepp, Damiano Cerrone, Martin Melioranski // SPATIAL ANALYSIS | Urban Context. – Vol. 2. – eCAADe 34. – Pp. 473-481.

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а, gil@vscc.ac.ru)

Александр Игоревич Россошанский — младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а, alexanderrossy@mail.ru)

Gulin K.A., Rossoshanskii A.I.

Russian and Foreign Experience of Integration of Agent-Based Models and Geographic Information Systems

Abstract. The article provides an overview of the mechanisms of integration of agent-based models and GIS technology developed by Russian and foreign researchers. The basic framework of the article is based on critical analysis of domestic and foreign literature (monographs, scientific articles). The study is based on the application of universal scientific research methods: system approach, analysis and synthesis, classification, systematization and grouping, generalization and comparison. The article presents theoretical and methodological bases of integration of agent-based models and geographic information systems. The concept and essence of agent-based models are explained; their main advantages (compared to other modeling methods) are identified. The paper characterizes the operating environment of agents as a key concept in the theory of agent-based modeling. It is shown that geographic information systems have a wide range of information resources for calculations, searching, modeling of the real world in various aspects, acting as an effective tool for displaying the agents' operating environment and allowing to bring the model as close as possible to the real conditions. The authors also focus on a wide range of possibilities for various researches in different spatial and temporal contexts. Comparative analysis of platforms supporting the integration of agent-based models and geographic information systems has been carried out. The authors give examples of complex socio-economic models: the model of a creative city, humanitarian assistance model. In the absence of standards for research results description, the authors focus on the models' elements such as the characteristics of the agents and their operation environment, agents' behavior, rules of interaction between the agents and the external environment. The paper describes the possibilities and prospects of implementing these models.

Key words: geographic information system, spatial development, agent-based models.

References

1. Bakhtizin A.R. *Agent-orientirovannye modeli ekonomiki* [Agent-based economic models]. Moscow: Ekonomika, 2008. 279 p. (In Russian).
2. *Vvedenie v geoinformatsionnye sistemy. Geograficheskie informatsionnye sistemy i distantsionnoe zondirovanie* [Introduction to geographic information systems. Geographic information systems and remote sensing]. Available at: <http://gis-lab.info>. (In Russian).
3. Makarov V.L., Okrepilov V.V. Printsipy monitoringa kachestva zhizni na osnove agent-orientirovannykh modelei [Quality of life monitoring principles on the basis of agent-based models]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 8, pp. 711-718. (In Russian).
4. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. Sovremennyye metody prognozirovaniya posledstviy upravlencheskikh reshenii [Modern methods for predicting the consequences of management decisions]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2015, no. 7, pp. 12-24. (In Russian).

5. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. *Sotsial'noe modelirovanie – novyi komp'yuternyi proryv (agent-orientirovannyye modeli)* [Social modeling – a new computer breakthrough (agent-based models)]. Moscow: Ekonomika, 2013. 295 p. (In Russian).
6. Seredovich V.A., Klyushnichenko V.N., Timofeeva N.V. *Geoinformatsionnye sistemy (naznachenie, funktsii, klassifikatsiya): monografiya* [Geographic information systems (purpose, functions, classification): monograph]. Novosibirsk: SGGA, 2008. 192 p. (In Russian).
7. Sushko E.D. *Mul'tiagentnaya model' regiona: kontseptsiya, konstruktsiya i realizatsiya: preprint # WP/2012/292* [Multi-agent model of a region: concept, structure and implementation]. Moscow: TsEMI RAN, 2012. 54 p. (In Russian).
8. Fattakhov M.R. Agent-orientirovannaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Moskvy [Agent-based model of socio-economic development of Moscow]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and the mathematical methods], 2013, no. 2, pp. 30-43. (In Russian).
9. Chekmareva E.A. Obzor rossiiskogo i zarubezhnogo opyta agent-orientirovannogo modelirovaniya slozhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem mezourovnya [Overview of the Russian and foreign experience of agent-based modeling of complex socio-economic systems of the meso-level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2, pp. 225-246. (In Russian).
10. Kholshchevnikov V.V., Samoshin D.A., Parfenenko A.P., Kudrin I.S., Istratov R.N., Belosokhov I.R. *Evakuatsiya i povedenie lyudei pri pozharakh : ucheb. posobie* [Emergency evacuation and rules of conduct in case of fire: training manual]. Moscow: Akademiya GPS MChS Rossii, 2015. 262 p. (In Russian).
11. Heppenstall A., Crooks A.T., See L.M., Batty M. (Eds.). *Agent-based Models of Geographical Systems*. New York: Springer, 2012. 746 p.
12. Benenson I., Torrens P. *Geosimulation. Automata-based modeling of urban phenomena*. Chichester: Wiley, 2004. 312 p.
13. Brunsdon C., Singleton A.D. *Geocomputation: A practical Primer*. London: SAGE Publications Inc, 2015. Pp. 63-77.
14. Castle C.J.E., Crooks A.T. *Principles and Concepts of Agent-Based Modelling for Developing Geospatial Simulations*. Centre for Advanced Spatial Analysis (University College London): Working Paper 110, 2006. 62 p.
15. Clarke K.C., Hoppen S., Gaydos L.J. A Self-Modifying Cellular Automaton Model of Historical Urbanization in the San Francisco Bay Area. *Environment and Planning B*, 1997, no. 24(2), pp. 247-261.
16. Crooks A., Croitoru A., Lu X., Wise S., Irvine J.M., Stefanidis A. Walk This Way: Improving Pedestrian Agent-Based Models through Scene Activity Analysis. *International Journal of Geo-Information*, 2015, no. 4(3), pp. 1627–1656.
17. Crooks A.T. *Constructing and Implementing an Agent-Based Model of Residential Segregation through Vector GI*. Centre for Advanced Spatial Analysis (University College London): Working Paper 133, 2008. 42 p.
18. Crooks A.T., Wise S. GIS and Agent-Based models for Humanitarian Assistance. *Computers, Environment and Urban Systems*, no. 41, 2013, pp. 100-111.
19. Malic A., Crooks A., Root H., Swartz M. Exploring Creativity and Urban Development with Agent-Based Modeling. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2015, no.18 (2). Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/2/12.html>
20. Florida R. Cities and the Creative Class. *City & Community*, 2003, volume 2, pp. 3-19.
21. Goodchild M.F. Citizens as sensors: the world of volunteered geography. *GeoJournal*, 2007, no. 69, pp. 211-221.
22. Gulden T., Harrison J.F., Crooks A.T. Modeling Cities and Displacement through an Agent- based Spatial Interaction Model. *The Computational Social Science Society of America Conference*, 2011. Available at: https://www.researchgate.net/publication/267800670_Modeling_Cities_and_Displacement_through_an_Agent_based_Spatial_Interaction_Model
23. Heppenstall A., Crooks A.T. *Agent-based modeling in geographical systems*. Available at: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/2696623/Website/AccessScienceABM.pdf>
24. Johnston K.M. *Agent-based modeling in ArcGIS*. California: Esri Press, 2013. 559 p.
25. Kravari K., Bassiliades N. A Survey of Agent Platforms. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2015, no. 18 (1) 11. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/1/11.html>

26. Niaz Arifin S.M., Reaz Arifin R., Dilkushi de Alwis Pitts, Sohel Rahman M., Nowreen S., Madey G.R., Collins F.H. Landscape Epidemiology Modeling Using an Agent-Based Model and a Geographic Information System. *Land*, 2015, no. 4, pp. 378-412.
27. Malic A., M. Karim Karachi Youth Survey: Attitudes, Ambitions and Entrepreneurial Potential of Karachi's Youth. *USIP Conference, Washington, DC*, 2012.
28. Brown D.G., Riolo R., Robinson D.T., North M., Rand W. Spatial process and data models: Toward integration of agent-based models and GIS. *Journal of Geographical Systems*, 2005, volume 7, pp. 25-47.
29. Puusepp R., Cerrone D., Melioranski M. Synthetic Modelling of Pedestrian Movement. *SPATIAL ANALYSIS. Urban Context*, volume 2, pp. 473-481.

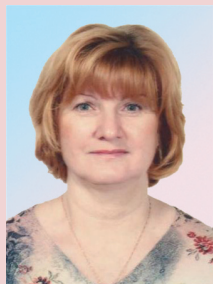
Information about the Authors

Konstantin Anatol'evich Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, gil@vscc.ac.ru)

Aleksandr Igorevich Rossoshanskii – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, alexanderrossy@mail.ru)

Статья поступила 09.09.2016

Проблемы формирования и использования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения (на примере Республики Коми)

**Валентина Валентиновна
ТИХОМИРОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
vtikhomirova@mail.ru

Аннотация. В настоящее время система социальной защиты населения как в Республике Коми, так и в Российской Федерации в целом претерпевает поэтапное реформирование, основными целями которого являются: улучшение качества жизни; поддержка малоимущих, социально уязвимых слоев населения, смягчение возможных негативных последствий реформ; улучшение пенсионного обеспечения, дальнейшее совершенствование адресной социальной помощи, упорядочение системы социальных пособий и льгот; развитие рынка социальных услуг. В связи с этим большое значение приобретает проблема изучения методологических основ формирования и использования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения. Целью данной работы является разработка теоретико-методических подходов к совершенствованию финансового механизма системы социальной защиты населения региона. В статье рассмотрено формирование и использование финансовых ресурсов социальной защиты населения Республики Коми. Выявлены особенности формирования бюджетов всех уровней, полномочия федеральных и региональных властей в поле взаимной ответственности. Показана несбалансированность финансовых ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ. Научной новизной является определение понятия социальной защиты населения как финансовой категории,

Для цитирования: Тихомирова, В.В. Проблемы формирования и использования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения (на примере Республики Коми) / В.В. Тихомирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 158-172. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.9

For citation: Tikhomirova V.V. Issues of formation and use of financial resources of the social welfare system (case study of the Komi Republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 158-172. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.9

которая обеспечивает организацию перераспределения финансовых ресурсов, возникающих в процессе формирования централизованных и децентрализованных финансовых ресурсов, через совокупность форм и видов социальной защиты, направленных на ее адресное предоставление. На основе Системы национальных счетов, которая в методологическом плане ориентируется на единый международный стандарт, автором разработана структура форм и видов социальной защиты населения, которые являются основой ее финансового механизма: государственные социальные гарантии и минимальные социальные стандарты; социальные пособия (пособия по социальному страхованию и пособия по социальной помощи); социальное обслуживание. Даны основные направления совершенствования экономического механизма и организационных форм управления системой социальной защиты населения – адресное распределение финансовых ресурсов лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного уровня. Предложено путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению финансового обеспечения системы социальной защиты населения. Теоретической и методологической основой работы послужили теоретические и практические положения видных отечественных и зарубежных экономистов, социологов и других ученых и специалистов, занимающихся исследованиями в области социальной защиты населения, материалы Федеральной службы государственной статистики России, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, а также законодательные и нормативные акты Российской Федерации и Республики Коми. В исследовании применялись общенаучные методы системного подхода, анализа и синтеза, логического, исторического и сравнительного анализа.

Ключевые слова: финансовые ресурсы, социальная защита, формы социальной защиты, адресная социальная помощь.

В понятие «финансовые ресурсы», широко используемое в экономической литературе, вкладывают различные значения – от величины денежных средств на счетах в банке и других счетах до прочих показателей баланса предприятий [17].

В широком использовании данной категории как в экономической науке, так и на практике толкование термина «финансовые ресурсы» различно. В Финансово-кредитном словаре финансовые ресурсы рассматриваются как денежные средства, находящиеся в распоряжении государства, предприятий, хозяйственных организаций и учреждений, используемые для покрытия затрат и образования различных фондов и резервов [25].

Финансовый механизм – совокупность методов, форм и видов, с помощью которых обеспечивается организация финансовых отношений, т.е. создание, распреде-

ление, перераспределение и использование фондов денежных средств. Финансовый механизм относится к надстроечной категории, это составная часть финансовой политики.

Для выявления особенностей функционирования системы социальной защиты населения большое значение имеет определение понятия «социальная защита», ее конкретных форм и видов финансовой защиты.

В научной литературе нет общепризнанного понимания социальной защиты и ее базовых форм.

Исследование категории «социальная защита» за рубежом имеет более длительную историю, чем в отечественной научной лексике. Впервые этот термин «social security» (социальная безопасность) был официально введен в США при разработке социальных программ в рамках поли-

тики «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в 1935 году [27, 29]. Позднее, в 1940-х гг., в документах Международной организации труда он и положен в основу всех концепций и рекомендаций по вопросам социальной политики. Именно благодаря исследованию МОТ термин «social security» получил широкое распространение во всем мире, а разработанные ею социальные стандарты не потеряли актуальности и по сей день.

Определение МОТ в дальнейшем нашло отражение в документах Европейского союза – в Европейском кодексе социального обеспечения (1968), Хартии основных социальных прав трудящихся, Зеленой (1992) и Белой (1994) книгах о европейской социальной политике, Европейском кодексе о социальном обеспечении (1968), Протоколе о социальной политике (1991) и других документах Евросоюза, а также Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО) и других организаций. В последнее время наравне с термином «social security» в Европе все чаще стало употребляться понятие «social protection» («социальная защита») [30].

В России одни исследователи выделяют в ней три основные формы: социальное страхование, социальную помощь и государственное обеспечение. Другие называют их иначе: степени, виды, направления; третьи варьируют прилагательные «государственное» и «социальное»; четвертые используют близкие термины: например, вместо помощи – вспомоществование, попечительство, вместо государственного – социальные гарантии и т.д. [3, 5, 12, 16, 26].

Есть и иные точки зрения. Так, коллектив авторов под руководством В.Г. Попова считает социальное обеспечение промежуточным звеном между социальной защитой, с одной стороны, и социальной помощью и социальной поддержкой – с другой.

Социальное обеспечение в их трактовке представляет собой один из блоков социальной защиты населения, но имеет более узкие параметры действия, социальная помощь и социальная поддержка – это уже блоки социального обеспечения [15].

В. Роик насчитывает не три, а пять основных институциональных форм социальной защиты населения: 1) государственная социальная помощь лицам, которые из-за отсутствия необходимой трудоспособности, места работы, источников дохода не в состоянии самостоятельно обеспечить свое материальное существование; 2) государственное социальное обеспечение военнослужащих, служащих органов внутренних дел, налоговой полиции, государственных служащих, ряда других категорий граждан с учетом специфического характера их трудовой деятельности по выполнению важных функций государства; 3) обязательное социальное страхование как форма социальной защиты экономически активного населения от рисков утраты дохода из-за потери трудоспособности или места работы; 4) системы добровольного личного (коллективного) страхования работников (от несчастных случаев, медицинского и пенсионного обеспечения); 5) системы социальной защиты работников, организуемой предприятиями, работодателями: медицинская и оздоровительная помощь, оплата жилищных, транспортных, учебных и культурных услуг, фирменные пенсионные выплаты [13].

А.В. Крестов выстраивает цепочку по степени возрастания качества и количества оказываемых социальных услуг: социальная поддержка, социальная помощь, социальная защита, включая в последнюю сеть стационарных учреждений социальной защиты населения, медико-социальную экспертизу, службу занятости, пенси-

онное обеспечение, службу по вопросам условий и охраны труда [9]. Т.С. Дымнич выделяет такие формы социальной защиты, как социальное страхование, государственное социальное обеспечение, социальное обслуживание [4]. С.А. Юшкова – социальное обеспечение, социальную помощь, социальную поддержку и реабилитацию, социальную работу, социальные льготы и систему социального контроля за осуществлением социальной защиты [25]. Ю.А. Косарев, Н.В. Кузюткин – социальное страхование и социальную помощь [7, 10]. Е.А. Неживенко – социальное обеспечение, социальное обслуживание и социальную помощь [21]. Г.С. Корепанов солидарен с последним вариантом, но присоединяет к нему социальную поддержку и подчеркивает, что эти виды реализуются в разнообразных инструментальных формах [6]. Н.Н. Абакумова, Р.Я. Подовалова называют четыре подсистемы социальной защиты: государственное социальное обеспечение, государственное, коллективное социальное страхование и личное страхование [1].

Авторы учебного пособия «Социальная работа: теория и практика» под редакцией Е.И. Холостовой и А.С. Сорвиной ведущими организационно-правовыми формами системы социальной защиты считают пенсионное обеспечение; обеспечение социальными пособиями, льготами особо нуждающихся категорий населения; государственное социальное страхование; социальное обслуживание [17].

Автор учебника по социальной работе – С.В. Тетерский ставит социальную защиту в один ряд с другими «специальными механизмами реализации социальной политики»: социальным обслуживанием, социальными услугами, социальной реабилитацией, социальной помощью и самопомощью [18].

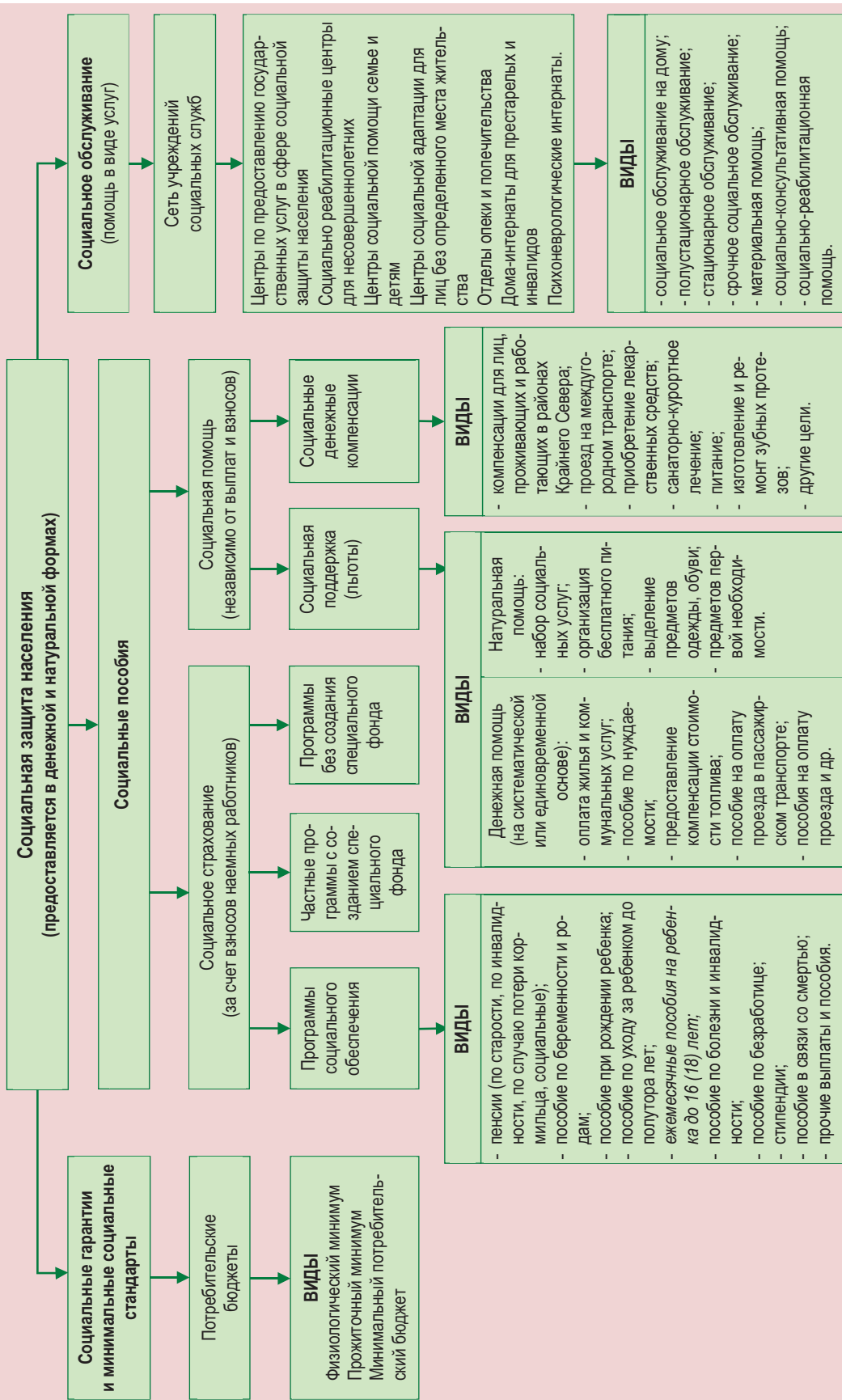
М.И. Либоракина считает социальную защиту функцией социальной сферы наряду с социальным страхованием, социальным обеспечением и социальной поддержкой, а социальное обслуживание, по ее мнению, это механизм реализации всех этих функций [11]. С.А. Шеденков считает социальную защиту (как, впрочем, и социальное обеспечение, и социальное страхование, и пожертвования, и социальную работу) формой социальной поддержки [23].

Несмотря на разнообразие точек зрения по поводу форм социальной защиты, почти все эти определения так или иначе выделяют такие формы, как социальное страхование, социальная помощь, социальная поддержка, социальное обеспечение, социальное обслуживание, социальная работа.

По нашему мнению, центральное место в финансовом механизме социальной защиты занимают экономические методы. К основным экономическим методам можно отнести введение системы минимальных социально-экономических гарантий. Определяющим здесь является законодательно установленный минимальный размер прожиточного минимума. В целях социальной защиты применяются такие экономические методы, как система государственных пособий отдельным категориям граждан, а также система льгот и компенсаций, определенная законодательством.

Содержание системы социальной защиты населения наиболее полно раскрывают ее формы. Формы социальной защиты выражают ту или иную совокупность конкретных мероприятий, действий, мер, способов реализации финансовых ресурсов субъектов социальной защиты в соответствии с возникающими актуальными задачами [19].

Рисунок 1. Формы и виды системы социальной защиты населения (разработка В.В. Тихомировой)

На основе Системы национальных счетов [14], которая в методологическом плане ориентируется на единый международный стандарт, нами разработана структура форм и видов социальной защиты населения, которые являются основой ее финансового механизма (рис. 1.):

1. Государственные социальные гарантии и минимальные социальные стандарты.
2. Социальные пособия (пособия по социальному страхованию и пособия по социальной помощи).
3. Социальное обслуживание.

Мы предлагаем рассматривать социальную защиту населения как финансовую категорию, которая обеспечивает организацию перераспределения финансовых ресурсов, возникающих в процессе формирования централизованных и децентрализованных финансовых ресурсов, через совокупность форм и видов социальной защиты, направленных на ее адресное предоставление.

Отсюда основным направлением совершенствования финансового механизма и организационных форм управления системы социальной защиты населения будет являться адресное распределение финансовых ресурсов.

При рассмотрении содержания и форм социальной защиты под социальной защитой понимается «основанная на законе система социальных гарантий и механизм их реализации, который обеспечивает любому члену общества приемлемый уровень жизни и осуществление своих основных социальных и гражданских прав» [24].

В настоящее время основные государственные социальные гарантии декларированы в Конституции РФ, в Трудовом кодексе РФ, а также оговариваются в международных документах, таких как Рекомендации МОТ.

Социальные гарантии являются основой действия системы социальной защиты в любой стране. Социальные гарантии —

механизмы долговременного действия, предусмотренные законом. Основой государственных социальных гарантий являются минимальные социальные стандарты. Минимальные социальные стандарты — это установленные Законодательством РФ нормы и нормативы, которые закрепляют минимальный уровень социальной защиты, ниже которого опускаться нельзя. Закрепляя в законе «О государственных минимальных стандартах» самый необходимый минимальный социальный стандарт, государство делает его обязательным для обеспечения и использования властью на всех уровнях.

Задачи финансового механизма — обеспечить процесс формирования, распределения, перераспределения и использования фондов денежных средств.

Формирование финансовых ресурсов системы социальной защиты населения происходит на базе социальных обязательств государства. Данные обязательства можно определить как конституционно зафиксированную совокупность общественных благ, которые государство обязуется сделать доступными для своих граждан. В основе этих источников лежат перераспределительный и накопительный принципы. Для выполнения социальных гарантий государство использует прежде всего перераспределительный принцип, то есть бюджетные ресурсы.

Основным нормативным актом, устанавливающим правовые основы функционирования бюджетной системы Российской Федерации, является Бюджетный кодекс РФ. На преодоление финансового кризиса и социальную защиту населения Российской Федерации работают 250 законопроектов.

Основными источниками формирования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения являются: Консолидиро-

ванный бюджет Российской Федерации, который состоит из федерального бюджета; бюджетов 85 субъектов Российской Федерации; местных бюджетов.

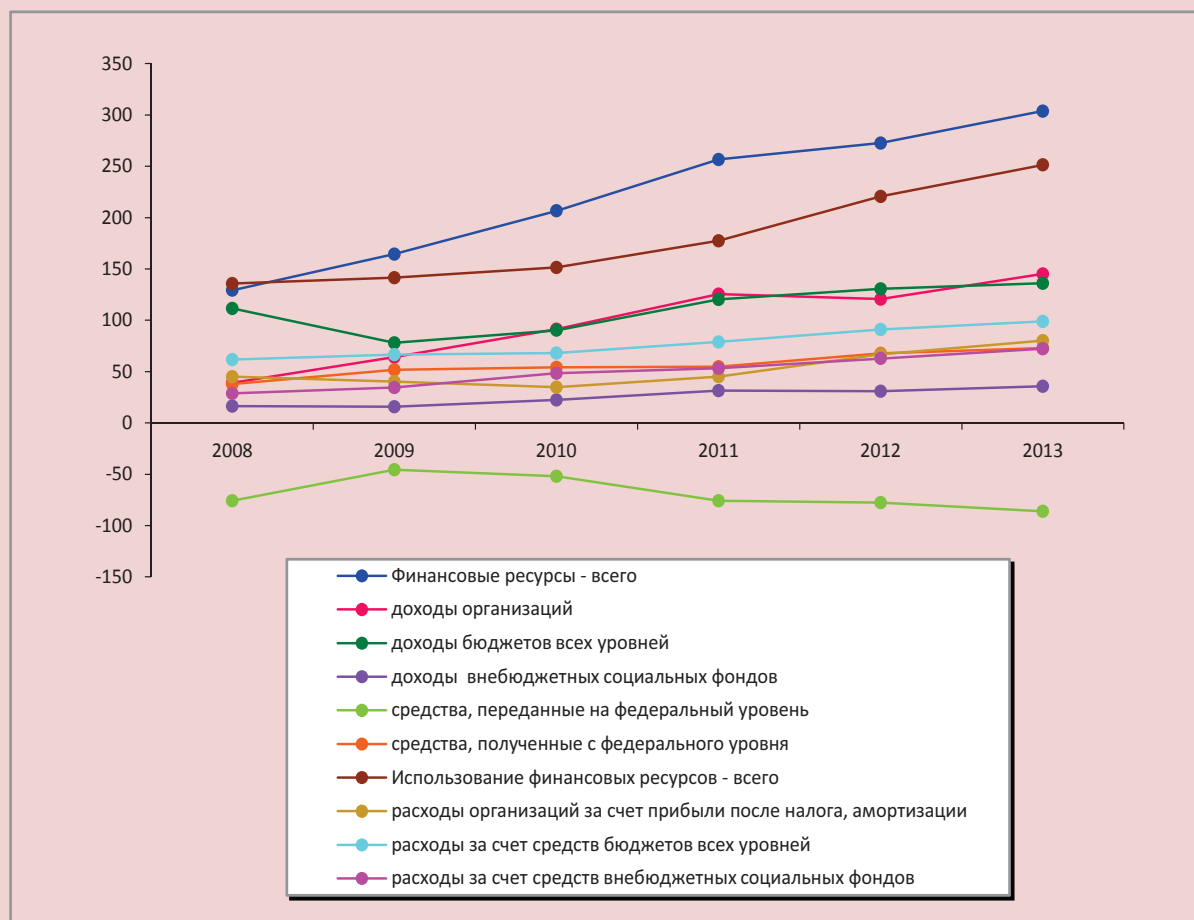
Реализация социальной защиты населения напрямую зависит от наличия финансовых ресурсов. Не случайно внимание исследователей привлекают вопросы формирования и использования ресурсов, идущих на социальную защиту населения.

Структура финансовых ресурсов Республики Коми определяется источниками их поступления. В республике сложились положительные тенденции формирования финансовых ресурсов, образованных в сфе-

ре финансовых, нефинансовых организаций и секторе государственного управления (рис. 2).

В 2014 г. доходы консолидированного бюджета на 89% были созданы налоговыми и неналоговыми платежами (в 2009 г. – 78%). Основными налоговыми источниками доходов консолидированного бюджета республики были налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций и налоги на имущество организаций, которые в совокупности образовали 72% всех средств (в 2013 г. – 66%, в 2009 г. – 61%). Поступления по налогу на прибыль организаций сложились на 37% выше, чем

Рисунок 2. Финансовые ресурсы и их использование (миллиардов рублей)

Источник: Статистический ежегодник РК, 2014 г.

в 2013 г., налогам на имущество — на 31%, налогу на доходы физических лиц — снизились на 3%. Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, и налоги на совокупный доход увеличились на 6%, сформировав в сумме 9% доходов бюджета. Группа неналоговых доходов обеспечила 7% бюджетных средств. Среди них наиболее значимы доходы от использования государственного и муниципального имущества (98% поступлений к 2013 г.) и платежи при пользовании природными ресурсами, образованные в основном перечислениями организаций за негативное воздействие на окружающую среду (141% к 2013 г.).

В 2014 г. динамика налоговых поступлений формировалась под влиянием сдержанных темпов экономического роста, изменений в законодательстве о налогах, завершения основных этапов крупных инвестиционных проектов на территории республики. Вклад нефтяного фактора был менее значительным, чем в 2012–2013 годах. Основная часть налоговых поступлений была сформирована организациями добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, организаций, осуществляющих операции с недвижимым имуществом, транспорта и связи.

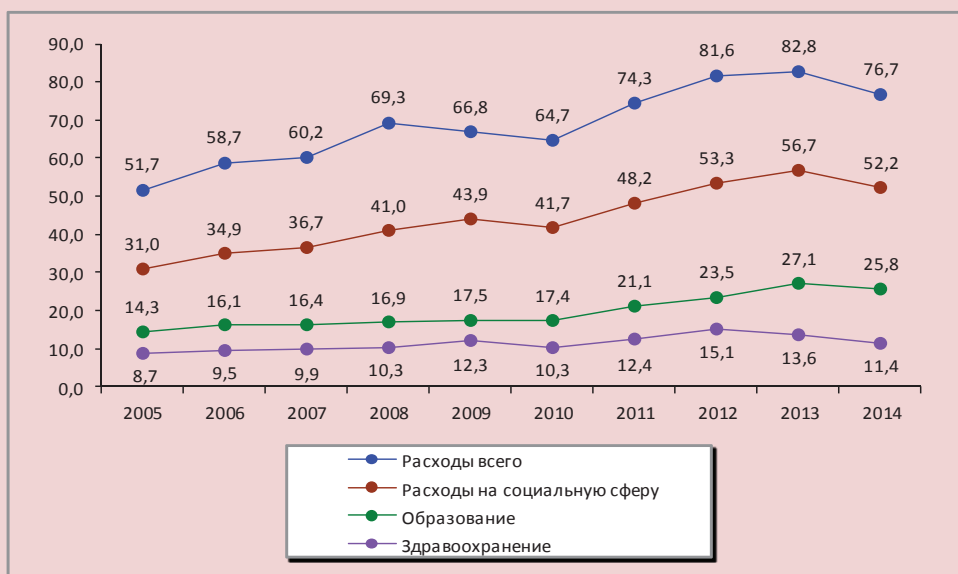
В 2014 г. уменьшилась доля перечислений в федеральный бюджет в основном в результате сокращения поступлений по налогу на добавленную стоимость. Снизилась задолженность хозяйствующих субъектов экономики перед бюджетами всех уровней. Консолидированный бюджет республики исполнен с дефицитом. Меньше, чем в 2013 г., перечислено средств из федерального бюджета. Выросли налоговые и неналоговые доходы. Основными расходными статьями были образование, здравоохранение, социальная политика, национальная экономика.

При исследовании расходов бюджета социальную защиту отождествляют с расходами на социальную сферу [2]. В течение 2005–2014 гг. доля расходов на социальную сферу (с учетом межбюджетных трансфертов ФОМС) в консолидированном бюджете РК постепенно росла — с 31,0 до 52,2% от всего объема расходов (рис. 3). Основную динамику этой статье задают расходы по статье «Социальное обеспечение населения», далее идут статья «Социальное обслуживание населения» и другие расходы. Ежегодный реальный прирост был на уровне инфляции, что делало финансирование по этой статье наиболее стабильным, не зависящим от поведения общей величины расходов бюджета. Падение показателя в 2014 г. можно объяснить опережающим сокращением расходов по сравнению с динамикой ВРП Республики Коми.

В 2010–2014 гг. динамика формирования и использования бюджетных средств республики в целом соответствовала общероссийским тенденциям. Темпы роста доходов консолидированного бюджета республики (145%) незначительно отставали от увеличения доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (150%).

Значительная часть доходов республиканского бюджета формировалась за счет налоговых поступлений. Для формирования бюджетных ресурсов и использования их в системе социальной защиты государство перераспределяет доходы различных социальных групп. Основным государственным инструментом в этом процессе выступает налогообложение физических лиц. Здесь более выраженный эффект имеет реформирование социального налога. На практике программы социальной помощи финансируются на 41% из региональных бюджетов, на 32% — из местных, на 21% — из прочих источников и только на 6% — из федерального бюджета.

Рисунок 3. Динамика расходов консолидированного бюджета Республики Коми, млрд. руб.*

* В ценах 2014 г. (абсолютные величины для приведения в сопоставимый вид проиндексированы на индекс потребительских цен).

Источники: Минфин Республики Коми...; расчеты Е.Н. Тимушева, В.В. Тихомировой.

За последние три года перечисления от налогоплательщиков республики в бюджетную систему страны выросли на 20%, в том числе в 2014 г. — на 7%. По данным Управления Федеральной налоговой службы по Республике Коми, поступления по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджетную систему Российской Федерации в 2014 г. составили 129,1 миллиарда рублей. По сравнению с уровнем 2013 года они выросли на 7% (по России — на 12%). В 2014 г. объем средств, перечисленных на федеральный уровень, увеличился на 2%, однако доля перечислений снизилась с 58% в 2013 г. до 56% в результате сокращения сборов по налогу на прибыль организаций (в части зачисления в федеральный бюджет) и налога на добавленную стоимость.

По итогам года в консолидированный бюджет республики было передано 44% собранных в регионе средств, в целом по

субъектам Российской Федерации — 49%. Перечисления в бюджеты муниципальных образований снизились на 22% в связи с изменением норматива отчислений по налогу на доходы физических лиц в пользу республиканского бюджета.

В 2010–2014 гг. динамика формирования и использования бюджетных средств республики в целом соответствовала общероссийским тенденциям. Темпы роста доходов консолидированного бюджета республики (145%) незначительно отставали от увеличения доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (150%). Расходы консолидированного бюджета в расчете на одного жителя республики традиционно превышали среднероссийские. В рассматриваемый период разрыв между показателями вырос с 16 до 38%, составив 88 тысяч рублей по республике и 64 тысячи рублей по России.

В динамике денежных доходов населения социальные выплаты непрерывно растут и в 2013 году составили 22,5% (рис. 4).

Для доведения бюджетных средств до конкретных получателей в республике используются казначейские технологии. В соответствии с программой развития бюджетного федерализма в РФ в 2005 г. все региональные и местные бюджеты перешли на казначейское исполнение на основе единых федеральных стандартов. Казначейская система – это система полного учета и контроля процесса движения бюджетных средств от их поступления до использования.

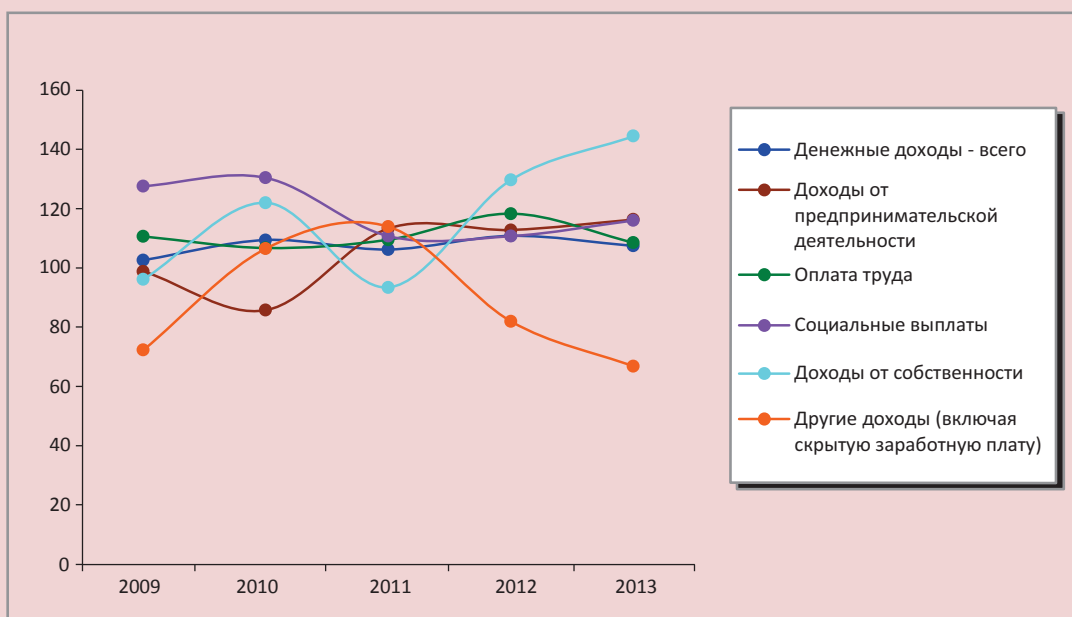
Основные функции данной системы заключаются в доведении бюджетных средств до конечных получателей согласно закону о бюджете и контроле за целевым использованием бюджетных ресурсов. Казначейская система использует принцип единства кассы: зачисление всех поступающих доходов на единый счет бюджета и осуществление

всех предусмотренных расходов с данного счета. Бюджетные средства, минуя счета соответствующих распорядителей по всей вертикали, доводятся непосредственно до каждой бюджетной единицы. Произошло разделение распорядительных и исполнительных функций без ущемления объема распорядительных прав и при сохранении защищенности бюджетных средств от несанкционированного использования.

Выполненное нами исследование показало, что проводимая Правительством Республики Коми социально ориентированная политика, направленная на своевременную выдачу пенсий, пособий, компенсаций и льгот, позволяет сохранить необходимую социальную стабильность.

Существует многообразие источников формирования финансовых ресурсов социальной защиты населения, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены и в конечном итоге являются основой проводимых в стране социально-экономических

Рисунок 4. Динамика денежных доходов населения

Источники: Статистический ежегодник РК 2014 г., расчеты В.В. Тихомировой.

реформ. Государство остается важнейшим гарантом и координатором правильного и эффективного использования указанных источников, выявления новых и развития используемых. Однако размеры социальных выплат должны быть согласованы с финансовыми возможностями регионов [20].

Выявлено, что наиболее острой проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность финансовых ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ. Перед федеральной властью стоит задача путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению эффективности системы социальной защиты населения, уменьшению социальной дифференциации в интересах сокращения бедности. Сбалансированность всех источников формирования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения позволит создать надежную основу повышения уровня и качества жизни населения и реализовать все конституционные права и свободы граждан.

На современном этапе социальное развитие страны и отдельных регионов во многом определяется эффективностью функционирования системы социальной защиты населения. Механизм социального маневрирования, искусственно регулирующей уровень цен и заработной платы, занятость, количественную и качественную наполняемость средних жизненных стандартов, признается неэффективным,

так как он только снижает социальные противоречия, но не стимулирует развитие экономики.

Поэтому основным методом социальной защиты должно стать адресное предоставление социальной помощи лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного минимума. Люди же с ограниченной трудоспособностью или нетрудоспособное население должны быть защищены наличием трансфертных программ социального страхования, социального обеспечения, социальной помощи. Тем самым мы выступаем против неразборчивой социальной поддержки (социального обеспечения) и за строго адресную помощь особо нуждающимся.

Основной целью социальной защиты должны стать эффективные меры по активизации людей на рынке труда. Люди должны сами прилагать усилия для собственного финансового обеспечения и благополучия [28, 31].

На фоне текущей кризисной ситуации и в условиях ограниченных финансовых ресурсов концептуальные подходы к конструкции всей системы социальной защиты (область действия, набор показателей, категории получателей, источники финансирования и уровни ответственности), а также количественные характеристики (количество получателей, размер поддержки) и формы непосредственного предоставления (денежная, натуральная, услуги) приобретают новое и принципиальное значение и нуждаются в корректировке.

Литература

1. Абакумова, Н.Н. Политика доходов и заработной платы / Н.Н. Абакумова, Р.Я. Подовалова. — Новосибирск: НГАЭиУ ; М.: ИНФРА-М, 1999. — 224 с.
2. Акиндинова, Н. Российская экономика на повороте / Н. Акиндинова, Я. Кузьминов, Е. Ясин // Вопросы экономики. — 2014. — № 6. — С. 4-17.
3. Баликоев, В.З. Краткий курс экономической теории: учебник / В.З. Баликоев. — М.: Менеджер, 2003. — 328 с.

4. Дымнич, Т.С. Региональная модель социальной защиты населения (на прим. Моск. обл.): автореф. дис. ... канд. философ. наук / Т.С. Дымнич; Соц.-технол. ин-т гос. акад. сферы быта и услуг. – М., 1999. – 23 с.
5. Кадомцева, С.В. Социальная защита населения: учебное пособие / С.В. Кадомцева. – М.: РАГС, 1999. – 275 с.
6. Корепанов, Г.С. Региональная система социальной защиты населения (на примере Ханты-Мансийского автономного округа): дис. ... канд. социол. наук / Г.С. Корепанов. – Тюмень, 1999. – 200 с.
7. Косарев, Ю.А. Социальное страхование в России: на пути к реформам / Ю.А. Косарев. – М.: Московский рабочий, 1999. – 240 с.
8. Краткий экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М., 2001.
9. Крестов, А.В. Становление государственной региональной системы социальной защиты населения (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук / А.В. Крестов. – М., 2000. – 145 с.
10. Кузюткин, Н.В. Организационные и экономические механизмы совершенствования системы социальной защиты работников (на примере предприятий машиностроения): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н.В. Кузюткин. – Саратов, 2003. – 19 с.
11. Либоракина, М.И. Адресная социальная поддержка населения. Уровень местного самоуправления / М.И. Либоракина; под ред. А.С. Пузанова. – М.: Институт экономики города, 1998. – 104 с.
12. Политика доходов и качество жизни населения / под ред. П.А. Горелова. – СПб.: Питер, 2003. – 653 с.
13. Роик, В. Социальная защита: содержание понятия / В. Роик // Человек и труд. – 2000. – №11. – С. 42-48.
14. Система национальных счетов 1993. – Т. 1, 2.
15. Социальная защита населения в регионе / под общ. ред. д-ра социол. наук В.Г. Попова; редкол.: д-р юрид. наук, проф. В.Ш. Шайхатдинов, д-р философ. наук, проф. Ю.А. Ермаков; д-р философ. наук, проф. Н.В. Иванчук, канд. экон. наук, доц. А.Г. Гричук. – Екатеринбург: УрАГС, 1999. – 352 с.
16. Социальная работа в современном обществе: реалии и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Теория, практика и образование в социальной работе: реалии и перспективы» / под ред. С.И. Григорьева, Л.Г. Гусяковой. – Барнаул, 2001. – 381 с.
17. Социальная работа: теория и практика / отв. ред. Е.И. Холостова, А.С. Сорвина. – М., 2004. – 148 с.
18. Тетерский, С.В. Введение в социальную работу / С.В. Тетерский. – М.: Академический Проспект, 2000. – 496 с.
19. Тихомирова, В.В. Адресная социальная помощь в системе социальной защиты населения / В.В. Тихомирова. – Сыктывкар, 2013. – 138 с. (Коми научный центр УрО РАН).
20. Тихомирова, В.В. Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера / В.В. Тихомирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №1 (25). – С. 123.
21. Управление-98 (Управление реструктуризацией экономики): материалы международной научно-практической конференции. – Вып. 2 / ГУУ. – М., 1998. – 526 с.
22. Финансы / под ред. В.М. Родионовой. – М., 1997.
23. Шеденков, С.А. Социальная защита и условия местного самоуправления: дис. ... канд. социол. наук / С.А. Шеденков. – Белгород, 1995. – 215 с.
24. Шумилин, А.П. Становление региональной системы социальной защиты населения: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002.
25. Юшкова, С.А. Структура и условия эффективной системы социальной защиты населения Российской Федерации в условиях социально-экономических изменений: автореф. дис. ... канд. экон. наук / С.А. Юшкова. – М., 1997. – 23 с.
26. Якушев, Л.П. Социальная защита / Л.П. Якушев. – М., 1998. – 156 с.
27. Introduction to Social security. – Geneva: ILO, 1984.
28. Neoconservatism: The Autobiography of an Idea, 1995 (ISBN 0-02-874021-1)
29. Social security: beyond the Rhetoric of crisis / Edited by T.R. Marmor, J.L. Mashaw. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – С. 15.
30. Social protection in the Member States of the European Union. – Luxembourg: official publications of the European Communities, 1999. – С. 12.
31. Two Cheers for Capitalism, 1978.

Сведения об авторе

Валентина Валентиновна Тихомирова – кандидат экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, vvtikhomirova@mail.ru)

Tikhomirova V.V.

Issues of Formation and Use of Financial Resources of the Social Welfare System (Case Study of the Komi Republic)

Abstract. Currently, the social welfare system in the Komi Republic and in the Russian Federation on the whole is undergoing gradual reforming, the main goals of which are as follows: improving the quality of life; supporting the poor and vulnerable segments of the population; mitigating possible negative consequences of reforms; improving pension provision; further improvement of targeted social assistance; streamlining social benefits; development of the social services market. In this regard, the study of methodological basis for the formation and use of financial resources of the social welfare system becomes more and more important. The goal of this work is to develop theoretical and methodical approaches to the improvement of financial mechanism for the social welfare system in the region. The paper considers the formation and use of financial resources for social protection of population in the Republic of Komi. The author reveals specifics of formation of budgets of all levels and the powers of federal and regional authorities in the field of mutual responsibility. The paper shows the imbalance of financial resources and obligations at all levels of the budgetary system of the Russian Federation. Scientific novelty of the work consists in the fact that it defines social protection as a financial category that provides redistribution of financial resources emerging in the process of formation of centralized and decentralized financial resources, through a set of forms and types of social protection aimed to ensure its targeted provision. On the basis of the national accounts system, which in terms of methodology focuses on a single international standard, the author develops a structure of forms and types of social protection, which are the basis of its financial mechanism: state social guarantees and minimum social standards; social benefits (social insurance and social assistance benefits); and social services. The paper considers main directions for improving the economic mechanism and organizational forms of management for the social welfare system, they are: targeted allocation of financial resources only to those households whose actual consumption is below the subsistence level. The author proposes to improve the funding of the social welfare system with the help of intergovernmental equalization. This work is based theoretically and methodologically on theories and practices of prominent Russian and foreign economists, sociologists and other scholars and professionals engaged in research in the field of social protection, data of the Federal State Statistics Service of Russia, its Territorial Office in the Komi Republic, and legislative and regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Komi. The study uses general scientific methods of system approach, analysis and synthesis, logical, historical and comparative analysis.

Key words: financial resources, social protection, types of social protection, targeted social assistance.

References

1. Abakumova N.N., Podovalova R. Ya. *Politika dokhodov i zarabotnoi platy* [Incomes policy and wage]. Novosibirsk: NGAЕiU; Moscow: INFRA-M, 1999. 224 p. (In Russian).
2. Akindinova N., Kuz'minov Ya., Yasin E. Rossiiskaya ekonomika na povorote [The Russian economy at the turning point]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2014, no. 6, pp. 4-17. (In Russian).
3. Balikoev V.Z. *Kratkii kurs ekonomicheskoi teorii: uchebnik* [A brief course of economic theory: textbook]. Moscow: Menedzher, 2003. 328 p. (In Russian).
4. Dymnich T.S. *Regional'naya model' sotsial'noi zashchity naseleniya (na prim. Mosk. obl.): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [Regional model of social protection (case study of the Moscow Oblast): Ph.D. in Philosophy dissertation abstract]. Moscow, 1999. 23 p. (In Russian).
5. Kadomtseva S.V. *Sotsial'naya zashchita naseleniya: uchebnoe posobie* [Social welfare: textbook]. Moscow: RAGS, 1999. 275 p. (In Russian).
6. Korepanov G.S. *Regional'naya sistema sotsial'noi zashchity naseleniya (na primere Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga): dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Regional social welfare system (on the example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug): Ph.D. in Sociology dissertation abstract]. Tyumen', 1999. 200 p. (In Russian).
7. Kosarev Yu.A. *Sotsial'noe strakhovanie v Rossii: na puti k reformam* [Social insurance in Russia: toward the reforms]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1999. 240 p. (In Russian).
8. A.N. Azriliyan (Ed.). *Kratkii ekonomicheskii slovar'* [Concise dictionary of economics]. Moscow, 2001. (In Russian).
9. Krestov A.V. *Stanovlenie gosudarstvennoi regional'noi sistemy sotsial'noi zashchity naseleniya (sotsiologicheskii analiz): dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Formation of the state regional social welfare system (sociological analysis): Ph.D. in Sociology dissertation]. Moscow, 2000. 145 p. (In Russian).
10. Kuzyutkin N.V. *Organizatsionnye i ekonomicheskie mekhanizmy sovershenstvovaniya sistemy sotsial'noi zashchity rabotnikov (na primere predpriyatii mashinostroeniya): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Organizational and economic mechanisms for improving the system for social protection of employees (on the example of machine-building enterprises): Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Saratov, 2003. 19 p. (In Russian).
11. Liborakina M.I. *Adresnaya sotsial'naya podderzhka naseleniya. Uroven' mestnogo samoupravleniya* [Targeted social assistance. The level of local self-government]. Ed. by A.S. Puzanov. Moscow: Institut ekonomiki goroda, 1998. 104 p. (In Russian).
12. Gorelov P.A. (Ed.). *Politika dokhodov i kachestvo zhizni naseleniya* [Income policy and the quality of life]. Saint Petersburg: Piter, 2003. 653 p. (In Russian).
13. Roik V. Sotsial'naya zashchita: sodержание ponyatiya [Social protection: essence of the concept]. *Chelovek i trud* [Man and labor], 2000, no. 11, pp. 42-48. (In Russian).
14. *Sistema natsional'nykh schetov 1993* [The system of national accounts 1993]. Volumes 1, 2. (In Russian).
15. *Sotsial'naya zashchita naseleniya v regione* [Social protection of the population in the region]. Under the general editorship of V.G. Popov. Yekaterinburg: UrAGS, 1999. 352 p. (In Russian).
16. Grigor'ev S.I., Guslyakova L.G. (Eds.). *Sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: realii i perspektivy: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoriya, praktika i obrazovanie v sotsial'noi rabote: realii i perspektivy"* [Social work in contemporary society: realities and prospects: proceedings of the interregional scientific-practical conference "Theory, practice and education in social work: realities and prospects"]. Barnaul, 2001. 381 p. (In Russian).
17. *Sotsial'naya rabota: teoriya i praktika* [Social work: theory and practice]. Executive editors: E.I. Kholostova, A.S. Sorvina. Moscow, 2004. 148 p.
18. Teterskii S.V. *Vvedenie v sotsial'nuyu rabotu* [Introduction to social work]. Moscow: Akademicheskii Prospekt, 2000. 496 p. (In Russian).
19. Tikhomirova V.V. *Adresnaya sotsial'naya pomoshch' v sisteme sotsial'noi zashchity naseleniya* [Targeted social assistance in the social welfare system]. Syktyvkar, 2013. 138 p. (In Russian).
20. Tikhomirova V.V. *Metodologiya i mekhanizmy finansovogo obespecheniya sistemy sotsial'noi podderzhki naseleniya regionov zony Severa* [Methodology and mechanisms of funding the social welfare system in the Northern regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 1 (25), p. 123. (In Russian).

21. *Upravlenie-98 (Upravlenie restrukturizatsiei ekonomiki): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Management-98 (Management of economic restructuring): proceedings of an international scientific-practical conference]. 1998, no. 2, 526 p. (In Russian).
22. Rodionova V.M. (Ed.). *Finansy* [Finances]. Moscow, 1997.
23. Shedekov S.A. *Sotsial'naya zashchita i usloviya mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Social protection and conditions of local self-government: Ph.D. in Sociology dissertation]. Belgorod, 1995. 215 p. (In Russian).
24. Shumilin A.P. *Stanovlenie regional'noi sistemy sotsial'noi zashchity naseleniya: dis. ... kand. ekonom. nauk* [Formation of a regional social welfare system: Ph.D. in Economics dissertation]. Moscow, 2002. (In Russian).
25. Yushkova S.A. *Struktura i usloviya effektivnoi sistemy sotsial'noi zashchity naseleniya Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Structure and conditions of efficient social welfare system in the Russian Federation in terms of socio-economic changes: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Moscow, 1997. 23 p. (In Russian).
26. Yakushev L.P. *Sotsial'naya zashchita* [Social protection]. Moscow, 1998. 156 p. (In Russian).
27. *Introduction to Social security*. Geneva: ILO, 1984.
28. *Neoconservatism: The Autobiography of an Idea*. 1995.
29. Marmor T.R., Mashaw J.L. (Eds.). *Social security: beyond the Rhetoric of crisis*. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 15.
30. *Social protection in the Member States of the European Union*. Luxembourg: Official publications of the European Communities, 1999. P. 12.
31. *Two Cheers for Capitalism*. 1978.

Information about the Author

Valentina Valentinovna Tikhomirova – Ph.D. in Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, vvtikhomirova@mail.ru)

Статья поступила 29.08.2016

Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области*

**Елена Андреевна
ЧЕКМАРЕВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
miteneva@inbox.ru

Аннотация. Воспроизводство трудового потенциала муниципального района рассматривается в статье как непрерывный процесс возобновления его количественных и качественных характеристик, состоящий из трёх последовательных фаз: формирования, распределения (в том числе перераспределения) и использования. В работе выявляются проблемы и особенности воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне на основе обработки доступной статистической и социологической информации по районам Вологодской области. Информационной базой исследования выступили материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, а также базы данных анкетных опросов населения, проводимых ИСЭРТ РАН. В процессе анализа подробно характеризуется современная структура трудового потенциала как своеобразное «стартовое» состояние, во многом определяющее дальнейшие перспективы развития. Особое внимание акцентируется на формировании, распределении и использовании качественных характеристик трудового потенциала, которые оцениваются в статье на основе социологических измерений, осуществляемых ИСЭРТ РАН в восьми районах Вологодской области и городах Вологде и Череповце (объём выборки — 1500 чел. трудоспособного возраста). По результатам обработки баз данных анкетных опросов по специальной методике рас-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-60011 мол_а_дк.

Для цитирования: Чекмарева, Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 173-194. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.10

For citation: Chekmareva E.A. Research into the conditions and drivers of labor potential reproduction in the Vologda Oblast municipal districts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 173-194. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.10

считываются индексы физического и психического здоровья населения трудоспособного возраста, когнитивного потенциала, творческих способностей, коммуникабельности, культурного и нравственного уровней, потребности в достижении. В ходе исследования показано, что сложившиеся в муниципальных районах Вологодской области структура трудового потенциала и тенденции его воспроизводства крайне неблагоприятны. С 2000 года численность населения трудоспособного возраста в половине районов области сократилась более чем на четверть. Полноценного восстановления и возобновления функционирующего трудового потенциала не происходит: наблюдается его суженное воспроизводство. Особенностью воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов является их существенная дифференциация по возрастной структуре и темпам изменения численности населения трудоспособного возраста. При этом наряду с сокращением объёмов трудового потенциала основными проблемами его воспроизводства в районах области становятся снижение творческого потенциала и существенный разрыв между реальным уровнем развития качеств населения трудоспособного возраста и требованиями рабочих мест.

Ключевые слова: трудовой потенциал, воспроизводство, формирование, распределение, использование, муниципальный район.

Трудовой потенциал — основная движущая сила социального и экономического развития территорий. По мнению мирового научного сообщества, а в том числе и ведущего отечественного специалиста по вопросам воспроизводства трудового потенциала в современной России *М.С. Токсанбаевой*, «значение человеческого фактора в экономике будет интенсивно возрастать» [13, с. 3]. Признание роли человеческого фактора в экономическом развитии привело к появлению одной из наиболее важных, по мнению *Д. Асемоглу*, идей в современной экономике труда — пониманию совокупности навыков и способностей работников как особой формы капитала [16, с. 3] и введению в научный оборот термина «человеческий капитал». В результате развития этой идеи в зарубежной научной литературе сформировался общепризнанный подход к рассмотрению потенциальных трудовых возможностей населения по наращиванию объёмов производства в рамках теории человеческого капитала, основы которой были заложены в работах американских экономистов *Т. Шульца* [20] и *Г. Беккера* [17] более 50 лет назад.

По сути в теории человеческого капитала способности работников считаются специфическим предметом «купли-продажи»: знания, умения и навыки можно «купить», инвестируя в образование [19], а затем выгодно «продать», устроившись на более высоко оплачиваемую работу [18]. Такое понимание трудящегося человека оказалось чуждо советской экономической науке, что, на наш взгляд, связано не только с административно-командной системой хозяйствования, действовавшей в России в период формирования теории человеческого капитала, но и с особенностями российского менталитета [1]. Как следствие, российская экономическая мысль пошла несколько по иному пути, и «для характеристики личного фактора производства в объёмном, многомерном выражении» [9, с. 5] *А.С. Панкратовым* было предложено понятие «трудовой потенциал».

В современных условиях, как отмечает *М.С. Токсанбаева*, «первостепенную теоретическую и практическую важность приобретают знания о качественных и количественных характеристиках трудового потенциала, исследования уровня и факторов

его эффективного воспроизводства. Они (...) позволяют выяснить, чем порождены происходящие изменения (...) и, соответственно, какие аспекты воспроизводства трудового потенциала нуждаются в особом внимании и корректировке» [13, с. 3]. При этом, как нам видится, анализ воспроизводства трудового потенциала необходимо начинать с муниципального уровня, поскольку при представлении статистики в обобщённой форме по регионам реальные проблемы воспроизводства трудового потенциала сельских территорий сглаживаются успехами развития крупных городов. Обозначенная проблема, наряду с признанием устойчивого развития сельских территорий одной из важнейших стратегических целей государственной политики в Российской Федерации [5] и недостаточным научным обеспечением этого вопроса, определяет актуальность исследования процесса воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне. Следует понимать, что люди живут не в регионе в целом, а в конкретном муниципальном образовании, которое имеет свои особенности и проблемы, задающие специфическую среду для воспроизводства трудового потенциала.

Кроме того, мы полностью согласны с *А.С. Маршаловой* и *А.С. Новоселовым*, что «одна из проблем муниципального управления – отсутствие чёткой системы управления воспроизводственными процессами» [7, с. 171]. Поэтому считаем, что исследование проблем и особенностей воспроизводства трудового потенциала муниципалитетов приобретает особую актуальность и значимость в практическом плане, поскольку может стать достойной базой для разработки научно обоснованной системы управления воспроизводственными процессами на муниципальном уровне.

Цель представляемого исследования – выявление основных проблем и особенностей формирования, распределения и использования трудового потенциала на муниципальном уровне на основе обработки доступной статистической и социологической информации по районам Вологодской области. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: подробно изучена современная структура трудового потенциала как своеобразное «стартовое» состояние, во многом определяющее дальнейшие перспективы развития, выявлены основные проблемы и особенности отдельных фаз воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области.

Информационной базой исследования выступили материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, а также базы данных анкетных опросов населения, проводимых ИСЭРТ РАН. Анализируемый период – 2000–2015 годы.

Воспроизводство трудового потенциала муниципального района рассматривается в статье как непрерывный процесс возобновления его количественных и качественных характеристик, состоящий из трёх последовательных фаз: формирования, распределения (в том числе перераспределения) и использования. При этом под трудовым потенциалом территории понимается «обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к труду» [8, с. 14], оцениваемая в количественном отношении численностью населения в трудоспособном возрасте, а в качественном – уровнем развития качественных характеристик населения трудоспособного возраста. Что соответствует комплексному экономическому подходу к трактовке данного термина [6].

В целом при анализе воспроизводства трудового потенциала мы придерживались подхода *А.С. Панкратова*, согласно которому «разделение общего процесса воспроизводства трудового потенциала на ряд самостоятельных фаз позволяет более детально исследовать их и систематизировать те экономические отношения, которые характерны для данной воспроизводственной фазы, и только затем синтезировать частные выводы и теоретически обосновать направления совершенствования воспроизводственного процесса в целом» [9, с. 16]. По указанной причине далее нами последовательно рассматриваются отдельные фазы воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области.

Следует отметить, что мы не претендуем на всесторонний и полный анализ воспроизводственных процессов. В частности, некоторые аспекты формирования, распределения и использования трудового потенциала сознательно упускаются из рассмотрения. Например, в статье не описывается динамика рождаемости, поскольку современные младенцы вступают в трудоспособный возраст только через 16 лет. Однако рождаемость учитывается при построении демографических прогнозов.

Формирование трудового потенциала. В фазе формирования трудового потенциала закладываются основные его количественно-качественные характеристики. Заметим, что принципы формирования трудового потенциала одинаковы для любого района, но условия различны в зависимости от территориально-географических, исторических, экономических, демографических, социальных и других факторов [9, с. 16]. Однако, несмотря на обилие факторов формирования трудового потен-

циала, наибольшее влияние на его количественные характеристики оказывает демографическое развитие муниципального образования.

В настоящее время демографическое развитие большинства муниципальных районов Вологодской области характеризуется убылью общей численности населения. Прирост числа жителей наблюдается только в примыкающем к областной столице Вологодском районе. Так, за период с 2000 по 2015 год общая численность его населения увеличилась на 1% – с 51296 до 51930 чел. (*табл. 1*). Для сравнения: за тот же период число жителей Вологды возросло на 4%, Череповца – на 1% и достигло 319 и 318 тысяч соответственно. За это же время население Вашкинского района сократилось почти на треть (31%). Аналогичные масштабы убыли населения наблюдались в Белозерском (-30%), Харовском (-30%) и Кичменгско-Городецком (-29%) районах области.

Снижение общей численности населения сопровождалось убылью численности населения трудоспособного возраста – основной количественной характеристики трудового потенциала территории. Причём объём трудового потенциала почти повсеместно сокращается более быстрыми темпами, чем общая численность населения. Так, в Вашкинском районе убыль составила 41%, в Белозерском и Харовском – 35%, Междуреченском – 31%. Половина районов области за 15 лет потеряла минимум четверть своего населения в трудоспособном возрасте.

Однако в ряде районов с отрицательной демографической динамикой (Никольский, Кичменгско-Городецкий, Вожегодский, Череповецкий, Тотемский) убыль общей численности населения проходила

Таблица 1. Изменение численности и доли населения в трудоспособном возрасте в муниципальных районах и городских округах Вологодской области за период с начала 2000 по начало 2015 г.

Муниципальный район / городской округ	Общая численность населения, чел.			Из них в трудоспособном возрасте						
				численность, чел.			доля, %			
	2000 г.	2015 г.	Изменение	2000 г.	2015 г.	Изменение	2000 г.	2015 г.	Изменение	
									абс.	отн.
Вологодский	51296	51930	+1%	29656	30119	+2%	57,8	58,0	+0,2 п.п.	+0,3%
г. Вологда	307182	319408	+4%	192291	192544	0%	62,6	60,3	-2,3 п.п.	-3,7%
Череповецкий	41992	40000	-5%	22406	21612	-4%	53,4	54,0	+0,6 п.п.	+1,3%
г. Череповец	315422	318107	+1%	196588	188938	-4%	62,3	59,4	-2,9 п.п.	-4,7%
Шекснинский	35856	33211	-7%	21666	19521	-10%	60,4	58,8	-1,6 п.п.	-2,7%
Тотемский	26890	23083	-14%	15004	12960	-14%	55,8	56,1	+0,3 п.п.	+0,6%
Сокольский	60503	49735	-18%	33707	27640	-18%	55,7	55,6	-0,1 п.п.	-0,2%
Кадуйский	19481	16997	-13%	11104	9104	-18%	57,0	53,6	-3,4 п.п.	-6,0%
Никольский	27506	20571	-25%	14082	11535	-18%	51,2	56,1	+4,9 п.п.	+9,5%
Вожегодский	19573	15218	-22%	10312	8205	-20%	52,7	53,9	+1,2 п.п.	+2,3%
Сямженский	10620	8344	-21%	5626	4402	-22%	53,0	52,8	-0,2 п.п.	-0,4%
Бабушкинский	15775	12064	-24%	8484	6469	-24%	53,8	53,6	-0,2 п.п.	-0,3%
Грязовецкий	43264	33580	-22%	24309	18507	-24%	56,2	55,1	-1,1 п.п.	-1,9%
Верховажский	16653	13133	-21%	8936	6772	-24%	53,7	51,6	-2,1 п.п.	-3,9%
Устюженский	22553	17523	-22%	12243	9264	-24%	54,3	52,9	-1,4 п.п.	-2,6%
Кичм.-Городецкий	23280	16616	-29%	11759	8875	-25%	50,5	53,4	+2,9 п.п.	+5,7%
Великоустюгский	68823	55630	-19%	40321	30068	-25%	58,6	54,0	-4,6 п.п.	-7,7%
Усть-Кубинский	9703	7912	-18%	5243	3856	-26%	54,0	48,7	-5,3 п.п.	-9,8%
Чагодощенский	16230	12823	-21%	8799	6462	-27%	54,2	50,4	-3,8 п.п.	-7,0%
Нюксенский	12048	8944	-26%	6455	4669	-28%	53,6	52,2	-1,4 п.п.	-2,6%
Кирилловский	19223	15223	-21%	10472	7465	-29%	54,5	49,0	-5,5 п.п.	-10,0%
Вытегорский	32894	25302	-23%	18193	12958	-29%	55,3	51,2	-4,1 п.п.	-7,4%
Тарногский	15820	11795	-25%	8449	6002	-29%	53,4	50,9	-2,5 п.п.	-4,7%
Бабаевский	25964	20150	-22%	14312	10106	-29%	55,1	50,2	-4,9 п.п.	-9,0%
Междуреченский	7858	5716	-27%	4153	2880	-31%	52,9	50,4	-2,5 п.п.	-4,7%
Харовский	21623	15041	-30%	11268	7353	-35%	52,1	48,9	-3,2 п.п.	-6,2%
Белозерский	22642	15752	-30%	11986	7745	-35%	52,9	49,2	+3,7 п.п.	-7,1%
Вашкинский	10469	7202	-31%	5769	3388	-41%	55,1	47,0	-8,1 п.п.	-14,6%

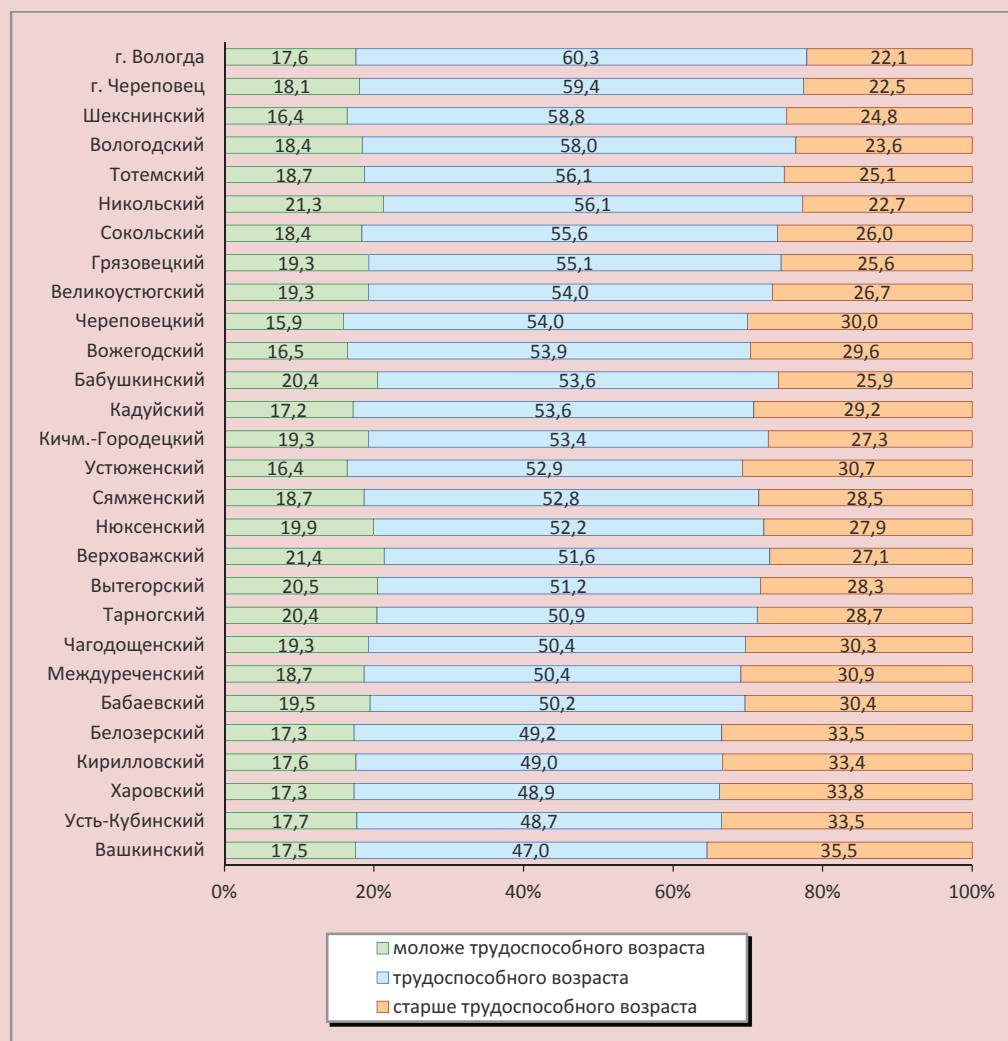
Примечание. Отсортировано по изменению численности населения трудоспособного возраста.
 Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 97 с.; данные Вологдастат; расчёты автора.

более быстрыми темпами, чем сокращение трудового потенциала, в результате чего доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения в указанных районах выросла, что в данной ситуации категорически нельзя рассматривать как положительные изменения.

К настоящему времени наиболее неблагоприятная возрастная структура населения сложилась в Вашкинском, Усть-Кубин-

ском, Харовском, Кирилловском и Белозерском районах: здесь доля населения трудоспособного возраста меньше половины, то есть на каждого человека трудоспособного возраста приходится как минимум один человек нетрудоспособного, при этом большая их часть – пенсионеры, которые уже реализовали свой трудовой потенциал и не могут быть рассмотрены как резерв для пополнения трудовых ресурсов района (рис. 1).

Рисунок 1. Возрастная структура населения муниципальных районов Вологодской области на начало 2015 года

Примечание. Отсортировано по убыванию доли населения трудоспособного возраста.

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 97 с.; расчёты автора.

Вызывает беспокойство возрастная структура населения трудоспособного возраста. Так, в Вашкинском районе треть трудового потенциала составляют лица в возрасте 50 лет и старше, а они в ближайшем будущем уйдут на пенсию (табл. 2). Причём в 15 из 26 муниципальных районов области удельный вес лиц данной возрастной категории превосходит 25%.

Ежегодные потери трудового потенциала, связанные с миграционным оттоком и смертностью населения трудоспособного возраста, а также переходом части населения в пенсионный возраст, не компенсируются миграционным притоком и малочисленными когортами вступающих в трудоспособный возраст подростков.

Таблица 2. Возрастная структура населения трудоспособного возраста в муниципальных районах Вологодской области на начало 2015 г., %

Муниципальный район / городской округ	Возраст, лет					Средний возраст, лет
	16–19	20–29	30–39	40–49	50 и старше*	
г. Вологда	6,9	29,9	28,4	19,0	15,8	35,2
г. Череповец	6,4	24,7	29,7	22,2	17,0	36,4
Вологодский	5,7	24,6	27,0	22,0	20,7	37,3
Великоустюгский	6,8	23,3	26,1	22,5	21,2	37,4
Сокольский	6,0	23,3	27,4	22,1	21,2	37,6
Шекснинский	4,5	23,3	29,5	22,6	20,2	37,7
Устюженский	5,0	24,7	25,2	22,7	22,4	37,9
Кадуйский	7,2	20,7	25,1	24,8	22,3	38,1
Тотемский	7,6	21,0	24,5	22,1	24,7	38,1
Череповецкий	4,7	23,4	26,6	21,7	23,5	38,2
Грязовецкий	6,4	20,1	25,6	24,7	23,2	38,5
Вытегорский	6,2	18,6	28,1	24,4	22,8	38,6
Чагодощенский	4,7	16,6	29,8	24,9	24,0	39,4
Вожегодский	5,1	21,0	22,8	23,8	27,3	39,4
Бабаевский	4,0	17,9	28,2	24,5	25,4	39,6
Никольский	6,2	16,0	21,1	29,2	27,4	40,2
Кичм.-Городецкий	6,5	16,4	19,9	29,4	27,9	40,2
Белозерский	6,1	17,2	20,7	25,9	30,0	40,4
Кирилловский	5,1	15,6	25,0	24,6	29,7	40,5
Верховажский	5,9	14,3	24,3	26,3	29,1	40,5
Тарногский	5,9	13,6	24,3	28,4	27,9	40,6
Харовский	6,1	14,3	22,9	27,8	29,0	40,6
Усть-Кубинский	5,8	14,5	23,7	26,8	29,3	40,7
Нюксенский	6,0	14,1	23,6	27,2	29,0	40,7
Междуреченский	5,6	15,2	21,6	27,8	29,9	40,9
Сямженский	4,5	15,4	23,2	26,7	30,3	41,0
Бабушкинский	4,8	14,5	24,7	24,6	31,4	41,0
Вашкинский	4,9	10,1	24,2	27,8	33,0	42,2

Примечание. Отсортировано по возрастанию среднего возраста.
 * 50–54 года – для женщин, 50–59 лет – для мужчин.
 Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 97 с.; расчёты автора.

Например, в Вашкинском районе потери трудового потенциала только в 2015 году оцениваются в 210 человек или 6% от численности населения в трудоспособном возрасте на начало года (табл. 3). В Белозерском районе всего за год численность населения трудоспособного возраста сократилась на 4,5%. Аналогичные темпы убыли наблюдаются в Вожегодском, Харовском и Нюксенском районах.

В большинстве районов области сформированная к настоящему времени структура населения крайне неблагоприятна. При этом важно понимать, что современная структура трудового потенциала задаёт своеобразное «стартовое» состояние, во многом определяющее дальнейшие перспективы развития.

Прогнозирование численности населения классическим методом передвижки

Таблица 3. Оценка изменения численности населения трудоспособного возраста в муниципальных районах Вологодской области в 2015 г.

Муниципальный район / городской округ	Пополнение трудового потенциала		Потери трудового потенциала			Сальдо	
	Вступили в трудоспособный возраст	Миграционный приток	Вышли из трудоспособного возраста	Умерли в трудоспособном возрасте	Миграционный отток	чел.	в %*
Вологодский	464	1878	838	168	1388	-52	-0,2
Шекснинский	270	1224	492	127	1067	-192	-1,0
г. Череповец	2656	4561	4461	1079	5073	-3396	-1,8
г. Вологда	2375	5500	4647	860	6327	-3959	-2,1
Кадуйский	132	615	308	61	587	-209	-2,3
Бабаевский	175	626	360	89	609	-257	-2,5
Устюженский	118	567	315	74	545	-249	-2,7
Сокольский	434	825	851	189	980	-761	-2,8
Кирилловский	113	498	347	57	424	-217	-2,9
Великоустюгский	585	1268	933	222	1589	-891	-3,0
Череповецкий	291	910	727	130	989	-645	-3,0
Тотемский	211	781	453	103	834	-398	-3,1
Бабушкинский	118	264	236	55	292	-201	-3,1
Верховажский	117	468	267	58	471	-211	-3,1
Чагодощенский	113	199	204	55	259	-206	-3,2
Междуреченский	63	192	121	29	197	-92	-3,2
Усть-Кубинский	70	237	170	33	228	-124	-3,2
Вытегорский	275	503	428	133	634	-417	-3,2
Кичм.-Городецкий	162	502	302	83	568	-289	-3,3
Сямженский	84	237	165	48	252	-144	-3,3
Тарногский	117	352	222	46	398	-197	-3,3
Грязовецкий	363	568	629	131	786	-615	-3,3
Никольский	215	669	368	96	807	-387	-3,4
Вожегодский	153	448	362	56	522	-339	-4,1
Харовский	138	354	315	71	416	-310	-4,2
Нюксенский	100	218	187	35	303	-207	-4,4
Белозерский	160	281	342	65	380	-346	-4,5
Вашкинский	59	148	173	35	209	-210	-6,2

Примечание. Вступившими в трудоспособный возраст в течение 2015 года считались все лица, которым на начало года было 15 лет; вышедшими из трудоспособного возраста в течение года считались женщины и мужчины, которым на начало года было 54 и 59 лет соответственно; данные отсортированы по возрастанию относительных потерь трудового потенциала.
Источник: данные Вологдастата о возрастном-половом составе населения, по возрастной миграции и смертности.
* В процентах от численности населения в трудоспособном возрасте на начало года.

возрастов показывает, что при сложившейся структуре населения муниципальных районов современные параметры воспроизводства приведут к значительным потерям трудового потенциала уже в ближайшей перспективе (табл. 4). Прирост численности населения трудоспособного возраста ожидается только в Вологодском районе.

Не меньшие опасения вызывает воспроизводство качества трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области. Как отмечалось выше, в качественном отношении трудовой потенциал муниципального района определяется качественными характеристиками населения трудоспособного возраста. В данном исследовании мы придерживались

Таблица 4. Прогноз численности населения трудоспособного возраста в муниципальных районах Вологодской области на начало года, чел.

Муниципальный район / городской округ	Год											Прирост / убыль, %
	2015 (факт)	2016 (оценка)	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Вологодский	30119	30066	30070	30084	30112	30173	30171	30273	30429	30634	30948	3
Кирилловский	7465	7248	7112	7005	6927	6880	6880	6895	6929	6950	6998	-6
Шекснинский	19521	19325	19091	18892	18678	18552	18360	18288	18187	18143	18153	-7
Кадуйский	9104	8908	8729	8617	8492	8452	8408	8367	8395	8360	8357	-8
Бабаевский	10106	9847	9648	9432	9302	9233	9156	9071	9090	9106	9167	-9
г. Вологда	192544	188693	185607	183101	181021	179343	177914	176401	175383	174774	174279	-9
Верховажский	6772	6566	6413	6259	6165	6090	6028	6004	6003	6030	6079	-10
г. Череповец	188938	185618	182564	179855	177413	174884	172682	170784	169251	168081	166917	-12
Усть-Кубинский	3856	3732	3639	3584	3487	3469	3440	3386	3337	3312	3301	-14
Тарногский	6002	5801	5611	5446	5361	5289	5213	5163	5127	5103	5108	-15
Устюженский	9264	9012	8832	8700	8528	8395	8241	8104	8003	7920	7827	-16
Тотемский	12960	12574	12271	11970	11706	11483	11227	11067	10945	10827	10737	-17
Междуреченский	2880	2789	2705	2636	2561	2522	2483	2437	2386	2378	2383	-17
Сокольский	27640	26893	26208	25619	25086	24563	24100	23663	23332	23068	22798	-18
Нюксенский	4669	4464	4296	4129	4044	3940	3906	3868	3816	3792	3790	-19
Череповецкий	21612	20974	20440	19870	19462	18993	18598	18185	17876	17596	17356	-20
Вытегорский	12958	12544	12204	11825	11515	11212	10945	10766	10625	10512	10393	-20
Великоустюгский	30068	29199	28398	27620	27016	26392	25839	25294	24792	24396	24059	-20
Вашкинский	3388	3178	3007	2881	2771	2706	2699	2665	2692	2684	2669	-21
Грязовецкий	18507	17890	17377	16850	16350	15939	15537	15133	14821	14634	14382	-22
Чагодощенский	6462	6253	6052	5860	5674	5517	5369	5275	5176	5078	4978	-23
Кичм.-Городецкий	8875	8587	8318	8089	7874	7648	7442	7231	7073	6887	6754	-24
Харовский	7353	7049	6813	6590	6415	6264	6106	5962	5814	5678	5572	-24
Сямженский	4402	4256	4106	3956	3825	3686	3611	3507	3422	3354	3314	-25
Бабушкинский	6469	6266	6058	5840	5601	5411	5221	5083	4947	4885	4853	-25
Никольский	11535	11144	10757	10464	10108	9790	9471	9194	8920	8629	8405	-27
Вожегодский	8205	7865	7576	7290	7036	6812	6589	6399	6208	6074	5932	-28
Белозерский	7745	7404	7085	6765	6469	6178	5947	5707	5530	5361	5187	-33

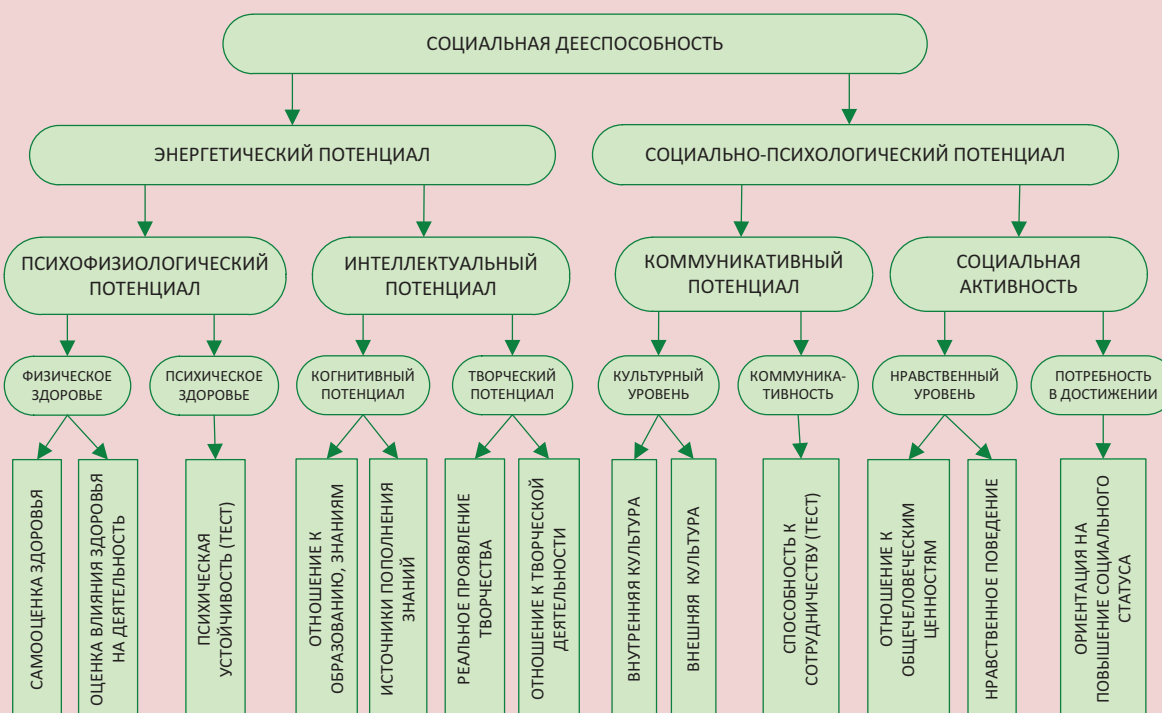
Примечание. Отсортировано по возрастанию относительной убыли трудового потенциала; прогноз выполнен методом передвижки возрастов при предположении о сохранении режима воспроизводства 2015 года (половозрастной структуры миграции и смертности, а также повозрастной структуры рождаемости) на весь период прогнозирования.

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 97 с.; расчёты автора.

теоретико-методологического подхода к структурированию и оценке качественных характеристик населения, разработанного специалистами Института социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Н.М. Римашевской [3, 11], и выделяли в трудовом потенциале следующие

качественные компоненты: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. При этом интегральной характеристикой качества трудового потенциала считается социальная дееспособность (рис. 2).

Рисунок 2. Структура качества трудового потенциала

Источник: Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с. – С. 26.

Для перечисленных качеств существует апробированная методика социологического измерения, в результате применения которой компоненты трудового потенциала получают числовую оценку в виде индексов от нуля до единицы. Такие измерения с 1996 г. в Вологодской области проводит Институт социально-экономического развития территорий РАН [2, 4, 14]. Опрос первого года носил пилотный характер, а с 1997 года социологические измерения качества трудового потенциала ведутся в мониторинговом режиме (до 2009 года – ежегодно, далее – раз в два года).

Мониторинг трудового потенциала региона осуществляется путем анкетирования населения трудоспособного возраста. Характеристика опроса: объектом исследования является население Вологодской

области в трудоспособном возрасте. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 чел. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4% при доверительном интервале 4–5%.

Как показали измерения, качество трудового потенциала населения имеет свои различия в разрезе муниципальных образований. Так, среди территорий области наиболее высокими значениями индексов дееспособности стабильно отличаются

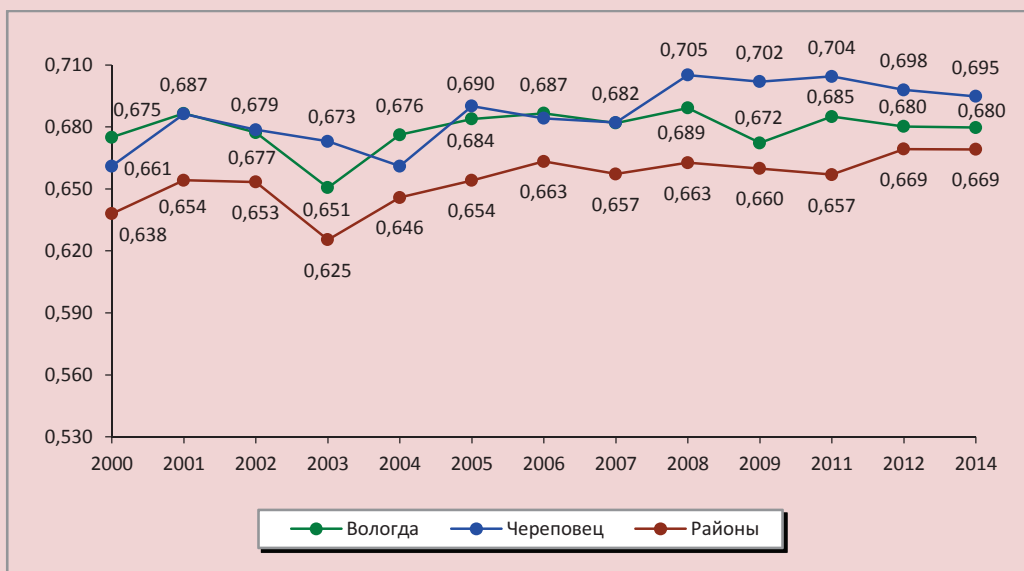
крупные города Вологда и Череповец. Причём, начиная с 2008 г., качество трудового потенциала череповчан превосходит показатель вологжан. В частности, в 2014 г. индекс социальной дееспособности жителей Череповца был равен 0,695, а для жителей Вологды – только 0,680 (рис. 3). В муниципальных районах Вологодской области качество трудового потенциала стабильно ниже (в 2014 г. – 0,669), что объясняется, в первую очередь, образовательной и трудовой миграцией в крупные города, которые, предлагая широкий спектр образовательных услуг и более высокий уровень жизни, перетягивают на себя из районов лучшие кадры.

Если рассматривать первичные качественные характеристики трудового потенциала, из которых складывается интегральный индекс, то можно видеть, что в настоящее время (по результатам мониторинга 2014 года) районы отстают от городов по большинству показателей (табл. 5).

Исключение составляют индексы коммуникабельности, культурного и нравственного уровня. То есть жители районов области по сравнению с вологжанами и череповчанами более общительны и в среднем более консервативны в вопросах культуры и нравственности.

По сравнению с показателями 2000 года качество трудового потенциала в районах области выросло по большинству показателей, кроме творческого потенциала населения трудоспособного возраста, который в индексном выражении снизился на 4,5%. Такая убыль вкуче с относительно невысоким и практически неразвивающимся когнитивным потенциалом привела к сокращению интеллектуального потенциала муниципальных районов. Впрочем, тенденция снижения интеллектуального потенциала наблюдается и в городских округах, что может стать серьёзным препятствием для успешного инновационного развития области.

Рисунок 3. Динамика индексов социальной дееспособности в территориальном разрезе

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.

Таблица 5. Индексы качества трудового потенциала муниципальных районов и городских округов Вологодской области в 2000 и 2014 гг.

Качество	2000 год			2014 год			Изменение, в % к 2000 г.		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Базовые качества 1-го уровня									
Физическое здоровье	0,686	0,666	0,678	0,750	0,771	0,747	+9,3	+15,7	+10,2
Психическое здоровье	0,715	0,690	0,675	0,793	0,802	0,738	+10,8	+16,3	+9,3
Когнитивный потенциал	0,665	0,648	0,614	0,627	0,635	0,617	-5,7	-1,9	+0,5
Творческий потенциал	0,620	0,589	0,560	0,597	0,583	0,535	-3,8	-0,9	-4,5
Коммуникабельность	0,739	0,738	0,718	0,739	0,760	0,767	+0,1	+3,0	+6,8
Культурный уровень	0,651	0,649	0,589	0,650	0,683	0,697	-0,1	+5,2	+18,3
Нравственный уровень	0,759	0,782	0,774	0,772	0,782	0,788	+1,7	+0,02	+1,8
Потребность в достижении	0,644	0,615	0,611	0,661	0,665	0,634	+2,7	+8,2	+3,7
Качества 2-го уровня									
Психофизический потенциал	0,697	0,674	0,672	0,766	0,781	0,736	+9,8	+15,9	+9,6
Интеллектуальный потенциал	0,638	0,614	0,582	0,606	0,604	0,570	-5,0	-1,7	-2,1
Коммуникативный потенциал	0,690	0,689	0,645	0,688	0,716	0,724	-0,3	+4,0	+12,3
Социальная активность	0,694	0,688	0,681	0,705	0,716	0,697	+1,7	+4,1	+2,2
Качества 3-го уровня									
Энергетический потенциал	0,663	0,639	0,620	0,676	0,682	0,642	+1,9	+6,8	+3,5
Социально-психологический потенциал	0,689	0,686	0,660	0,691	0,712	0,705	+0,2	+3,9	+6,9
Интегральный показатель качества трудового потенциала									
Дееспособность	0,675	0,661	0,638	0,680	0,695	0,669	+0,7	+5,2	+4,9

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.

Кроме того, сравнение индексов качества трудового потенциала с индексами требований рабочих мест позволяет сделать вывод, что в муниципальных районах Вологодской области трудовой потенциал населения не удовлетворяет требованиям рабочих мест по всем позициям, за исключением физического здоровья (табл. б).

Наибольший разрыв наблюдается по творческому потенциалу населения, на втором месте — когнитивный потенциал. В городских округах, наоборот, требования работодателей к когнитивному потенциалу значительно выше, поэтому разница между имеющимся уровнем развития знаний и требуемым выходит на первый план. То есть как в районах, так и в городах области меньше всего соответствует требованиям рабочих мест интеллектуальный потенциал работников. Наиболее близки по уровню развития к требованиям работодателей

навыки коммуникабельности и психическое здоровье населения трудоспособного возраста.

Несоответствие качества трудового потенциала требованиям рабочих мест порождает проблемы в распределении и перераспределении трудовых ресурсов, создаёт препятствия для более полного и эффективного использования трудового потенциала.

Распределение трудового потенциала. Распределение трудового потенциала включает в себя: территориально-географическое распределение рабочей силы; распределение работников по видам экономической деятельности и отраслям экономики; распределение между государственным и негосударственным сектором; профессионально-квалификационное распределение; распределение по конкретным рабочим местам на предприятиях и в

Таблица 6. Соответствие качества трудового потенциала требованиям рабочих мест в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 2014 г., индексы

Качество	Вологда			Череповец			Районы		
	ТП	ТРМ	Разрыв	ТП	ТРМ	Разрыв	ТП	ТРМ	Разрыв
Базовые качества 1-го уровня									
Физическое здоровье	0,750	0,734	0,016	0,771	0,799	-0,028	0,747	0,743	0,004
Психическое здоровье	0,793	0,762	0,031	0,802	0,812	-0,010	0,738	0,742	-0,004
Когнитивный потенциал	0,627	0,742	-0,116	0,635	0,773	-0,138	0,617	0,695	-0,078
Творческий потенциал	0,597	0,661	-0,065	0,583	0,683	-0,099	0,535	0,654	-0,119
Коммуникабельность	0,739	0,801	-0,061	0,760	0,829	-0,069	0,767	0,768	-0,001
Культурный уровень	0,650	0,755	-0,105	0,683	0,777	-0,094	0,697	0,734	-0,038
Нравственный уровень	0,772	0,749	0,023	0,782	0,792	-0,010	0,788	0,739	0,050
Потребность в достижении	0,661	0,687	-0,026	0,665	0,736	-0,071	0,634	0,687	-0,054
Качества 2-го уровня									
Психофизический потенциал	0,766	0,738	0,028	0,781	0,799	-0,017	0,736	0,737	-0,002
Интеллектуальный потенциал	0,606	0,693	-0,087	0,604	0,716	-0,113	0,570	0,668	-0,098
Коммуникативный потенциал	0,688	0,775	-0,087	0,716	0,798	-0,082	0,724	0,748	-0,024
Социальная активность	0,705	0,710	-0,005	0,716	0,756	-0,041	0,697	0,707	-0,010
Качества 3-го уровня									
Энергетический потенциал	0,676	0,706	-0,030	0,682	0,749	-0,066	0,642	0,695	-0,053
Социально-психологический потенциал	0,691	0,739	-0,048	0,712	0,773	-0,061	0,705	0,724	-0,018
Интегральный показатель качества трудового потенциала									
Дееспособность	0,680	0,718	-0,039	0,695	0,758	-0,063	0,669	0,707	-0,038
Условные обозначения: ТП – трудовой потенциал, ТРМ – требования рабочих мест. Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.									

организациях и другие аспекты. При этом полноценный анализ распределения трудового потенциала существенно зависит от доступных статистических данных.

Статистическая оценка распределения численности занятых в экономике по полу и возрасту, видам экономической деятельности, уровню образования, статусу на основной работе, видам трудового договора, по группам занятий на основной работе и другим критериям осуществляется Федеральной службой государственной статистики в рамках *Обследования населения по проблемам занятости (Обследование рабочей силы)*¹, которое проводится с 1992 года во всех регионах Российской Федерации на основе выборочного метода наблюдения с последующим распространением итогов на всю численность населения

¹ http://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030110r.htm

обследуемого возраста. Единицами наблюдения являются домашние хозяйства и лица в возрасте от 15 до 72 лет – члены этих домашних хозяйств, а взвешивание и распространение данных производится на уровне субъекта Российской Федерации. Процедура заключается в сопоставлении по субъекту Российской Федерации выборочной совокупности (численности обследованных граждан) с генеральной совокупностью населения по данным текущих расчетов, стратифицированной по этим же характеристикам².

При этом выборочная совокупность репрезентативна только на уровне всего региона и нерепрезентативна на уровне его отдельных муниципальных образований,

² Экономическая активность населения Вологодской области в 2015 году (по материалам выборочного обследования населения по проблемам занятости): стат. бюллетень. – Вологда, 2016. – 50 с. – С. 5.

то есть статистические данные о распределении занятых в экономике в разрезе муниципальных районов не собираются.

Среди данных о распределении трудового потенциала, которые всё же можно найти в разрезе районов Вологодской области, следует отметить распределение численности работников по видам экономической деятельности, которое рассчитывается Вологдастатом по всем районам области на основе данных, собранных по форме статистических наблюдений № 1-Т

«Сведения о численности и заработной плате работников по видам деятельности».

Как можно видеть из *таблицы 7*, распределение трудового потенциала по видам экономической деятельности имеет свои особенности в районах области. Например, в Бабаевском районе наиболее высока доля населения, занятого в транспорте и связи (31%), а в Сокольском около трети работников трудятся в промышленности, что связано со структурой экономики этих районов.

Таблица 7. Распределение численности работников организаций по видам экономической деятельности в 2014 году, %

Муниципальный район	Вид экономической деятельности												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Бабаевский	7,1	2,9	5,0	2,2	8,6	0,5	31,1	0,4	2,5	13,0	13,0	10,2	3,5
Бабушкинский	5,1	5,0	5,5	4,3	16,7	1,9	3,3	0,9	0,5	10,7	23,8	18,3	4,0
Белозерский	12,5	7,8	6,6	2,2	9,5	0,7	10,7	0,4	4,6	14,4	14,8	11,3	3,7
Вашкинский	14,6	7,3	7,1	1,1	10,9	0,4	3,5	0,4	1,6	14,4	17,8	14,3	6,7
Великоустюгский	6,4	16,6	5,8	3,3	8,2	2,3	5,6	2,1	4,8	9,1	16,3	13,6	5,8
Верховажский	24,0	8,2	5,3	2,5	10,2	0,2	3,2	0,8	1,3	11,3	18,6	9,3	5,1
Вожегодский	19,8	3,7	9,4	0,7	12,5	х	5,0	0,5	3,5	12,4	13,1	14,4	3,9
Вологодский	32,2	5,9	5,2	1,9	7,4	0,9	6,1	0,1	4,8	5,7	12,9	13,5	3,3
Вытегорский	22,1	5,1	6,5	3,8	11,8	1,0	11,6	0,5	2,3	9,2	13,2	6,7	3,9
Грязовецкий	16,5	13,4	6,8	2,4	6,9	1,1	17,9	0,5	4,1	7,4	12,8	6,3	3,9
Кадуйский	3,9	21,4	17,8	4,6	7,0	1,0	5,2	0,4	6,5	6,8	12,6	5,2	4,3
Кирилловский	12,0	3,8	10,1	3,5	9,0	1,8	5,4	0,4	2,0	14,7	12,8	13,8	8,8
Кичм.-Городецкий	17,0	11,3	х	х	14,1	х	3,3	0,8	3,0	8,4	20,0	14,1	4,7
Междуреченский	17,3	2,4	10,2	х	8,0	х	4,5	1,0	3,2	16,3	18,2	12,5	6,0
Никольский	12,7	5,0	5,3	0,4	10,2	0,9	7,4	0,6	2,4	13,2	23,5	14,6	4,0
Нюксенский	5,7	2,6	5,8	7,1	7,2	0,8	27,7	0,7	3,9	9,1	14,4	9,4	5,4
Сокольский	3,8	32,3	6,8	3,3	5,3	0,8	5,8	0,4	2,6	10,2	13,6	11,5	3,1
Сямженский	18,8	5,1	6,2	0,2	11,1	х	5,9	0,9	2,8	15,1	14,6	14,0	4,3
Тарногский	16,7	6,4	7,1	4,2	13,3	х	1,6	1,0	2,3	10,1	17,5	13,4	5,4
Тотемский	11,8	6,6	8,5	4,8	10,2	0,9	13,5	0,7	1,9	11,3	16,5	8,7	4,1
Усть-Кубинский	12,6	7,4	6,3	2,9	11,0	х	3,6	0,7	0,9	16,1	16,5	14,7	7,4
Устюженский	15,3	13,6	8,1	0,4	8,2	х	2,4	0,9	2,8	12,1	17,3	14,3	4,6
Харовский	5,7	14,9	8,7	1,0	8,6	х	7,2	0,7	4,9	15,4	15,8	12,0	4,9
Чагодощенский	10,1	32,6	5,7	х	11,8	0,9	3,0	0,8	2,9	5,8	12,2	8,3	5,6
Череповецкий	24,8	8,2	6,1	1,5	10,8	1,7	4,6	х	3,1	4,6	17,9	10,2	5,8
Шекснинский	10,3	22,5	5,2	2,0	7,0	3,1	9,5	0,5	4,7	10,9	10,7	9,6	3,8

Обозначения: 1 – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, 2 – обрабатывающие производства, 3 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, 4 – строительство, 5 – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и бытовых изделий, 6 – гостиницы и рестораны, 7 – транспорт и связь, 8 – финансовая деятельность, 9 – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, 10 – государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование, 11 – образование, 12 – здравоохранение и предоставление социальных услуг, 13 – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Источники: Труд и занятость в разрезе районов и городов Вологодской области в 2014 году: стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 62 с. – С. 11-12; расчёты автора.

Структурная перестройка экономики представляет сложный процесс, занимающий длительное время, в силу чего пропорции количественного распределения трудового потенциала по видам экономической деятельности являются относительно устойчивыми в краткосрочном периоде. Совсем иначе обстоят дела, если рассматривать ежегодное движение работников в предприятиях и организациях области. Так, согласно данным Вологдастата, в те-

чение 2014 года в муниципальных районах обновилось от 16 (в Тарногском) до 50% (в Череповецком) среднесписочной численности работников. Именно столько новых сотрудников принято за год на созданные либо освободившиеся в результате выбытия кадров рабочие места (табл. 8).

При этом от 43 до 80% выбывших уволились по собственному желанию. Причины такой ротации кадров могут быть самые различные и требуют дополнительного

Таблица 8. Движение работников организаций в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 2014 году*

Муниципальный район / городской округ	Принято работников		Выбыло работников		Выбыли по собственному желанию, в процентах от общей численности выбывших
	человек	в процентах от среднесписочной численности	человек	в процентах от среднесписочной численности	
Тарногский	273	16,2	324	19,3	74,7
Кичм.-Городецкий	437	18,8	547	23,5	57,4
Кирилловский	792	19,5	883	21,8	57,4
Вашкинский	237	20,0	271	22,9	76,4
Междуреченский	191	20,8	229	24,9	77,7
Вологодский	1839	20,9	2307	26,2	73,1
Бабушкинский	293	21,6	299	22,1	53,5
Усть-Кубинский	246	22,4	271	24,7	70,8
Никольский	793	22,7	1068	30,5	57,0
Бабаевский	1315	23,5	1528	27,3	56,1
г. Череповец	22489	24,1	36668	39,3	43,3
Сямженский	418	24,2	486	28,1	71,6
Великоустюгский	2942	24,8	3253	27,4	62,8
Шекснинский	1877	25,0	1909	25,5	60,1
Грязовецкий	2297	25,5	2872	31,9	50,0
Вожегодский	583	25,6	664	29,2	56,3
Верховажский	664	26,7	705	28,3	65,8
Устюженский	752	27,1	930	33,5	79,9
Белозерский	948	27,3	1163	33,5	55,0
Тотемский	1676	27,6	1857	30,6	65,5
г. Вологда	28645	29,2	32382	33,0	70,6
Кадуйский	1217	31,7	1359	35,4	66,2
Вытегорский	1731	32,2	2338	43,5	44,1
Сокольский	3877	32,9	4547	38,6	66,5
Чагодощенский	748	33,4	683	30,5	60,9
Нюксенский	774	35,6	585	26,9	55,0
Харовский	960	37,5	1186	46,4	59,3
Череповецкий	2272	50,5	3115	69,2	49,7

* Без учёта субъектов малого предпринимательства и организаций со средней численностью работников до 15 человек, не относящихся к субъектам малого предпринимательства; отсортировано по возрастанию доли принятых работников.
 Источник: Труд и занятость в разрезе районов и городов Вологодской области в 2014 году: стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 62 с. – С. 37.

подробного изучения. В целом же приходится признать, что скудность доступных статистических данных существенно затрудняет анализ фазы распределения трудового потенциала, особенно на муниципальном уровне. Для решения данной проблемы следует прибегнуть к социологическим опросам, а также в некоторых случаях с определённой долей условности можно воспользоваться данными по региону в целом.

Согласно результатам мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, особенность трудовой мобильности работающего населения районов по сравнению с жителями крупных городов заключается в меньшей распространённости практики трудовой деятельности на одном и том же месте и большей доле тех, кто сменил работу как минимум четыре раза (табл. 9). При этом в качестве причин смены места работы работающие жители районов чаще указывают низкую заработную плату (47%

против 41% в городских округах) и реже жалуются на тяжёлый труд (4% против 8% – в Череповце и 11% – в Вологде).

При поиске места работы жители районов намного реже обращаются в кадровые агентства (в частности, по причине их малой распространённости), а взамен этому предпочитают трудоустраиваться самостоятельно либо через государственную службу занятости населения. Так по данным опроса 2014 года через государственную службу занятости устроились на последнюю работу 13,5% работающего населения муниципальных районов Вологодской области, в то же время в Вологде такой способ поиска работы предпочли 12,7% работников, в Череповце – 10,2% (табл. 10).

Если рассматривать распределение работников по формам собственности, то наблюдается такая особенность: в настоящее время на государственных или муниципальных предприятиях в районах заняты только 35% работников. Для сравнения: в Вологде этот показатель на 10% выше – 45%,

Таблица 9. Трудовая мобильность работающего населения трудоспособного возраста в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 2014 году, %

Территория	Меняли ли Вы место работы в течение своей трудовой жизни?				
	Нет, работаю по одной и той же профессии всё время	Сменил одно место работы	Сменил два места работы	Сменил три места работы	Сменил четыре и более места работы
Вологда	29,6	16,0	18,3	20,4	15,7
Череповец	33,2	19,7	18,4	15,1	13,5
Районы	27,6	14,3	15,3	14,1	28,8

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.

Таблица 10. Распределение работающего населения трудоспособного возраста по способу трудоустройства в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 2014 году, %

Территория	Как Вы устроились на последнюю работу?				
	Через государственную службу занятости	Через кадровое агентство	Через друзей и знакомых	Самостоятельно, без посредников	Другое
Вологда	12,7	4,1	31,7	50,3	1,2
Череповец	10,2	10,9	36,5	41,4	1,0
Районы	13,5	1,6	28,6	55,1	1,2

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.

в Череповце – 34%. Это сходство между районами и городом металлургов – не единственное. Есть ещё одно: доля занятых рабочими профессиями и там, и там составляет 48%, в то время как в Вологде – только 27%. При этом вне зависимости от территории доля лиц, работающих по специальности, и в районах, и в городских округах Вологодской области составляет примерно 60% от численности работников, имеющих специальность. То есть порядка 40% работников трудятся не по специальности. Это говорит о существенных

проблемах в формировании и распределении трудовых ресурсов, а также поднимает вопрос об эффективности использования трудового потенциала.

Использование трудового потенциала.

Использование (или реализация) представляет заключительную фазу воспроизводственного движения трудового потенциала. В качестве показателя использования трудового потенциала территории наиболее часто ошибочно применяется уровень зарегистрированной безработицы (табл. 11).

Таблица 11. Уровень зарегистрированной безработицы в муниципальных районах и городских округах Вологодской области, в % к экономически активному населению*

Муниципальный район / городской округ	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Шекснинский	2,2	1,5	2,1	1,7	1,0	0,8	0,7	0,6
Вологодский	3,0	2,5	3,0	2,3	1,8	1,2	0,9	0,9
г. Вологда	1,3	0,9	3,1	2,0	1,4	1,1	0,8	0,9
Тотемский	1,9	2,2	3,2	2,5	1,6	1,4	1,1	1,1
Череповецкий	0,3	0,7	3,5	1,8	1,3	1,2	1,1	1,1
г. Череповец	0,9	0,7	4,1	2,0	1,4	1,1	1,1	1,1
Нюксенский	1,7	1,7	2,9	2,6	1,1	1,0	1,5	1,3
Бабаевский	1,5	2,4	2,8	2,2	1,4	1,1	1,0	1,4
Бабушкинский	1,1	1,9	2,7	2,0	1,4	1,6	1,9	1,4
Усть-Кубинский	7,4	2,0	2,5	2,2	1,7	1,3	1,6	1,6
Харовский	2,5	4,0	3,1	4,4	3,4	2,0	1,8	1,6
Вожегодский	2,7	4,3	3,5	3,7	2,9	1,9	1,3	1,7
Никольский	1,5	1,8	2,3	1,9	1,9	1,5	1,7	1,7
Сокольский	1,6	1,8	5,6	2,8	2,0	1,5	1,1	1,7
Верховажский	1,3	3,6	3,6	2,8	2,2	2,6	2,0	1,8
Кадуйский	2,5	2,9	3,9	2,9	2,4	1,8	1,4	1,8
Тарногский	1,5	2,2	2,5	1,8	1,6	1,5	1,7	1,8
Грязовецкий	3,7	3,1	5,9	3,8	2,6	2,0	1,7	1,9
Кичм.-Городецкий	1,3	1,9	3,3	2,0	2,2	2,4	1,7	1,9
Сямженский	3,0	3,6	3,9	3,8	2,6	2,0	1,7	1,9
Вашкинский	2,7	4,2	3,6	3,3	2,6	1,5	1,7	2,0
Кирилловский	2,0	3,5	3,3	3,9	2,7	2,2	1,8	2,0
Великоустюгский	2,1	4,4	5,3	3,2	2,2	3,1	2,5	2,3
Устюженский	4,0	3,7	3,4	3,4	3,2	2,6	2,0	2,4
Чагодощенский	3,6	6,6	4,9	3,2	2,9	2,5	6,5	2,4
Вытегорский	1,4	3,9	3,5	2,6	2,7	2,6	2,3	2,5
Белозерский	3,0	2,9	4,3	3,6	3,0	2,5	2,4	2,6
Междуреченский	2,6	3,0	4,4	3,7	3,4	3,2	2,7	2,6

* Отсортировано по данным 2014 года по возрастанию уровня безработицы.

Источник: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2014: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 307с. – С. 24.

Реально этот показатель отражает не уровень использования трудовых возможностей общества, а уровень недоиспользования рабочей силы. При этом оценка уровня занятости населения трудоспособного возраста – основного показателя степени использования количественной стороны трудового потенциала – Федеральной службой государственной статистики по муниципальным районам не проводится.

Для оценки уровня реализации населением своих качеств и умений в конкретной трудовой деятельности в рамках мониторинга трудового потенциала нами была разработана специальная методика, основанная на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения?» В результате применения разработанной методики мы получали показатель, отражающий то, на сколько процентов реализуется качество трудового потенциала – своеобразный аналог уровня занятости, показывающего, на сколько процентов реализуется количество трудового потенциала. Рассчитанный таким образом показатель был условно назван уровнем реализации качества трудового потенциала [15].

В настоящее время населением Вологодской области больше всего используется в трудовой деятельности коммуника-

бельность (табл. 12), что, на наш взгляд, связано с развитием сферы услуг. Наименее полно по оценкам населения применяются творческие способности (изобретательность, умение решать неизвестные ранее задачи и т.д.) и потребность в достижении (стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости).

Среди территорий области муниципальные районы отличаются самым низким уровнем реализации большинства составляющих качества трудового потенциала. То есть в районах области сложилась такая ситуация, что невысокое качество трудового потенциала вдобавок сопровождается низким уровнем его реализации в трудовой деятельности, что представляет, по нашему мнению, крайне негативное явление. Лидерами по реализации трудового потенциала выступают жители города Череповца.

Как нам видится, низкий уровень использования трудового потенциала муниципальных районов Вологодчины – закономерный результат проблем, накопившихся в формировании и распределении трудового потенциала. Источник этих проблем и их основные причины следует искать как на макро-, так и на микроуровне. При этом анализ поведения отдельных агентов – людей, проживающих

Таблица 12. Уровень реализации качества трудового потенциала в муниципальных районах и городских округах Вологодской области в 2014 году, %

Территория	Качество								Среднее
	Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	
Вологда	78,0	81,7	80,1	71,5	83,2	82,5	81,8	71,0	78,7
Череповец	79,4	82,0	82,3	71,3	84,2	80,7	81,5	73,0	79,3
Районы	76,6	76,6	74,7	72,6	82,0	81,2	81,4	73,1	77,3

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.

на территории конкретного муниципального образования, является не менее важным, чем анализ макроэкономических условий и среды функционирования трудового потенциала.

Проведенный анализ воспроизводства трудового потенциала и рассмотрение трёх последовательных фаз этого процесса позволяет заключить, что сложившиеся в муниципальных районах Вологодской области структура трудового потенциала и тенденции его формирования, распределения и использования крайне неблагоприятны. С 2000 года численность населения трудоспособного возраста в половине районов области сократилась более чем на четверть. Полноценного восстановления и возобновления функционирующего трудового потенциала не происходит: наблюдается его суженное воспроизводство. Особенностью воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов явля-

ется их существенная дифференциация по возрастной структуре и темпам изменения численности населения трудоспособного возраста. При этом наряду с сокращением объемов трудового потенциала основными проблемами его воспроизводства в районах области становятся снижение творческого потенциала и существенный разрыв между реальным уровнем развития качества населения трудоспособного возраста и требованиями рабочих мест. Причины происходящих негативных изменений требуют дополнительных подробных исследований, однако основную из них, на наш взгляд, достаточно точно передают слова учёных НИУ-ВШЭ: «В период системной трансформации значительная часть человеческого капитала, унаследованного от прежней эпохи, подверглась частичной или полной эрозии, поскольку в новых рыночных условиях она оказалась фактически бесполезной» [12, с. 24].

Литература

1. Горшков, М.К. Российский менталитет в социологическом измерении [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 100–114.
2. Гулин, К.А. Трудовой потенциал региона [Текст] / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 84 с.
3. Качество населения / под ред. Н. М. Римашевской, В. Г. Копниной. – М.: ИСЭПН, 1993. – 185 с.
4. Качество трудового потенциала населения Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Я.Б. Тимофеева. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. – 76 с.
5. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. – Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm>
6. Леонидова, Г.В. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне [Текст] / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева // Человек и труд. – 2009. – №12. – С. 30–33.
7. Маршалова, А.С. Проблемы управления социально-экономическим развитием муниципальных образований [Текст] / А.С. Маршалова, А.С. Новоселов // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 167–179.
8. Маслова, И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования [Текст] / И.С. Маслова. – М., 1987. – 32 с.
9. Панкратов, А.С. Трудовой потенциал: социально-экономические аспекты управления процессом его воспроизводства [Текст]: дис. в виде науч. докл. на соиск. уч. ст. д.э.н. : 08.00.05 / А.С. Панкратов. – Москва, 1993. – 60 с.
10. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования [Текст]: монография / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.

11. Римашевская, Н.М. О методологии определения качественного состояния населения [Текст] / Н.М. Римашевская // Демография и социология. – Вып. 6. – М., 1993. – С. 7 – 21.
12. Российский работник: образование, профессия, квалификация [Текст]: монография / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – 574 с.
13. Токсанбаева, М.С. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала в современной России [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д.э.н. : 08.00.05. – Москва, 2007. – 40 с.
14. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие [Текст] / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.
15. Чекмарева, Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2(14). – С. 165–172.
16. Acemoglu, D. Lectures in Labor Economics / D. Acemoglu, D. Autor. – MIT, 2011. – 299 p.
17. Becker, G.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G.S. Becker. – Chicago: University of Chicago Press, 1964.
18. Mincer, J. Schooling, Experience and Earnings / J. Mincer. – New York: National Bureau of Economic Research, 1974. – 152 p.
19. Schultz, T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. / T.W. Schultz. – New York: Free Press, 1971.
20. Schultz, T.W. The Economic Value of Education / T.W. Schultz. – New York: Columbia University Press, 1963.

Сведения об авторе

Елена Андреевна Чекмарева – кандидат экономических наук, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, miteneva@inbox.ru)

Chekmareva E.A.

Research into the Conditions and Drivers of Labor Potential Reproduction in the Vologda Oblast Municipal Districts

Abstract. The article presents the reproduction of labor potential of a municipal district as a continuous renewal process of its quantitative and qualitative features, consisting of three consecutive phases: formation, distribution (including redistribution) and exploitation. The research paper reveals the problems and specifics of labor potential reproduction at the municipal level on the basis of processing available statistical and sociological information on the districts of the Vologda Oblast. The materials of the territorial body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast and databases of questionnaire surveys conducted by ISEDT RAS served as an information base of the research. The analysis has allowed characterizing the modern structure of labor potential as a kind of “starter” state which largely determines future development prospects. Special attention is given to the formation, distribution and exploitation of labor potential qualitative characteristics which are assessed in the article on the basis of studies carried out by ISEDT RAS in eight municipal districts of the Vologda Oblast and the cities of Vologda and Cherepovets (sample size – 1,500 people of working age). The results of questionnaire databases’ processing with the use of a special technique help calculate physical and mental component summaries of the working age population, indices of cognitive potential, creativity, communication skills, cultural and moral levels, and the need for achievement. The study shows that the structure of labor potential and the tendencies of its reproduction in the Vologda Oblast municipal districts are extremely poor. Since 2000, working age population in half of

the districts reduced by more than a quarter. There is no complete recovery and renewal of the functioning labor potential: contracted reproduction is observed. The peculiarity of labor potential reproduction in the Vologda Oblast municipal districts is a substantial differentiation based on age structure and rates of change working age population. This, along with the decline in labor potential, the reduction of creative potential and a significant gap between the actual level of development of the qualities of working age population and job requirements become the main issues of labor potential reproduction.

Key words: labor potential, reproduction, formation, distribution, exploitation, municipal district.

References

1. Gorshkov M.K. Rossiiskii mentalitet v sotsiologicheskom izmerenii [Russian mentality in sociological assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2008, no. 6, pp. 100-114. (In Russian).
2. Gulin K.A., Shabunova A.A., Chekmareva E.A. *Trudovoi potentsial regiona* [Labor potential of the region]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 84 p. (In Russian).
3. Rimashevskaya N.M., Kopnina V.G. (Eds.). *Kachestvo naseleniya* [Population quality]. Moscow: ISEPN, 1993. 185 p. (In Russian).
4. Ilyin V.A., Smirnova N.A., Timofeeva Ya.B. *Kachestvo trudovogo potentsiala naseleniya Vologodskoi oblasti* [Labor potential quality of the Vologda Oblast population]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1998. 76 p. (In Russian).
5. *Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 noyabrya 2010 g. № 2136-r* [The Concept of sustainable development of Russian rural areas up to 2020: approved by the RF Government decree no. 2136-r, dated 30th November, 2010] Available at: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm>. (In Russian).
6. Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Opyt otsenki kachestva trudovogo potentsiala na regional'nom urovne [Labor potential quality assessment experience at the regional level]. *Chelovek i trud* [Man and labor], 2009, no. 12, pp. 30-33. (In Russian).
7. Marshalova A.S., Novoselov A.S. Problemy upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy [Socio-economic development in municipal units: issues of governance]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economy and sociology], 2009, no. 1, pp. 167-179. (In Russian).
8. Maslova I.S. *Trudovoi potentsial sovetskogo obshchestva: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor potential of the Soviet society: theoretical issues and research methodology]. Moscow, 1987. 32 p. (In Russian).
9. Pankratov A.S. *Trudovoi potentsial: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty upravleniya protsessom ego vosproizvodstva: dis. v vide nauch. dokl. na soisk. uch. st. d.e.n.: 08.00.05* [Socio-economic aspects of labor potential reproduction management: Doctor of Economics dissertation in the form of a scientific report: 08.00.05]. Moscow, 1993. 60 p. (In Russian).
10. Shabunova A.A. (Ed.), Leonidova G.V., Ustinova K.A., Popov A.V., Panov A.M., Golovchin M.A., Solov'eva T.S., Chekmareva E.A. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Chelovecheskii kapital territorii: problemy formirovaniya i ispol'zovaniya: monografiya* [Issues of public administration effectiveness. Human capital of the territory: problems of accumulation and exploitation: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 184 p. (In Russian).
11. Rimashevskaya N.M. O metodologii opredeleniya kachestvennogo sostoyaniya naseleniya [About the methodology for population's quality assessment]. *Demografiya i sotsiologiya* [Demography and sociology], 1993, no. 6, pp. 7-21. (In Russian).
12. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. *Rossiiskii rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya: monografiya* [Russian employee: education, profession and qualifications]. Moscow: GU-VShE, 2011. 574 p. (In Russian).
13. Toksanbaeva M.S. *Sotsial'no-ekonomicheskie faktory vosproizvodstva trudovogo potentsiala v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. na soisk. uch. st. d.e.n.: 08.00.05* [Socio-economic labor potential reproduction factors in modern Russia: abstract from the Doctor of Economics dissertation: 08.00.05]. Moscow, 2007. 40 p. (In Russian).
14. Ilyin V.A., Gulin K.A., Leonidova G.V., Davydova V.V. *Trudovoi potentsial regiona: sostoyanie i razvitie* [Labor potential of the region: state and development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2004. 107 p. (In Russian).

15. Chekmareva E.A. Povyshenie urovnya realizatsii trudovogo potentsiala: rol' zarabotnoi platy [Improving the level of labor potential realization: the role of remuneration]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2(14), pp. 165-172. (In Russian).
16. Acemoglu D., Autor D. *Lectures in Labor Economics*. MIT, 2011. 299 p.
17. Becker G. S. *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
18. Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research, 1974. 152 p.
19. Schultz T.W. *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*. New York: Free Press, 1971.
20. Schultz T.W. *The Economic Value of Education*. New York: Columbia University Press, 1963.

Information about the Author

Elena Andreevna Chekmareva – Ph.D. in Economics, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, miteneva@inbox.ru)

Статья поступила 08.07.2016

© Оуй П., Дхондт С., Жяубярите-Якштиене Р., Коррал А., Тоттердилл П.

Европейский опыт внедрения инноваций на рабочем месте: что, зачем и как?

Пейтер Оуй

Нидерландская организация прикладных научных исследований
Schipholweg 77-89, 2316 ZL Leiden, The Netherlands
peter.oeij@tno.nl

Стивен Дхондт

Нидерландская организация прикладных научных исследований
Schipholweg 77, 2316 ZL Leiden, The Netherlands
steven.dhondt@tno.nl

Рита Жяубярите-Якштиене

Нидерландская организация прикладных научных исследований
Schipholweg 77-89, 2316 ZL, Leiden, The Netherlands
rita.ziauberytejakstiene@tno.nl

Антонио Коррал

IKEI Research and Consultancy
Parque Empresarial Zuatzu, Edificio Urumea, Planta 1ª E-20018 Donostia-San
Sebastián, Gipuzkoa, Spain
acorral@ikei.es

Петер Тоттердилл

Кингстонский университет (Лондон)
54-56 High Pavement, Nottingham NG1 1HW, UK
peter.totterdill@ukwon.net

Для цитирования: Европейский опыт внедрения инноваций на рабочем месте: что, зачем и как? / П. Оуй, С. Дхондт, Р. Жяубярите-Якштиене, А. Коррал, П. Тоттердилл // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 195-218. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.11

For citation: Oeij P. R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Totterdill P. Implementing workplace innovation across Europe: Why, How and What? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 195-218. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.11

Аннотация. На основании 51 тематического исследования, проведенного среди 10 стран-членов Евросоюза, статья демонстрирует процесс внедрения инноваций на рабочем месте. Зачем компании внедряют инновации на рабочем месте и какие при этом можно выделить стратегии? Каким образом компании внедряют инновации на рабочем месте и кто является участниками этого процесса? И, наконец, какие виды инноваций внедряются на рабочем месте и каковы (ожидаемые) результаты процесса? В статье сделан вывод о том, что успешное внедрение инноваций на рабочем месте — это взаимодействие коммерческих задач, продиктованных управленческими решениями, с задачами качественного труда, зависящими от инициативы работников. Последствия решения таких задач как для компаний, так и для высшего руководства заключаются в том, что конструктивное сотрудничество между работниками и руководством компании становится ключевым фактором инноваций, конкурентоспособности и качества выполняемой работы. Подводя итоги, авторы выдвигают ряд предложений по улучшению процессов распространения и внедрения инноваций на рабочем месте для высшего руководства и специалистов-практиков соответственно.

Ключевые слова: инновации на рабочем месте; внедрение; Евросоюз; исследование европейских компаний.

1. Введение

1.1. Зачем компаниям внедрять инновации на рабочем месте?

Первым приходящим на ум ответом на вопрос «Зачем компаниям нужно перенимать и внедрять инновации на рабочем месте (workplace innovation — ИРМ)?» будет предположение о том, что это значимо как для эффективности коммерческой деятельности, так и для качества трудовой деятельности. Однако данный процесс не просто «полезная практика». Потребность в инновациях на рабочем месте обусловлена изменениями, происходящими в компании, а также необходимостью эффективной конкуренции и функционирования на фоне растущего понимания того, что исключительно технологические и бизнес (модельные) инновации недостаточны для удовлетворения запросов современного общества. В качестве «полезной практики» современное общество рассматривает сочетание талантов человека, его способностей наиболее эффективно организовать и применить то или иное решение руководства.

F. Pot и коллеги (2011; Pot, Dhondt и Oeij, 2012; Pot, Totterdill и Dhondt, 2016) проследили за процессом развития европейских

стран, осуществивших национальные инновационные программы в рамках борьбы со снижением темпов экономического роста, занятости и конкурентоспособности. Основу данных программ составило осознание того, что конкурентоспособность нельзя повысить только за счет внедрения новых технологических разработок и политики повышения эффективности путем сокращения расходов. Для обеспечения устойчивого экономического развития и благосостояния необходимы инновации и постоянный рост производительности труда. F. Pot выделяет несколько причин, по которым инновациям на рабочем месте уделяется пристальное внимание (Pot и др., 2012). Во-первых, это потребность в увеличении производительности труда для поддержания уровня благосостояния и социальной защиты населения. Во-вторых, решающее значение имеет необходимость развития и использования навыков и умений потенциальной рабочей силы для увеличения добавленной стоимости. В-третьих, для извлечения наибольшей выгоды из внедрения новых технологий неотъемлемой частью этого процесса должны стать инновации на рабочем месте,

что обеспечило бы правильное функционирование технологий за счет надлежащей организации процесса. И наконец, положительный эффект от внедрения инновации на рабочем месте ассоциируется с успешностью инноваций в целом.

Перестройка организаций и трудового процесса играет важную роль в производительности труда и работе в целом (см., например, Bloom и van Reenen 2010; Voxall, 2012; Voxall и Masky, 2009). Но что же говорят факты о внедрении концепции ИРМ? Преимущества концепции задокументированы как для отдельных сотрудников, так и для организаций, а также для решения ряда организационных и национальных проблем. Засвидетельствовано, что инновации на рабочем месте не только улучшают индивидуальную производительность труда, но и повышают эффективность организационной деятельности (Ramstad, 2009; Eeckelaert, Dhondt, Oeij, Pot и др., 2012), качество трудовой деятельности (Kalmi и Kauhanen, 2008) и уровень эффективности работы организации в результате внедрения инноваций на рабочем месте (Dhondt и van Hootegeem, 2015; Oeij, Dhondt и Korver, 2011; Oeij и Vaas, 2016), создают возможность их применения на малых и средних предприятиях (Oeij, de Vroome, Bolland, Gründemann, и van Teeffelen, 2014). Недавний доклад Европейского фонда улучшения условий жизни и труда приводит веские доказательства того, что наличие практики внедрения инноваций на рабочем месте улучшает организационные показатели и вовлеченность сотрудников в рабочий процесс. Более того, согласно докладу, компании используют различные пути внедрения инноваций на рабочем месте. Это означает, что они применяют различные методы внедрения инноваций на рабочем месте и акцентируют внимание

на разных организационных альтернативах (Oeij, Žiauberytė-Jakštienė, Dhondt, Corral и др., 2015). Результаты исследования подчеркивают идею о том, что систематизация может быть использована в качестве стратегического средства как для повышения производительности, так и для улучшения качества работы (Pot, 2011). Внедрение инноваций на рабочем месте может привести и к увеличению объема «продолжающихся работ» как новой формы организации труда, которую можно охарактеризовать как «комплексные работы», распространенные и играющие важную роль в мелких организациях, характеризующиеся четкой структурой управления и разделением труда, а также транспарентным распределением ответственности (de Sitter, den Hertog и Dankbaar, 1997). Организации могут осуществлять выбор производственных систем, обеспечивающих достижение лучших результатов в формировании структуры и состава специалистов. Под этим подразумевается, что инновации на рабочем месте относятся к организационным изменениям, являющимся основой процесса производства товаров и услуг (MacDuffie, 1997). Тем не менее инновации на рабочем месте — явление, не до конца изученное (European Commission, август 2014) и нуждающееся в разработке четкой теоретической базы, что мы и попытались сделать в следующем пункте данного исследования.

1.2. Определение понятия

Наиболее применяемым определением внедрения инноваций на рабочем месте является следующее: разработанный и широко используемый метод (или система методов), позволяющий работникам организации в структурном (с помощью разделения труда) и/или культурном (путем предоставления полномочий заинтересован-

ным участникам) контекстах участвовать в процессе организационных изменений и модернизации с целью улучшения качества трудовой деятельности и повышения эффективности работы организации (Oeij и др., 2015a: 8, 14).

Такое определение инноваций подразумевает рассмотрение организации как единой системы со всеми стратегическими, структурными и культурными эффектами, которые впоследствии пользуются преимуществами инноваций на рабочем месте (Howaldt, Oeij, Dhondt и Fruytier, 2016). Например, иерархические организационные структуры предполагают более директивный стиль управления, а также появление методов управления персоналом, сосредоточенных на четком разделении труда и обязанностей, в то время как менее иерархические структуры приводят к использованию стилей руководства и управления персоналом, направленных на вовлечение работников в организационный процесс и усиление их заинтересованности в конечном результате (MacDuffie, 1997; Pot, 2011). Поэтому для полного понимания понятия «инноваций на рабочем месте» необходимо не только акцентировать внимание на конкретных методах управления персоналом и их последствиях, но и принимать во внимание организационную структуру и концепцию управления, которые лежат в основе стратегических решений. Зачастую понятие «инновации на рабочем месте» сужают и делают из него своего рода «игрушку» для управления персоналом. Как следствие, высшее руководство, принимающее решение по технологическим и маркетинговым инновациям и инновациям моделей организации деятельности, недооценивает и неадекватно использует потенциал инноваций на рабочем месте (Dhondt и

Oeij, сентябрь 2014), поскольку оно мало осведомлено о том, какую роль выполняют управление персоналом и непосредственно сам персонал в процессе успешного внедрения инноваций нетехнического характера. В таких организациях менеджеры по персоналу, линейные и операционные менеджеры активно функционируют лишь в рамках отдельных подразделений компании (Howaldt и др., 2016).

«Структурная ориентация» инноваций на рабочем месте содержит методы, объединяющие в себе организацию труда и планирование рабочего процесса (Oeij и др., 2015a; de Sitter и др., 1997). Эти методы затрагивают проблемы разделения труда, распределение управленческих и трудовых обязанностей, а также предоставляют работникам свободу в принятии структурных решений или возможность частично контролировать трудовой процесс (Dhondt, Pot и Kraan, 2014). Такой подход выходит за рамки направлений с преобладающей ролью управления персоналом (таких как «высокопроизводительные методы работы» и «методы работы с активным участием персонала»), поскольку в его основе лежат решения о методах и путях разработки производственной системы. Структурно-ориентированные методы могут стимулировать частичную автономию сотрудников в принятии решений и дать право голоса работникам (или их представителям).

«Культурная ориентация» процесса внедрения инноваций на рабочем месте содержит методы, дающие работникам возможность участвовать в разного рода мероприятиях, например в организационном принятии решений (Oeij и др., 2015a). Это касается не только работников, но и их представителей, как, например, в случае социального диалога и коллективных переговоров. Культурно-ориентированные

методы повышают заинтересованность работников и дают им (и их представителям) право голоса (Totterdill и Exton, 2014). Помимо контрактов и оплаты труда по конкретным результатам, сюда включены и нематериальные вознаграждения, такие как благодарность и профессиональное признание.

1.3. Исследование Европейского фонда улучшения условий жизни и труда

Исследование Европейского фонда улучшения условий жизни и труда «Внедрение инноваций на рабочем месте в европейских компаниях» (Oeij и др., 2015a, Oeij, Žiauberytė-Jakštienė, Dhondt, Corral и др., 2015b) – исследование, в основе которого лежит изучение кейсов 51 компании в 10 странах-членах Евросоюза в следующем региональном разрезе:

- Континентальная и Западная Европа – Дания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Великобритания;
- Южная Европа – Греция, Испания;
- Центральная и Восточная Европа – Болгария, Литва, Польша.

Выборка стран организовывалась с ориентацией на достижение определенной степени разнообразия в концепции ИРМ по всей Европе – за ее основу приняты обширные региональные группы (7 групп), ранее использованные в докладах по организации труда Европейским фондом улучшения условий жизни и труда в 2013 г. Цель выборки – обеспечение разнообразия в контекстуальном, культурном и институциональном планах, а также в содержании предпринимательской деятельности.

Целью исследования стало выявление причин и способов внедрения концепции ИРМ и последствий внедрения для компаний и их работников. Другой целью было установить границы понятия «концепции ИРМ» с тем, чтобы обеспечить лучшее понимание и построение концепции на

основе общей договоренности. Конечной целью явилась разработка рекомендаций для европейского высшего руководства по дальнейшему развитию и внедрению концепции ИРМ в европейских компаниях. Компании были выбраны из базы данных Исследования европейских компаний (далее – ИЕК) в 2013 г., насчитывающей около 30 000 компаний (Eurofound, 2015). Для этого был рассчитан индекс ИРМ с целью ранжирования компаний по особенностям их ИРМ-концепции, значения которого можно вычислить с помощью нынешних показателей (анкетных вопросов), взятых из анкет ИЕК¹ (Dhondt, Preenen, Oeij, Corral и др., февраль 2014; Oeij и др., 2015b). Это позволило нам отобрать 5% компаний, стоящих первыми в рейтинге значений индекса ИРМ. Поэтому каждая выбранная компания служит относительно «хорошим примером» компании, использующей концепцию ИРМ. Это значит, что, согласно данным ИЕК, такие компании являются наиболее активными и «опытными» с точки зрения применения концепции ИРМ.

Заключительные кейсы были выбраны с помощью прямого контакта с компаниями с объяснением целей и задач проекта.

¹ Индекс ИРМ (Oeij и др., 2015b) складывается из отдельных показателей, выявленных в информационных анкетах управления ИЕК, связанных с теоретическими аспектами высокопроизводительных рабочих систем. Использование анализа главных компонент (факторный анализ, использующий ортогональный метод вращения – варимакс) обусловило латентную структуру данных, состоящую из семи факторов: 1) инновации (производственные и организационные); 2) право голоса (работники – их представители) имеют право высказывать свое мнение по организационным и реорганизационным вопросам; 3) образование и рефлексия (обучение и обратная связь); 4) структура и система (варьируемая оплата); 5) автономия организации труда (автономия); 6) карьера в сфере организации труда (долгосрочные карьерные планы); 7) иерархия. Значение индекса ИРМ рассчитывалось как суммарное значение отдельных показателей, каждый из которых получил одинаковый удельный вес в индексе ИРМ.

Оставшиеся компании выбраны в европейских регионах, специализирующихся в отраслях, различных по размеру и имеющих четко определенный ассортимент продукции и перечень услуг:

- размер компании: малые и средние предприятия со штатом сотрудников от 50 до 249 человек (27 компаний) и крупные компании со штатом сотрудников более 250 человек (24 компании);

- отрасль: промышленность (включая обрабатывающую промышленность, строительство, фармацевтику, энергетику, агропромышленность – 21 компания); коммерческие услуги (розничная продажа, финансовый аудит, консалтинг, транспорт, утилизация отходов, гостиничный бизнес – 14 компаний); социальное обслуживание (образование, социальная работа, гуманитарные науки, администрирование, экспертиза, наука, пресса, библиотеки – 16 компаний).

- страны Континентальной и Западной Европы – Дания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Великобритания (22 компании); страны Средиземноморья – Греция, Испания (12 компаний), страны Центральной и Восточной Европы – Болгария, Литва, Польша (17 компаний).

Были проведены групповые или индивидуальные интервью² с менеджером, группой работников и их представителями; все интервьюируемые были осведомлены об исследуемой концепции ИРМ. Тем не менее, по различным причинам (в основ-

² Интервью были проведены с наличием у интервьюера структурированного перечня вопросов; после проведения опроса интервьюер заносил данные в предварительно закодированный отчет, так называемую «кодую матрицу». Кодовая матрица содержала качественные и количественные данные. Количественные данные были использованы в статистическом анализе (с помощью программы SPSS – Statistical Package for the Social Sciences – «статистический пакет для социальных наук») и в качественном сравнительном анализе (Oeij и др., 2015b).

ном ввиду оперативных трудностей во время работы на местах) в пяти компаниях было невозможно провести интервью с работниками, а от 16 компаний не было представителей работников.

Вышеупомянутая работа на местах в 10 компаниях была проведена девятью европейскими исследовательскими институтами с использованием стандартных методик (Oeij и др., 2015b). В целом опрошено около двухсот человек по специальным опросникам для каждой категории опрашиваемых (по три опросника на компанию). Собранные данные занесены в массив данных («кодвая матрица»), каждый кейс был описан в докладе анализа мини-кейсов (2–3 страницы)³. В каждой компании были выявлены конкретные способы применения концепции ИРМ (всего около 168). Следующим шагом был анализ анкет с помощью качественного сравнительного анализа для изучения условий внутри этих компаний, объясняющих наличие тех или иных способов применения ИРМ-концепции. Выявленные условия, взятые вместе, составляют «конфигурационные пути», которые можно рассматривать как косвенно выраженные стратегии внедрения концепции ИРМ. Отчеты по изучению кейсов были использованы для оценки возможности классификации способов применения концепции ИРМ. Качественная информация, полученная во время интервью, использовалась для более детального описания контекстуальных факторов, движущих сил и мотивов, а также путей развития и применения концепции ИРМ и их последствий. Это, в свою очередь, дало возможность провести глубокий анализ компаний и способов применения концепции ИРМ.

³ Описание всех кейсов можно найти на сайте Европейского фонда улучшения условий жизни и труда, перейдя по ссылке: <https://www.eurofound.europa.eu/workplace-innovation-in-european-companies-case-studies>

1.4. Основной вопрос

Центральным стал вопрос о том, каким образом компании внедряют концепцию ИРМ. Чтобы ответить на него, обратим внимание на процесс внедрения данной концепции. Роль участников в разработке и применении концепции представляет наибольший интерес. Для того чтобы понять, каким образом протекает процесс внедрения концепции, следует знать причины, по которым участники считают целесообразным начинать именно с концепции ИРМ, а также узнать их мнение об ожидаемых результатах внедрения концепции. Начнем с рассмотрения причин, по которым компании внедряют концепцию ИРМ.

2. Применение концепции ИРМ на практике

2.1. Почему компании хотят внедрить концепцию ИРМ?

Для ответа на этот вопрос проводится различие между двумя направлениями, или ориентирами, а именно между улучшением эффективности деятельности организации или улучшением качества трудовой дея-

тельности и повышением степени активности работников. Анализ анкет показал, что существует и третье направление, объединяющее в себе оба вышеупомянутых. Несмотря на то что внедрение концепции ИРМ обусловлено экономическими причинами, многие применяемые компаниями способы, выявленные в ходе изучения кейсов (69%), в конечном счете направлены на оба направления, в то время как оставшиеся 32% практически равномерно разделяются на направления, ориентированные на улучшение качества трудовой деятельности и на сосредоточенные на повышении эффективности деятельности организации (14 и 18% соответственно) (табл. 1).

Таблица демонстрирует общее число способов применения концепции ИРМ, выявленных в ходе исследования компаний. Половина выявленных способов (53%) ориентирована на структурные (14%), культурные (20%) элементы концепции ИРМ или же на их сочетание (19%). Довольно высокий процент способов (39%) сконцентрирован исключительно на человеческих

Таблица 1. Способы внедрения концепции ИРМ и направления ее реализации, %

Направление	Способы, не относящиеся к эффективной организации труда		Способы эффективной организации труда (HPWP)			Другое	Итого
	Инновации на рабочем месте (ИРМ)			Все инновации (ИРМ)	Человеческие ресурсы		
	Структура инноваций	Культура концепции ИРМ	Сочетания способов ИРМ				
Повышение эффективности деятельности организации	1,8	1,2	3,6	6,5	3,6	3,6	13,7
Улучшение качества трудовой деятельности	3,0	3,6	4,2	10,7	6,5	0,6	17,9
Сочетание: улучшение качества трудовой деятельности и повышение эффективности деятельности организации	8,9	15,5	11,3	35,7	28,6	4,2	68,5
Итого	13,7	20,2	19,0	53,0	38,7	8,3	100,0
Количество способов	23	34	32	89	65	14	168

Источник: Оеј и др., 2015b: 21.

ресурсах; такие способы представляются нам слишком ограниченными для того, чтобы выступать в качестве подлинных способов применения концепции ИРМ. Способы из данной категории являются «типичными» и «традиционными» способами решения кадровых вопросов в сфере набора и обучения персонала, повышения квалификации, оценки эффективности деятельности и условий труда, оплаты труда, гибкости рабочего графика и охраны здоровья, управления риском и мерами безопасности. Категория «Другое» (8%) включает в себя примеры эффективности затрат, повышение экономической эффективности, а также способы использования ИКТ, ни один из которых не подходит под категорию «Способы применения концепции ИРМ».

Внимательно изучив таблицу 1, можно заметить, что инновации на рабочем месте частично пересекаются со способами эффективной организации труда (НРРР): во-первых, со способами повышения степени активности работников (НІРР) в отношении структурирования деятельности и работ для повышения автономии работников, во-вторых, со способами повышения приверженности своим обязательствам (НСМ) с точки зрения «культурных» аспектов, таких как коллегиальные трудовые отношения и наличие у работников права голоса. Инновации на рабочем месте отличаются от методов эффективной организации труда с точки зрения «традиционных» методов управления человеческими ресурсами, под которыми подразумеваются меры управления, не ориентирующиеся ни на повышение степени активности работников, ни на организационную структуру (Oeij и др., 2015: 13-17). В таблице 2 представлены конкретные примеры 168 выявленных методов применения концепции ИРМ. С полным

перечнем методов (включая методы управления человеческими ресурсами) можно ознакомиться в Приложении к исследованию (Oeij и др., 2015b).

Нацеленность большинства методов применения концепции ИРМ на выполнение экономических задач и улучшение производительности не только привела к достижению экономических целей, но и увеличила степень активности работников и улучшила качество их работы. Руководство, внедряющее инновации на рабочем месте, естественным образом идет навстречу интересам работников; при этом между руководителями, работниками и их представителями присутствует согласие относительно наиболее или наименее приоритетных задач, о чем пойдет речь позже.

При сравнении направлений не прослеживается разница между методами применения концепции ИРМ и методами управления персоналом. Интересным представляется тот факт, что доклады по способам эффективной организации труда (НРРР) отражают преобладание задач усиления организационной эффективности в качестве направлений внедрения концепции (Voxall и Masky, 2009). Вероятно, наша выборка компаний, относительно успешно применяющих концепцию ИРМ, отличается от других компаний, исследуемых в этом контексте. Наконец, несмотря на то, что категория «Другое» включает незначительное количество способов (методов), она представляется более ориентированной на усиление организационной эффективности, нежели на повышение качества трудовой деятельности.

Возвращаясь к различным путям успешного внедрения концепции ИРМ, отметим, что все компании на пути достижения этого результата использовали более чем один способ внедрения концепции; зачастую это была комбинация методов струк-

Таблица 2. Примеры применения концепции ИРМ

Категория методов	Примеры*
Методы применения концепции ИРМ: структурная ориентированность	DE-SERV-TEST-L: Производимые структурные преобразования компании и рабочих мест приводят к формированию «групп сотрудников с общими задачами» в разных отделах организации.
	BG-EDUC-UNI-S: Самоуправляемые команды работников представляют собой систему самоорганизации повседневных обязанностей и деятельности. Такой подход к организации труда предоставляет работникам достаточно гибкий график с тем, чтобы они самостоятельно принимали решения о том, как наиболее эффективно выполнить свои задачи, учитывая свои способности и график работы.
	ES-SCI-ENVIRONM-L: Уменьшение числа организационных уровней трудовой деятельности, увеличение самостоятельности рабочих команд производится тогда, когда между низшим и высшим уровнем находится не более 2-х иерархических уровней. Это также содействует развитию самоуправляемых команд работников, обладающих правами самостоятельно организовать свою трудовую деятельность.
	NL-INFO-NEWS-L: Расширение трудовых задач путем дополнения торговых должностей обязанностями управлять счетами; создание комплексных рабочих групп для реализации инновационных проектов в рамках всех отделов.
Методы применения концепции ИРМ: культурная ориентированность	DK-ART-MUSEUM-S: Партнерство с профсоюзами. Новые проекты и организационные преобразования обсуждаются в объединенном комитете с представителями профсоюзов, охраны труда и профессиональной безопасности и руководства. Этот комитет инициирует новые методы, такие как обучение и поддержка новых работников.
	BG-ENER-GAS-S: Система управления базой знаний (OGpedia) – добровольно разработанная система обмена информацией на основе информационных технологий. Все работники имеют возможность делиться информацией и получать новые знания.
	PL-ADM-TAX-S: Ежемесячные встречи с менеджерами и представителями профсоюзов позволяют доносить информацию об изменениях и текущем положении дел в организации до всех сотрудников, обсуждать решения и инициативы.
	LT-SERV-POST-L: Проведение «Дня верности» с целью укрепления коммуникации и обмена знаниями между менеджерами и работниками низшего звена. Менеджеры добровольно посещают работников на их рабочих местах и собирают информацию об определенных процессах и возможных проблемах. Это повышает устойчивость и результативность, обеспечивает хорошую организационную коммуникацию.
Смешанные методы	ES-SCI-WORK-L: Гибкий рабочий график позволяет работникам самим выбирать себе часы работы: они могут скорректировать время начала и конца рабочего дня, также разрешено отлучаться с работы по личным причинам (с разрешения руководителя).
	EL-FIN-BANK-L: Инициатива для личного развития: каждый год команды из 1–2 работников принимают участие в испытании, определенном высшим руководством. Так идеи передаются от молодых талантливых коллег к высшему руководству. Молодым талантам оказывают поддержку на семинарах по развитию навыков, а также с помощью системы оценки; с их помощью молодые сотрудники приобретают опыт.
	DE-AGRO-PETFOOD-S: Суммарные компетенции: готовность выполнять любую задачу производственного цикла, производственному персоналу была присуждена суммарная квалификация, позволяющая работникам взять на себя любую работу на производстве. После механизации производства большинство работников получили возможность обучиться новым умениям и навыкам и взять на себя задачи более квалифицированного персонала.
* Коды организаций указывают на страну, сферу деятельности и размер компании для гарантии анонимности. Источник: Oeij и др., 2015a: 25–26.	

турной и культурной ориентированности и методов управления персоналом. Это может служить свидетельством того, что такого рода «смешение» способов играет важную роль, как и заявляют авторы литературных источников о способах эффек-

тивной организации труда. Однако невозможно сделать четких выводов о результатах такого объединения, поскольку компании применяют совершенно разные комбинации способов в ходе внедрения концепции (Oeij и др., 2015a).

Перед тем как перейти к вопросу о способах применения концепции ИРМ, рассмотрим мотивы, факторы увеличения эффективности и последствия применения этой концепции. Сравнение точек зрения опрошенных менеджеров, работников и их представителей показало, что среди них наблюдается определенная степень совпадения.

2.2. Каковы причины или мотивы внедрения концепции ИРМ?

Хотя каждая компания выбирает свои направления и способы (или их комбинации) внедрения и применения концепции, причины, по которым они инициируют данный процесс, в целом довольно схожи. Проведенный анализ (как качественный, так и количественный) выявил господство экономически ориентированных мотивов (табл. 3). Однако большое количество компаний осознают, что достижение эко-

номических целей во многом зависит от роли работников организации, поэтому инновации на рабочем месте выступают в качестве предпосылки для достижения экономических и управленческих целей. В этой связи, с точки зрения «организации в целом», наиболее важными общими мотивами внедрения концепции, определенными тремя группами опрошенных (менеджерами, работниками и их представителями), являются: повышение эффективности, получение конкурентного преимущества и наращивание инновационного потенциала.

Помимо исследования мотивов для «организации в целом», к изучению также был применен подход с точки зрения желаемых результатов для каждой группы участников, взятой отдельно (менеджеры, работники и их представители). Это доказало, что мотивы применения концепции

Таблица 3. Общие мотивы внедрения концепции ИРМ, % компаний

Мотивы	Менеджеры	Работники	Представители работников
...для организации в целом			
Улучшение результативности деятельности	80	80	74
Получение конкурентного преимущества	78	58	65
Наращивание инновационного потенциала	75	58	65
Завоевание «привлекательности» с точки зрения найма	57	53	44
Получение одобрения со стороны работников	37	31	47
Обеспечение внедрения новых технологий, в том числе ИКТ	37	33	35
Улучшение производственных отношений с профсоюзами	18	9	47
...с точки зрения менеджеров и работников			
Выполнение экономических и коммерческих задач	94	89	88
Возможность обучения и развития умений	78	71	74
Результативность трудовой деятельности	61	62	59
Общественные цели	31	33	32
Гибкий рабочий график	31	42	38
Учет интересов акционеров	25	24	29
Положение на рынке труда	25	18	35
Гармоничное соотношение личной жизни и трудовой деятельности	25	24	32
Количество опрошенных	51	45	34

Источник: Оеј и др., 2015b: 27.

с точки зрения менеджеров и работников частично совпадают⁴, в том числе и в контексте мотивов применения концепции для «организации в целом»⁵. Тремя наиболее явно выраженными мотивами применения концепции являются: выполнение экономических и коммерческих задач, возможность обучения и развития умений и получение хороших результатов деятельности.

2.3. Каковы самые важные факторы увеличения эффективности применения концепции ИРМ?

К факторам увеличения эффективности относятся условия, мероприятия и

методы, способствующие успешному внедрению концепции ИРМ. Согласно мнению всех трех групп опрошенных (табл. 4)⁶, тремя наиболее важными факторами являются: высокая степень активности работников, приверженность высшего руководства и, в перспективе, лидирующая роль или участие в управлении влиятельного руководителя. В то время как причины и мотивы внедрения концепции ИРМ указывают на доводы, связанные с бизнесом, степень активности работников, по мнению опрошенных, представляется обязательным условием для внедрения концепции.

Таблица 4. Факторы увеличения эффективности применения концепции ИРМ, % компаний

Факторы	Менеджеры	Работники	Представители работников
Степень активности работников	82	84	88
Приверженность высшего руководства	80	69	68
Лидирующая роль влиятельного руководителя	67	56	65
Неконфликтная рабочая обстановка	49	42	50
Достаточное количество ресурсов, денежных средств и работников	33	38	29
Время на реорганизацию, не мешающее трудовому процессу	18	20	24
Число опрошенных	51	45	34
Источник: Oeiј и др., 2015b: 27.			

⁴ Тест МакНемара – статистический тест, используемый при наличии парных номинальных данных для определения, являются ли маргинальные частоты строк и столбцов таблицы сопряженности (соотнесенные пары субъектов) статистически значимыми (маргинально гомогенными) или случайными. Результаты теста показали, что существенных различий в частоте выбора каждой группой опрошенных (менеджерами, работниками и их представителями) трех приоритетных мотивов не наблюдается (экономические и коммерческие задачи, возможности обучения и развития умений, результаты деятельности).

⁵ Все три группы опрошенных выбрали повышение результативности как наиболее важный мотив применений концепции ИРМ «для организации в целом», в то время как получение конкурентного преимущества и наращивание инновационного потенциала были поставлены на второе и третье место соответственно. Различий по частоте выбора варианта «повышение результативности» в трех группах не наблюдалось (согласно тесту МакНемара маргинальные частоты являются статистически случайными, значения всех маргинальных распределений $p > 0,05$). Менеджеры выбирали «получение конкурентного преимущества» чаще, чем другие две группы опрошенных (соответственно $p = 0,049$ и $p = 0,039$); менеджеры также выбирали «наращивание инновационного потенциала» чаще, чем группа представителей работников ($p = 0,039$). Здесь и в дальнейших сравнениях следует обращать внимание на пропущенные значения многокомпонентных данных в группе представителей работников (>30%).

⁶ Тест МакНемара показал, что значительных различий в частоте выбора всеми тремя группами опрошенных трех приоритетных факторов не наблюдается (высокая степень активности работников, приверженность высшего руководства, лидирующая роль влиятельного руководителя).

Некоторые примеры (взяты из отчетов по изучению кейсов) трех приоритетных факторов представлены ниже (Oei⁷ и др., 2015a: 48).

1. Активность работников.

PL-EDUC-MED-SCHOOL-S необходимо было разработать новые образовательные программы. Главной движущей силой этого изменения стали работники: они активно участвовали в процессе обмена знаниями и официальном оформлении новых программ. Школа начала принимать активное участие в различных внешних проектах (в рамках своей сферы деятельности), поскольку работники выразили большую заинтересованность в предлагаемых преобразованиях.

2. Приверженность высшего руководства.

LT-SERV-POST-L внедрили концепцию ИРМ («День верности»), опирающуюся на желание руководства участвовать в инновационной деятельности. Предполагалось, что менеджеры будут посещать различные компании и собирать необходимую информацию у работников низшего звена. Поскольку руководящий состав уделял большое внимание этому процессу, компания извлекла значительный позитив из данного мероприятия.

3. Лидирующая роль влиятельного руководителя.

UK-CONST-BUILD-L. С момента назначения нового главного исполнительного директора в 2009 г. компания подвергалась длительному трансформационному процессу, связанному с традиционными отраслевыми практиками, сочетающими в себе высокие этические принципы, относящиеся к безопасности, экологии, прозрачность деятельности и качество.

2.4. Каковы последствия или ожидаемые результаты внедрения инноваций на рабочем месте?

Последствия инноваций, как и их направления, можно разделить на эффекты для организационной результативности и на эффекты для работников. Исследуются четыре типа результатов: эффекты для организаций, для менеджеров, для работников и для их представителей. В таблице 5 представлены результаты инноваций на рабочем месте для каждой из четырех категорий.

По мнению руководства, работников и их представителей, степень активности работников является для организации самым важным результатом внедрения инноваций на рабочем месте. Следом за ней идет долгосрочное устойчивое развитие⁷ с последующей высокой производительностью, ориентированностью на потребителя/клиента, результативностью и прибыльностью. Представители работников значительными результатами рассматривают установление позитивных трудовых отношений и рабочей атмосферы. Следует заметить, что для работников установление рабочей атмосферы менее значимо, нежели результативность труда, прибыльность и высокая производительность (в таблице 5 не отражено, см. Oei⁷ и др., 2015b: 28-29).

Самыми важными результатами для интересов руководства стали результативность и устойчивое развитие, для интересов работников — возможность обучения,

⁷ Тест МакНемара не выявил значительных различий в частоте выбора всеми тремя группами опрошенных (менеджеры, работники и их представители) двух приоритетных ожидаемых результатов (степень активности работников и долгосрочное устойчивое развитие), соответственно, мнения групп совпадают.

Таблица 5. Эффект от инноваций на рабочем месте, % компаний

Эффекты	Руководитель	Группа работников	Представители работников
Для организации			
Занятость работников	82	78	85
Долгосрочная устойчивость	73	64	62
Высокая производительность	67	56	59
Налаживание эффективного рабочего процесса	63	47	62
Для руководителей/интересов руководителей			
Эффективность	73	64	74
Больше устойчивости	71	60	62
Конкурентоспособность	65	53	59
Инновации / инновационный потенциал	61	47	59
Удовлетворенный клиент	61	53	59
Для работников/интересов работников			
Возможность обучения	71	67	59
Право высказать свое мнение, участие	59	56	59
Трудная, но интересная и активная работа	57	64	44
Безопасные для здоровья условия труда	43	49	56
Для представителей работников/интересов профсоюзов			
Право голоса работника	79	67	85
Устойчивая организация	56	33	50
Равенство, честность	35	33	41

(Source: Oeij и др., 2015b: 28-29).

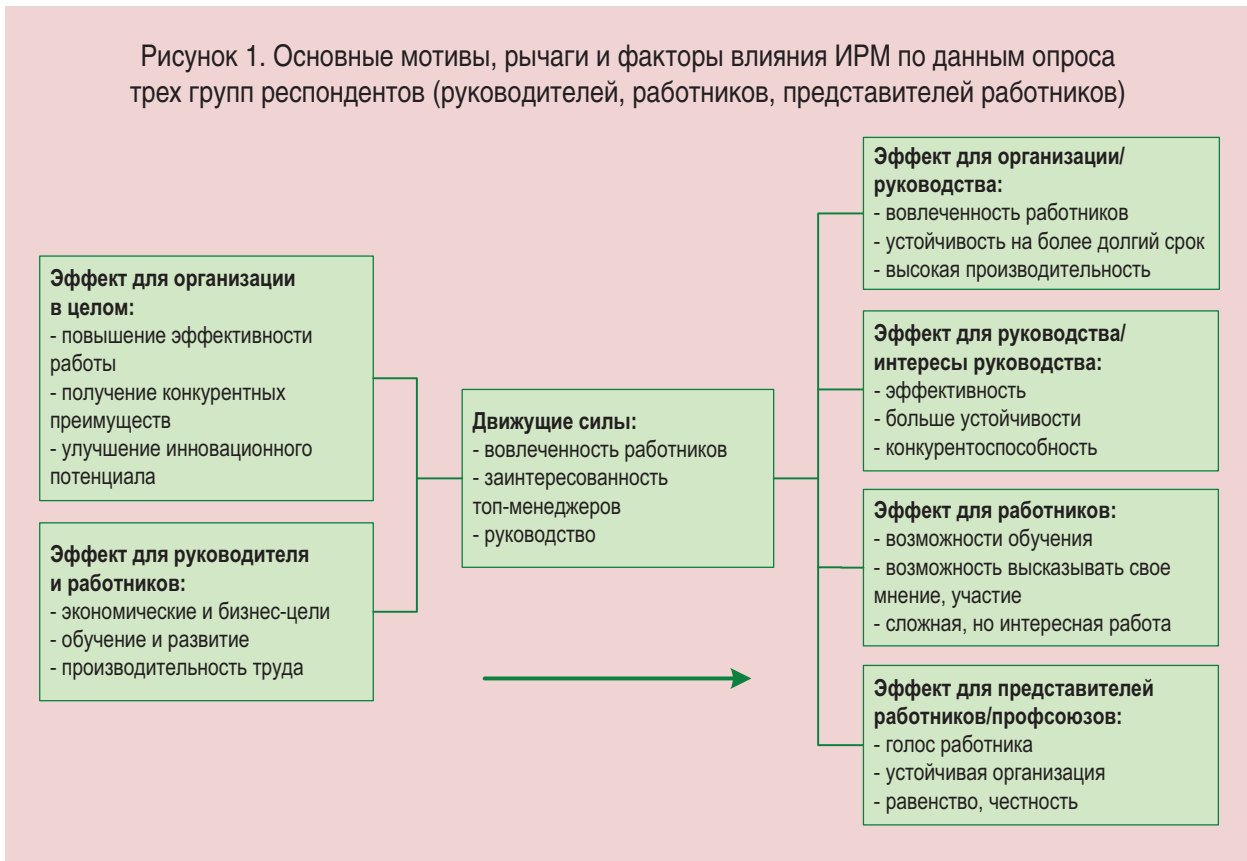
наличие права голоса и участие в работе организации, преодоление сложностей и качество выполняемой работы; для интересов представителей работников/профсоюзов – наличие у работников права голоса.

Когда мы обобщаем информацию о том, почему компании внедряют ИРМ, что они видят в качестве наиболее важных движущих сил в этом процессе и каковы будут ожидаемые результаты внедрения ИРМ для организации, руководителей, работников и представителей работников, становится понятно, что есть много общего в ответах трех групп респондентов. С учётом того, что внедрение ИРМ обусловлено экономическими целями и что участие сотрудников является ключевым фактором во внедрении ИРМ, становится интересным увидеть степень согласованности,

возникающую при изучении эффекта от ИРМ для организации, интересов руководителей, интересов работников и представителей работников. Все три актора рассматривают такие результаты, как:

- занятость работника (со значительным отличием от всех других факторов), длительная устойчивость и высокая эффективность в качестве наиболее важных эффектов для организации;
- эффективность, устойчивость и конкурентоспособность как важнейшие результаты для менеджеров;
- возможности обучения, право голоса/участия, сложные и важные задания как наиболее важные эффекты для работников;
- мнение работника как важнейший фактор для представителей работников.

Рисунок 1. Основные мотивы, рычаги и факторы влияния ИРМ по данным опроса трех групп респондентов (руководителей, работников, представителей работников)

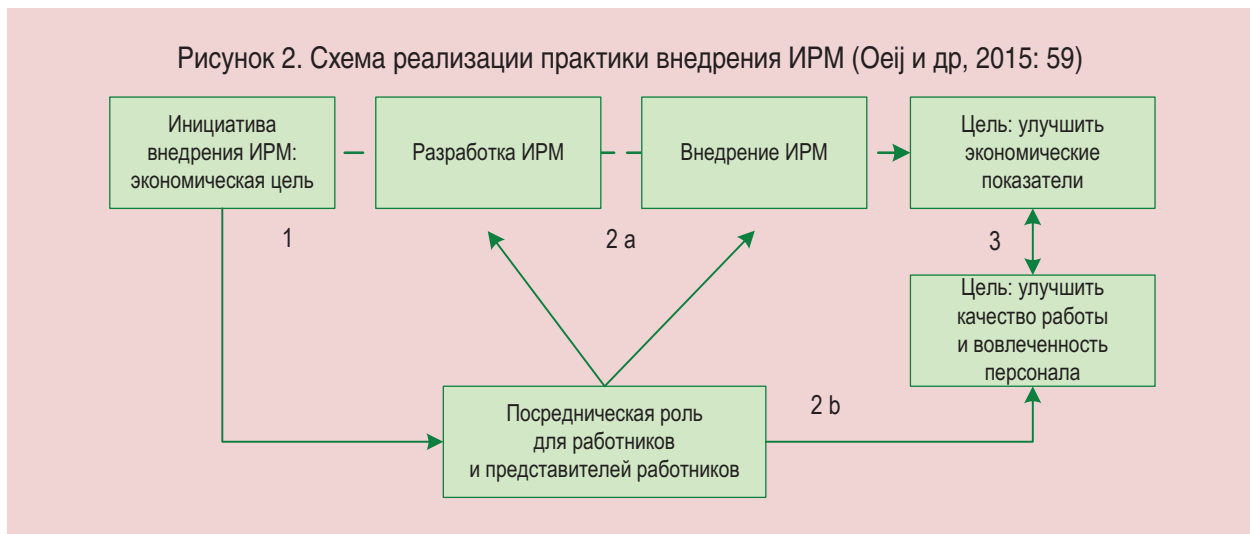

В процессе внедрения практик ИРМ во многих случаях конечные эффекты влияют на улучшение экономических показателей, занятость персонала и качество трудовой деятельности. Данные результаты представлены на *рис. 1*.

2.5. Как компании внедряют ИРМ?

Теперь, когда мы знаем мотивы и рычаги влияния ИРМ, рассмотрим вопрос «каким образом». Процесс инициирования, принятия и реализации практик ИРМ показывает общую закономерность. Как было сказано выше, компании выбирают различные пути, но внутри одной компании существует согласованность между руководителями, работниками и представителями работников о том, зачем вводить ИРМ, как это сделать и каких результатов нужно достичь. Исследование показывает, что часто инициатива внедрения ИРМ исходит от руководства компании

и что основной мотив для этого имеет экономические предпосылки. Как только решение принимается, работники объединяют усилия, чтобы помочь разработать и осуществить его. Консультирование представителей работников распространено среди тех компаний, которые выступают за обсуждение и продвижение интересов работника. Напомним, что наша выборка производилась из топ 5% базы данных Исследования европейских компаний, ранжированных по значению индекса ИРМ. Наш 51 кейс включает компании, у которых самый высокий индекс ИРМ. Многие из этих компаний уже давно и успешно внедряют ИРМ, и в результате исследований мы узнали, что они пришли к этому после многих лет работы. Нам представляется, что практики ИРМ, как правило, реализуются согласно общепринятой схеме (*рис. 2*).

1. Инициатива ИРМ часто имеет экономическую цель (см. 1 на рис. 2), хотя во многих случаях практики ИРМ направлены на достижение не одних только экономических целей. Нередко они сочетаются с организационными, квалификационными и кадровыми мерами. Многие практики ИРМ представляют собой сочетание мер, которые связаны с управлением персоналом, которые могут улучшить навыки и компетенции сотрудников и включают в себя инструменты поощрения и оценки результативности деятельности. Иными словами, там, где практики ИРМ направлены на достижение более чем одной цели, почти всегда имеется экономическая цель и очень часто она является доминирующей.

2. Как только инициатива ИРМ получает статус мероприятия или комплекса мер, которые необходимо воплотить в жизнь, тогда работники, и часто представители работников, играют важную роль в (совместном) проектировании, разработке и внедрении ИРМ (см. 2а на рис. 2). Руководство компании понимает, что обычно невозможно осуществить внедрение ИРМ без участия работников. Во-первых, эти меры нередко касаются работников и их интересов, а, во-вторых, руководство

понимает, что участие работников имеет решающее значение для поддержки и успешности реализации данных мер. Поскольку участие работников на стадии проектирования и реализации неразрывно связано с занятостью работника и, возможно, улучшением качества трудовой деятельности (как результат), существует непосредственная связь между целями, благоприятными для работников (см. 2а на рис. 2).

3. Улучшение экономических показателей часто не является прямым следствием внедрения ИРМ, в большинстве случаев оно происходит («опосредованно») при участии работников и представителей работников. Достижение экономических целей вполне может совпадать с целью повышения качества трудовой деятельности и занятости работников. И наоборот, повышение качества трудовой деятельности и вовлеченности сотрудников может способствовать улучшению экономических показателей (см. 3 на рис. 2).

Поэтому можно сделать вывод о том, что (изначальные) причины и мотивы внедрения ИРМ в основном экономического плана. На следующем этапе разрабатываются и осуществляются конкретные

практики ИРМ. Здесь становится очевидной важность роли, которую играют работники. Вовлеченность сотрудников – это важнейший стимулирующий фактор для принятия и реализации ИРМ. И здесь менеджеры, работники и представители работников также действуют в одном и том же направлении. Вовлеченность сотрудников является необходимым условием для ИРМ. Другие существенные стимулирующие факторы – это заинтересованность и руководство топ-менеджеров компании.

2.6. Примеры процесса внедрения ИРМ

Каждая компания внедряет ИРМ по-своему. Культурные различия показаны на примерах Великобритании, Дании и Литвы (Oeij и др., 2015а: 53-54). Пример Великобритании показывает, как руководство обеспечивает участие сотрудников, а пример Дании отражает поэтапный подход, который был согласован с профсоюзами. Пример Литвы показывает диалог между руководством и сотрудниками, что представляет собой относительно новое явление для региона.

Примеры:

Руководство

UK-ENER-ELEC-L: «Мы хотим, чтобы это был бизнес, в котором прислушиваются к различным мнениям и в котором общение является открытым и честным. Мы также хотим, чтобы это было рабочее место, где позитивные идеи приветствуются и достижения поощряются», – говорит начальник отдела кадров. Открытые форумы пришли на смену корпоративным совещаниям и предложениям, которые не всегда успешно пытались стимулировать открытый и конструктивный диалог и обратную связь. Открытое руководство генерального директора создает доверие, и сотрудники чувствуют уверенность в завтрашнем дне. По словам одного из них, «интересно, не правда ли, когда вы посещаете открытые форумы и люди говорят то, что думают и ни у кого не возникает желания развернуться и уйти... люди могут не соглашаться с тобой, но никто не будет тебя критиковать за то, что ты имеешь свою собственную точку зрения, потому что иметь собственную точку зрения поощряется. Думаю, это действительно вдохновляет и придает внутреннюю силу».

Партнерство с профсоюзами

DK-SERV-PARK-S: Организационные изменения обсуждаются руководителем и представителями профсоюза. Между ними существуют партнерские отношения, и каждый ценит мнение другого. Менеджер объясняет: «Хорошо, когда есть представители, которые не боятся высказать мнение, отличающееся от моего в конструктивном диалоге». Подход к реализации заключался в том, что 1) руководство взяло на себя инициативу, 2) внешние консультанты поддерживали процесс, 3) были проведены «эксперименты» (рабочие команды испытывали новые методы проведения встреч и т. п.), 4) «приглашение» получить одинаковое знание для всех (обучение) и 5) осуществление практик, но не обязательно везде одинаковых. Не была проведена оценка, но в процессе были внесены корректировки. Руководство и работники компании считают, что важно построить процесс таким образом, чтобы помочь найти «энтузиастов» среди работников. Представитель профсоюза объясняет: «Тот факт, что мы работаем вместе для создания отличного рабочего пространства, придает мощный импульс работе компании. ... Вот то, что сделало нас «лучшим местом работы» (датская премия) в 2004 году». Работники считают, что даже если руководство определяет направление, они должны пользоваться доверием, чтобы иметь возможность его обсуждать: «Должно быть совершенно законным открыто высказывать наше мнение менеджеру – и на практике дела обстоят именно так. Разногласия вполне могут быть, но должна быть возможность все обсуждать» (работник).

Диалог с персоналом

LT-ACCOM-HOTELS-S: Одна из практик ИРМ – Think Guest Feedback (совместная работа с отзывами клиентов) – заключается в том, что регулярно проводятся собрания руководителей среднего звена со всех отделов (фронт-офис, бронирование номеров, конференц-зал, лобби, ресторан, обслуживание номеров, маркетинг и др.), на которых обсуждаются рейтинги гостиницы на специальных социальных медиа-платформах, конкретные случаи обратной связи с клиентами и совместные действия, которые могли бы сделать проживание в гостинице более приятным (и отзыв, соответственно, более позитивным). Применяется техника «мозгового штурма» для определения того, как можно улучшить отзывы клиентов и коллективно решать проблемы; затем участники делятся этой важной информацией в своих подразделениях и используют ее в дальнейшей работе, предоставляют свои наблюдения и рекомендации в письменном виде по вопросам совершенствования работы гостиницы высшему руководству и делятся опытом друг с другом. Think Guest Feedback включает в себя, например, оперативное реагирование на отзывы клиентов (особенно, если они отрицательные), прежде чем клиенты покинут гостиницу, и постоянное организационное обучение на ошибках. Это подразумевает расширение прав и возможностей сотрудников, чтобы они могли не только решать возникающие проблемы, но чтобы каждый из них мог почувствовать себя владельцем бизнеса и проявлять инициативу в том, чтобы не дать клиентам получить негативный опыт. Поощрялись взаимное доверие, доброжелательность и уважение к представителям всех подразделений (не решать свои собственные проблемы за счет других) и между всеми уровнями управления. По словам генерального директора, несмотря на то что данная инициатива была введена недавно, но спустя несколько месяцев она уже дала положительные результаты.

Эти примеры показывают различия во взаимодействии между руководством, работниками и их представителями. Они признают, что сотрудничество между сторонами является основой для повышения эффективности работы.

3. Выводы и уроки для политики и практики компаний по внедрению ИРМ

В общем виде вывод по данному исследованию может быть представлен несколькими строками из (Oeij и др, 2015a: 62). Инициатива внедрения ИРМ исходит от руководства или владельцев компании. Лишь в немногих исследуемых компаниях первый шаг делают работники. Тем не менее руководство/владельцы поняли, что роль и участие работников и их представителей крайне важны для успешного внедрения ИРМ и в конечном счете для производительности и устойчивости компаний. Причины, по которым руководство решает внедрить ИРМ, в основном касаются эффективности,

конкурентоспособности и активизации инновационной деятельности. В ряде случаев решение руководства внедрить ИРМ вызвано такими факторами, как:

– кризис или трудности в деятельности компании, что требует значительных изменений, чтобы выжить и сохранить конкурентоспособность на быстро меняющемся и глобализующемся рынке, где традиционные продукты/услуги и способы работы требуют пересмотра и адаптации для удовлетворения потребностей все более требовательных клиентов;

– иногда к предыдущему фактору добавляется слияние (или присоединение) с другой (транснациональной) компанией, которая привносит новые формы организации труда и новые методы работы, системы и т. д., что включает в себя ИРМ. В этих случаях происходит своего рода «трансфер ИРМ» из головной организации в ее филиал.

В нескольких исследованиях стран Восточной Европы приватизация государственных предприятий и их последующая реорганизация служили в качестве фона для внедрения ИРМ, что осуществлялось с целью получения большей эффективности работы и вовлеченности сотрудников.

Представляется, что факторы, связанные с качеством работы и хорошими условиями труда, не являются основной причиной или мотивом для внедрения ИРМ, а в большей степени предпосылкой или результатом внедрения ИРМ. Это означает, что цель внедрения ИРМ – это не улучшение условий труда и рабочей среды как таковой и что для повышения активности работников и их вклада в производительность компании и инновационные процессы необходима хорошая рабочая среда.

Полученные результаты согласуются с экономическими исследованиями, которые подтверждают, что «организация важна» для производительности (Bloom и van Reenen, 2010), а также с исследованиями способов эффективной организации труда, которые тоже в основном придерживаются этого же мнения (Voxall, 2012). Следовательно, организации могут принимать стратегические решения, касающиеся их организационной структуры. Представляется, что внедрению ИРМ способствует укрепление положения работников и представителей работников: это может повысить эффективность практик ИРМ, которые, в свою очередь, могут улучшить экономические показатели и качество работы.

3.1. Некоторые рекомендации по проведению мероприятий в области ИРМ

Хотя инновации на рабочем месте достаточно распространены в Европе в качестве импульса для развития инновационного потенциала предприятий и организаций (см. EUWIN, European

Workplace Innovation Network⁸ – Европейская сеть инноваций на рабочем месте), по-прежнему необходимо уделять больше внимания улучшению рабочих мест. Причина этого заключается в том, что инновационный потенциал является одним из факторов экономического роста, высокого качества рабочей силы, более эффективных адаптационных возможностей и трудовых отношений, но мы знаем, что такое совершенствование и что инновации не могут быть построены исключительно на экономической модели, бизнес-модели и технологических инновациях. Необходимо обеспечить более эффективное использование человеческого потенциала для внедрения инноваций в рабочий процесс и для его эффективной организации, то есть обратить внимание на социальные инновации на рабочем месте (European Commission, август 2014). Некоторые рекомендации по данной сфере содержатся в исследовании Европейского фонда улучшения условий жизни и труда «Инновации на рабочем месте в европейских компаниях» (Workplace innovation in European companies) (Oeij и др., 2015a), но наиболее важные рекомендации предназначены для лиц, отвечающих за разработку и внедрение ИРМ, чтобы помочь работникам сделать ИРМ наиболее эффективными. Лица, отвечающие за разработку и внедрение ИРМ, могут сделать это тремя способами. В качестве условия они должны продвигать данную тему на более высокие уровни для обсуждения в ЕС и в своей стране, поскольку технологическим и бизнес-инновациям необходимо внедрение ИРМ, чтобы сделать их успешными и эффективными. Во-вторых, лица, отвечающие за разработку и внедрение ИРМ, могут улучшить программы

⁸ http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/policy/workplace/index_en.htm

поддержки бизнеса, которые помогают предприятиям и организациям в освоении практик ИРМ. В-третьих, лица, отвечающие за разработку и внедрение ИРМ, могут стимулировать разработку инструментов, с помощью которых компании могут оценить текущую ситуацию, разработать свои собственные практики ИРМ, получить поддержку в процессе их реализации и в оценке результатов внедрения ИРМ.

3.2. Рекомендации для практиков

ИРМ в нашем примере поддерживаются всеми, кто работает в компании: руководителями, работниками и представителями работников. Это прямой показатель хороших трудовых и межличностных отношений в компании, и результатом этого являются конструктивное сотрудничество, общение и эффективная совместная работа, сдерживание конфликтов и поиск общих интересов и целей. От работодателя это требует руководства и лидерского поведения, которые не только продвигают бизнес вперед, но и одновременно повышают доверие и вовлеченность сотрудников в работу. От работников это требует умения применять свои таланты для продвижения инноваций, содействия позитивным переменам и трудовой мотивации в целом. От представителей работников и профсоюзов это требует умения согласовывать интересы работников, предприятий и собственные интересы.

Выбор оптимальной практики ИРМ, как непростая задача, требует увязки стратегии компании с философией управления, а затем с ее структурой и культурой; а сделать это необходимо с учетом мнения руководства, работников и внешних заинтересованных сторон – профсоюзов, потребителей и т. д. Что же мы подразумеваем под этим? Во-первых, философия управления определяет стратегию с точки зрения достижения целей организации

«сверху вниз» или «снизу вверх». Эта же философия является основой для разработки структуры рабочих процессов. Опять же, можно выбрать подход «сверху вниз» или «снизу вверх» в вопросе о разделении труда и управлении этими рабочими процессами. Все это сводится к культуре организации, если взглянуть на стили руководства и способы вовлечения работников, которые могут быть в большей степени ориентированы на контроль выполнения, а не на обязательства выполнения работы, в зависимости от выбранного стиля руководства. В конечном счете это позволит определить, будет ли работник более активным или же он будет просто избегать рисков. Стратегия, структура и культура совместно образуют своеобразную причинно-следственную связь, или «систему». Простая реализация мер кадровой политики, учитывающей интересы работника, например конкурсы новаторских идей, беседы о результативности работы, ящик для предложений персонала, но оставляющих неизменной иерархическую структуру «сверху вниз», в долгосрочной перспективе принесет ещё больше разочарования, чем удовлетворения.

При разработке практик ИРМ следует учитывать этот «первопричинный» характер связи. Тем не менее трудно заранее оценить последствия внедрения ИРМ при использовании подобной практики, отчасти потому, что трудно предсказать результаты, отчасти потому, что взаимодействие ИРМ с другими организационными факторами – сложный процесс, и отчасти потому, что некоторые эффекты могут быть количественно оценены, а многие другие – не могут и остаются «качественные» оценки. Для того чтобы сделать правильное экономическое обоснование для практик ИРМ, в котором будет найден компромисс между количественными и качественными

асpekтами и с помощью которого можно будет учесть мнения различных заинтересованных сторон, работодатели и работники могут вместе применять поэтапный подход (Oeij, de Looze, ten Have, van Rhijn и др., 2012). В этом подходе работодатели и работники анализируют (перспективную) производительность и стратегию организации и увязывают это с возможностью внедрения ИРМ и их влиянием на производительность и качество работы. Найдя компромисс между достоинствами и недостатками, применяя диалоговый подход (Oeij, Wiezer, Elo, Nielsen и др., 2006: 258-259), можно организовать эффективную работу. Диалоговый подход означает, что во внимание принимаются точки зрения разных сторон.

3.3. Заключение

В данной работе мы попытались разобраться, почему ведущие ИРМ-компании

внедряют ИРМ, как они их реализуют и какие последствия ожидают. Компании, давно практикующие использование инноваций на рабочем месте, имеют развитые отношения между руководством и работниками и часто с представителями работников. Эти компании выстраивали такие отношения, возможно, в течение многих лет. Они понимают, что нужны друг другу в качестве заинтересованных лиц. Мы пытались подчеркнуть важность связи между стратегией, структурой и культурой и показать, что эти связи можно рассматривать как систему. Chandler говорил о том, что «структура следует за стратегией». В дополнение к этому мы хотели бы добавить, что культура следует за стратегией, так же как и структура. Таким образом, внедрение инноваций в рабочий процесс требует комплексного и целостного взгляда на изменения.

Авторы выражают благодарность за разрешение использовать материалы из книг:

Oeij P.R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Preenen P. Implementing Workplace Innovation Across Europe; Why, How and What? In: *European Work and Organisational Psychology in Practice*. Special issue on Workplace Innovation (2017).

Oeij P.R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Preenen P. Implementing Workplace Innovation Across Europe; Why, How and What? In: Oeij P., Rus D., Pot F. (Eds.) *Workplace Innovation – Theory, Research and Practice*. Series “Aligning Perspectives on Health, Safety and Well-Being”. Springer Science+Business Media: Dordrecht, 2017.

Литература

1. Achterbergh J., Vriens D. *Organizations. Social systems conducting experiments*. (2nd ed.; 1st ed. 2009). Berlin: Springer, 2010.
2. Bloom N., van Reenen J. Why do management practices differ across firms and countries? *Journal of Economic Perspectives*, 2010, no. 24 (1), pp. 203-224.
3. Boxall P. High-performance work systems: what, why, how and for whom? *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 2012, no. 50, pp. 169-186.
4. Boxall P., Macky K. Research and theory on high-performance work systems: progressing the high-involvement stream. *Human Resource Management Journal*, 2009, no. 19, pp. 3-23.
5. Christis J.H.P. Organization and job design: what is smart organizing? In: van Lieshout H.A.M., Polstra L., Christis J.H.P., Emans B.J.M. (Eds.). *Management of labour. Societal and managerial perspectives*. Groningen: Hanzehogeschool Groningen University of Applied Sciences, 2010. Pp. 39-71.

6. Dhondt S., Oeij P. Social innovation related to innovation in management studies. In: Howaldt J., Butzin A., Domanski D., Kaletka C. (Eds.). *Theoretical approaches to social innovation – A critical literature review*. Dortmund: SI-Drive [EU Seventh Framework Programme], 2014. September. Pp. 122-150. Available at: <https://webgate.ec.europa.eu/socialinnovationeurope/en/magazine/methods-and-tools/articles-reports/theoretical-approaches-social-innovation>.
7. Dhondt S., Pot F.D., Kraan K.O. The importance of organizational level decision latitude for well-being and organizational commitment. *Team Performance Management*, 2014, no. 20 (7/8), pp. 307-327.
8. Dhondt S., Preenen P., Oeij P., Corral A., Isusi I., Totterdill P., Karanika-Murray M. *European Company Survey: Construction of the Workplace Innovation Index and Selection of Companies*. Leiden: TNO, 2014.
9. Dhondt S., van Hootegem G. Reshaping workplaces: Workplace innovation as designed by scientists and practitioners. *European Journal of Workplace Innovation*, 2015, no. 1 (1), pp. 17-25.
10. Eeckelaert L., Dhondt S., Oeij P., Pot F., Nicolescu G.I., Webster J., Elsler D. *Review of workplace innovation and its relation with occupational safety and health: Literature review*. Bilbao: European Agency for Safety and Health at Work, 2012.
11. Kankaraš M., van Houten G. *Third European Company Survey 2013 - Overview report: Workplace practices - Patterns, performance and well-being*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
12. Kesselring A., Blasy C., Scopetta A. *Workplace Innovation. Concepts and indicators*. Brussels: DG Enterprise and Industry, 2014.
13. Howaldt J., Oeij P.R.A., Dhondt S., Fruytier B. Workplace innovation and social innovation: an introduction. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no.12 (1), pp. 1-12.
14. Kalmi P., Kauhanen A. Workplace innovations and employee outcomes: evidence from Finland. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, 2008, no. 47 (3), pp. 430-459.
15. MacDuffie J.P. The road to “root cause”: Shop-floor problem-solving at three auto assembly plants. *Management Science*, 1997, no. 43 (4), pp. 479-502.
16. Oeij P., de Looze M., ten Have K., van Rhijn G., de Graaf B.. From Productivity Strategy to Business Case: Choosing a Cost-Effective Intervention for Workplace Innovations. *JCC: The Business and Economics Research Journal*, 2012, no. 5 (2), pp. 171-184.
17. Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver, T. Social innovation, workplace innovation and social quality. *International Journal of Social Quality*, 2011, no. 1 (2), winter, pp. 31-49.
18. Oeij P., de Vroome E., Bolland A., Gründemann R., van Teeffelen L. Investing in workplace innovation pays off for SMEs: a regional innovation initiative from The Netherlands. *International Journal of Social Quality*, 2014, no. 4 (2), pp. 86-106.
19. Oeij P.R.A., Wiezer N.M., Elo A.-L., Nielsen K., Vega S., Wetzstein A., Żołnierczyk D. Combating psychosocial risks in work organisations: Some European practices. In: McIntyre S., Houdmont J. (Eds.). *Occupational health psychology: European perspectives on research, education and practice*, 2006, vol. 1, pp. 233-263.
20. Oeij P., Žiauberytė-Jakštienė R., Dhondt S., Corral A., Totterdill P., Preenen P. *Workplace Innovation in European companies*. Study commissioned by Eurofound. Luxemburg: Office for Official Publications of the European Communities, 2015a.
21. Oeij P., Žiauberytė-Jakštienė R., Dhondt S., Corral A., Totterdill P., Preenen P. *Workplace Innovation in European companies. Technical annex*. Dublin: Eurofound, 2015b. Available at: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef1540_-_technical_annex_-_third_european_company_survey_workplace_innovation_in_european_companies.pdf
22. Oeij P.R.A., Vaas F. Effect of workplace innovation on organisational performance and sickness absence. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no. 12 (1), pp. 101-129.
23. Pot F.D. Workplace innovation for better jobs and performance. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2011, no. 60 (4), pp. 404-415.
24. Pot F., Dhondt S., Oeij P. Social innovation of work and employment. In: Franz H-W., Hochgerner J. (Eds.). *Challenge Social Innovation*. Berlin: Springer, 2012. Pp. 261-274.
25. Pot F., Totterdill P., Dhondt S. Workplace innovation: European policy and theoretical foundation. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no. 12 (1), pp. 13-32.
26. Ramstad E. Promoting performance and the quality of working life simultaneously. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2009, no. 58 (5), pp. 423-436.

27. de Sitter L.U., den Hertog J.F., Dankbaar B. From Complex Organizations with Simple Jobs to Simple Organizations with Complex Jobs. *Human Relations*, 1997, no. 50 (6), pp. 497-534.
28. Totterdill P., Exton R. Defining workplace innovation: The Fifth Element. *Strategic Direction*, 2014, no. 30 (9), pp. 12-16.

Сведения об авторах

Пейтер Оуй – старший научный сотрудник, консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Schipholweg 77-89, 2316 ZL Leiden, The Netherlands, peter.oeij@tno.nl)

Стивен Дхондт – профессор, старший научный сотрудник, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Schipholweg 77, 2316 ZL Leiden, The Netherlands, steven.dhondt@tno.nl)

Рита Жяубярите-Якштиене – бакалавр, младший научный сотрудник, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Schipholweg 77-89, 2316 ZL, Leiden, The Netherlands, rita.ziauberytejakstiene@tno.nl)

Антонио Коррал – бакалавр экономики и предпринимательства, магистр делового администрирования; партнер-директор, IKEI Research and Consultancy, Parque Empresarial Zuatzu, Edificio Urumea, Planta (1ª E-20018 Donostia-San Sebastián, Gipuzkoa, Spain, acorral@ikei.es)

Петер Тоттердилл – профессор-консультант, директор, Кингстонский университет (Лондон), Университет Миколаса Ромериса (Вильнюс), Workplace Innovation Limited (54-56 High Pavement, Nottingham NG1 1HW, UK, peter.totterdill@ukwon.net)

Oeij P. R.A., Dhondt S., Žiauberytė-Jakštienė R., Corral A., Totterdill P.

Implementing Workplace Innovation across Europe: Why, How and What?

Abstract. Based on a 51-case study research in 10 EU Member States this article demonstrates the implementation of workplace innovation. Why do companies apply workplace innovation and what different strategies can be discerned? How do these companies implement workplace innovation interventions and who are involved in that process? Finally, what types of workplace innovation interventions are being implemented, and what is known about the (expected) effects. The article concludes that successful workplace innovation is interplay of management driven business goals and employee driven quality of work goals. The implication for both companies and policy makers is that constructive cooperation between management and employees is a key success factor for innovation, competitiveness and active jobs. We close by providing policy makers and practitioners with a few suggestions to improve the dissemination and implementation of workplace innovation respectively.

Key words: workplace innovation, implementation, European Union, European Company Survey.

References

1. Achterbergh J., Vriens D. *Organizations. Social systems conducting experiments*. (2nd ed.; 1st ed. 2009). Berlin: Springer, 2010.
2. Bloom N., van Reenen J. Why do management practices differ across firms and countries? *Journal of Economic Perspectives*, 2010, no. 24 (1), pp. 203-224.

3. Boxall P. High-performance work systems: what, why, how and for whom? *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 2012, no. 50, pp. 169-186.
4. Boxall P., Macky K. Research and theory on high-performance work systems: progressing the high-involvement stream. *Human Resource Management Journal*, 2009, no. 19, pp. 3-23.
5. Christis J.H.P. Organization and job design: what is smart organizing? In: van Lieshout H.A.M., Polstra L., Christis J.H.P., Emans B.J.M. (Eds.). *Management of labour. Societal and managerial perspectives*. Groningen: Hanzehogeschool Groningen University of Applied Sciences, 2010. Pp. 39-71.
6. Dhondt S., Oeij P. Social innovation related to innovation in management studies. In: Howaldt J., Butzin A., Domanski D., Kaletka C. (Eds.). *Theoretical approaches to social innovation – A critical literature review*. Dortmund: SI-Drive [EU Seventh Framework Programme], 2014. September. Pp. 122-150. Available at: <https://webgate.ec.europa.eu/socialinnovationeurope/en/magazine/methods-and-tools/articles-reports/theoretical-approaches-social-innovation>.
7. Dhondt S., Pot F.D., Kraan K.O. The importance of organizational level decision latitude for well-being and organizational commitment. *Team Performance Management*, 2014, no. 20 (7/8), pp. 307-327.
8. Dhondt S., Preenen P., Oeij P., Corral A., Isusi I., Totterdill P., Karanika-Murray M. *European Company Survey: Construction of the Workplace Innovation Index and Selection of Companies*. Leiden: TNO, 2014.
9. Dhondt S., van Hootehem G. Reshaping workplaces: Workplace innovation as designed by scientists and practitioners. *European Journal of Workplace Innovation*, 2015, no. 1 (1), pp. 17-25.
10. Eeckelaert L., Dhondt S., Oeij P., Pot F., Nicolescu G.I., Webster J., Elsler D. *Review of workplace innovation and its relation with occupational safety and health: Literature review*. Bilbao: European Agency for Safety and Health at Work, 2012.
11. Kankaraš M., van Houten G. *Third European Company Survey 2013 - Overview report: Workplace practices - Patterns, performance and well-being*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
12. Kesselring A., Blasy C., Scopetta A. *Workplace Innovation. Concepts and indicators*. Brussels: DG Enterprise and Industry, 2014.
13. Howaldt J., Oeij P.R.A., Dhondt S., Fruytier B. Workplace innovation and social innovation: an introduction. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no.12 (1), pp. 1-12.
14. Kalmi P., Kauhanen A. Workplace innovations and employee outcomes: evidence from Finland. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, 2008, no. 47 (3), pp. 430-459.
15. MacDuffie J.P. The road to “root cause”: Shop-floor problem-solving at three auto assembly plants. *Management Science*, 1997, no. 43 (4), pp. 479-502.
16. Oeij P., de Looze M., ten Have K., van Rhijn G., de Graaf B.. From Productivity Strategy to Business Case: Choosing a Cost-Effective Intervention for Workplace Innovations. *JCC: The Business and Economics Research Journal*, 2012, no. 5 (2), pp. 171-184.
17. Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver, T. Social innovation, workplace innovation and social quality. *International Journal of Social Quality*, 2011, no. 1 (2), winter, pp. 31-49.
18. Oeij P., de Vroome E., Bolland A., Gründemann R., van Teeffelen L. Investing in workplace innovation pays off for SMEs: a regional innovation initiative from The Netherlands. *International Journal of Social Quality*, 2014, no. 4 (2), pp. 86-106.
19. Oeij P.R.A., Wiezer N.M., Elo A.-L., Nielsen K., Vēga S., Wetzstein A., Źołnierczyk D. Combating psychosocial risks in work organisations: Some European practices. In: McIntyre S., Houdmont J. (Eds.). *Occupational health psychology: European perspectives on research, education and practice*, 2006, vol. 1, pp. 233-263.
20. Oeij P., Žiauberytė-Jakštienė R., Dhondt S., Corral A., Totterdill P., Preenen P. *Workplace Innovation in European companies*. Study commissioned by Eurofound. Luxemburg: Office for Official Publications of the European Communities, 2015a.
21. Oeij P., Žiauberytė-Jakštienė R., Dhondt S., Corral A., Totterdill P., Preenen P. *Workplace Innovation in European companies. Technical annex*. Dublin: Eurofound, 2015b. Available at: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef1540_-_technical_annex_-_third_european_company_survey_workplace_innovation_in_european_companies.pdf
22. Oeij P.R.A., Vaas F. Effect of workplace innovation on organisational performance and sickness absence. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no. 12 (1), pp. 101-129.

23. Pot F.D. Workplace innovation for better jobs and performance. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2011, no. 60 (4), pp. 404-415.
24. Pot F., Dhondt S., Oeij P. Social innovation of work and employment. In: Franz H-W., Hochgerner J. (Eds.). *Challenge Social Innovation*. Berlin: Springer, 2012. Pp. 261-274.
25. Pot F., Totterdill P., Dhondt S. Workplace innovation: European policy and theoretical foundation. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no. 12 (1), pp. 13-32.
26. Ramstad E. Promoting performance and the quality of working life simultaneously. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2009, no. 58 (5), pp. 423-436.
27. de Sitter L.U., den Hertog J.F., Dankbaar B. From Complex Organizations with Simple Jobs to Simple Organizations with Complex Jobs. *Human Relations*, 1997, no. 50 (6), pp. 497-534.
28. Totterdill P., Exton R. Defining workplace innovation: The Fifth Element. *Strategic Direction*, 2014, no. 30 (9), pp. 12-16.

Information about the Authors

P. R.A. Oeij – Senior Research Scientist, Consultant, Netherlands Organization for Applied Scientific Research (Schipholweg 77-89, 2316 ZL Leiden, The Netherlands, peter.oeij@tno.nl)

Steven Dhondt – Ph.D., Professor, Senior Research Scientist, Netherlands Organization for Applied Scientific Research (Schipholweg 77, 2316 ZL Leiden, The Netherlands, steven.dhondt@tno.nl)

Rita Žiauberytė-Jakštienė – Bachelor of Science, Junior Researcher, Netherlands Organization for Applied Scientific Research (Schipholweg 77-89, 2316 ZL, Leiden, The Netherlands, rita.ziauberytejakstiene@tno.nl)

Antonio Corral – Bachelor of Economics and Business Studies, Master of Business Administration, Partner Director, IKEI Research and Consultancy (Parque Empresarial Zuatzu, Edificio Urumea, Planta 1ª E-20018 Donostia-San Sebastián, Gipuzkoa, Spain, acorral@ikei.es)

Peter Totterdill – Ph.D., Visiting Professor at Kingston University, London, Visiting Professor at Mykolas Romeris University, Vilnius; Director, Workplace Innovation Limited (54-56 High Pavement, Nottingham NG1 1HW, UK, peter.totterdill@ukwon.net)

Статья поступила 29.08.2016

Развитие экобизнеса как подход к финансированию экологизации экономики

**Наталья Николаевна
ЯШАЛОВА**

Череповецкий государственный университет
162600, Россия, г. Череповец, пр. Советский, д. 10
natalij2005@mail.ru

**Дмитрий Александрович
РУБАН**

Южный федеральный университет
344019, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я линия, д. 43
ruban-d@mail.ru

Аннотация. Вопросы, связанные со становлением «зеленой» экономики, находятся в центре внимания российских и зарубежных ученых. В её формировании немалую роль играют источники финансирования природоохранной деятельности. В статье представлена характеристика бюджетного и внебюджетного финансирования охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется необходимости усиления частного финансового обеспечения экологически ориентированной деятельности, которое может осуществляться в рамках развития экологического предпринимательства. Цель статьи заключается в выявлении тенденций бюджетного и внебюджетного финансирования охраны окружающей среды и ресурсосбережения в Российской Федерации и теоретическом обосновании необходимости вовлечения бизнеса в финансирование природо-

Для цитирования: Яшалова, Н.Н. Развитие экобизнеса как подход к финансированию экологизации экономики / Н.Н. Яшалова, Д.А. Рубан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 219-237. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.12

For citation: Yashalova N.N., Ruban D.A. Development of green business as an approach to financing the greening of economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 219-237. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.12

охранных бизнес-идей в целях экологизации хозяйственной деятельности на региональном уровне. В работе использовались методы эмпирического и статистического исследования, систематизации и обобщения информации. С помощью методики SWOT-анализа выявлены слабые и сильные стороны экобизнеса, а также возможности и угрозы для его развития. В результате проведенного исследования систематизирована информация об источниках финансирования экологически ориентированной деятельности. Выявлены их преимущества и недостатки. Проанализированы статистические данные по финансовым аспектам охраны окружающей среды. Установлено, что финансирование экологических мероприятий в субъектах федерации осуществляется по остаточному принципу; большинство источников финансирования природоохранной деятельности являются недоступными для хозяйствующих субъектов; косвенная помощь в осуществлении экологически ориентированного хозяйствования абсолютно не находит применения. Материалы, представленные в работе, могут быть использованы органами государственной власти при разработке мер по активизации перехода регионов страны к «зеленой» экономике, а также найти применение в учебном процессе. Авторы пришли к выводу, что успешность перехода регионов России на устойчивый эколого-экономический путь развития напрямую зависит от развития на их территории малых и средних предприятий, осуществляющих инвестиции в деятельность, ориентированную как на получение доходов от производства экологически значимой продукции и оказания природоохранных услуг, так и на рациональное природопользование.

Ключевые слова: финансирование, охрана окружающей среды, «зеленая» экономика, экологический бизнес.

Введение. Мировой экономический кризис последних лет сформировал дополнительный стимул для перехода отечественной экономики на инновационный, экологически ориентированный путь развития, предполагающий уход от экспортно-сырьевой модели развития. Поставленные государством стратегические цели, связанные с рациональным потреблением природных ресурсов, не реализуются в полном объеме. Острота экологических проблем, природных и техногенных бедствий в субъектах Российской Федерации не снижается. К этим проблемам добавляются экономические и социальные, влияющие на уровень и качество жизни населения страны. Перечисленные факты свидетельствуют о значительном исчерпании действующей модели экономического развития. Для достижения роста и сохранения

благоприятной окружающей среды необходима новая модель экономики, которая будет ориентирована на повышение благосостояния населения и снижение экологических рисков.

Употребляемый в последние годы термин «зеленая экономика» уже не вызывает скептических сомнений у российских и зарубежных ученых и политиков, занятых поиском выхода мировых держав из системного кризиса. Именно она призвана стать новым вектором экономического развития всех стран мира, включая Россию. Это предполагает структурные сдвиги в хозяйственных системах страны в сторону развития экологически чистых видов деятельности, среди которых переработка отходов производства и потребления, развитие экологического земледелия, ведение устойчивого лесопользования, продвиже-

ние экологического туризма, активизация применения альтернативных источников энергии и др. Одним из основных фундаментальных источников, акцентирующих внимание на ключевых проблемах «зелёной» экономики, стало исследование известных английских экономистов Д. Пирса (*D. Pearce*), А. Маркандии (*A. Markandia*), Э. Барбьера (*E. Barbier*) под названием «Проект зелёной экономики» (1989) [22]. Из работ современных исследователей отметим прежде всего ту, в которой связываются представления о «зеленой» экономике, природном капитале и неолиберализме [12]. Группа бельгийских ученых анализирует понятие о «биоэкономике» и приходит к выводу, что ее развитие за счет инноваций находится под действием ряда специфических факторов [24]. В работе М. Ачеляну (*M.I. Aceleanu*) показано, что в «зеленой» экономике основную роль играют «зеленые» рабочие места и именно их создание обеспечивает устойчивое развитие [11]. Наконец, на примере китайского опыта показана взаимосвязь кризисных явлений на финансовом рынке и проблем окружающей среды [18].

Трактовка «зелёной» экономики в настоящее время не имеет полной и бесспорной формулировки. Соответствующая концепция пока ещё находится на начальной стадии разработки и не получила однозначной общественной оценки. В упрощенном понимании «зелёная» экономика представляет собой экономику с низкой углеродной составляющей, эффективно и рационально использующую природные ресурсы и отвечающую общественным интересам. Такая эколого-экономическая модель позволит сохранить, увеличить и восстановить природный капитал Земли. Стоит также отметить, что концепция «зелёной» экономики не заменяет идеи устойчивого развития, а,

наоборот, дополняет ее. Для достижения устойчивости, в том числе экологической, необходим корректный выбор экономических приоритетов¹.

Для перехода к «зеленой» экономике большое значение имеет финансовое обеспечение расходов, связанных с реализацией экологически направленных и ресурсосберегающих инвестиционных проектов во всех хозяйственных сферах. Надежные источники финансирования перехода к экологически ориентированной экономике позволят ускорить процессы снижения энергоемкости и природоемкости в субъектах Российской Федерации. Полноценное финансовое обеспечение является неотложной потребностью формирования «экологически чистой» экономики, а также одним из актуальных и сложных вопросов в решении проблемы достижения устойчивого регионального развития. Более того, в последнее время стала оформляться концепция устойчивого роста финансовых рынков и тесно связанные с ней представления о «зеленых» финансовых рынках [17]. Все сказанное предопределяет актуальность рассматриваемых в настоящей статье вопросов.

Цель работы заключается в выявлении тенденций бюджетного и внебюджетного финансирования охраны окружающей среды и ресурсосбережения в Российской Федерации и теоретическом обосновании необходимости вовлечения малого и среднего бизнеса в финансирование природоохранных бизнес-идей в целях экологизации хозяйственной деятельности на региональном уровне.

¹ Доклад ЮНЕП «Навстречу «зелёной экономике»: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности». 2011. — URL: http://www.unepcom.ru/wdownloads/ger_synthesis_ru.pdf.

Источники финансирования охраны окружающей среды. В рамках исследования под источниками финансирования природоохранной деятельности будем понимать стабильные пути и каналы получения денежных средств для реализации мер, связанных с экологизацией хозяйственной деятельности. В настоящее время выделяют достаточное количество бюджетных и внебюджетных источников финансирования эколого-экономического развития. Каждый из них имеет свои особенности, а также преимущества и недостатки.

Общие природоохранные затраты включают в себя прямые инвестиции в основной капитал, текущие расходы, капитальный ремонт основных производственных фондов, затраты органов исполнительной власти на содержание аппарата, занимающегося вопросами охраны окру-

жающей среды, затраты на научные исследовательские и опытно-конструкторские разработки, а также затраты на образование в сфере охраны окружающей среды. В последние годы, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, объем общих затрат на программы и мероприятия, связанные с охраной атмосферного воздуха, предотвращением изменения климата, сбором и очисткой сточных вод, обращением с отходами, защитой и реабилитацией земель, поверхностных и подземных вод, сохранением биоразнообразия и охраны природных территорий, в абсолютном выражении ежегодно возрастает. Однако в относительном выражении по отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП) наблюдается негативная тенденция. Так, удельный вес затрат на охрану окружающей среды по отношению к ВВП составил в 2000 г. 1,6%, а в 2015 г. – 0,7% (табл. 1).

Таблица 1. Природоохранные затраты в Российской Федерации, осуществляемые за счет всех источников финансирования

Показатели	Год										
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Объем затрат на охрану окружающей среды в фактически действовавших ценах, млрд. руб.	233,9	259,2	295,2	368,6	343,4	372,4	412,0	445,8	479,4	536,3	562,4
В том числе											
на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата	53,8	60,7	64,1	76,8	60,1	80,1	88,4	89,2	93,3	112,4	104,0
на сбор и очистку сточных вод	105,4	111,7	126,8	159,3	162,2	169,2	197,1	186,4	204,4	223,4	234,1
на обращение с отходами	22,7	26,1	28,2	40,3	38,8	41,5	44,2	41,0	51,6	61,8	68,5
на защиту и реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод	13,4	16,8	21,6	27,3	18,7	17,2	23,4	36,5	33,5	36,1	38,0
на сохранение биоразнообразия и охрану природных территорий	12,5	16,1	21,7	26,6	21,5	23,0	13,4	28,1	28,1	34,2	45,9
прочие	26,1	27,9	32,8	38,3	42,1	41,5	45,6	64,5	68,6	68,3	72,1
Объем затрат на охрану окружающей среды в % к ВВП	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7
Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru ; Ежегодные государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации». – URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php .											

Национальная финансовая политика в сфере рационального природопользования начала активно формироваться в конце 1980-х гг. в эпоху СССР, когда стали создаваться государственные внебюджетные экологические фонды для централизованного финансирования капитальных вложений в сфере охраны окружающей среды. Фонды были учреждены на трех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном. Основные источники поступления финансовых ресурсов – сборы и платежи за загрязнение окружающей природной среды, штрафы за нарушение природоохранных законов – расходовались по целевому назначению. Стоит отметить, что такая оптимистичная ситуация для финансирования охраны окружающей среды сохранялась недолго, и уже в начале XXI века все экологические фонды в Российской Федерации были упразднены. После ликвидации системы экологических фондов средства от платежей за негативное воздействие на окружающую среду стали поступать в федеральный бюджет и бюджеты субъектов федерации, где они перераспределялись и направлялись на решение государственных задач, в том числе не связанных с экологическими мероприятиями.

В настоящее время, согласно статье 162 Бюджетного кодекса Российской Федерации, основными получателями бюджетных средств являются бюджетные организации либо иные организации, деятельность которых финансируется за счет средств, выделенных из федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета или бюджета государственного внебюджетного фонда. Бюджетные средства могут предоставляться либо в рамках федеральных национальных проектов, либо в рамках программы конкурсного распределения инвестиционных ресурсов. Целевые программы считают одним из эффективных механиз-

мов финансирования бюджетных инвестиций. Программно-целевое финансирование позволяет связать конкретные цели и задачи, а также финансовое обеспечение бюджетной программы по срокам, направлениям реализации и исполнителям. В Российской Федерации бюджетные инвестиции в природоохранную деятельность за счет средств федерального бюджета осуществляются в соответствии с государственными программами. Основные одновременно реализуемые в настоящее время в субъектах страны государственные программы, имеющие экологоориентированную направленность, представлены в *таблице 2*.

Согласно аналитическим данным Министерства финансов Российской Федерации, связанным с исполнением федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы государства, динамика доли расходов на охрану окружающей среды в совокупных расходах консолидированного бюджета страны за период с 2005 по 2015 г. не превышала 0,2 п.п.

К преимуществам бюджетных ассигнований на природоохранные цели можно отнести: применение принципа адресного подхода; учет приоритетности реализуемых задач при отборе программных решений; исключительно целевой характер использования бюджетных средств; безвозмездность и безвозвратность предоставления денежных средств из бюджетов разных уровней бюджетной системы Российской Федерации; открытость программно-целевого финансирования расходов на экологически значимые проекты; выполнение количественных показателей (индикаторов) для определения эффективного использования бюджетных средств; минимизация проявления коррупционных действий в отношении расходования бюджетных средств.

Таблица 2. Основной перечень программ и подпрограмм по экологизации российской экономики

Цели программы	Подпрограммы
«Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 326) Объем бюджетных ассигнований – 289 млрд. руб.	
Снижение общей антропогенной нагрузки на окружающую среду на основе повышения экологической эффективности экономики Сохранение и восстановление биологического разнообразия России Повышение эффективности функционирования системы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды	Регулирование качества окружающей среды Биологическое разнообразие России Гидрометеорология и мониторинг окружающей среды ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы»
«Энергоэффективность и развитие энергетики» (утверждена постановлением Правительства РФ от 3.04.2013 № 512-р.) Объем бюджетных ассигнований – 28 659 млрд. руб.	
Развитие энергосбережения и повышение энергоэффективности Обеспечение потребности внутреннего рынка в надёжном, качественном и экономически обоснованном снабжении электроэнергией и теплом	Энергосбережение и повышение энергетической эффективности Развитие использования возобновляемых источников энергии
«Воспроизводство и использование природных ресурсов» (утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 322) Объем бюджетных ассигнований – 595 млрд. руб.	
Обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы Обеспечение рационального использования минерально-сырьевых ресурсов Обеспечение социально-экономических потребностей в водных ресурсах, охрана и восстановление водных объектов Обеспечение безопасности водохозяйственных систем и гидротехнических сооружений Обеспечение защищенности населения и объектов экономики от негативного воздействия вод Обеспечение и поддержание видового баланса охотничьих ресурсов в экосистемах наряду с увеличением ресурсного потенциала.	Воспроизводство минерально-сырьевой базы, геологическое изучение недр Использование водных ресурсов Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах
«Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 318) Объем бюджетных ассигнований – 262 млрд. руб.	
Сокращение потерь лесного хозяйства от пожаров вредных организмов и незаконных рубок Создание условий для рационального и интенсивного использования лесов при сохранении их экологических функций и биологического разнообразия, а также повышение эффективности контроля за использованием и воспроизводством лесов Обеспечение баланса выбытия и восстановления лесов, повышение продуктивности и качества лесов Повышение эффективности управления лесами.	Охрана и защита лесов Обеспечение использования лесов; Воспроизводство лесов; Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства на 2013–2020 годы».
Составлено по: Раздел «Государственные программы» на сайте Правительства России. – URL: http://government.ru/programs/	

Стоит отметить и недостатки прямого бюджетного финансирования, среди которых сложный и трудоемкий процесс привлечения бюджетных ассигнований; неувязанность бюджетных расходов на реализацию целевых программ с возможностями бюджетов всех уровней (в связи с этим может происходить сокращение финансирования государственных программ); отсутствие жестких обязательств государственного заказчика по финансированию целевых программ за счет бюджетных ассигнований, что не гарантирует наличие финансовых ресурсов; допускаемое смещение сроков и корректировка объемов бюджетного финансирования, которые приводят к частичной выполнимости целевых показателей государственных программ; несовершенство процедур оценки эффективности целевых программ с бюджетным финансированием в связи с отсутствием унифицированной методики.

Прямое, адресное финансирование природоохранных мероприятий осуществляется также за счет бюджетных субсидий. В случае их применения субъектам Российской Федерации нужно учитывать, что субсидии для экологически ориентированных целей могут действовать искаженно. Субсидия на природоохранные виды деятельности должна иметь конкретную цель, быть ограниченной по объему финансирования и по срокам использования. В иных случаях такой метод финансирования может активизировать развитие загрязняющих видов хозяйственной деятельности. Так, например, субсидии в сельском хозяйстве могут способствовать усиленному потреблению экосистемных услуг. Такая негативная практика сложилась в начале XXI в. в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Результатом выделенных для сельского хозяйства правительственных субсидий в размере более

320 млрд. долл. в год стало усиление деградации экосистем из-за избыточного применения пестицидов, удобрений, нерационального водопользования [1]. Еще одним примером отрицательного влияния природоохранных субсидий может стать опыт Швеции, являющейся лидирующей страной по продаже экомобилей. Выделенный этим государством солидный объем «зеленых» субсидий в виде налоговых льгот, скидок по автострахованию, денежных бонусов для потребителей существенно увеличил объем продаж автомобилей, использующих этанол. Однако, пересев на более экономичный транспорт, население страны стало больше и чаще ездить, что привело к увеличению выбросов углекислого газа [5].

Кроме того, учет природоохранных аспектов хозяйственной деятельности в принятии управленческих решений или, если говорить в более общем плане, экологизация менеджмента не только создают преимущества (главным из них является возможность более успешного позиционирования на рынке), но и выступают в качестве своего рода вызова. Реагировать на последний возможно, однако это требует достаточной гибкости всей управленческой структуры [8]. Наконец, нельзя не отметить результаты экономического моделирования, предпринятого известнейшим канадским ученым Р. Уинтером (*R. Winter*) [25]. Он убедительно показал, что инвестирование в развитие т.н. «чистых» технологий на самом деле дает совершенно обратный эффект. В частности, таким образом, как ни странно, происходит интенсификация т.н. «глобального потепления», а не замедление соответствующих процессов. Для России это исключительно важно учитывать, т.к. именно на ее территории ожидаемый эффект от «глобального потепления» весьма значителен, что является значительным риском для устойчивого развития.

Прямое бюджетное финансирование мероприятий по рациональному природопользованию, несомненно, является привлекательным финансовым ресурсом, но в то же время носящим ограниченный характер. На современном этапе в финансировании экологических и ресурсосберегающих мероприятий непосредственное участие принимают предприятия-природопользователи. Для получения экологического сертификата ИСО 14001, позволяющего улучшить имидж компании, активно работать с зарубежными партнерами, расширять присутствие продукции на внешних рынках, хозяйствующим субъектам необходимо внедрять систему экологического менеджмента. В его рамках компании выполняют инвестиционные обязательства по финансированию мероприятий природоохранной направленности, развивая при этом экологически ответственный бизнес. Стоит отметить, что собственники промышленных компаний воспринимают ресурсосберегающие технологии как экономически нерентабельные, поэтому процесс обновления основных фондов природоохранного

характера осуществляется предприятиями крайне медленно. В *таблице 3*, составленной по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, представлены сведения о природоохранных инвестициях.

Происходит постепенное снижение и без того низкого удельного веса природоохранных вложений к суммарному объему инвестиций в основной капитал. Такое соотношение между общим объемом капитальных вложений и инвестициями в охрану окружающей среды демонстрирует, что хозяйствующие субъекты не имеют нужной заинтересованности в улучшении экологической обстановки в субъектах Российской Федерации.

Собственные средства предприятия при его финансовой стабильности являются одним из надежных источников инвестиций в охрану окружающей среды. Стоит, однако, заметить, что при производственной или иной необходимости собственник предприятия может самостоятельно откорректировать стратегические цели и задачи компании, сократив при этом бюджет на экологические программы.

Таблица 3. Природоохранные инвестиции в Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)

Показатели	Год										
	2000	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Природоохранные инвестиции, млрд. руб.	22,3	68,2	76,9	102,4	81,9	89,1	95,7	116,4	123,8	158,6	151,8
Суммарный объем инвестиций в основной капитал, млрд. руб.	1165	4730	6716	8782	7976	9152	11035	12569	13256	13903	14556
Доля природоохранных инвестиций к суммарному объему инвестиций в основной капитал, %	1,9	1,4	1,1	1,2	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	1,1	1,0

Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: <http://www.gks.ru>.

Основным источником «длинных» денег на экологически значимые проекты в ведущих странах мира являются коммерческие банки. В нашей стране ситуация с кредитованием складывается противоположным образом: кредиты выдаются в незначительных размерах и в основном на финансирование надежных и быстрокупаемых (в течение 2–3 лет) инвестиционных проектов. Как правило, природоохранные проекты имеют длительный срок возмещения первоначальных инвестиций, ввиду того, что не приносят весомой прибыли при их реализации. В результате для предприятия получить кредит на экологические цели оказывается проблематичным. Также у российских банков высокий уровень процентных ставок, поэтому не каждый хозяйствующий субъект может выплатить наращенную сумму долга. Отечественные коммерческие банки абсолютно не нацелены на разработку и продвижение «зелёных» кредитов.

Зарубежная банковская практика (Германия, США, Великобритания, Австралия) демонстрирует открытие частных «зелёных», в том числе инвестиционных, банков для увеличения частных инвестиций в экологически значимую инфраструктуру [6]. Сотрудник Лондонской школы экономики Э. Кампильо (*E. Campiglio*) отмечает, что банковская сфера нуждается в регулировке, своего рода «настройке» на финансирование экобизнеса; требуется проведение специфической денежно-кредитной политики, осуществление которой в странах со значительным участием государства в экономике является более простой задачей в связи с наличием более широкого спектра доступных инструментов регулирования [13].

Решить проблему финансового обеспечения охраны окружающей среды и ресурсосбережения российским предприятиям

можно с помощью международных финансово-кредитных организаций. К числу наиболее известных из них относятся Международный банк реконструкции и развития (*International Bank for Reconstruction and Development*); Европейский банк реконструкции и развития (*European Bank for Reconstruction and Development*); Европейский инвестиционный банк (*European Investment Bank*); Международная финансовая корпорация (*International Finance Corporation*). Международные экологические фонды, такие как Глобальный экологический фонд (*Global Environment Facility*), Глобальный фонд климатического партнёрства (*Global Climate Partnership Fund*), Северная экологическая финансовая корпорация (*Nordic Environment Finance Corporation*), Зелёный фонд для роста (*Green for Growth*), предоставляют грантовую поддержку странам мира и льготные кредиты на финансирование природоохранных проектов. Преимуществами финансирования за счет средств международных организаций являются возможность получения инвестиционных ресурсов на льготных условиях (длительный период, низкие процентные ставки, крупные суммы) и строгий контроль за использованием денежных средств. Привлечение международных источников финансирования в субъектах Российской Федерации сдерживается на современном этапе политическими и экономическими рисками [4].

Помимо перечисленных источников финансирования экологически ориентированных мероприятий можно выделить косвенную экономическую помощь, которая осуществляется за счет различных льгот и преференций. Косвенное финансирование охраны окружающей среды целесообразно, на наш взгляд, называть финансовым стимулированием. Как правило,

к методам косвенного государственного стимулирования относятся различные налоговые льготы, инвестиционный налоговый кредит, налоговые каникулы, ускоренная амортизация основных фондов, таможенные льготы (пошлины, сборы) и другие меры. К неналоговым мерам поддержки экологизации хозяйственной деятельности можно отнести выдачу гарантий и поручительств на финансирование ресурсосбережения в субъектах Российской Федерации, льготное предоставление в аренду государственного или муниципального имущества, предоставление земельного участка под экологически значимое предприятие (например, завод по переработке твердых бытовых отходов).

Стоит отметить, что налоговое и таможенное законодательство Российской Федерации в незначительной мере учитывает экологический фактор при определении системы таможенных и налоговых льгот. Так, отечественная таможенная политика в отношении иностранного оборудования не создает стимулирующих условий для решения проблем в сфере рационального природопользования. При рассмотрении мер налогового стимулирования особое внимание стоит уделить ускоренной амортизации, которая позволяет налогоплательщику списывать на себестоимость продукции определенную стоимость капитальных вложений в более короткие сроки по сравнению с общеустановленными нормами. Применение ускоренной амортизации дает возможность ускорить процесс привлечения капитала с целью замены морально устаревших технологий на безотходное и энергосберегающее оборудование. Основным преимуществом амортизационных отчислений перед другими источниками финансирования природоохранной деятельности является то, что амортизационный фонд всегда существу-

ет у хозяйствующих субъектов и находится в полном распоряжении собственников предприятий.

Рассмотрев осуществление финансирования природоохранной деятельности, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, финансирование экологических мероприятий в субъектах страны осуществляется по остаточному принципу. Во-вторых, значительная часть источников финансирования природоохранной деятельности являются недоступными для хозяйствующих субъектов. В-третьих, косвенная помощь в осуществлении экологически ориентированного хозяйствования абсолютно не находит применения.

К сожалению, подобная ситуация в финансировании охраны окружающей среды в Российской Федерации сохраняется уже более четверти века и, по нашему мнению, ждать существенных улучшений в этом процессе в ближайшие годы не имеет смысла. В условиях экономического кризиса проблемы охраны лесов, водоемов, атмосферного воздуха, земель и пр. воспринимаются несколько упрощенно. При этом решение острых государственных проблем в экономике и национальной безопасности требует внимания не только к экологии самой по себе, а к экологизации экономических процессов, развитию экологически ориентированной деятельности. Так, на наш взгляд, особую роль в финансировании экологизации национальной экономики следует отвести субъектам малого и среднего предпринимательства.

Участие бизнеса в финансировании эколого-экономических проектов. Малый и средний бизнес за счет более быстрого реагирования на происходящие экономические изменения, как правило, способствует ускорению инновационных процессов в народном хозяйстве. По нашему мнению, авторов статьи, экологически ориентиро-

ванный или «зеленый» бизнес может стать приоритетным направлением стабильного регионального развития и решать одновременно экологические, социальные и экономические проблемы. Здесь важно отметить существенные трансформации в понимании ключевых подходов к управлению бизнесом. В частности, американскими специалистами Э. Лолером (*E.E. Lawler*) и К. Уорли (*C.G. Worley*) [21] показано, что именно экологические суждения в совокупности с экономическими (финансовыми) и социальными должны играть важную роль в современном управлении (в т.ч. предпринимательскими структурами). На то же самое обращается внимание в ряде других работ [7, 10]. В мировой и отечественной практике экобизнес с каждым годом становится все более конкурентоспособным и востребованным, ввиду того что потребители постепенно отдают предпочтение экологически чистой и качественной продукции. Как правило, «зеленый» бизнес направлен не только на получение доходов от производства экологически чистой продукции и оказания экологических услуг, но и на сохранение окружающей среды, сбережение природных ресурсов. В качестве примера можно привести экопросвещение, благоустройство территорий с учетом их экологических особенностей, применение альтернативных источников энергии, изготовление ресурсосберегающего оборудования, «зеленое» строительство, экотуризм и др.

В последние годы также постепенное развитие получают представления об экопредпринимательстве (*ecopreneurship* в англоязычной литературе). Первоначально они были сформулированы в работах австралийских [23] и американских [16] ученых, а позднее существенно дополнены [14, 15, 19, 20]. В трудах отмеченных специалистов развивается идея о том, что именно бизнес-сообщество является катализатором

экологизации экономики и одновременно выступает как его средство.

Основные принципы экологически ориентированного бизнеса зафиксированы в 1990 г. в документе Международной торговой палаты «Хартия предпринимательской деятельности в интересах устойчивого развития» (*ICC Business Charter for Sustainable Development*) [2]. В 1990-х гг. малый бизнес в Российской Федерации открывался в основном для ведения собственного дела. В настоящее время ситуация кардинальным образом меняется. Крупные хозяйствующие субъекты открывают малые предприятия, которые являются филиалами для головной организации, выполняя функции субподрядчиков или субпоставщиков. Статья 4 федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» указывает признаки, согласно которым хозяйствующий субъект относится к категории субъектов малого и среднего предпринимательства. Среди них суммарная доля участников бизнеса в уставном капитале, численность работников в организации, предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг).

Длительное время в субъектах Российской Федерации «процветал» малый бизнес, связанный с развитием розничной торговли. Однако в последние годы этот вид деятельности значительно сокращается. На смену мелкой розничной сети приходят крупные торговые сети. Медленными темпами бизнес перемещается из сферы торговли и обслуживания в сферу производства. Производственное предпринимательство является наиболее востребованным, но в то же время достаточно рискованным и сложным; следовательно, для его успешного развития необходим поиск новых бизнес-идей. На наш взгляд, особое внимание в этом процессе следует уделить проектам экологической направленности.

Экологически ориентированное предприятие нацелено на осуществление экологической (природоохранной, ресурсосберегающей) и экономической деятельности. В субъектах Российской Федерации возможности для ведения экобизнеса не задействованы в полном объеме. Экологически ориентированный производственный малый бизнес направлен в большей мере на производство научно-технических разработок, выпуск экопродукции, оказание экоуслуг. Примером могут служить выращивание органической сельскохозяйственной продукции, изготовление биотоплива, производство биодобров, переработка твердых бытовых отходов. Рассмотрим перечисленные виды деятельности более подробно.

1. Производство органической сельскохозяйственной продукции. Российские регионы имеют огромный потенциал для органического земледелия, которое с каждым годом приобретает все большую популярность. Экологически чистая продукция становится востребованной у населения, ведущего здоровый образ жизни. Приставка «эко» все чаще встречается в маркировании не только продовольственных, но и непродовольственных товаров. Однако стоит заметить, что в Российской Федерации до сих пор не выработано четких законодательных критериев для экопродукции. Потребитель в определенной степени должен верить или не верить изготовителю продукции, который в рекламных целях пользуется элементами экологического маркетинга.

Основная проблема отечественных производителей экологически чистой сельскохозяйственной продукции заключается в отсутствии отдельной нормативно-правовой базы по органическому земледелию. В Российской Федерации рассматривается проект закона о производстве органической сельскохозяйственной продукции,

в котором дается понятие такой продукции, рассмотрена система её контроля и сертификации, а также предложены меры государственной поддержки этого вида деятельности.

Некоторые российские регионы разработали собственную нормативную базу. Так, в частности, в Ульяновской области действует областной закон № 106-ЗО от 05.07.2013 г. «О мерах государственной поддержки производителей органических продуктов». Согласно документу, статус производителя органической продукции получает хозяйство, которое за предшествующий календарный год произвело не менее 50 % продукции, сертифицированной по требуемым стандартам. В этой ситуации регион берёт на себя половину затрат, связанных с сертификацией производителя, освобождает бизнес от налога на имущество, обеспечивает бесплатное обучение по производству органической продукции и др.

Немногим позже Краснодарский край принял закон № 2826-КЗ от 01.11.2013 г. «О производстве органической сельскохозяйственной продукции в Краснодарском крае». В нормативном акте указывается, что производство органической продукции должно строиться на принципах предупреждения и минимизации загрязнения окружающей среды, отказа от применения генетически модифицированных организмов, сохранения и поддержания почвенного плодородия. Производители органической продукции могут получить государственную поддержку, включая методическое, информационное и консультационное сопровождение, а также страхование возможных рисков при производстве продукции.

В качестве примера бизнеса по производству биоорганической сельскохозяйственной продукции можно выделить частные фермерские хозяйства: «Вкуснятина

из Деревни» (Рязанская область), «Андреевское Подворье» (Оренбургская область), «Картошино» (Тверская область), «Первая Экоферма Кубани» (г. Краснодар), «Алеховщина» (Ленинградская область), «Живое поле» (Ленинградская область), «ДИК» (Калужская область) и др. Большинство из фермеров стараются создать небольшие предприятия по переработке продукции.

2. *Производство топливных гранул, брикетов, щепы.* В последние годы во всем мире наблюдается стремительное развитие биоэнергетики – отрасли электроэнергетики, основанной на применении биотоплива. Экологически чистый бизнес по производству топливных пеллет становится все более востребованным. Как правило, для производства пеллет используют отходы от деревообрабатывающих производств. Также источником сырья для экобизнеса может выступать шелуха подсолнечника, зерновые отходы, солома и другие отходы. Экологически ориентированный бизнес по производству альтернативного топлива имеет значительные шансы на успех, т.к. твердотопливные гранулы имеют широкую сферу применения – отопление помещений для нужд жилищно-коммунального хозяйства, выработка электроэнергии на электростанциях.

Рынок пеллет в Российской Федерации ориентирован преимущественно на экспорт, от 70 до 80% произведенной продукции вывозится в европейские страны. Основные предприятия по пеллетному бизнесу сосредоточены в Северо-Западном федеральном округе и в Красноярском крае. Наиболее известными являются ООО «БиоЭкспорт» (г. Архангельск), ООО «Вологдабиоэкспорт» (г. Великий Устюг, Вологодская область), ООО «Выборгская лесопромышленная компания» (Ленинградская область), ООО «Грин Энерджи» (Новгородская область) и др.

Следует отметить, что экобизнес по производству топливных гранул, брикетов и щепы наиболее рентабелен при наличии таких условий, как близость хозяйствующего субъекта к источникам сырья, рынкам сбыта, транспортным путям. Эти факторы позволяют существенно снизить транспортные расходы на доставку.

3. *Производство биоудобрений.* Перспективным видом «зеленого» бизнеса, особенно для сельской местности, может стать производство органических удобрений. Сильной конкуренции по этому виду экологического предпринимательства в субъектах Российской Федерации не наблюдается. Высокоэффективные экологически чистые удобрения могут производиться на основе помета домашних животных и птиц, древесных опилок, отходов сельскохозяйственных культур, ила, озерного сапропеля, торфа, нефтешлама и др. Спрос на биологические удобрения зависит от темпов развития экологического земледелия. Известными производителями органических удобрений в Российской Федерации являются ООО «НПО «Грин-ПИКЪ» (Владимирская область), ООО «Биоген» (г. Владивосток), ООО «Дубрава люкс» (Краснодарский край), ООО «Биогран» (Калужская область), ООО «Органическое Земледелие» (Тульская область).

4. *Производство по переработке твердых бытовых отходов.* Традиционный подход к утилизации отходов (контейнер – свалка – рекультивация) является малоэффективным. Токсичный мусор негативно влияет на состояние окружающей среды и здоровье населения. В регионах Российской Федерации в течение нескольких последних лет наблюдается значительный интерес предпринимателей к сбору и переработке вторичного сырья (пластмасс, стеклотары, алюминиевых банок, бумажной и текстильной макулатуры, электронного мусора). Так, например, бывшая в употреб-

лении полиэтиленовая тара служит сырьем для производства флекса, из которого в дальнейшем может изготавливаться химическое волокно. Макулатура представляет отличную основу для производства строительных и теплоизоляционных материалов. Технология переработки алюминиевых банок позволяет получить чистый алюминий. Источником железа, меди, алюминия, стекла является различный электронный мусор.

Стоит отметить, что проблема роста твердых бытовых отходов с каждым годом возрастает [3]. Количество бытовых отходов, приходящихся на одного жителя Российской Федерации, составляет более 300 кг. Поэтому к бизнесу, связанному с переработкой отходов, органы государственной власти и городских администраций относятся крайне позитивно. Одна из трудностей в этом виде «зеленого» бизнеса связана с сортировкой отходов. Интерес у населения к сортировке бытового мусора

практически отсутствует, поэтому, в первую очередь, необходимо строительство сортировочных комплексов.

Для разработки мероприятий по активизации финансирования и развития «зеленого» бизнеса необходимо выявить и проанализировать основные факторы, влияющие на развитие экологически ориентированного предпринимательства в субъектах Российской Федерации. В зарубежной и отечественной практике для оценки факторов внутренней и внешней среды бизнеса особенно часто применяется метод стратегического планирования – SWOT-анализ. Применение данного метода позволяет оценить «силу», «слабость», «возможности» и «угрозы» (*Strengths, Weaknesses, Opportunities, Threats*) определенного вида деятельности. Обозначим основные преимущества и недостатки экологического предпринимательства на основе проведенного SWOT-анализа (табл. 4). С его помощью можно определить наиболее

Таблица 4. Матрица SWOT-анализа экологически ориентированного бизнеса

Сильные стороны (<i>Strengths</i>)	Возможности (<i>Opportunities</i>)
Небольшой стартовый капитал Прямые контакты с партнерами Высокая мотивация труда Более гибкая реакция на научно-технические достижения Поддержка региональными и местными органами власти Незначительная конкуренция Возможность применения упрощенной системы налогообложения Наличие «зеленого» имиджа	Перспективы роста до уровня большого бизнеса Пропаганда природоохранных мероприятий Усиление научных и технологических разработок в сфере экоинновационных технологий Возможность занять лидирующие позиции в мировом производстве экологически чистой продукции Соблюдение международных экологических стандартов Реализация федеральных, региональных и местных программ, связанных с рациональным природопользованием.
Слабые стороны (<i>Weaknesses</i>)	Угрозы (<i>Threats</i>)
Нехватка квалифицированных кадров для ведения бизнеса Недостаток материальных и финансовых ресурсов для открытия собственного дела Сложности при разработке проектно-сметной документации на строительство предприятий Ограниченные возможности для диверсификации бизнеса Проблема сертификации продукции Сложность решения организационных вопросов Низкая эффективность государственной инновационной политики Отсутствие единой статистической и информационной базы по экологическому предпринимательству	Высокая вероятность разорения Административные барьеры Нестабильность экономической ситуации Проблема сбыта продукции мелкими партиями Более высокая стоимость продукции по сравнению с традиционными технологиями
Источник: составлено авторами.	

перспективные действия для органов государственной власти в контексте активизации «зеленого» бизнеса.

Факторы развития экологически ориентированного бизнеса можно условно разделить на две большие группы: позитивного и негативного воздействия. С учетом выявленных сильных и слабых сторон, возможностей и угроз можно предложить ряд рекомендаций по стимулированию развития «зеленого» бизнеса в субъектах Российской Федерации:

1. Экономические меры (механизм ценообразования на экопродукцию и экоуслуги, финансовое обеспечение «зеленого» вида хозяйственной деятельности, экологизация налоговой политики и др.).

2. Институциональные меры (разработка и внедрение нормативных актов по «зеленому» бизнесу, государственная поддержка экологического предпринимательства, повышение инвестиционной привлекательности экобизнеса, решение проблемы дефицита квалифицированных кадров, предоставление муниципального имущества в долгосрочную аренду и др.).

3. Административные меры (разрешение на строительство объектов экологической направленности, подключение к коммуникациям и др.).

Практически любой производственный бизнес, включая экобизнес, требует стартового капитала. Из нашего многолетнего опыта преподавания и в российских вузах учебных курсов, связанных с бизнес-планированием и созданием нового предприятия, можно сделать вывод, что большинство начинающих и даже действующих предпринимателей не знают о программах, направленных на поддержку малого бизнеса в российских регионах. Зачастую выявляется неосведомленность и непрофессионализм слушателей в вопросах об альтернативных источниках финансиро-

вания малых предприятий, о действующих льготах и преференциях для малого бизнеса, возможностях обращения в органы государственной власти с собственными законодательными инициативами. Выясняется также, что многие бизнесмены не знают о возможностях государственно-частного партнерства (ГЧП), хотя, на наш взгляд, именно эта форма взаимодействия бизнеса и государства может существенно активизировать развитие в субъектах Российской Федерации экологически ориентированного бизнеса. Так, например, объектом ГЧП в Ярославской области стали высокотехнологичные мощности по переработке отходов. В Ставропольском крае проблема несанкционированных свалок будет решена с помощью создания в рамках ГЧП до 18 мусороперегрузочных станций для осуществления первичной обработки отходов. Строительство двух мусороперерабатывающих заводов на условиях государственно-частного партнерства ведется в Новосибирской области. Достаточно активную позицию в отношении строительства полигонов твердых бытовых отходов (ТБО) в рамках концессионных соглашений занимают Краснодарский край, Республика Крым и другие субъекты Российской Федерации².

Особо важным видится отметить тот факт, что осознание необходимости реализации экологически ориентированных инициатив представителями как малого и среднего бизнеса, так и государственной власти напрямую определяется экологической культурой и уровнем экологической образованности общества (изучение т.н. «*public awareness*», и в частности «*business awareness*», в отношении окружающей среды является одним из наиболее динамичных

² Единая информационная система государственно-частного партнерства в РФ. — Режим доступа: <http://www.pppi.ru/otrasl/zhkh-utilizaciya-othodov>

направлений социо-экономических исследований во всем мире). В частности, данный вопрос подробно рассмотрен в трудах российского ученого В.А. Ячменева [9]. Следовательно, стимулирование роста экобизнеса в значительной степени определяется инвестициями (прежде всего государственными) в соответствующие образовательные (в т.ч. в форме популяризации СМИ) проекты. Это тем более важно для России, где уровень интереса граждан к экологическим вопросам, как представляется, невысок и ограничивается лишь весьма поверхностными суждениями.

Заключение. Таким образом, в последние годы происходят значительные изменения, связанные с пониманием содержания окружающей среды и ее роли для общества. Во многих странах стала складываться комплексная экологическая политика, проводимая государством во всех сферах хозяйственной деятельности, активизируется переход к «зеленой» экономике. Инновационный экологически ориентированный путь развития является, на наш взгляд, одним из основных направле-

ний выхода Российской Федерации из системного кризиса. Основу экологически ориентированной экономики должны составлять инновации, т.к. без участия инновационных ресурсосберегающих технологий невозможно повысить эффективность распределения и потребления природных ресурсов. Крупные отечественные компании («Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «РусГидро», «Северсталь», «Мечел» и др.) в ходе реализации разработанных ими экономических стратегий активно внедряют природоохранные программы, а также корпоративные стандарты экологического менеджмента. Однако для большинства из них охрана окружающей среды не является главной целью и основным источником получения прибыли. Поэтому основными проводниками создания экологического или «зеленого» сектора экономики, на наш взгляд, должны стать предприятия малого и среднего бизнеса. Без вовлечения их в финансирование и реализацию бизнес-идей экологической направленности невозможно перейти от сырьевой к ресурсосберегающей экономике.

Литература

1. Бобылев, С.Н. «Зелёная» экономика и модернизация. Эколога-экономические основы устойчивого развития [Текст] / С.Н. Бобылев, В.М. Захаров // Бюллетень ЦЭПР «На пути к устойчивому развитию России». – 2012. – № 60. – 90 с.
2. Вершинина, С.В. Экологическое предпринимательство как важнейшее направление экологизации регионального развития [Текст] / С.В. Вершинина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 1. – С. 128-131.
3. Гулин, К.А. Проблема отходов в России и ее территориальные особенности [Текст] / К.А. Гулин // Проблемы развития территории. – 2016. – № 4. – С. 7-23.
4. Зайцева, В.В. Партнерство Всемирного Банка в международном инвестиционном сотрудничестве с Российской Федерацией на региональном уровне [Текст] / В.В. Зайцева // Вестник РАЕН. – 2015. – № 6. – С. 99-102.
5. Игнатъева, А.А. «Зелёная» экономика: практический вектор устойчивого развития или политический компромисс? [Текст] / А.А. Игнатъева // Россия в окружающем мире: аналитический ежегодник. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – 292 с. – С. 28-60.
6. Пахомова, Н.В. Структурные преобразования в условиях формирования «зелёной» экономики: вызовы для российского государства и бизнеса [Текст] / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, Г.Б. Малышков // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3. – С. 7-15.

7. Рубан, Д.А. Экологизация организационного менеджмента: перспективы и проблемы [Текст] / Д.А. Рубан // Особенности теории и практики управления в условиях развития социально-ориентированной экономики. Ред. В. Н. Некрасов. Ростов-на-Дону, Юрио РАНХиГС, 2014. – С. 6-13.
8. Рубан, Д.А. Экономический кризис, глобальные изменения климата и современный менеджмент [Текст] / Д.А. Рубан // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2012. – № 2. – С. 3-7.
9. Ячменев, В.А. К вопросу о концепции формирования экологической культуры [Текст] / В.А. Ячменев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 157-159.
10. Ячменев, В.А. Направленность эволюционных процессов и управление [Текст] / В.А. Ячменев // Социум и власть. – 2016. – № 2. – С. 104-110.
11. Aceleanu, M.I. Green jobs in a green economy: Support for a sustainable development [Text] / M.I. Aceleanu // Progress in Industrial Ecology. – 2015. – V. 9. – P. 341-355.
12. Boehnert, J. The Green Economy: Reconceptualizing the Natural Commons and Natural Capital [Text] / J. Boehnert // Environmental Communication. – 2016. – V. 10. – P. 395-417.
13. Campiglio, E. Beyond carbon pricing: The role of banking and monetary policy in financing the transition to a low-carbon economy [Text] / E. Campiglio // Ecological Economics. – 2016. – V. 121. – P. 220-230.
14. Costea-Dunarintu, A. Ecopreneurship [Text] / A. Costea-Dunarintu // Quality - Access to Success. – 2016. – V. 17. – P. 340-342.
15. Dixon, S.E.A. Ecopreneurship - A new approach to managing the triple bottom line [Text] / S.E.A. Dixon, A. Clifford // Journal of Organizational Change Management. – 2007. – V. 20. – P. 326-345.
16. Isaak, R. The making of the ecopreneur [Text] / R. Isaak // Greener Management International. – 2002. – V. 38. – P. 81-91.
17. Janicka, M. Financial markets and the challenges of sustainable growth [Text] / M. Janicka // Comparative Economic Research. – 2016. – V. 19. – P. 27-41.
18. Jia, X. New approaches to the green economy of China in the multiple crises [Text] / X. Jia, Q. Sun, Y. Gao // Energy Procedia. – 2011. – V. 5. – P. 1365-1370.
19. Kearins, K. Making Sense of Ecopreneurs' Decisions to Sell Up [Text] / K. Kearins, E. Collins // Business Strategy and the Environment. – 2012. – V. 21. – P. 71-85.
20. Kirkwood, J. What motivates ecopreneurs to start businesses? [Text] / J. Kirkwood, S. Walton // International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research. – 2010. – V. 16. – P. 204-228.
21. Lawler, E.E. Designing organizations for sustainable effectiveness [Text] / E.E. Lawler, C.G. Worley // Organizational Dynamics. – 2012. – V. 41. – P. 265-270.
22. Pearce et al. Blueprint for a Green Economy [Text], Earthscan Publications Limited, 120 Pentonville Road, London NI 9JN, UK. – 1989.
23. Schaper, M. The essence of ecopreneurship [Text] / M. Schaper // Greener Management International. – 2002. – V. 38. – P. 26-30.
24. Van Lancker, J. Managing innovation in the bioeconomy: An open innovation perspective [Text] / J. Van Lancker, E. Wauters, G. Van Huylenbroeck // Biomass and Bioenergy. – 2016. – V. 90. – P. 60-69.
25. Winter, R.A. Innovation and the dynamics of global warming [Text] / R.A. Winter // Journal of Environmental Economics and Management. – 2014. – V. 68. – P. 124-140.

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Яшалова – доктор экономических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (162600, Россия, г. Череповец, пр. Советский, д. 10, natalij2005@mail.ru)

Дмитрий Александрович Рубан – доктор философии (международная степень), кандидат геолого-минералогических наук, Южный федеральный университет (344019, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я линия, д. 43, ruban-d@mail.ru)

Статья поступила 09.08.2016

Yashalova N.N., Ruban D.A.

Development of Green Business as an Approach to Financing the Greening of Economy

Abstract. The issues of green economy development are in the focus of attention of Russian and foreign scientists. Its formation was influenced by environmental activities financing sources. The article presents the description of budgetary and extra-budgetary environmental protection financing. Special attention is paid to the need to strengthen private financial support of environmentally determined activities, which can be implemented as part of development of ecopreneurship. The purpose of this article is to identify the trends in budgetary and extra-budgetary environmental protection financing and resource conservation in the Russian Federation and to rationalize theoretically the necessity of business participation in financing of environment-related business ideas, which is aimed at supporting the greening of economic activity at the regional level. The methods of empirical and statistical research, systematization and generalization of information have been used. SWOT analysis has identified the strengths and weaknesses of green business, as well as the opportunities for and threats to its development. The study systematizes the information on the sources of financing of environment-related activities, identifies their strengths and weaknesses, and analyzes statistical data on financial aspects of environmental protection. It has been established that the financing of environmental activities in the regions is carried out according to the residual principle; most of the sources of environment financing are unavailable to economic entities; indirect assistance in the implementation of environment-related management finds absolutely no application. The material presented in this paper can be used by public authorities in the development of measures to facilitate the transition to green economy and may also be applicable in the educational process. The authors conclude that the successful transition of Russian regions to the path of sustainable economic development depends on the development in their territories of small and medium enterprises investing in activities focused on environment-related production revenues, environmental services and environmental management.

Key words: financing, environmental protection, green economy, green business.

References

1. Bobylev S.N., Zakharov V.M. "Zelenaya" ekonomika i modernizatsiya. Ekologo-ekonomicheskie osnovy ustoichivogo razvitiya [Green economy and modernization. Ecological and economic fundamentals of sustainable development]. *Byulleten' TsEPR "Na puti k ustoichivomu razvitiyu Rossii"* [Bulletin of the Center for Russian Environmental Policy "Towards sustainable development of Russia"], 2012, no. 60, 90 p. (In Russian).
2. Verzhinina S.V. Ekologicheskoe predprinimatel'stvo kak vazhneishee napravlenie ekologizatsii regional'nogo razvitiya [Ecological business as the major direction of the regional development's ecologization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2010, no. 1, pp. 128-131. (In Russian).
3. Gulin K.A. Problema otkhodov v Rossii i ee territorial'nye osobennosti [Waste issues and their regional specifics in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 4, pp. 7-23. (In Russian).
4. Zaitseva V.V. Partnerstvo Vsemirnogo Banka v mezhdunarodnom investitsionnom sotrudnichestve s Rossiiskoi Federatsiei na regional'nom urovne [World Bank partnership in international investment cooperation with the Russian Federation at the regional level]. *Vestnik RAEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 2015, no. 6, pp. 99-102. (In Russian).
5. Ignat'eva A.A. "Zelenaya" ekonomika: prakticheskii vektor ustoichivogo razvitiya ili politicheskii kompromiss? [Green economy: a practical shaping force for sustainable development or a political compromise?]. *Rossiya v okruzhayushchem mire: analiticheskii ezhegodnik* [State of Russia in the surrounding world], 2011, pp. 28-60. (In Russian).

6. Pakhomova N.V., Rikhter K.K., Malyshkov G.B. Strukturnye preobrazovaniya v usloviyakh formirovaniya “zelenoi” ekonomiki: vyzovy dlya rossiiskogo gosudarstva i biznesa [Structural transformations in the context of “green” economy formation: challenged for the Russian state and business]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2012, no. 3, pp. 7-15. (In Russian).
7. Ruban D.A. Ekologizatsiya organizatsionnogo menedzhmenta: perspektivy i problemy [Greening of organizational management: prospects and problems]. *Osobennosti teorii i praktiki upravleniya v usloviyakh razvitiya sotsial'no-orientirovannoi ekonomiki* [Specifics of the theory and practice of management in the conditions of development of socially-oriented economy], 2014, pp. 6-13. (In Russian).
8. Ruban D.A. Ekonomicheskii krizis, global'nye izmeneniya klimata i sovremennyi menedzhment [Economic crisis, global climate change and modern management]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics], 2012, no. 2, pp. 3-7. (In Russian).
9. Yachmenev V.A. K voprosu o kontseptsii formirovaniya ekologicheskoi kul'tury [Revisiting the concept of eco-culture formation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2013, no. 7, pp. 157–159. (In Russian).
10. Yachmenev V.A. Napravlennost' evolyutsionnykh protsessov i upravlenie [Directivity of evolutionary processes and guidance]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2016, no. 2, pp. 104–110. (In Russian).
11. Aceleanu M.I. Green jobs in a green economy: Support for a sustainable development. *Progress in Industrial Ecology*, 2015, volume 9, pp. 341-355.
12. Boehnert J. The Green Economy: Reconceptualizing the Natural Commons and Natural Capital. *Environmental Communication*, 2016, volume 10, pp. 395-417.
13. Campiglio E. Beyond carbon pricing: The role of banking and monetary policy in financing the transition to a low-carbon economy. *Ecological Economics*, 2016, volume 121, pp. 220-230.
14. Costea-Dunaru A. Ecopreneurship. *Quality – Access to Success*, 2016, volume 17, pp. 340-342.
15. Dixon S.E.A., Clifford A. Ecopreneurship – A new approach to managing the triple bottom line. *Journal of Organizational Change Management*, 2007, volume 20, pp. 326-345.
16. Isaak R. The making of the ecopreneur. *Greener Management International*, 2002, volume 38, pp. 81-91.
17. Janicka M. Financial markets and the challenges of sustainable growth. *Comparative Economic Research*, 2016, volume 19, pp. 27-41.
18. Jia X., Sun Q., Gao Y. New approaches to the green economy of China in the multiple crises. *Energy Procedia*, 2011, volume 5, pp. 1365-1370.
19. Kearins K., Collins E. Making Sense of Ecopreneurs' Decisions to Sell Up. *Business Strategy and the Environment*, 2012, volume 21, pp. 71-85.
20. Kirkwood J., Walton S. What motivates ecopreneurs to start businesses? *International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research*, 2010, volume 16, pp. 204-228.
21. Lawler E.E., Worley C.G. Designing organizations for sustainable effectiveness. *Organizational Dynamics*, 2012, volume 41, pp. 265-270.
22. Pearce et al. *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan Publications Limited, 1989.
23. Schaper M. The essence of ecopreneurship. *Greener Management International*, 2002, volume 38, pp. 26-30.
24. Van Lancker J., Wauters E., Van Huylbroeck G. Managing innovation in the bioeconomy: An open innovation perspective. *Biomass and Bioenergy*, 2016, volume 90, pp. 60-69.
25. Winter R.A. Innovation and the dynamics of global warming. *Journal of Environmental Economics and Management*, 2014, volume 68, pp. 124-140.

Information about the Authors

Natal'ya Nikolaevna Yashalova – Doctor of Economics, Associate Professor, Cherepovets State University (10, Sovetskii Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation, natalij2005@mail.ru)

Dmitrii Aleksandrovich Ruban – Philosophiae Doctor, Ph.D. in Geology and Mineralogy, Southern Federal University (43, 23 Liniya Street, Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation, ruban-d@mail.ru)

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.13

УДК 94 (47), ББК 63.3(2)6

© Безнин М.А., Димони Т.М.

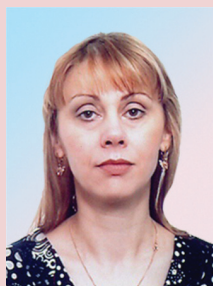
К вопросу о типе экономического строя СССР*

БЕЗНИН

Михаил Алексеевич

Вологодский государственный университет
160001, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
beznin@uni-vologda.ac.ru

ДИМОНИ

Татьяна Михайловна

Вологодский государственный университет
160001, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
dimonitm@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о характеристике типа экономического устройства Советского Союза. По мнению авторов, современная историография оказалась сегодня в тупике попыток найти ответ на данный вопрос. Абсолютным большинством исследователей признается, что экономический строй СССР был социалистическим со всеми вытекающими из этого «положительными» и «отрицательными» моментами. В статье предложено характеризовать тип экономического устройства советского периода через анализ соотношения таких важнейших факторов производства, как труд и капитал. Этот анализ авторы проводят, опираясь на данные межотраслевых народнохозяйственных балансов СССР за 1970–1980-е гг. Данный источник впервые вводится в научный оборот, ранее он принадлежал к категории «секретных». В поисках ответа на вопрос о типе экономического строя СССР авторы обращаются к материалам таблиц об общих пока-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341-а «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

Для цитирования: Безнин, М.А. К вопросу о типе экономического строя СССР / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 238–250. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.13

For citation: Beznin M.A., Dimoni T.M. Revisiting the type of economic system in the USSR. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 238–250. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.13

зателях народного хозяйства за 1980–1986 гг., удельном весе живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за 1975–1985 гг., а также о соотношении численности рабочих СССР, занятых механизированным и ручным трудом, за 1975–1985 гг. Данные приведенных таблиц продемонстрировали серьезную разницу между отраслями в соотношении затрат труда и капитала: в промышленности роль капитала была выше, а в сельском хозяйстве не превышала половины от всех затрат труда. В целом же уровень затрат живого труда в материальных отраслях производства СССР был несколько выше, чем уровень затрат капитала. Еще одним важным индикатором для характеристики типа экономического строя является приведенное авторами описание соотношения ручного и механизированного труда в народном хозяйстве страны. В промышленности и строительстве доля тех, кто работал при помощи машин и механизмов, приближалась к 2/3 работавших, тогда как в сельском хозяйстве не превышала 1/3. Приведенные в статье данные позволяют продвинуться вперед в постановке и разрешении вопроса о типе экономического строя СССР, хотя сам вопрос так и остается открытым.

Ключевые слова: экономика СССР, социально-экономический строй СССР, балансы народного хозяйства.

Особенностью современного этапа общественно-научного осмысления экономического устройства СССР является рост внимания к малоосвещенным в современной историографии характеристикам советского типа хозяйствования. В научной литературе рассматривается динамика развития народного хозяйства, смена отраслевых пропорций экономики, территориальное размещение, эффективность работы предприятий, изучаются система пятилетнего планирования, экономические реформы, история экономической мысли и т.д. Объектом внимания становится и ряд макроэкономических характеристик СССР [1; 11; 12; 15; 18; 20]. Осмысление советской истории развивается по нескольким векторам, часть из которых имеет довольно давнюю традицию. Первый — культивировался во времена СССР, он хорошо известен и связан с презентацией истории страны как поступательных этапов построения социализма. Второй — сформировался за рубежом в исследовательских центрах русской эмиграции (например, Мюнхенском институте по изучению истории и культуры СССР)

и советологических центрах США и Западной Европы. Этот подход был связан с поиском негативных сторон в советском социализме и также не выработал новых концептуальных ориентиров. Продолжили этот подход современные западные историки [10; 13]. Третий вектор — поиск новых объяснительных схем истории СССР—России. На этом поле и были высказаны мысли об истории СССР как страны, развивающейся по пути госкапитализма. Идеи о роли государственного капитализма в истории нашей страны впервые концептуально сформулировал В.И. Ленин. С 1918 г. он постоянно говорил о неизбежности капитализма в «известной мере», о том, что его надо использовать, «особенно направляя в русло государственного капитализма». По сути дела, в ленинском понимании советское государство начала 1920-х гг. — это государственный капитализм в сочетании с диктатурой пролетариата. Без государственного капитализма (этого «преддверия» в материальном, экономическом, производственном плане) Ленин не видел пути в социализм. До середины 1920-х гг. идея о построении

госкапитализма в СССР довольно живо обсуждалась, однако с 1925 г. речь о задаче формирования государственно-капиталистического уклада в экономике советской России была прекращена. Тем не менее в мировой общественной мысли 1930–1980-х гг. присутствовало довольно частое мнение, что Советский Союз является страной государственного капитализма. О перерождении (деформации) советской системы в государственный капитализм стали писать с середины 1930-х гг. приверженцы Л. Троцкого и зарубежные авторы (Э. Голдман, Т. Клифф, Й. Шумпетер и др.). Они вкладывали в этот разговор в основном критические оценки, связывая процесс развития советского госкапитализма с созданием «нового класса государственных капиталистов» и эксплуатацией ими трудящихся СССР (см., например, Т. Клифф «Государственный капитализм в России», 1947). Новая волна доказательств того, что советская экономика была госкапиталистической, связана с разработкой в 1970–1980-е гг. миросистемного подхода И. Валлерстайном и влиятельностью этой теории. В миросистемном подходе И. Валлерстайна, в концепции государственного капитализма А. Каллиникоса, разработках П. Тейлора, К. Чейз-Данна, П. Биннса утверждается, что страны государственного социализма были частью мировой экономической системы капитализма [6; 7; 17; 19; 21]. В начале XXI в. и в российской историографии появились рассуждения о государственном капитализме в СССР [14; 16].

Однако в преобладающем большинстве работ по социально-экономической истории нашей страны вовсе не ставится вопрос об экономическом строе Советского Союза. По умолчанию признается, что он был социалистическим со всеми вытекаю-

щими из этого «положительными» и «отрицательными» моментами. Тенденция отхода российской историографии от политико-экономического ракурса освещения процессов хозяйственного развития страны не случайна – отсутствие внимания к такого рода сюжетам связано с политической конъюнктурой, незаинтересованностью основных общественно-политических сил в пересмотре имеющихся политико-экономических схем трактовки советского экономического устройства.

Вместе с тем, на наш взгляд, задача выхода на новый уровень обобщенных исследований советского типа экономики является крайне актуальной с точки зрения научной и практической значимости произошедших в постсоветское время перемен. Заклинания о социалистичности социально-экономического устройства России периода существования СССР, некапиталистичности основных фондов, отсутствии рыночных механизмов, классических финансовых инструментов и т.д. (а значит, и неизучение этих вопросов) становятся большим тормозом в развитии российской общественной науки, увеличивая ее отставание от мировых исследовательских тенденций.

Авторы данной статьи проделали в последнее десятилетие работу по изучению аграрного строя советской России 1930–1980-х гг. [2; 3; 4]. Выполненные исследования привели к выводу о капитализации российской деревни 1930–1980-х гг.: процессах накопления капитала, возрастания роли этого фактора в сравнении с другими факторами производства, прежде всего живым трудом. Последнее выявлено на основании такого агрегированного показателя советской статистики, как себестоимость сельхозпродукции (рассчитывалась на основе затрат живого труда и капитала на про-

изводство продукции). Изучение процессов капитализации деревни показало различную роль хозяйственных укладов в этом процессе. Через государственный уклад (совхозы, МТС) государство апробировало разные схемы капитализации и раскрестья-нивания, а колхозный уклад сыграл ключевую роль в процессах первоначального накопления капитала в стране. Осуществленный через колхозы повинностный тип эксплуатации позволил произвести масштабное выкачивание средств из сельского хозяйства. Перемена укладного устройства села, когда на первый план в величине капиталов, производимой продукции выходят совхозы (это произошло в 1970–1980-е годы), свидетельствовала о форсированных процессах складывания государственного капитализма в сельском хозяйстве. Происходившие экономические перемены приводили к социальному переструктурированию села, формированию новых социальных классов. На основании экономических и правовых параметров авторы описали классовое устройство сельскохозяйственного социума как пятичленное с наличием классов протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата. Анализ аграрного строя России 1930–1980-х годов позволил прийти к выводу о складывании госкапиталистического устройства в российской деревне.

Целью данной статьи является введение в научный оборот не использовавшихся ранее источников, которые служат важным подспорьем в реализации новых подходов к изучению типа экономического устройства СССР. Задачи статьи состоят в апробации источников, позволяющих выявить соотношение факторов производства в советском экономическом механизме (прежде всего, живого труда и капитала). Речь идет, в частности, о балансах народного хозяйства, а также о межотраслевых народ-

нохозяйственных балансах¹. Межотраслевые балансы народного хозяйства СССР имеют большое значение для историка. **Межотраслевой баланс** (метод «затраты-выпуск») — экономико-математическая балансовая модель, характеризующая межотраслевые производственные взаимосвязи в экономике страны. Он характеризует связи между выпуском продукции в одной отрасли и затратами, расходом продукции всех участвующих отраслей, необходимым для обеспечения этого выпуска. Межотраслевой баланс составлялся в денежной и натуральной формах и представлял собой таблицу, в которой был отражен процесс формирования и использования совокупного общественного продукта в отраслевом разрезе. Таблица показывала структуру затрат на производство каждого продукта и структуру его распределения в экономике [5].

Истоки этого метода восходили к работам советских экономистов и статистиков 1920-х гг. Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым в Берлине. Русскую версию его статьи под названием «*Баланс народного хозяйства СССР*» опубликовал журнал «Плановое хозяйство» в № 12 за 1925 год. Учёный показал, что коэффициенты, выражающие связи между отраслями экономики, достаточно стабильны и их можно прогнозировать.

Впервые межотраслевой баланс был разработан в СССР в 1959 году. Работа была выполнена в ЦСУ СССР силами отдела межотраслевого баланса под руководством

¹ История развития балансового метода в СССР описана в статье: Безнин М.А., Димони Т.М. Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки. — Вологда, 2016. — №. 1/16. — С. 6-11.

М.Р. Эйдельмана. Это был первый в мире отчетный межотраслевой баланс в натуральном выражении (по 157 продуктам) и отчетный межотраслевой баланс в стоимостном выражении (по 83 отраслям)². Данные баланса были частично опубликованы в 1961 году³, а полностью гриф секретности с этого документа снят в 2008 году⁴. Первые плановые межотраслевые балансы в стоимостном и натуральном выражении построены в 1962 г. Далее работы были распространены на республики и регионы. По данным за 1966 г. межотраслевые балансы были построены по всем союзным республикам и экономическим районам РСФСР. Советскими учеными были созданы заделы для более широкого применения межотраслевых моделей (в том числе динамических, оптимизационных, натурально-стоимостных, межрегиональных и др.). Часть балансовых материалов была опубликована с грифом «для служебного пользования»⁵.

Наиболее общие основные показатели баланса народного хозяйства за 1980-е годы представлены в *таблице 1*. В них характеризуются совокупный общественный продукт, производства средств производства и предметов потребления, национальный доход, основные фонды и материальные затраты, а также материалоемкость совокупного общественного продукта. Все эти характеристики важны для исследования типа экономического устройства общества.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 1430.

³ Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. — М.: Госстатиздат, 1961. — С. 103-151.

⁴ Об этом рассказал Председатель Статкомитета СНГ В.Л. Соколин: «Я не знаю, в силу чего М. Эйдельман его в свое время засекретил» в выступлении на международной научно-практической конференции «Межотраслевой баланс — история и перспективы», г. Москва, 15 апреля 2010 г.

⁵ Основные показатели баланса народного хозяйства: стат. сборник. — М., 1987.

Одной из частей данных балансов был межотраслевой баланс затрат труда, представлявший собой экономическую таблицу, в которой процесс производства продукции (услуг) и взаимосвязи между отраслями были выражены в затратах труда. Данные межотраслевого баланса затрат труда позволяли определить общие размеры затрат живого и овеществленного труда на производство отдельных продуктов (услуг), установить соотношения этих затрат по каждой отрасли в отдельности. Показатели затрат овеществленного труда по каждой отрасли определялись на основе данных о затратах живого труда отрасли, распределявшихся пропорционально использованию продукции данной отрасли в других отраслях. Каждая строка межотраслевого баланса затрат труда показывала, как распределялись затраты живого труда на производство продукции данной отрасли между всеми отраслями, потреблявшими ее продукцию, а также на конечное потребление и валовое капиталобразование. Если рассматривать данные баланса по вертикали, то эти же затраты труда выступали уже как затраты прошлого труда, овеществленного в продукции, использовавшейся отдельными отраслями в промежуточном потреблении. Кроме того, по вертикали в каждой колонке были показаны затраты живого труда. В итоге по каждой группе отраслей получалась сумма затрат живого и овеществленного труда на производство продукции по каждой отрасли (совокупные затраты труда). Основным источником информации для составления межотраслевого баланса затрат труда являлись данные межотраслевого баланса и данные статистики труда⁶.

⁶ Баланс затрат труда, межотраслевой // Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. — М., 1997.

Таблица 1. Основные показатели баланса народного хозяйства за 1980–1986 гг. (в фактически действовавших ценах)

Показатели	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Совокупный общественный продукт, млрд. руб.	1079	1123	1237	1293	1346	1384	1426
Конечный общественный продукт, млрд. руб.	535	565	607	638	666	684	701
Производство средств производства (I подразделение), млрд. руб.	678	697	791	825	860	886	923
Производство предметов потребления (II подразделение), млрд. руб.	401	426	446	468	486	498	503
Произведенный национальный доход, млрд. руб.	462	487	524	548	570	579	587
В том числе:							
оплата труда	225	236	248	258	264	272	284
прибавочный продукт	237	251	276	290	306	307	303
Произведенный национальный доход на душу населения, руб.	1741	1818	1940	2012	2074	2084	2096
Национальный доход, используемый на потребление и накопление, млрд. руб.	454	478	513	536	559	569	576
В том числе:							
фонд потребления	345	365	379	393	407	419	428
фонд накопления	109	113	134	143	152	150	148
Национальный доход, использованный на потребление и накопление, на душу населения, руб.	1710	1785	1900	1968	2032	2049	2056
Национальное богатство (без стоимости земли, недр и лесов), на конец года, млрд. руб.	2732	2913	3127	3330	3537	3738	3933
Все основные фонды (включая скот), на конец года, млрд. руб.	1747	1857	1975	2101	2236	2373	2516
В том числе:							
производственные основные фонды	1158	1237	1322	1411	1505	1600	1695
непроизводственные основные фонды	589	620	653	690	731	773	821
Материальные производственные затраты, млрд. руб.	617	636	713	745	776	805	839
В том числе:							
затраты предметов труда (сырья, материалов, топлива и др.)	542	536	628	654	678	697	723
амортизация*	75	80	85	91	98	108	116
Материалоемкость совокупного общественного продукта, копеек на 1 рубль общественного продукта:							
включая амортизацию*	57,1	56,7	57,6	57,6	57,6	58,2	58,8
без амортизации*	50,2	49,5	50,8	50,5	50,3	50,4	50,7
* Амортизация, включая недоамортизированную стоимость основных фондов. Источник: Основные показатели баланса народного хозяйства: стат. сборник. – М., 1987. – С. 7.							

Рассмотрим один из таких источников, характеризующих важные стороны завершения капитализации в СССР в конце существования «социалистического» типа хозяйствования (табл. 2).

Материалы данной таблицы характеризуют динамику удельного веса затрат живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за относительно небольшой период — последнее доперестроечное десятилетие. Рассчитаны они по данным меж-

отраслевого баланса затрат труда СССР. Этот расчет, как показывает примечание к таблице 2, произведен на основе показателей отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции в фактически действовавших ценах соответствующих лет. Согласно этим расчетам, по всем отраслям материального производства соотношение живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда выглядит очень стабильным за анализиру-

Таблица 2. Удельный вес живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за 1975–1985 гг. по данным межотраслевого баланса затрат труда СССР* (в процентах к итогу совокупных затрат труда)

Отрасль	1975		1980		1985	
	Затраты живого труда	Затраты овеществленного труда (прямые)	Затраты живого труда	Затраты овеществленного труда (прямые)	Затраты живого труда	Затраты овеществленного труда (прямые)
Всего в отраслях материального производства	59,9	40,1	60,3	39,7	60,4	39,6
В том числе:						
Промышленность	43,1	56,9	45,0	55,0	45,0	55,0
из нее:						
электроэнергетика	49,1	50,9	48,3	51,7	48,9	51,1
нефтегазовая промышленность	13,9	86,1	13,0	87,0	11,8	88,2
угольная промышленность	50,8	49,2	52,2	47,5	53,8	46,2
черная металлургия	40,8	59,2	41,2	58,8	41,5	58,5
цветная металлургия	44,8	55,2	47,7	52,3	47,5	52,5
химическая и нефтехимическая промышленность	47,8	52,2	47,1	52,9	45,5	54,5
машиностроение и металлообработка	66,2	33,8	65,4	34,6	66,1	33,9
лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	56,9	43,1	58,3	41,7	58,7	41,3
промышленность строительных материалов (включая стекольную и фарфоро-фаянсовую промышленность)	53,6	46,4	53,1	46,9	53,8	46,2
легкая промышленность	44,3	55,7	45,5	54,5	45,6	54,4
пищевая промышленность	13,5	86,5	15,4	84,3	15,4	84,6
Строительство	77,4	22,6	79,3	20,7	79,7	20,3
Сельское и лесное хозяйство	73,9	26,1	72,1	27,9	72,4	27,6
Транспорт и связь	82,8	17,2	82,6	17,4	82,5	17,5

* Расчет межотраслевых балансов затрат труда произведен на основе показателей отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции в фактически действовавших ценах соответствующих лет.
Источник: Основные показатели баланса народного хозяйства: стат. сборник. – М., 1987. – С. 21.

емое десятилетие: лишь с небольшими отклонениями затраты живого труда в 1975, 1980 и 1985 гг. колеблются вокруг доли в 60%, а прямые затраты овеществленного труда – в 40%. Ситуация резко различается по основным группам и отраслям материального производства. По промышленности за десятилетие видим динамику картины – небольшое увеличение доли затрат живого труда – с 43% в 1975 г. до 45% в 1985 г. и соответствующее небольшое сокращение удельного веса овеществленного труда в совокупных затратах труда – почти с 57% в 1975 г. до 55% в 1985 г. В рамках методики подсчетов составителей данного расчета мы видим в промышленности явное преобладание прямых затрат овеществленного труда над затратами живого труда.

Внутри промышленности же картина выглядит очень пестрой: от абсолютного преобладания затрат живого труда (в машиностроении в 1985 г. его доля составляла 66%, в промышленности строительных материалов и в угольной промышленности – по 54%) до преобладающих затрат овеществленного труда (в 1985 г. в нефтегазовой промышленности его доля составляла 88%, в пищевой – 85%, в черной металлургии – 58%, в химической и нефтехимической промышленности – 55%). В некоторых отраслях доли затрат живого и овеществленного труда были примерно равными: в 1985 г. в электроэнергетике – соответственно 49 и 51%; в цветной металлургии – 48 и 52%.

Особенным было положение в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, транспорте и связи. И в начале десятилетия, и в его конце затраты живого труда преобладали, составляя от 75 до 80% в совокупных затратах труда.

Конечно, описанная выше картина должна быть соединена с другими харак-

теристиками для решения политэкономических задач, в частности для изучения типа экономического строя. Обратимся поэтому к проблеме соотношения количества рабочих, занятых механизированным и ручным трудом (табл. 3).

Материалы таблицы показывают, что в промышленности страны в 1970–1980-е годы доля рабочих, выполнявших работу при помощи машин и механизмов, а также по наблюдению за работой автоматов, приближалась, а в середине 1980-х годов превзошла пятидесятипроцентный рубеж общей численности рабочих. Если же учитывать и работавших на ремонте и наладке машин и механизмов, то эта доля в 1980-е гг. превысила 60%. Доля же занятых ручным трудом в промышленности сократилась с 42% в 1975 г. до 35% в середине 1980-х гг.; иными словами, к концу советского времени лишь около трети рабочих в промышленности работали вручную (как при машинах и механизмах, так и без них). Балансовые показатели по расчету соотношения численности рабочих, занятых механизированным и ручным трудом, выделили еще одну отрасль – строительство, в которой доля ручного труда за десятилетие с 1975 по 1985 г. также серьезно сократилась и вплотную приблизилась к половинному рубежу.

Совершенно иную картину демонстрирует по данным показателям сельское хозяйство. Прежде всего, отметим близость характеристик доли ручного и механизированного труда в колхозах и совхозах: доля первого варьируется вокруг 70–80%, второго – около 20–30%. Основная динамика – нарастание доли механизированного труда и, соответственно, сокращение доли ручного труда. Отметим постепенность и медленные темпы этого процесса. Если в колхозах доля механизированного труда в животноводстве превзошла

Таблица 3. Соотношение численности рабочих СССР, занятых механизированным и ручным трудом (1975–1985 гг.) (по данным единовременных учетов, в %)

Отрасль	Всего рабочих	В том числе выполняющих работу		
		при помощи машин и механизмов, а также по наблюдению за работой автоматов	вручную (при машинах и механизмах и не при машинах и механизмах)	по ремонту и наладке машин и механизмов
Промышленность				
1975	100	45,7	41,5	12,7
1982	100	48,8	37,4	13,8
1985	100	51,0	34,9	14,1
Сельское хозяйство				
Колхозы Растениеводство				
1982	100	23,6	75,2	1,2
1985	100	25,5	73,3	1,2
Животноводство				
1982	100	23,5	73,9	2,6
1985	100	28,3	68,5	3,2
Совхозы Растениеводство				
1975	100	24,9	75,1	-
1982	100	27,0	71,2	1,8
1985	100	28,5	69,8	1,7
Животноводство				
1975	100	17,7	78,8	3,5
1982	100	19,4	76,9	3,7
1985	100	23,6	72,4	4,0
Строительство				
1975	100	36,8	59,9	3,3
1982	100	38,8	57,4	3,8
1985	100	40,0	56,4	3,6

Источник: Основные показатели баланса народного хозяйства: стат. сборник. – М., 1987. – С. 118.

в конце рассматриваемого периода механизированность растениеводства, то в совхозах и в 1975 г., и в середине 1980-х годов уступала ей. Также обращает на себя внимание очень маленькая доля затрат труда на ремонт и наладку машин и механизмов в сельском хозяйстве, в разы отстающая от соответствующего показателя по промышленности. Таким образом, можно отметить, что механизированный труд в СССР лишь к концу существования советской власти становится преобладающим, и только в промышленности. Большинство работников сельского хозяйства

трудятся вручную. Это видно и из соотношения профессиональных групп сельскохозяйственных работников. В 1970 г. в РСФСР трактористов и других механизаторов сельского хозяйства насчитывалось 1 837 тыс. человек, а «работников в растениеводстве, кормодобывании и занятых в сельском хозяйстве без указания специальности» — 4 346 тыс., доярок и прочих работников в животноводстве, занятых в основном ручным трудом, — около 2,5 млн. чел.; в 1979 г. трактористов, комбайнеров, мотористов на сельскохозяйственных установках в сельском хозяй-

стве РСФСР насчитывалось примерно 2 250 тыс. человек, а работников, занятых в растениеводстве преимущественно ручным трудом, — 2,7 млн. человек, в животноводстве — примерно 2,4 млн. человек⁷.

Предложенные в статье материалы межотраслевого баланса народного хозяйства СССР конца периода существования СССР позволяют аргументированно подойти к размышлению о роли важнейших производственных факторов — труда и капитала — с новыми историко-экономическими данными. Уровень социально-экономического развития нашей страны 1970–1980-х гг. теперь можно определять не «на глазок», а используя проведенные статистиками и экономистами расчеты затрат живого труда и овеществленного труда (капитала). Серьезных дальнейших изысканий заслуживает изучение методики составления такого рода расчетов, сравнение с удельными весами ручного

и механизированного труда в производстве, данными об амортизации капитала и т.д. Разумеется, тип хозяйственного устройства характеризуется не только соотношением факторов производства. Определяют его также другие экономические параметры: методы регулирования, формы товарности, механизмы мобилизации рабочей силы и т.п. Если же говорить о социально-экономическом строе, то для капитализированной экономики важно определить еще и тип отношений собственности, особенности реализации права собственности. Они имели большую специфику в условиях так называемой государственной собственности в СССР, лишь камуфлировавшей владение, распоряжение и пользование средствами производства особым социальным классом, в недрах которого и вызрела в основном постсоветская российская, уже классическая, буржуазия.

Литература

1. Allen R.C. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution [Text] / R.C. Allen. — Princeton University Press, 2003. — 312 p.
2. Безнин, М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов [Текст] / М.А. Безнин, Т.М. Димони. — М.: Ленанд, 2014. — 608 с.
3. Безнин, М.А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х гг. [Текст] / М.А. Безнин, Т.М. Димони. — М., 2009. — 130 с.
4. Безнин, М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. [Текст] / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социс. — 2011. — № 11. — С. 90–102.
5. Белых, А.А. История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет [Текст] / А.А. Белых. — 2-е изд. — М., 2007. — 240 с.
6. Binns, P. Russia: From workers' state to state capitalism [Text] / P. Binns, T. Cliff, Ch. Harman. — London: Bookmarks Press, 1987. — 174 p.
7. Boswell, T. The spiral of capitalism and socialism [Text] / T. Boswell, Ch. Chase-Dunn — London; Boulder: Lynne Rienner, 2000. — 111 p.
8. Большой экономический словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт новой экономики, 1997. — 864 с.
9. Верхотуров, Д.Н. Созидатели будущего: возникновение планирования в СССР [Электронный ресурс] / Д.Н. Верхотуров. — М., 2013. — Режим доступа: <http://www.verkhoturov.info/documents/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE.pdf>.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VI. Распределение населения СССР по занятиям. С. 28; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 39. Д. 6129. Л. 28 об.

10. Gregory, P.R. The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives [Text] / P.R. Gregory. – Cambridge University Press, 2004. – 308 p.
11. Катасонов, В. Экономика Сталина [Текст] / В. Катасонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 416 с.
12. Кудров, В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления [Текст] / В.М. Кудров. – М.: Наука, 2003. – 303 с.
13. Malia, M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991 [Text] / M. Malia. – Free Press, 1994. – 575 p.
14. Радченко, А.И. Государственный военный монополистический капитализм в СССР: Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев и др. [Текст] / А.И. Радченко. – М., 2003. – 84 с.
15. Рязанов, В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. [Текст] / В.Т. Рязанов. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
16. Солнцева, С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) [Текст] / С.А. Солнцева // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 3-16.
17. Taylor, P.J. The way the modern world works: world hegemony to world impasse [Text] / P.J. Taylor. – Chichester; New York: John Wiley, 1996. – 276 p.
18. Трейвиш, А.И. Промышленность в России за 100 лет [Текст] / А.И. Трейвиш // Россия в окружающем мире: аналитический ежегодник. – М., 2002. – С. 1-28.
19. Wallerstein, I. The capitalist world economy [Text] / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 305 p.
20. Харрисон, М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? [Текст] / М. Харрисон // Экономическая история. Обзорение. – М., 2001. – Вып. 6. – С. 120-141.
21. Chase-Dunn, Ch. (ed.) Socialist states in the world system [Text] / Ch. Chase-Dunn. – Beverly Hills: Sage, 1982. – 304 p.

Сведения об авторах

Безнин Михаил Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Педагогического института по научной работе, заведующий кафедрой отечественной истории, Вологодский государственный университет (160001, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, beznin@uni-vologda.ac.ru)

Димони Татьяна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Вологодский государственный университет (160001, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, dimonitm@yandex.ru)

Beznin M.A., Dimoni T.M.

Revisiting the Type of Economic System in the USSR

Abstract. The article characterizes the type of economic system of the Soviet Union. In the authors' view, modern historiography has reached the impasse trying to address the issue. The overwhelming majority of researchers recognize that the USSR economic system was socialist, with all the attendant “positive” and “negative” aspects. The article proposes to characterize the type of economic system of the Soviet period through the analysis of correlation of important production factors such as labor and capital. This analysis is based on data of the USSR input-output balances of the national economy in the 1970–1980s. This source is introduced into scientific parlance for the first time; previously, it belonged to the category of “confidential”. In order to address the issue of the USSR type of economic system, the authors refer to the

content of the tables containing data on common indicators of national economy during 1980–1986, the proportion of direct and materialized labor in total labor costs for 1975–1985, and the ratio of the number of the Soviet workers involved in mechanized and manual labor for 1975–1985. The data presented in tables reveal a major gap between industries in terms of labor costs and capital ratio: the share of capital was larger in industry; in agriculture it did not exceed half of total labor cost. In general, the level of direct labor costs in material production sectors of the USSR was slightly higher than the level of capital expenditure. Another important indicator which characterizes the type of economic system is the authors' description of the ratio of manual and mechanized labor in the national economy. In industry and construction the share of those who worked with machines and mechanisms comprised about 2/3 of the total number of workers, whereas in agriculture it did not exceed 1/3. These statistics help move forward in the formulation and resolution of the issue of the USSR type of economic system. However, the issue itself remains open.

Key words: USSR economy, USSR socio-economic system, input-output balances of the national economy.

References

1. Allen R.S. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. University Press, 2003. 312 p.
2. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov* [Russia's agricultural system in the 1930–1980s]. Moscow: Lenand, 2014. 608 p. (In Russian).
3. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Kapitalizatsiya v rossiiskoi derevne 1930–1980-kh gg.* [Capitalization of the Russian village in the 1930s–1980s]. Moscow, 2009. 130 p. (In Russian).
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930–1980-kh gg.* [Social classes of the Russian kolkhoz-sovkhoz village in the 1930s–1980s]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2011, no. 11, pp. 90–102. (In Russian).
5. Belykh A.A. *Istoriya rossiiskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy*. *Pervye sto let* [The history of Russian economic-mathematical research. The first hundred years]. 2nd edition. Moscow, 2007. 240 p. (In Russian).
6. Binns P., Cliff T., Harman Ch. *Russia: From workers' state to state capitalism*. London: Bookmarks Press, 1987. 174 p.
7. Boswell T., Chase-Dunn Ch. *The spiral of capitalism and socialism*. London; Boulder: Lynne Rienner, 2000. 111 p.
8. Azriliyan A.N. (Ed.) *Bol'shoi ekonomicheskii slovar'* [Big economic dictionary]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Institut novoi ekonomiki, 1997. 864 p. (In Russian).
9. Verkhoturov D.N. *Sozdateli budushchego: vozniknovenie planirovaniya v SSSR* [The creators of the future: the emergence of planning in the USSR]. Moscow, 2013. Available at: <http://www.verkhoturov.info/documents/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE.pdf>. (In Russian).
10. Gregory P.R. *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*. Cambridge University Press, 2004. 308 p.
11. Katasonov V. *Ekonomika Stalina* [Stalin's economy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014. 416 p. (In Russian).
12. Kudrov V.M. *Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya* [Soviet economy in retrospective: the experience of reconsideration]. Moscow: Nauka, 2003. 303 p. (In Russian).
13. Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. Free Press, 1994. 575 p.
14. Radchenko A.I. *Gosudarstvennyi voennyi monopolisticheskii kapitalizm v SSSR: Lenin, Stalin, Khrushchev, Gorbachev i dr.* [State military monopoly capitalism in the USSR: Lenin, Stalin, Khrushchev, Gorbachev and others]. Moscow, 2003. 84 p. (In Russian).
15. Ryazanov V.T. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii: reformy i rossiiskoe khozyaistvo v 19–20 vv.* [Russia's economic development: reforms and Russian economy in the 19–20th centuries]. Saint Petersburg: Nauka, 1998. 796 p. (In Russian).

16. Solntseva S.A. Formula sovetskoj istorii (vzglyad na razvitie Rossii v usloviyakh total'nogo gosudarstvennogo kapitalizma) [The formula of the Russian history (view of Russia's development amid total state capitalism)]. *Voprosy filosofii* [Philosophic aspects], 2008, no. 6, pp. 3–16. (In Russian).
17. Taylor P.J. *The way the modern world works: world hegemony to world impasse*. Chichester; New York: John Wiley, 1996. 276 p.
18. Treivish A.I. Promyshlennost' v Rossii za 100 let [Russian industry in a hundred years]. *Rossiya v okruzhayushchem mire: analiticheskii ezhegodnik* [Russia in the surrounding community: analytical yearbook], Moscow, 2002, pp. 1–28.
19. Wallerstein I. *The capitalist world economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 305 p.
20. Harrison M. Stabil'ny li komandnye sistemy? Pochemu poterpela krakh sovetskaya ekonomika? [Are command systems stable? Why did the Soviet economy collapse?]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. [Economic history. Review], Moscow, 2001, issue 6, pp. 120–141. (In Russian).
21. Chase-Dunn Ch. (Ed.) *Socialist states in the world system*. Beverly Hills: Sage, 1982. 304 p.

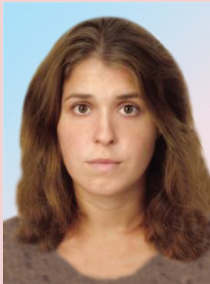
Information about the Authors

Mikhail Alekseevich Beznin – Doctor of History, Professor, Deputy Director for Science of the Pedagogical Institute, Head of the Department for National History, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation, beznin@uni-vologda.ac.ru)

Tat'yana Mikhailovna Dimoni – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department for National History, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation, dimonitm@yandex.ru)

Статья поступила 08.09.2016

Управление цепями поставок как драйвер создания конкурентного преимущества компаний молочной сферы

**Ирина Олеговна
ПОЛЕШКИНА**

Московский государственный технический университет гражданской авиации

125993, Россия, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20

ipoleshkina@mail.ru

Аннотация. Задача данного исследования — выявление резервов создания конкурентных преимуществ участников рынка скоропортящихся продуктов питания на примере молочной сферы за счет формирования эффективных цепей поставок, так как данная категория товаров является наиболее требовательной к срокам и условиям транспортировки и хранения продукции. Методика проведения исследования основана на использовании концепций цепочки создания ценностей и управления цепями поставок. Для оптимизации распределения функций между участниками молочной цепи был применен процессный подход. В результате проведенного исследования выявлены основные причины формирования высоких совокупных издержек и места их образования на каждой стадии молочной цепи поставок. В статье предложены механизмы решения трех основных проблем, возникающих при выстраивании взаимоотношений между участниками молочной цепи в российских условиях. Эти проблемы связаны с непропорциональным распределением маржи между участниками цепи, с несоответствием качества сырого молока требованиям, предъявляемым для производства конкретных видов МП, и недоверием между участниками цепей поставок, повышающим транзакционные издержки и заставляющим создавать резервные запасы, снижающие конкурентоспособность всей молочной цепи в целом. Для повышения конкурентоспособности всех участников молочной цепи, в качестве механизмов решения обозначенных

Для цитирования: Полешкина, И.О. Управление цепями поставок как драйвер создания конкурентного преимущества компаний молочной сферы / И.О. Полешкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 251-271. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.14

For citation: Poleshkina I.O. Supply chain management as a driving force for generating competitive advantage for dairy companies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 251-271. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.14

проблем, предложено, во-первых, распределение маржи на основе затрат, понесенных каждым участником молочной цепи. Во-вторых, использование математической модели для определения ассортиментного портфеля молокоперерабатывающего предприятия на основе поступающего объема и качества молочного сырья с учетом фактора сезонности и спроса на МП. В-третьих, обосновывается целесообразность отказа от формирования запасов всеми участниками молочной цепи, что позволит не только сократить совокупные затраты, но и добиться существенного повышения качества молочной продукции, реально доступной для потребителей в розничной торговле.

Ключевые слова: конкурентное преимущество, логистические издержки, управление цепями поставок, цепочка создания ценностей, молочная продукция.

Введение

В мировом пространстве наблюдается ужесточение глобальной конкуренции, обострение геополитических проблем, снижение цен на сырьевые ресурсы, что ставит перед российской экономикой задачу поиска новых драйверов экономического развития, важной составляющей которых являются новые технологии управления.

Одну из главных причин низкой конкурентоспособности российских товаров как на мировом, так и на внутреннем рынке представляет высокая себестоимость, которая формируется в процессе производства и реализации продукции на основе производственных, логистических и транзакционных затрат. Управление производственными затратами осуществляется в основном на уровне предприятия. Формирование логистических и транзакционных затрат происходит за рамками отдельно взятой организации в результате реализации рыночных отношений. Недостаточное внимание, уделяемое управлению этими составляющими в России, привело к тому, что величина логистических затрат в 2–3 раза превышает уровень развитых стран. Это объясняется недооценкой потенциала использования логистики как технологии управления, интеграции, кооперации и координации бизнес-процессов не только на уровне отдельно взятой организации, но и, в особенности, всей цепи поставок в целом.

В результате доля логистических издержек в ВВП России составляет приблизительно 20%, в то время как в США – 8,5%, а в Германии – 8,3%. Среднемировое значение этого показателя – 11,4%. Доля транспортных затрат в цене товара колеблется от 1 до 50%, в среднем эта величина составляет 10% от стоимости сделки. По оценкам Всемирного банка 2014 г. уровень развития логистики в России низкий (90 место из 160 в рейтинге, составленном на основании расчета LPI¹).

На сегодняшний день в России оптимизация затрат на доставку и хранение производственных ресурсов и готовой продукции является одним из основных резервов экономии затрат, а следовательно, и снижения розничных цен реализации готовой продукции. Вместе с тем, по оценкам экспертов, «в странах с высоким уровнем логистических издержек основным фактором, определяющим их величину, зачастую является не расстояние между торговыми партнерами, а надежность цепи поставок» [4].

Особенно высокая доля логистических издержек в России складывается в цене реализации скоропортящихся продуктов питания, так как для минимизации логистических затрат в этом сегменте требуется

¹ LPI – индекс эффективности логистики, который рассчитывается отделом Группы Всемирного банка по международной торговле с периодичностью примерно один раз в два года, начиная с 2007 г.

тщательное согласование действий и интересов всех участников цепи поставок. Отсутствие такой согласованности заставляет участников цепи изыскивать возможности создания страховых запасов для обеспечения непрерывности всех процессов. Однако скоропортящийся характер продуктов не позволяет создавать страховые запасы даже на незначительный срок без нанесения ущерба качеству продукции. В результате из-за создания запасов хотя бы на одной из стадий цепи поставок происходит ухудшение потребительских свойств товара и увеличение его себестоимость в связи с неизбежным ростом потерь при хранении.

Казалось бы, в большей степени страховые запасы готовой продукции вынуждены наращивать производители и оптовые посредники, так как именно они находятся дальше всего от конечного потребителя и не располагают точной информацией об уровне реального спроса. В меньшей степени должна возникать необходимость создания страховых запасов в розничной сети, так как она находится ближе всего к источнику изменения спроса. Однако при отсутствии понимания стратегических перспектив от создания эффективной системы управления цепями поставок всеми ее участниками наблюдается другая ситуация. Например, даже при выстраивании цепи поставок с таким крупным и надежным партнером, как Danon, розничные сети не готовы совсем отказаться от запасов молочной продукции (МП) на собственных складах, поскольку боятся понести потери от дефицита товара. В результате потребитель в розничной сети не получает доступа к свежей молочной продукции, так как на полки ежедневно выставляется трехдневный запас. Недовлетворенность покупателей приводит к снижению потребительского спроса и вызывает недоверие к торговой марке, что от-

ражается на имидже и прибыльности производителей молочной продукции и всех участников цепи.

Решить данную проблему возможно посредством внедрения полноценной стратегии управления цепями поставок – УЦП (Supply Chain Management – SCM) на всех стадиях производства и распределения скоропортящейся продукции, что позволит всем участникам цепи отказаться от создания запасов и существенно снизить логистические издержки. Кроме того, использование стратегии УЦП позволит снизить транзакционные издержки за счет повышения степени взаимного доверия между участниками цепи на основе повторяющегося устойчивого взаимодействия. Дополнительное конкурентное преимущество создается еще и за счет согласованной оптимизации производственных процессов каждого участника цепи. Использование такого подхода позволяет так организовать производство на каждой стадии цепи поставок, чтобы получаемая продукция полностью отвечала требованиям последующей стадии, с учетом достижения минимизации совокупных издержек всей цепи. В условиях экономического спада, сокращения доходов населения и платежеспособного потребительского спроса снижение себестоимости производства при сохранении качества готового продукта является наиболее предпочтительной стратегией.

Кроме того, внедрение стратегии SCM позволит получить дополнительные конкурентные преимущества ее участникам за счет ориентации создания ценности готовой продукции в течение всех стадий жизненного цикла товара на предпочтения конкретных потребителей.

Для реализации данной стратегии необходимо создание системы быстрого информационного обмена между участниками сетей и цепей поставок, а также

проектирования гибких цепей поставок, способных быстро реагировать на изменяющиеся условия рынка. Не зря многие эксперты отождествляют управление любыми процессами, а логистическими в особенности, с управлением информационным обменом.

Производство разных продуктов включает неодинаковое количество стадий изготовления, поэтому имеет разную потребность в сетевом взаимодействии. Каждая сфера экономики требует разработки своих моделей эффективного сетевого взаимодействия с учетом отраслевых особенностей организации бизнес-процессов. Одни из наиболее длинных цепочек создания продукта выстраиваются в пищевой индустрии. Например, в США самая длинная производственная цепочка сложилась в производстве мяса: от выращивания кормов, производства пищевых добавок и витаминов для откорма скота до самых разных готовых продуктов из мяса, поставок в магазины, рестораны, отели [16]. Задача данного исследования – выявление резервов создания конкурентных преимуществ участников рынка скоропортящихся продуктов питания за счет формирования эффективных цепей поставок, так как данная категория товаров предъявляет наибольшие требования к срокам и условиям транспортировки и хранения.

Основную долю сырья для производства продовольственных товаров поставляет сельское хозяйство. К наиболее скоропортящимся видам сырья относятся мясо, рыба и молоко. При этом самые жесткие требования предъявляются к срокам и условиям транспортировки и хранения молочного сырья, потому что его состав определяет возможность производства конкретного молочного продукта и затраты на переработку. Кроме того, с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности

России именно молочная сфера находится в самом затруднительном положении. Поэтому в качестве объекта исследования мы остановились именно на молочном сегменте, производящем скоропортящуюся молочную продукцию. Недостаточно изучен, по нашему мнению, вопрос эффективного распределения производственных и логистических процессов между участниками молочной цепи, а также маржи.

Методология исследования

Проведение данного исследования основано на использовании концепции цепочки создания ценностей (Value Chain – VC) как инструмента определения места компании на рынке и инструмента создания конкурентного преимущества, предложенной Майклом Портером в 1985 г. [10], и концепции управления цепочками поставок (Supply Chain Management). На сегодняшний день границы между двумя этими концепциями практически стерлись, хотя изначально основным отличием было понятие «маржа», которое изначально не учитывалось в SCM. Согласно концепции VC М. Портера долгосрочную прибыль компании обеспечивает не сокращение издержек, а созданная ценность продукта, так как, нацеливая свою деятельность на сокращение издержек, можно упустить дополнительную прибыль, получаемую от производства продукции с большими издержками, но обладающую уникальными свойствами.

Если в концепции VC объектом управления является процесс создания ценности, то концепция SCM в качестве объекта управления рассматривает материальные, финансовые и информационные потоки. Однако в последнее время идеи создания ценности воплощаются и в концепции SCM, о чем свидетельствуют современные определения SCM. Например, согласно определению, предложенному Дж. Стоком, управление цепочками поставок – это

интегрирование ключевых бизнес-процессов, начинающихся от конечного пользователя и охватывающих всех поставщиков товаров, услуг и информации, добавляющих ценность для потребителя и других заинтересованных лиц [5]. То есть использование подхода SCM направлено на повышение степени удовлетворенности клиентов и оптимизацию затрат на достижение этой удовлетворенности.

Еще одним отличием этих концепций является применение VC как на внутрифирменном уровне, так и на межфирменном, в то время как SCM используется только применительно к управлению взаимоотношениями на межорганизационном уровне. На внутриорганизационном уровне эти идеи реализуются в подходах интегрированной логистики.

Однако выделение в VC понятия «маржа» как объекта управления важно не только для оценки выгодности производства продукции с более высокими затратами и более ценными потребительскими свойствами, но и абсолютно необходимо для развития межфирменных взаимоотношений на рынке, особенно на условиях долгосрочного стратегического партнерства. Надежность стратегического партнерства определяется эффективностью функционирования каждого ее участника и их конкурентными преимуществами на рынке, создаваемыми благодаря данной интеграции. Эффективное функционирование всех участников цепи возможно лишь при условии объективного распределения маржи, основой для которого должен быть размер создаваемой ценности каждым ее участником. С этой точки зрения управление распределением маржи между участниками цепочки создания ценности является обязательным условием создания надежного стратегического партнерства и цепи поставок. Этот фактор изначально не учитывался в подходах SCM, однако постепенно

также органично встроился в концепцию SCM, стирая границы между VC и SCM. Об этом свидетельствуют определение SCM, данное Р. Хэндфилдом и Э. Николсом: «...Это интеграция и управление всеми видами деятельности, входящими в цепь поставок, на основе взаимного сотрудничества, эффективных бизнес-процессов и высокой степени совместного использования информации с целью создания высокоэффективных систем формирования ценности, которые обеспечивали бы организациям-участникам существенное конкурентное преимущество» [18].

Данное определение дает более точное понимание цели создания системы цепи поставок, которая заключается в первую очередь в создании ценности для организаций, принимающих в ней участие, за счет объединения усилий над созданием востребованного потребителями товара с оптимальными затратами на его производство. На основании постановки этой цели с учетом принципа объективного распределения маржи между участниками цепи поставок саму систему SCM можно рассматривать как главный драйвер создания конкурентного преимущества компаний на рынке, особенно в условиях кризиса, позволяющий не просто снизить совокупные логистические издержки, но и гарантировать равнозначное распределение выгод от ее создания всем участникам цепи.

В данной статье под управлением цепями поставок мы будем понимать процессы интеграции организаций, входящих в ее состав, и управления всеми видами их деятельности на основе взаимного сотрудничества с целью формирования высокоэффективных систем создания ценности для удовлетворения потребности клиентов, достигнутой при оптимальных совокупных затратах, которые обеспечивали бы организациям-участникам существенное конкурентное преимущество.

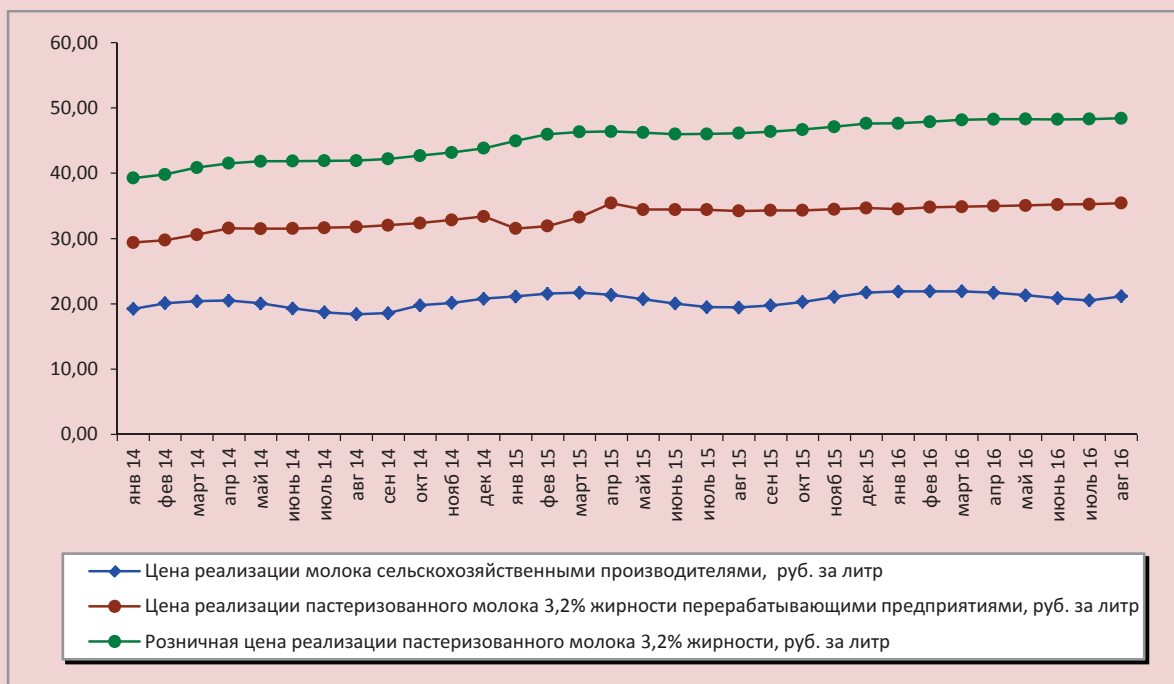
SCM является основным механизмом создания конкурентного преимущества в рыночной экономике, который по оценкам экспертов позволяет ее участникам добиться уменьшения стоимости обработки заказов на 20–40%, сократить закупочные издержки на 5–15%, сократить время выхода на рынок на 15–30%, уменьшить складские запасы на 20–40%, сократить производственные затраты и увеличить прибыль на 5–15% [11].

В экономически развитых странах современная конкуренция на рынке приобрела вид соперничества между цепями поставок, а не отдельными организациями. То есть добиться значительного конкурентного преимущества вне принадлежности цепи поставок для отдельной организации на рынке стало невозможным.

Применительно к молочной отрасли вопрос управления цепями поставок и цепочкой создания ценности является особенно

актуальным в связи с жесткими требованиями, предъявляемыми к качеству продукции на каждой стадии цепи и неодинаковыми конкурентными позициями ее участников на рынке. Низкая консолидация сельскохозяйственных производителей, недостаточное в большинстве случаев технологическое развитие переработчиков (за исключением национальных лидеров по производству молочной продукции) и наиболее выгодное положение торговли приводит к непропорциональному распределению маржи между ее участниками в пользу последних. Данное распределение не отражает реальный вклад каждого участника цепи в создание конечной ценности товара. Это подтверждается резким отставанием увеличения закупочных цен на сырое молоко у сельскохозяйственных производителей от розничных цен реализации молочной продукции (рис. 1) и, как следствие, сокращением объемов произ-

Рисунок 1. Динамика цен реализации молока основными участниками молочной цепи

Источник: данные Росстата.

водства натурального молока в стране из-за недостатка у сельскохозяйственных производителей средств на инвестирование в расширенное воспроизводство [3, 19].

Данная проблема на молочном рынке характерна не только для российской действительности, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, проводимые в странах как с развитой, так и с развивающейся экономикой [20, 21, 22, 23, 24, 25].

Вместе с тем прибыльность молочной отрасли затрагивает не только интересы предприятий, входящих в ее состав, но и является стратегической задачей обеспечения продовольственной безопасности государств. Например, в «Доктрине продовольственной безопасности РФ» пороговое значение производства отечественного молока и молочной продукции в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка для обеспечения продовольственной безопасности страны установлено на уровне не менее 90% [2], чего невозможно добиться в условиях несбалансированного распределения прибыли между ее участниками. Молоко и молочные продукты являются неотъемлемой составляющей питания каждого россиянина, однако самообеспеченность населения России этим важнейшим для здоровья продуктом находится под угрозой. За последние двадцать лет в этой отрасли наблюдаются крайне негативные тенденции, которые характеризуются сокращением численности дойного стада и самого производства молока, как следствие – и натуральных молочных продуктов. Самообеспеченность России молоком и молочной продукцией в 2015 г. составила менее 60%. Главной причиной такого значительного недопроизводства молока является низкая эффективность сельскохозяйственного производства, вызванная главным образом несогласованностью интересов участников молочного рынка и мо-

нопольным занижением закупочных цен на молочное сырье, которого легко добиться в условиях низкой консолидации отрасли [9].

Зависимость производителей и розничной торговли от наличия и качества молочного сырья очень велика. В России насчитывается около 1000 предприятий, производящих молочную продукцию. Они перерабатывают ежегодно в среднем 19,7 тонны молока [7]. Молочная продукция составляет более 15% оборота розничных торговых сетей. Недооценка перерабатывающей промышленности и торговлей стратегического значения стабильного положения производителей молочного сырья усугубляет ситуацию в отрасли.

Для оптимизации взаимоотношений в цепочке создания ценности молочной продукции необходимо определить основных участников цепочки поставок и параметры, которые они определяют в этой цепи. Однако количество участников в цепи поставок может меняться в зависимости от числа посредников, при этом относительно постоянной величиной является количество операций и процессов, которые должны быть реализованы для получения того или иного вида молочной продукции. Количество участников цепи поставок зависит от распределения этих процессов между исполнителями. Поэтому для повышения эффективности функционирования цепи поставок мы предлагаем использовать процессный подход, основанный на определении всех необходимых процессов, создающих добавленную стоимость в цепи поставок. Далее эти процессы должны быть оптимально распределены между исполнителями с учетом возможности передачи некоторых операций на аутсорсинг, определена добавленная стоимость, создаваемая каждым исполнителем, и параметры, закладываемые в течение каждого процесса, влияющие на создание готового продукта.

Цепочка создания ценности молочной продукции включает четыре основных этапа: производство и хранение молока в сельском хозяйстве; сбор молока и доставка его на переработку; переработка сырого молока и производство молочной продукции; транспортировка готовой молочной продукции к местам реализации; реализация молочной продукции потребителям (рис. 2).

В процессе производства сырого молока создается биологическая ценность сырья, формируется качество молока (сортность) и обеспечивается его экологичность². Исполнителями этого процесса являются сельскохозяйственные производители, которые определяют объем производства и тип производимого молока (коровье, козье и т.д.). В процессе производства формируется себестоимость сырого молока, а на основании взаимоотношений в цепи поставок определяется закупочная цена на него и уровень маржи производителей молока. Таким образом, эффективность деятельности производителей молока может быть повышена за счет оптимизации себестоимости производства молока путем совершенствования технологий производства и установления оптимального уровня маржи.

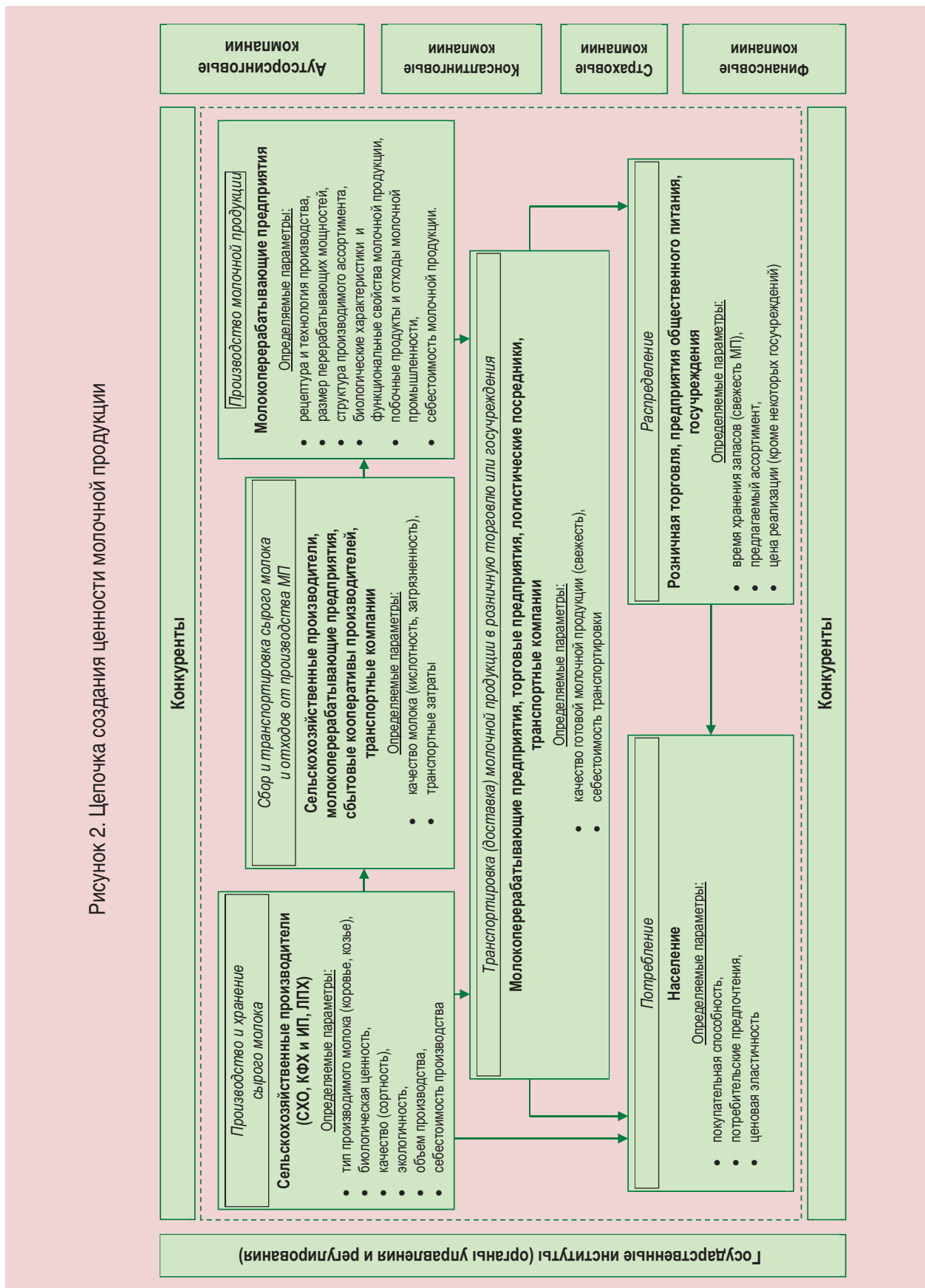
В процессе сбора и транспортировки сырого молока сырье становится доступным для переработки в местах ее размещения и сохраняются или ухудшаются качественные параметры молока (кислотность, бактериологическая обсемененность, загрязненность и т.д.). Сохранение качества молочного сырья обеспечивается за счет соблюдения санитарных норм сбора молока и температурного режима транспортировки, а также осуществления анализа собираемого молока от разных произво-

дителей. Исполнителями данного процесса могут являться сами производители молока, сбытовые кооперативы производителей молока, молокоперерабатывающие предприятия или транспортные компании. В процессе сбора и транспортировки формируются транспортные затраты, которые определяются расстоянием транспортировки и зависят от размещения молокоперерабатывающих предприятий и их сырьевых зон. Эффективность транспортной деятельности может быть повышена за счет оптимизации условий, объемов и маршрутов транспортировки молока. В процессе производства МП сырое молоко преобразуется в широкий ассортимент готовой МП с заданными биологическими характеристиками и функциональными свойствами. Исполнителями данного процесса являются молокоперерабатывающие предприятия, которые определяют рецептуру, технологию производства и структуру ассортимента молочной продукции в зависимости от качественных параметров молока-сырья и потребительского спроса на нее. От выбранного производственного ассортимента и технологии производства зависит объем получаемой побочной продукции и отходов, рациональное использование которых также влияет на эффективность всего производственного процесса в целом. Кроме того молокоперерабатывающие предприятия часто сами занимаются разработкой удобной формы фасовки и упаковки. В процессе производства формируется себестоимость молочной продукции, а в цепи поставок определяется цена поставки МП в розничную торговлю.

Процесс доставки МП в розничную торговлю или государственные учреждения обеспечивает доступность готовой МП определенного качества (свежести) для потребителей. Исполнителями данного процесса могут являться молокопере-

² Экологичность молочной продукции – совокупность свойств продукции, удовлетворяющих требованиям экологической безопасности и чистоты.

Рисунок 2. Цепочка создания ценности молочной продукции

рабатывающие предприятия, торговые предприятия, логистические посредники (3PL-провайдеры, логистические центры), транспортные компании. В процессе транспортировки МП сохраняется или ухудшается качество готовой МП, что определяется температурными и временными параметрами доставки продукции. Причем большое значение имеют не только время и температурный режим самой транспортировки, но и поддержание соответствующей температуры и соблюдение времени ожидания в момент погрузки-разгрузки.

Процесс распределения создает дополнительную ценность молочной продукции, связанную с удобством ее приобретения конечными потребителями. Исполнителями данного процесса выступают различные предприятия розничной торговли, общественного питания и государственные учреждения (больницы, школы, детские сады т.п.). Предприятия розничной торговли и общественного питания устанавливают цену реализации готовой МП, иногда реализуя акции стимулирования спроса за счет предоставления различных скидок. Они определяют время хранения запасов на своих складах, т.е. свежесть продукта, предлагаемого потребителю, и ассортимент МП, представленный для продажи.

В процессе потребления определяется покупательная способность населения, потребительские предпочтения и ценовая эластичность каждой группы МП.

Таким образом, розничная цена реализации готовой МП формируется на основании производственных затрат, определяемых на стадиях производственного процесса, транзакционных и логистических издержек, определяемых в процессе выстраивания договорных отношений и движения товара между стадиями производственного процесса в цепочке создания ценности [1]. На современном российском

рынке молока большинство компаний используют управление цепями поставок главным образом в направлении оптимизации транзакционных и логистических издержек. Вместе с тем полноценное внедрение подхода стратегического управления цепями поставок предполагает согласованную разработку и оптимизацию производственных процессов каждого участника цепи, направленную на удовлетворение запросов потребителей и рационализацию совокупных издержек в цепочке создания ценности.

Основные логистические издержки в молочном сегменте складываются из транспортных затрат на доставку молочного сырья и готовой продукции, затрат на создание, обслуживание и поддержание запасов продукции на складах, затрат на фасовку, упаковку и маркировку товара, затрат на обработку заказов и из административных расходов.

Согласно рассматриваемым концепциям VC и SCM целью внедрения системы управления цепями поставок является сбалансированное и согласованное развитие ее участников, а также выработка единой стратегии создания конкурентных преимуществ в двух направлениях:

1. Повышение качества удовлетворения запросов потребителей молочной продукции за счет: выстраивания тесной обратной связи с потребителями; управления разработкой новой продукции с учетом корректировки технологий производства молочного сырья для удовлетворения требований перерабатывающей промышленности; сокращения времени движения товаров с коротким сроком хранения в товаропроводящей цепи; совместного создания всеми участниками эффективной непрерывной «холодной цепи», позволяющей обеспечить требуемый температурный режим на каждом этапе цепи поставок.

В цепи поставок конечный потребитель должен рассматриваться как главное звено, на удовлетворение потребностей которого и ориентирована вся ее работа.

2. Снижение совокупных затрат всех участников цепи за счет: оптимизации запасов; согласованности и оптимизации технологических и логистических операций; минимизации транспортных затрат и транзакционных издержек; сокращения числа посредников в цепи; перераспределения логистических функций между участниками цепи; управления возвратными потоками, позволяющими снизить потери, связанные с коротким сроком хранения молочной продукции; сокращения видов деятельности, которые не добавляют ценности товару; снижения рисков от недобросовестного сотрудничества.

При выстраивании договорных отношений между участниками молочного рынка основные логистические и транзакционные издержки, как правило, ложатся на молокоперерабатывающие предприятия, занимающие промежуточное положение в цепи поставок. Если во взаимоотношениях с сельскохозяйственными производителями это объясняется слабым финансовым и кадровым потенциалом, то во взаимоотношениях с розничными сетями отказ от подобных затрат связан с их доминирующим положением в цепи поставок, так как они являются основным каналом реализации молочной продукции.

С позиции молокоперерабатывающих предприятий распределение логистических затрат в свою пользу во взаимоотношениях с сельскохозяйственными производителями вполне оправданно с точки зрения транзакционного подхода, так как это дает им возможность влиять на отдельные ценовые и неценовые параметры молока-сырья либо на условия их формирования. Такой подход соответствует теории О. Уильям-

сона о формировании транзакционных издержек, который считает, что «... укоренившийся в отрасли производитель должен инвестировать в долгосрочные транзакционно-специфические активы, если он стремится захватить рынок и успешно сдерживать проникновение на него других фирм» [13]. Кроме перераспределения логистических затрат с целью стимулирования развития своих поставщиков в молочной цепи молокоперерабатывающие предприятия могут применять следующие механизмы: предоставление консультационных услуг, инвестирование в технологии и оборудование, лизинг оборудования, предоставление гарантий для получения банковских кредитов, предоставление ресурсов производства.

Распределение логистических затрат между перерабатывающими предприятиями и торговлей на российском рынке молока нельзя назвать оптимальным, так как розничная торговля, создающая наименьший объем добавленной стоимости товара, оставляет себе непропорционально большую долю полученной прибыли, что приводит к дисбалансу функционирования всей цепи. Оптимизация распределения маржи между участниками молочного рынка требует глубокого исследования потенциала получения синергического эффекта в процессе интеграции в этой сфере.

Полученные результаты

В результате проведения исследований были выявлены основные причины формирования высоких совокупных издержек в процессе производства и реализации молочной продукции в России, которые перечислены ниже.

- Непропорциональное распределение маржи от реализации молочной продукции между участниками молочной цепи (главным образом сельскохозяйственными производителями молока). Структура распреде-

ления дохода от реализации 1 литра пастеризованного молока в России до момента объявления санкций выглядела следующим образом: на долю сельскохозяйственных производителей приходилось 36,9% розничной цены, на долю переработчиков – 36,3%, на долю розничной торговли – 26,8%. С момента введения санкций ситуация несколько изменилась, однако до сих пор оптимального распределения дохода между участниками молочной цепи не обеспечивается. Так, за 8 месяцев 2016 года в среднем на долю сельскохозяйственных производителей приходилось 44,5% розничной цены, на долю переработчиков – 28,2%, на долю розничной торговли – 27,3% (таблица).

Эти изменения связаны с сокращением объема предложения молока на российском рынке. По оценкам экспертов, с учетом уровня затрат и вклада каждого участника молочной цепи в формирование добавленной стоимости готовой молочной продукции, оптимальным считается соотношение: 50% – доля в розничной цене реализации сырого молока сельскохозяйственными производителями, 30% – доля цены реализации молока перераба-

тывающими организациями, 20% – доля розничной торговли [17]. Для сравнения: в Великобритании на долю производителей приходится 55% розничной цены реализации пастеризованного молока, в США – 56%, в Германии – 46% [8, 20, 25]. Низкая доходность производителей молока не позволяет инвестировать средства в разработку и внедрение инновационных технологий производства, что существенно сдерживает возможность снижения себестоимости производства и повышения качества сырого молока, тем самым повышая затраты на производство молочной продукции.

- Наличие стихийно сформированных каналов распределения готовой продукции, в которых подавляющее большинство составляют реселлеры, т.е. мелкооптовые посредники, чьи услуги приводят к наибольшему удорожанию готовой продукции во всем процессе товародвижения. Неоправданное с точки зрения потребителей, повышение розничной цены реализации товара заставляет потребителей сокращать спрос и усугубляет диспропорцию распределения прибыли между участниками молочного рынка.

Структура розничной цены на рынке молока России в 2016 г.*

Период	Средняя по РФ цена реализации, руб. за литр			Доля каждого участника рынка в розничной цене реализации пастеризованного молока 3,2% жира, %		
	Сырое молоко сельскохозяйственных производителей	Пастеризованное молоко 3,2% жира, реализуемое перерабатывающими организациями	Пастеризованное молоко 3,2% жира, реализуемое розничными торговыми организациями	Сельскохозяйственные производители	Перерабатывающие организации	Организации розничной торговли
Январь	21,91	34,51	47,65	46,0	26,5	27,6
Февраль	21,93	34,78	47,88	45,8	26,8	27,4
Март	21,92	34,86	48,17	45,5	26,9	27,6
Апрель	21,71	34,99	48,26	45,0	27,5	27,5
Май	21,32	35,07	48,28	44,2	28,5	27,4
Июнь	20,86	35,21	48,25	43,2	29,7	27,0
Июль	20,52	35,24	48,28	42,5	30,5	27,0
Август	21,15	35,41	48,40	43,7	29,5	26,8
Средняя цена за 8 месяцев	21,42	35,01	48,15	44,5	28,2	27,3

* Расчеты автора на основании данных Росстата.

- Недостаточная эффективность развития сырьевых зон действующих молокоперерабатывающих предприятий (т.е. недостаточный объем производства молока в таком радиусе от перерабатывающих предприятий, при котором закупка молока с точки зрения транспортных затрат является экономически целесообразной), с одной стороны, заставляет их закупать сырье в соседних регионах, создавая дополнительные транспортные затраты, с другой стороны, приводит к недогрузке производственных мощностей молокоперерабатывающих предприятий и снижению эффективности производства молочной продукции. При определенной отдаленности производства молока от места сбыта его транспортировка на перерабатывающие предприятия в свежем виде становится вообще экономически невыгодной.

- Недостаточно высокое качество производимого молочного сырья и его несоответствие требованиям для изготовления некоторых видов молочной продукции (цельномолочная продукция, сыры и т.д.) заставляет перерабатывающие предприятия увеличивать затраты на производство молочной продукции из-за необходимости осуществлять более глубокую обработку молочного сырья и сдерживает их возможности по расширению ассортимента готовой продукции. Например, оптимальным для производства твердых сычужных сыров является молоко, имеющее продолжительность свертывания от 16 до 40 минут (нормальная свертываемость). Молоко, имеющее продолжительность свертывания менее 15 минут (хорошая свертываемость) и более 40 минут или не свертывающееся вообще (плохая свертываемость), требует дополнительной обработки, а следовательно, и дополнительных затрат. Технологический процесс производства сыров предполагает не очень высокую температурную обработ-

ку молока методом пастеризации, которая не позволяет избавиться от споровых форм микроорганизмов и части термофильной микрофлоры. Повышение температуры пастеризации приводит к значительному увеличению продолжительности свертываемости молока и ухудшению качества готового продукта. Поэтому для эффективной организации производства сыров необходимо создание стабильной, однородной сырьевой базы, отвечающей конкретным требованиям, предъявляемым технологическим процессом к качеству сырого молока.

- Потери определенной части дохода молочной отрасли вследствие низкой эффективности логистической деятельности (управления запасами, оптимизации транспортировки и т.д.) и крайне неэффективного использования производственных отходов. Нацеливаясь на производство высокомаржинальных продуктов, молокоперерабатывающие предприятия гипертрофированно увеличивают ассортимент цельномолочной продукции за счет сокращения производства молокоемкой продукции и практически полного отказа от производства продукции глубокой переработки вторичного молочного сырья. Это приводит к неполному использованию потенциала биологической ценности молока, росту объема невозвратных отходов, стоимость которых отражается на себестоимости готовой молочной продукции. К вторичному молочному (белково-углеводному) сырью или побочной продукции в молочной отрасли относятся обезжиренное молоко, пахта и молочная сыворотка. Во всем мире вторичное молочное сырье используется на пищевые цели, на корм скоту и для производства химических веществ. Благодаря достижениям современной науки появилось еще одно инновационное направление использования

вторичного молочного сырья – получение биологически активных веществ, используемых для производства лекарственных и косметических препаратов, однако в России возвратные потоки молочной отрасли практически не используются.

- Высокая конкуренция на молочном рынке со стороны зарубежных производителей, имеющих серьезные конкурентные преимущества за счет использования эффективного управления глобальными цепями поставок, в основу которого положен многолетний опыт. С момента введения санкций на ограничение поставок пищевых продуктов из некоторых стран Европы главной конкурентной силой на российском рынке молока стала молочная продукция, поставляемая из Беларуси. При этом достаточно большой ее объем по-прежнему производится на территории Европейского союза [9].

- Наличие большого объема фальсифицированной молочной продукции и крайне низкие штрафные санкции за ее реализацию приводят, с одной стороны, к банкротству добросовестных производителей молока и молочной продукции, с другой стороны, к падению потребительского спроса вследствие разочарованности потребителей качеством молочной продукции. Такая тенденция наблюдается из-за неравномерного распределения информации между сторонами сделки, а рынок молока функционирует подобно рынку «лимонов» Д. Акерлофа [14]. По оценкам Россельхознадзора объем фальсифицированной молочной продукции на российском рынке составляет 11%, а по некоторым видам молочной продукции он превышает 50% [6]. Чем выше содержание жира в молочной продукции, тем больший объем на рынке составляет фальсификат. Такая ситуация возникает в связи с тем, что качество не рассматривается большинством

российских производителей молочной продукции как конкурентное преимущество. Целью фальсификации молочной продукции является получение незаконной прибыли за счет снижения себестоимости продукции в результате несанкционированной замены качественного биологически ценного сырья менее ценным.

- Создание дополнительных страховых запасов в звеньях логистической цепи из-за взаимной неуверенности в своих партнерах по цепи поставок приводит к невозможности удовлетворить желание потребителей покупать свежую молочную продукцию и росту затрат, связанных с обслуживанием запасов и неизбежным процентом их порчи.

Внедрение принципов логистического управления по всей цепи поставок от сельскохозяйственных производителей сырого молока до реализации молочной продукции помогут ее участникам сгладить негативное воздействие вышеперечисленных ограничений. Система управления цепями поставок, на наш взгляд, может рассматриваться как частичная альтернатива объективно необходимого государственного регулирования молочного рынка и процессов вертикальной интеграции, направленных на справедливое распределение прибыли между его участниками [8].

Внедрение системы управления цепями поставок на рынке молока в России затрудняется, с одной стороны, в связи с особенностями самого молока как актива. Молоко является быстро портящимся продуктом, требующим определенной обработки в короткие сроки, и жестко стандартизированным активом, предъявляющим специальные требования к технологии производства, сбора, охлаждения, хранения, упаковки и транспортировки, оказывающим влияние на качественные характеристики молока – все это предъявляет специаль-

ные требования к его логистике. С другой стороны, внедрение системы управления цепями поставок в России затрудняется в связи с низким уровнем развития транспортной инфраструктуры, недостаточным техническим оснащением игроков рынка, неразвитой культурой рыночных отношений, плохой организацией коммуникационных процессов, отсутствием доверия между сторонами, отсутствием понимания общих целей между участниками молочного рынка и низкой степенью внедрения управленческих стратегий в области построения цепи поставок на межфирменном уровне, различиями в корпоративных культурах, территориальной удаленности партнеров и т.д. Кроме того, на сегодняшний день российский рынок логистических услуг еще не совсем сформирован и недостаточно прозрачен, что существенно снижает эффективность использования внешних логистических услуг различных провайдеров на рынке молока.

Процесс становления эффективно работающей цепи поставок требует длительного времени, в течение которого необходимо подобрать достойных партнеров, оцениваемых на основании результатов совместной работы. В России же вопросом проектирования эффективной цепи поставок зачастую предприятия начинают задаваться в момент необходимости внедрения антикризисного управления.

Анализ ситуации в молочном сегменте России демонстрирует острую необходимость внедрения принципов управления цепями поставок и формирования цепочки создания ценностей при выстраивании долгосрочных партнерских отношений между ее участниками с целью повышения уровня доходности каждого участника. Внедрение принципов SCM в молочном секторе позволит достичь реализации государственных целей по обеспечению

продовольственной безопасности страны и производству молочной продукции, конкурентоспособной как на мировом, так и на внутреннем рынках в условиях вступления России в ВТО, заключения Таможенного союза и реализации стратегии импортозамещения.

Выводы и предложения

Главной проблемой молочной сферы в России является неравномерное распределение маржи между участниками молочной цепи поставок. Основная часть прибыли концентрируется в руках торговли и переработчиков, что делает бизнес по производству сырого молока низкодоходным. Низкий уровень доходности в сельском хозяйстве приводит к сокращению объемов производства и снижению качества сырого молока, что в свою очередь влечет за собой повышение себестоимости производства молочной продукции из-за недостаточной загрузки мощностей молокоперерабатывающих предприятий или очень высоких транспортных и производственных затрат. Поэтому первым направлением создания конкурентного преимущества компаний молочной сферы является оптимизация распределения совокупной маржи между всеми звеньями цепочки создания ценности. В качестве базы для распределения маржи предлагается использовать уровень затрат (инвестиций) каждого участника цепи. Такое распределение позволит повысить прибыльность сельскохозяйственных производителей молока, входящих в состав цепи поставок, и тем самым стимулирует наращивание объемов производства и качества молока. Стабильность поставок молочного сырья создаст серьезные конкурентные преимущества для всей цепочки в целом.

Вторая серьезная проблема, определяющая высокие транспортные и производственные затраты в молочной сфере,

связана с недостаточным и непропорциональным развитием сырьевых зон молокоперерабатывающих предприятий и несоответствием качества сырого молока требованиям, предъявляемым конкурентоспособными видами молочной продукции. Решение данной проблемы возможно в двух направлениях.

Первое направление заключается в разработке производителями молока совместно с перерабатывающими предприятиями рациональной стандартизированной технологии производства молока (технологии содержания, кормления, доения и т.д.), позволяющей производить молоко с заданными биологическими параметрами (содержание жира, белка), требуемыми для производства определенных видов МП. Примером реализации таких программ в России является компания PepsiCo.

Второе направление заключается в оптимизации ассортимента портфеля молокоперерабатывающего предприятия, направленной на повышение его дохода за счет более рационального использования ресурсов и максимального удовлетворения потребностей покупателей. Оптимизация ассортимента портфеля должна осуществляться с учетом основных ограничений, сдерживающих развитие молочной сферы: качества (биологического состава) и количества молока, производимого в рационально определенной сырьевой зоне молокоперерабатывающего предприятия, с учетом затрат на ежедневную транспортировку как самого сырья, так и отходов от его производства; сезонного изменения качественного состава молока и объемов его производства в сырьевой зоне молокоперерабатывающего предприятия; побочных продуктов, получаемых при производстве каждого вида МП, так как они могут выступать сырьем для производства других видов МП; сезонного колебания розничных

цен реализации МП и спроса на рынке. С учетом вышеперечисленных ограничений оптимизацию ассортимента портфеля молокоперерабатывающего предприятия предлагается реализовывать на основании математической модели, разработанной Г. Классеном и Дж. Кампманом [17]. Данная модель была практически протестирована на примере составления ассортимента портфеля международной молочной компании FrieslandCampina и показала потенциально возможное существенное повышение прибыли этого производителя. Повышение прибыли было достигнуто за счет оптимального распределения молока-сырья на производство молочной продукции, повышения качества связи между центром планирования и оперативными подразделениями, учета влияния колебания качественного состава молока на себестоимость производства молочной продукции, прогнозирования изменения спроса на рынке и возможности оценивать инвестиционные стратегии. Распределение полученного дохода по всей цепочке поставок позволит существенно усилить конкурентные позиции ее участников в молочной сфере.

Данный подход можно реализовать с помощью внедрения систем управления цепями поставок молочной продукции. Эта модель была использована для оптимизации прибыли цепей поставок молочной продукции в Новой Зеландии за счет управления сезонным колебанием качественного состава молока, производимого на фермах, и оптимизации ассортимента молочной продукции, производимой перерабатывающими предприятиями с учетом спроса, рыночных цен на молочную продукцию и качественного состава молока, поставляемого на переработку. Данная модель предполагает внедрение механизма управления товарно-материальными

запасами в цепочке поставок. Результаты использования данного механизма показали, что, например, увеличение содержания казеина в молоке на 1% при производстве без изменения остальных качественных параметров позволит изменить ассортиментный состав молочной продукции, производимой перерабатывающим предприятием, в сторону увеличения его стоимости. За счет чего совокупная прибыль в цепи поставок увеличится на 1,27%, при этом производственная прибыль возрастет на 1,57%, а затраты, связанные с управлением запасами, увеличатся лишь на 0,3% [22].

Третья проблема заключается в отсутствии доверия между участниками цепей поставок и стремлении каждого из них «подстраховаться» себя от сбоев в работе с партнерами, что приводит к росту транзакционных издержек и созданию резервных запасов (в производстве сухого молока и растительных жиров как альтернативы сырого молока, в розничной торговле — готовой молочной продукции). В результате происходит потеря конкурентных преимуществ, получаемых от организации работы всей цепочки поставок согласно концепции «точно в срок» за счет устранения запасов на каждой стадии производства. Кроме того, существенно снижается качество готовой молочной продукции вследствие использования заменителей сырого молока и увеличения срока хранения молочной продукции на складах торговых предприятий. Это вызывает сокращение потребительского спроса и снижение совокупного дохода, получаемого всеми участниками молочной цепи. Устранение этой проблемы требует достаточно длительного времени, в течение которого должен измениться подход участников молочного рынка к оценке своего места как участника определенной цепочки создания ценности продукта, и понимания, что добиться серьезных кон-

курентных преимуществ в условиях кризиса возможно только путем согласованных усилий всех участников этой цепи [12].

Внедрение механизма управления цепями поставок позволит в той или иной мере решить весь спектр обозначенных проблем. Использование данной системы молокоперерабатывающим предприятием Dimitar Madzarov Ltd, производящим органическую молочную продукцию в Болгарии, где ситуация в молочной сфере схожа с российской действительностью, привела к увеличению объемов производства и товарности молока на фермах, входящих в цепь поставок. При этом среднее увеличение объемов производства составило 195,4%, а уровня товарности — 115,1%.

По опросам фермеров, участвующих в цепи поставок Dimitar Madzarov Ltd, основными факторами, стимулирующими наращивать объемы производства молока, являются: наличие долгосрочных договоров с перерабатывающим предприятием, организация сбора молока в достаточной близости от фермы, хорошая репутация переработчика, высокий уровень доверия, лучший контроль качества молока, своевременная оплата, высокие закупочные цены и низкие риски. 50% опрошенных фермеров, участвующих в цепи поставок Dimitar Madzarov Ltd, заявили о своих планах наращивать объемы производства молока, 30% сообщили о намерении сохранить существующий объем производства, и ни один фермер не собирается переориентироваться на производство других видов сельскохозяйственной продукции.

Использование механизмов управления цепями поставок реализуется с учетом обеспечения пропорционального распределения прибыли между участниками цепи. Поэтому закупочные цены компании Dimitar Madzarov Ltd устанавливаются на уровне значительно выше среднерыночных цен на

сырое молоко в Болгарии. В долгосрочном договоре фиксируется объем поставок молока, его качество, цены и подробно описываются санкции за несоответствие качества поставляемого молока установленным требованиям [15].

Установление тесной взаимосвязи в цепи поставок между производителями и переработчиками молока за счет активной

коммуникации, координации и использования механизмов стимулирования позволяет молокоперерабатывающим предприятиям внедрять новые требования в отношении поставщиков к качеству, времени и способам доставки сырого молока, что увеличивает совокупную прибыль цепи поставок, которая потом пропорционально распределяется между ее участниками.

Литература

1. Волкова, Т.С. Использование концепции отраслевой цепочки ценности в управлении затратами молочной промышленности / Т.С. Волкова // *Управленческий учет*. – 2013. – № 11. – С. 12-22.
2. Доктрина продовольственной безопасности РФ [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства РФ. – Режим доступа: www.mcsx.ru.
3. Динамика объемов производства сырого молока и молочной продукции в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Национальный союз производителей молока. – Режим доступа: http://www.souzmoloko.ru/news/rinok-moloka/rinok-moloka_3372.html
4. Индекс эффективности логистики: разрыв сохраняется [Электронный ресурс] / Всемирный банк, 20.03.2014. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/03/20/logistics-performance-index-gap-persists>.
5. Сток, Дж. Р. Стратегическое управление логистикой: пер. с 4-го англ. изд. / Дж. Р. Сток, Д.М. Ламберт. – М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Нечестное молоко [Электронный ресурс] // Интерфакс-Россия. – Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=737871&type=view>
7. Петруня, Н.Г. Планирование цепочек поставок для молокоперерабатывающих предприятий [Электронный ресурс] / Н.Г. Петруня // *Переработка молока*. – Режим доступа: <http://www.milkbranch.ru/publ/view/347.html>
8. Полешкина, И.О. Механизмы господдержки молочного сектора в Европейском союзе и возможность их адаптации в условиях России / И.О. Полешкина // *Международный сельскохозяйственный журнал*. – 2014. – № 4. – С. 60-63.
9. Полешкина, И.О. Особенности конкуренции на рынке молока в России / И.О. Полешкина // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2015. – № 8. – С. 24-29.
10. Портер, М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Портер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 715 с.
11. Сайт компании IFS Applications. – Режим доступа: <http://www.ifsruussia.ru/ifsgeneralscm.htm>
12. Сергеев, В.И. Логистика и управление цепями поставок – антикризисные инструменты менеджмента / В.И. Сергеев // *Логистика и управление цепями поставок*. – 2015. – № 1 (66). – С. 9-23.
13. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» конкуренция: пер. с англ. / О. Уильямсон. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
14. Akerlof, G. The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism / G. Akerlof // *The Quarterly Journal of Economics*. – V. 84, August 1970. – P. 488-500.
15. Bachev, H. Dairy Supply Chain Management in Bulgaria / H. Bachev // *The IUP Journal of Supply Chain Management*. – Vol. VIII. – No 2. – 2011. – P. 7-20.
16. Backer, K.D. Mapping Global Value Chain / K.D. Backer, S. Miroudot // *OECD Trade Policy Papers*. – № 159. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/5k3v1trgnbr4-en> dx.doi.org/10.1787/
17. A comprehensive dairy valorization model/ *Journal of Dairy Science* / A. Banaszewska, F. Cruijssen, J.G.A.J. van der Vorst, G.D.H. Claassen, J.L. Kampman. – 2013. – Vol. 96. – Issue 2. – P. 761-779.
18. Handfield, R. Supply Chain Redesign: Transforming Supply Chains into Integrated Value Systems / R. Handfield, E. Nichols. – Financial Times Prentice Hall, 2002. – 400 p.

19. Kharin, S. Vertical price transmission along the dairy supply chain in Russia / S. Kharin // Studies in Agricultural Economics. – 2015. – No 117. – P. 80-85.
20. Kleinhanb, W. Evaluation of the Impact of Milk quota – Case Study Germany / W. Kleinhanb, F. Offermann, M. Ehrmann; Institute of Farm Economics. – Braunschweig, 2010. – Режим доступа: <http://www.econstor.eu/dspace/handle/10419/41462>
21. Manoj, K. Lot Sizing Decision: A Case Study of an Indian Dairy Supply Chain / K. Manoj // The IUP Journal of Supply Chain Management, 2007.
22. Markovic, M. Value Chain Analysis in the Montenegrin Dairy Sector / M. Markovic, L. Dries, 2013. – 76 p.
23. A Dairy Supply Chain Model of the New Zealand Dairy Industry / O. Montes de Oca, C.K.G. Dake, A.E. Dooley, D. Clark.
24. Topolansky B. The Challenges of a Consolidated Supply Chain to British Dairy Farmers / B. Topolansky // Social Research. – 2011. – No. 2 (23). – P. 90-99.
25. Economic Effects of U.S. Dairy Policy and Alternative Approaches to Milk Pricing: Report to Congress July 2004 / United States Department of Agriculture.

Сведения об авторе

Ирина Олеговна Полешкина – кандидат экономических наук, Московский государственный технический университет гражданской авиации (125993, Россия, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20, ipoleshkina@mail.ru)

Poleshkina I.O.

Supply Chain Management as a Driving Force for Generating Competitive Advantage for Dairy Companies

Abstract. The study aims to uncover the reserves to generate competitive advantages for the participants of the market of perishables in the case of the dairy sector due to the formation of effective supply chains, as this category of goods is the most demanding in terms of periods and conditions of transportation and terms of preservation. The research technique is based on the concepts of value chains and supply chain management. In order to optimize the distribution of functions between the participants of the dairy chain a process-based approach has been applied. The research has revealed the main reasons for high aggregate costs and the places of their formation at each stage of the dairy supply chain. The article proposes the mechanisms to address three main problems arising from the process of building relations between the participants of the dairy supply chain in Russia. These problems are associated with a disproportionate margin distribution between the participants of the chain, with non-compliance of the quality of raw milk with the requirements for the production of specific types of dairy products, and with distrust of the supply chain participants, which increases transaction costs and forces to create reserve supplies which reduce the competitiveness of the whole dairy supply chain in general. In order to improve the competitiveness of all participants in the dairy chain, the article presents several mechanisms for solving these problems. The first is margin distribution based on the costs incurred by each participant of the dairy chain. The second is the use of a mathematical model to determine the assortment of goods of a dairy enterprise on the basis of the incoming volume and quality of raw milk according to the seasonal factor and the demand for dairy products. The third is the feasibility of refusal from the formation of reserve supplies by all participants of the dairy chain, which will not only minimize aggregate costs, but also significantly improve the quality of dairy products actually available to consumers in retail trade.

Key words: competitive advantage, logistics costs, supply chain management, value chain, dairy products.

References

1. Volkova T.S. Ispol'zovanie kontseptsii otraslevoi tsepochnki tsennosti v upravlenii zatratami molochnoi promyshlennosti [The use of the concept of value chain in dairy industry costs management]. *Upravlencheskii uchet* [Management accounting], 2013, no. 11, pp. 12-22. (In Russian).
2. Doktrina prodovol'stvennoi bezopasnosti RF [Russian Federation's Food Security Doctrine]. *Ministerstvo sel'skogo khozyaistva RF* [Ministry of Agriculture of the Russian Federation]. Available at: www.mcx.ru. (In Russian).
3. Dinamika ob'emov proizvodstva syrogo moloka i molochnoi produktsii v Rossiiskoi Federatsii [Raw milk and dairy products production volume dynamics in the Russian Federation]. *Natsional'nyi soyuz proizvoditelei moloka* [National Union of Milk Producers]. Available at: http://www.souzmoloko.ru/news/rinok-moloka/rinok-moloka_3372.html. (In Russian).
4. Indeks effektivnosti logistiki: razryv sokhranyaetsya [LP index: the gap is reducing]. *Vsemirnyi bank*, 20.03.2014 [World Bank, March 3rd, 2014]. Available at: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/03/20/logistics-performance-index-gap-persists>. (In Russian).
5. Stock J. R., Lambert D.M. *Strategicheskoe upravlenie logistikoi: per. s 4-go angl. Izd* [Strategic logistics management: translation from the 4th English edition]. Moscow: INFRA-M, 2005. (In Russian).
6. Nechestnoe moloko [Fraudulent milk]. *Interfaks-Rossiya* [Interfax–Russia]. Available at: <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=737871&type=view>. (In Russian).
7. Petrunya N.G. Planirovanie tsepochek postavok dlya molokopererabatyvayushchikh predpriyatii [Supply chain planning for dairy enterprises]. *Pererabotka moloka* [Milk processing]. Available at: <http://www.milkbranch.ru/publ/view/347.html>. (In Russian).
8. Poleshkina I.O. Mekhanizmy gospodderzhki molochnogo sektora v Evropeiskom soyuze i vozmozhnost' ikh adaptatsii v usloviyakh Rossii [State aid mechanisms of the dairy industry in the European Union and their adaptability to Russian conditions]. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal* [International journal of agriculture], 2014, no. 4, pp. 60-63. (In Russian).
9. Poleshkina I.O. Osobennosti konkurentsii na rynke moloka v Rossii [Competition features of Russian dairy market]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economy of agricultural and processing enterprises], 2015, no. 8, pp. 24-29. (In Russian).
10. Porter M. *Konkurentnoe preimushchestvo: kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoichivost'* [Competitive advantage: creating and sustaining superior performance]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2005. 715 p. (In Russian).
11. *Sait kompanii IFS Applications [IFS Applications official website]*. Available at: <http://www.ifsruussia.ru/ifsgeneralscm.htm>. (In Russian).
12. Sergeev V.I. Logistika i upravlenie tsepyami postavok – antikrizisnye instrumenty menedzhmenta [Logistics and supply chain management – anti-crisis management tools]. *Logistika i upravlenie tsepyami postavok* [Logistics and supply chain management], 2015, no. 1 (66), pp. 9-23. (In Russian).
13. Williamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, "otnoshencheskaya" konkurentsia: per. s angl.* [The economic institutions of capitalism]. Saint Petersburg: Lenizdat, 1996. 702 p. (In Russian).
14. Akerlof G. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, volume 84, August, 1970, pp. 488-500.
15. Bachev H. Dairy Supply Chain Management in Bulgaria. *The IUP Journal of Supply Chain Management*, volume 8, no. 2, 2011, pp. 7-20.
16. Backer K.D., Miroudot S. Mapping Global Value Chain. *OECD Trade Policy Papers*, no. 159. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5k3v1trgnbr4-en> dx.doi.org/10.1787/
17. Banaszewska A., Cruijssen F., van der Vorst J.G.A.J., Claassen G.D.H., Kampman J.L. A comprehensive dairy valorization model. *Journal of Dairy Science*, 2013, volume 96, issue 2, pp. 761-779.
18. Handfield R., Nichols E. *Supply Chain Redesign: Transforming Supply Chains into Integrated Value Systems*. Financial Times Prentice Hall, 2002. 400 p.
19. Kharin S. Vertical price transmission along the dairy supply chain in Russia. *Studies in Agricultural Economics*, 2015, no. 117, pp. 80-85.
20. Kleinhanb W., Offermann F., Ehrmann M. *Evaluation of the Impact of Milk quota – Case Study Germany*. Institute of Farm Economics. Braunschweig, 2010. Available at: <http://www.econstor.eu/dspace/handle/10419/41462>

21. Manoj K. Lot Sizing Decision: A Case Study of an Indian Dairy Supply Chain. *The IUP Journal of Supply Chain Management*, 2007.
22. Markovic M., L. Dries *Value Chain Analysis in the Montenegrin Dairy Sector*, 2013. 76 p.
23. Montes de Oca O., Dake C.K.G., Dooley A.E., Clark D. *A Dairy Supply Chain Model of the New Zealand Dairy Industry*.
24. Topolansky B. The Challenges of a Consolidated Supply Chain to British Dairy Farmers. *Social Research*, 2011, no 2 (23), pp. 90-99.
25. Economic Effects of U.S. Dairy Policy and Alternative Approaches to Milk Pricing: Report to Congress July 2004. *United States Department of Agriculture*.

Information about the Author

Irina Olegovna Poleshkina – Ph.D. in Economics, Moscow State Technical University of Civil Aviation (20, Kronshtadtskii Boulevard, Moscow, 125993, Russian Federation, ipoleshkina@mail.ru)

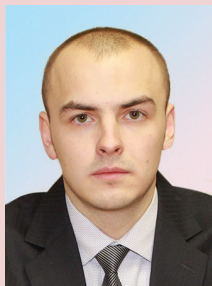
Статья поступила 28.06.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.15

УДК 330.4, ББК 65.050.03

© Маковеев В.Н.

Применение агент-ориентированных моделей в анализе и прогнозировании социально-экономического развития территорий*

Виталий Николаевич**МАКОВЕЕВ**Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
makoveevvn@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи состоит в изучении сущности агент-ориентированного моделирования, определении его специфики и перспектив использования при моделировании социально-экономического развития территорий, а также систематизации отечественных и зарубежных подходов к разработке прототипов агентных моделей территорий. Информационной базой исследования выступили труды отечественных и зарубежных ученых по агент-ориентированному моделированию, и прежде всего статьи и монографии учёных ЦЭМИ РАН, материалы международного журнала «Journal of Artificial Societies and Social Simulation» и другие источники, доступные в сети Интернет. В статье изложены теоретико-методологические основы построения агентных моделей территорий. Рассмотрены понятия «агент-ориентированное моделирование» и «агент». Определены особенности агент-ориентированных моделей в сравнении с другими видами имитационного моделирования. Описаны главные этапы построения агентных моделей территорий, а также квалификационные требования субъекта моделирования. Проведен обзор

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-18-10296 «Разработка комплекса агент-ориентированных моделей, имитирующих социально-экономическую систему Евразийского континента и детализированных до уровня отдельных индивидуумов».

Для цитирования: Маковеев, В.Н. Применение агент-ориентированных моделей в анализе и прогнозировании социально-экономического развития территорий / В.Н. Маковеев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 272-289. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.15

For citation: Makoveev V.N. Using agent-based models in the analysis and forecast of socio-economic development of territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5, pp. 272-289. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.15

отечественных и зарубежных подходов к разработке прототипов агент-ориентированных моделей территорий. Установлено, что большая их часть посвящена моделированию пространственного, территориального и социально-экономического развития регионов, городов и муниципальных образований. Агентами в такого рода моделях являются домашние хозяйства, жители регионов и городов, предприятия и организации, работающие на их территории, и органы государственной власти и управления (их включение в модель позволяет осуществлять апробацию различных вариантов управленческих воздействий на территории посредством изменения параметров модели, например введения определенных запретов и квот, выдачи разрешений, распределения финансовых ресурсов и т.п.). В заключение сформулированы основные выводы. Показаны сложности, с которыми сталкиваются разработчики агент-ориентированных моделей социально-экономического развития территорий и перспективы дальнейших исследований в этой области. Установлено, что агент-ориентированный подход к моделированию социально-экономического развития территорий очень перспективен, он позволяет повысить эффективность прогнозирования регионального развития и принимаемых управленческих решений за счет очень подробного и реалистичного воссоздания внутренней структуры региона в виде отдельных самостоятельных экономических субъектов, которые взаимодействуют друг с другом и внешней средой, а также возможности быстрой обработки и анализа больших массивов информации.

Ключевые слова: экономика, математическое моделирование, агент, агент-ориентированные модели, социально-экономическое развитие.

В постсоветский период рост отечественной экономики преимущественно достигался за счет наращивания экспорта сырьевых ресурсов, особенно углеводородов, и благоприятной ценовой конъюнктуры на энергоносители. По такой экспортно-сырьевой модели отечественная экономика развивалась на протяжении последних 25 лет. Однако финансовый кризис 2008–2009 гг. и события 2014 г. наглядно продемонстрировали уязвимость и нестабильность этого типа развития. Резкое снижение цен на нефть в 2014 г. привело к существенному сокращению средств бюджетов всех уровней и инвестиционной активности, что крайне негативно повлияло на динамику темпов экономического роста и благосостояние населения. Сложившуюся ситуацию усугубили введенные в отношении РФ ограничения на импорт новых технологий и высокотехнологичного оборудования со стороны некоторых зарубежных стран.

Подобная ситуация обуславливает необходимость более эффективного использования имеющихся ресурсов, прежде всего в регионах. В свою очередь, достижение этого невозможно без разработки систем моделирования и прогнозирования социально-экономического развития на региональном уровне.

В 2014 г. принят закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который «устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования» [18].

В настоящее время для прогнозирования социально-экономического развития территорий органы государственной власти и управления в основном применяют методы временного ряда (построение трендов), межотраслевого баланса, производственной функции и экспертных опросов. Разработано множество базирующихся на этих методах моделей социально-экономического развития территорий (Модель межотраслевых взаимодействий (ЦЭМИ РАН), Балансово-эконометрическая модель прогнозирования (ЦМАКП), Макроэкономическая межотраслевая модель RIM (ИНП РАН), Модель современной российской экономики (ВЦ РАН), Система анализа и прогнозирования социально-экономического развития региона (КГТУ), Модель «затраты-выпуск» В. Леонтьева (США), Межотраслевая модель американской экономики LIFT (США), Спросовая модель AIDADS (Китай), Модель стран зоны евро (ЕС) и др.) [9, 21, 22, 30, 37, 41]. Однако следует отметить, что многие из такого рода моделей не применимы на региональном уровне, поскольку технология их расчетов основана на данных экспертных опросов и ряде показателей, по которым крайне затруднительно получить информацию. Это создает необходимость разработки моделей социально-экономического развития, которые были бы применимы на региональном уровне и учитывали бы специфику конкретной территории и широкое разнообразие взаимосвязей между расположенными на ней экономическими агентами.

Особенно отметим то, что такие модели должны иметь возможность быстро и качественно анализировать очень большие объемы информации. Это обусловлено очень сильным ростом в последние годы общего объема информации в различных сферах

экономики. По оценкам аналитической компании IDC¹, общий объем данных увеличится за 10 лет в 29 раз: с 1200 экзабайт в 2010 г. до 35000 экзабайт в 2020 г. По мнению аналитиков, наибольший рост информации будет наблюдаться в сети Интернет, финансовом секторе, здравоохранении, астрономии и биоинформатике. Потребность в обработке и анализе массивов данных такого объема обуславливает необходимость создания информационно-аналитических систем нового уровня, основанных на усовершенствованных вычислительных методах, методах распознавания образов, организации хранилищ, сбора статистической информации с целью извлечения смысла из данных и получения информационного контекста [1].

Поскольку человеческий мозг не может воспринимать более трех-четырёх взаимосвязанных параметров динамического процесса, создание подобных систем на региональном уровне позволит повысить эффективность принятия решений, в том числе и государственного управления на той или иной территории, а также более эффективно использовать имеющиеся в регионе ресурсы [16].

При построении подобных моделей и одним из ключевых звеньев новых информационно-аналитических систем может выступить агент-ориентированный подход к моделированию социально-экономического развития территорий, который является относительно новым в имитационном моделировании и в последнее время приобретает всё большую популярность. По мнению исследователей ЦЭМИ РАН, возникновение этого подхода можно рассматривать как результат длительной эволюции методологии моделирования: перехода от моно-моделей (одна модель описывается

¹ International Data Corporation.

одним алгоритмом) к мультимоделям (в одной модели содержится множество независимых алгоритмов) [13].

В соответствии с данным подходом экономическую систему можно представить как совокупность взаимодействующих подсистем-агентов. Моделируя поведение отдельных элементов системы, задавая параметры их взаимодействия, возможно исследовать закономерности поведения глобальной системы, анализировать её характеристики [7]. Другими словами, агент-ориентированный подход к моделированию представляет собой искусственное общество, которое состоит из взаимодействующих между собой самостоятельных агентов, что позволяет смоделировать систему, максимально приближенную к реальности [20].

При построении агентных моделей задача исследователя состоит не в описании поведения системы целиком (это применяется при разработке традиционных имитационных моделей с помощью линейных или дифференциальных уравнений, устанавливающих связи между элементами), а заключается в описании поведения только ее элементов, их самостоятельности. Поведение всей системы определяется ею самой в ходе эмуляционного эксперимента, а функциональные связи, возникающие в ходе взаимодействия элементов системы, остаются за скобками описательной части и, по сути, являются предметом исследования [8].

Таким образом, актуальность обращения к вопросам развития агент-ориентированного моделирования социально-экономических систем различных территорий прежде всего обусловлена существенным увеличением объемов информации, необходимостью ее обработки и анализа, повышением эффективности управленческих решений.

Цель представленной статьи состояла в изучении сущности агент-ориентированного моделирования, определения его специфики и перспектив использования при моделировании социально-экономического развития территорий, а также систематизации отечественных и зарубежных подходов к разработке прототипов агентных моделей территорий.

Информационной базой исследования выступили труды отечественных и зарубежных ученых по агент-ориентированному моделированию, и прежде всего статьи и монографии учёных ЦЭМИ РАН, материалы международного журнала «*Journal of Artificial Societies and Social Simulation*», а также другие источники, доступные в сети Интернет.

Сущность процесса моделирования по А.Г. Гранбергу сводится к циклическому и последовательному выполнению таких этапов, как: построение модели, изучение модели, перенос знаний с модели на оригинал, а также проверка и применение знаний [5].

Попробуем разобраться, какие модели относят к агент-ориентированным и в чем их отличие от других видов имитационного моделирования.

Отечественными и зарубежными исследователями сформулированы разные определения агент-ориентированных моделей.

Например, А.Р. Бахтизин и М.Р. Фаттахов определяют агент-ориентированные модели как специальный класс моделей, которые основаны на индивидуальном поведении агентов и созданы для компьютерных симуляций [2; 25].

В.Л. Макаров определяет агент-ориентированную модель через перечисление ее свойств, к которым он относит: автономию, ограниченную интеллектуальность агентов, расположение в пространстве и неоднородность. Главным отличием агент-

ных моделей от других видов имитационного моделирования автор называет «наличие в них большого числа взаимодействующих друг с другом агентов» [11].

Е.Д. Сушко определяет агент-ориентированную модель как «искусственное общество, состоящее из взаимодействующих между собой самостоятельных агентов, каждый из которых обладает заданным набором личностных характеристик («ресурсов»), целевой функцией («интересами») и подчиняется правилам поведения, определяющим его реакцию в различных ситуациях, затрагивающих сферу его интересов» [23].

По мнению Н. Гилберта, агент-ориентированное моделирование — это вычислительный метод, который позволяет исследователю создавать и проводить анализ модели, состоящей из агентов, взаимодействующих в среде, а также проводить эксперименты с помощью построенных моделей. Главной особенностью агент-ориентированных моделей Н. Гилберт называет возможность агентов взаимодействовать друг с другом и средой, передавать информационные сообщения и осуществлять действия на их основе. При этом информационные сообщения могут представлять как прямой «диалог» между агентами, так и косвенные средства получения информации (воздействие другого агента, наблюдение за другим агентом). Как считает Н. Гилберт, именно возможность моделирования взаимодействий агентов является главным отличием агент-ориентированного моделирования от других видов вычислительных моделей [36].

По мнению А.Р. Бахтизина, «конечная цель процесса по созданию агент-ориентированных моделей — отследить влияние флуктуаций агентов, действующих на микроуровне, на показатели макроуровня» [2].

Одним из главных терминов в агент-ориентированном моделировании является понятие «агент». М.Р. Фаттахов полагает, что точного определения этого термина в агентном моделировании на данный момент не выработано. С его позиции «агент — интеллектуальная автономная компьютерная сущность, находящаяся в окружающей ее среде и взаимодействующая с другими подобными сущностями для достижения целей своего существования» [25].

По мнению В.Д. Боева, «агент» — это активный объект, который обладает поведением и имеет возможность взаимодействия с другими агентами и средой [3].

Исследуя термин «агент», В.Л. Макаров подчёркивает, что каждый из агентов обладает заданным набором характеристик и целевой функцией. На этой основе происходит имитация реакции агента на изменения внешней среды, которая затрагивает его интересы [13].

По словам М.Р. Фаттахова, основными свойствами и атрибутами агентов называют: «автономность, интеллектуальность, репрезентативность, расположенность во времени и пространстве, наличие жизненного цикла, самостоятельность от разработчика модели или внешнего оператора, взаимодействие, целеустремленность, восприятие мира, способность обучаться и адаптироваться, наличие у агента ресурса» [25].

Таким образом, исследователи, занимающиеся вопросами агент-ориентированного моделирования, при определении термина «агент» в качестве его основных особенностей выделяют способность к индивидуальному поведению и взаимодействию с другими агентами и средой. С учетом этого можно выделить следующие ключевые особенности, отличающие агент-ориентированные модели от других видов вычислительных моделей [12]:

1. *Неоднородность агентов (в том числе и в пределах класса).* В классе предприятий каждый агент (предприятие) отличается от другого, обладая при этом соответствующим набором признаков поведения, присущих этому классу. В неагентных имитационных моделях весь класс предприятий представлен одним предприятием, то есть все агенты этого класса действуют синхронно и одинаково как одно целое, что не соответствует реальной действительности. Например, при решении задачи в экономике с помощью вычислимых моделей, описывающих связи между двумя ее секторами — промышленностью и сельским хозяйством, эти сектора ведут себя как два огромных предприятия. В агент-ориентированной модели в каждом из этих классов будет действовать множество агентов-предприятий, которые будут отличаться друг от друга количеством рабочих, объемом выручки, эффективностью производства, видом продукции и т.п.

2. *Автономия (независимость действий агентов друг от друга).* Действия агентов в модели (например, людей) происходят одновременно и параллельно. Также действия агентов различаются даже в пределах одного класса. Например, в классе предприятий, при прочих равных условиях, одно предприятие-агент может принять решение об инвестировании всей прибыли в модернизацию своего производства, второе — направить всю прибыль на выплату дивидендов, а третье сделает и то и другое в определенной пропорции.

3. *Осуществление действий агентов в заданном пространстве, которое имеет определенную структуру.* Например, если агенты в модели (люди, автомобили и т.п.) используют дороги и реки там, где они есть в заданном пространстве, то горы для них являются преградой.

4. *Локальные взаимодействия.* Каждый агент в модели взаимодействует с другими агентами в определенной окрестности, а с теми, кто вне ее, данного типа взаимодействия не происходит. Это приближает модель к реальной жизни, поскольку взаимодействие людей друг с другом осуществляется в рамках определенной территории (даже через интернет взаимодействие не происходит одновременно со всем населением мира).

5. *Ограниченная рациональность.* Это особенность в модели относится к индивидам, предприятиям и государству. В отличие от концепции экономического человека (*homo economicus*) концепция ограниченной рациональности исходит из того, что человеку не удастся достигнуть максимума индивидуальной функции полезности в силу объективных естественных ограничений (ограниченность времени и скорости на принятие решений, ограниченность памяти и доступности информации о возможных вариантах и др.). Это позволяет приблизить агентные модели к реальности.

6. *Неравновесный характер динамики процессов.* Тогда как обычные задачи моделирования (например, задачи общего равновесия) заняты поиском равновесных решений, динамика процессов в агент-ориентированных моделях носит неравновесный характер [8].

Специфика построения агент-ориентированных моделей обуславливает многоэтапность этого процесса. Наряду с общими этапами имитационного моделирования (анализ и системы; формулировка цели моделирования системы; разработка концептуальной структуры модели; реализация модели в среде моделирования; реализация анимационного представления

модели; проверка корректности реализации модели; калибровка модели; планирование и проведение компьютерного эксперимента [3]), для разработки агентных моделей исследователю требуется определить индивидуальные характеристики агентов, смоделировать их поведение и правила взаимодействия со средой, осуществить калибровку модели (на этом этапе достигается соответствие между реально наблюдаемыми данными по моделируемому объекту и данными, которые рассчитаны по результатам индивидуальных действий агентов в модели).

Несмотря на сложность построения агент-ориентированных моделей, интерес к ним повышается, что подтверждается увеличением количества публикаций по данной тематике [39]. Следует отметить, что около половины прототипов агент-ориентированных моделей разрабатываются в социальных и экономических сферах.

В таблице представлены наиболее интересные и проработанные с нашей точки зрения отечественные и зарубежные агент-ориентированные модели в сфере социального и экономического развития различных территорий.

Отечественные и зарубежные агент-ориентированные модели

№ п/п	Модель	Структура модели	Авторы
Отечественные модели			
1.	Региональная модель «Губернатор»	Физические лица (люди – жители региона), юридические лица (предприятия и организации) и муниципальные районы	Е.Д. Сушко
2.	Демографическая модель «Россия»	Два типа агентов, которые различаются репродуктивными стратегиями. Первый вид агентов придерживается традиционной стратегии, а второй – современной	В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко, А.Р. Бахтизин
3.	Модель социально-экономического развития мегаполисов (CUBMUD)	Предприятия и люди, а также три типа среды: общественный транспорт, районы, дороги	М.Р. Фаттахов
4.	Мультиагентная модель развития территориальной системы	Экономические районы, состоящие из территориальных производственных комплексов и площадок, на которых их можно разместить	К.С. Чиркунов
5.	Межрегиональная межотраслевая модель «затраты-выпуск» для экономики РФ	Фирмы, домохозяйства, внешние и товарные рынки	В.И. Суслов
Зарубежные модели			
6.	Модель европейской экономики – EURACE (Италия, Франция, Германия, Великобритания, Турция, США)	Домашние хозяйства, предприятия и банки	Ученые из разных стран Европы, нобелевский лауреат Д. Стиглиц
7.	Модель виртуальной экономики в г. Градец-Кралове, Чехия (Hradec Kralove)	Потребители; производители; добывающие предприятия; транспорт	P. Cech, P. Tucmk, V. Bures, M. Husrakova
8.	Модель расширения городской территории (Китай)	Жители города, крестьяне и органы власти	H. Zhang, Y. Zeng, L. Bian, X. Yu
9.	Модель внутригородской миграции (США)	Домашние хозяйства, застройщики и органы власти	S. Sun, S.M. Manson
10.	Модель сокращения города (Германия)	Население, пространство, принятие решений	D. Haase, S. Lautenbach, R. Seppelt
Источник: составлено автором.			

Остановимся более подробно на каждой представленной агент-ориентированной модели.

1. *Региональная модель «Губернатор»*, разработанная Е.Д. Сушко, [14] предназначена для имитации социально-экономического состояния региона на основе реконструкции его внутренней структуры и моделирования поведения действующих на его территории самостоятельных экономических агентов [23]. В модели присутствуют агенты трёх типов: физические лица (люди – жители региона), юридические лица (предприятия и организации) и муниципальные районы. О высокой проработанности модели говорит то, что она обладает очень сложной структурой и включает в себя модель демографического развития региона и его отдельных муниципальных районов; модель трудового потенциала и трудового поведения отдельного человека; модель рынка труда; модель производства; модель формирования и использования бюджета.

Модель «Губернатор» предназначена для апробации разных вариантов управляющих воздействий на уровне региона, модель можно также использовать в качестве инструмента планирования при бюджетировании, ориентированном на результат, т. е. при распределении бюджетных ресурсов согласно целям, задачам и функциям органов власти и управления.

Апробация модели выполнена на примере Вологодской области. С ее помощью были проведены численные эксперименты по имитации динамики состояния населения области, ее муниципальных районов и предприятий на их территории при разных значениях управляемых параметров модели. Итоги апробации показали, что модель достаточно точно отражает особенности регионального социально-экономического развития и может применяться для его имитации [23].

2. *Демографическая агент-ориентированная модель «Россия»* разработана сотрудниками ЦЭМИ РАН для имитации репродуктивного поведения людей исходя из их внутренних установок [15].

В модели агенты разделены на два вида, которые различаются репродуктивными стратегиями. Первый вид агентов придерживается традиционной стратегии, а второй – современной.

На первом этапе работы модели устанавливается стартовое состояние среды и формируются агенты, характеристики которых (возраст, пол, признак принадлежности к определенному типу, желаемое число детей) присваиваются таким образом, чтобы воспроизвести заданную половозрастную и социальную структуру населения моделируемого региона.

На втором этапе имитируются процессы естественного движения населения региона – смертность и рождаемость – с помощью метода перегруппировки возрастов и вероятностных механизмов. По словам авторов, «вымирание агентов происходит в соответствии с коэффициентами смертности, дифференцированными по полу и возрасту, но одинаковыми для всей популяции. Создание же новых агентов (рождение детей) в модели является результатом действий агентов. Вначале агенты-люди взаимодействуют между собой в процессе образования супружеских пар, при котором происходит согласование партнерами числа желаемых общих детей. А затем «семейные пары» договариваются о времени рождения каждого ребенка, и выбор этот зависит от их внутренних установок, связанных с принадлежностью к тому или иному типу» [15].

3. *Агент-ориентированная модель социально-экономического развития меганполисов (Complex Agent-Based Model of Urban Development или сокращенно CUBMUD)* [25], разработанная М.Р. Фаттаховым, состоит

из двух типов агентов: это люди (жители мегаполиса), городские предприятия и организации, а также трех видов среды: районы города, линии общественного транспорта и дороги общего пользования, которые находятся в этих районах. В ходе функционирования модели один вид агентов взаимодействует с другим (тип связи «агент-агент»), т.е. они либо уже работают и получают ежемесячный доход, либо находятся на бирже труда и ищут работу, взаимодействуя со средой модели (тип связи «агент-среда»). Здесь они оплачивают стоимость проживания (платежи ЖКХ, арендная плата). В модели агенты-люди могут менять район проживания исходя из своих предпочтений или финансового положения. В ходе перемещения между домом и работой агенты-люди взаимодействуют со средой – общественным транспортом и дорогами общего пользования. Выбор вида транспортного средства при перемещении определяет количество времени, которое они проводят в дороге и величину ежемесячных расходов. Агенты-люди обладают следующим набором характеристик: возраст, память, размер ежемесячного дохода, размер ежемесячных транспортных расходов, денежный баланс, район работы, район проживания, время начала рабочего дня, наличие или отсутствие личного транспортного средства. Агенты-люди могут находиться в одном из четырёх состояний: удовлетворения, недовольства, состоянии ожидания и нейтральном [27].

Апробация данной модели реализована на примере г. Москвы [24]. Построенная модель CABMUD позволяет осуществлять долгосрочные прогнозы и разрабатывать сценарии социально-экономического развития городов, получать количественную оценку результатов управленческих решений.

4. *Мультиагентная модель развития территориальной системы* разработана и апробирована К.С. Чиркуновым [29]. Основными агентами в ней выступают экономические районы, состоящие из агентов более низкого уровня иерархии: территориальных производственных комплексов и площадок, на которых их можно разместить. Площадки характеризуются географическим положением, а также имеющимися природными и трудовыми ресурсами. Внешняя среда в модели представлена множеством внешних ресурсов и рынков. В процессе функционирования территориальной системы агенты взаимодействуют друг с другом, например могут договариваться о наборе производственных специализаций системы и тем самым определять поведение территориальной системы в целом [28].

5. *Межрегиональная межотраслевая модель «затраты-выпуск»* разработана В.И. Сусловым и его коллегами для решения проблемы моделирования пространственной структуры экономической системы России с учетом ее огромной территории. Модель содержит четыре типа агентов: фирмы, домохозяйства, внешние рынки и товарные рынки. При этом она имеет географическую структуру и привязана к условной карте России с использованием геоинформационного подхода [19].

6. *В сентябре 2006 г. стартовал проект по разработке модели европейской экономики – EURACE (Agent-based Computational Economics)*. В данной модели в рамках социально-экономической системы взаимодействует множество автономных агентов [34]. В проект вовлечены специалисты из восьми научно-исследовательских центров Германии, Италии, Великобритании, Франции и Турции, а также консультант из Колумбийского университета США – нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц [20].

Для модели используется географическая информационная система, охватывающая широкий перечень объектов: магазины, предприятия, школы, транспортные сети и т. д.

По своим масштабам и сложности EURACE является уникальной, поскольку в ней представлен весь Европейский союз. Для наполнения модели статистической информацией использовались данные (в виде геоинформационных карт) статистической службы Европейского союза уровня NUTS-2, представляющие сведения о 268 регионах 27 стран².

В модели выделено три типа агентов: домашние хозяйства, предприятия и банки. Все они имеют географическую привязку и связаны друг с другом посредством социальных сетей, деловых отношений и т. д. С помощью разработанной модели был проведен ряд экспериментов с целью исследования рынка труда. Один из основных выводов исследования заключается в том, что макропоказатели двух регионов со схожими условиями (ресурсы, развитие экономики и т. д.) в течение продолжительного периода (10 лет и более) могут значительно разойтись из-за первоначальной неоднородности агентов.

7. *Агент-ориентированная модель виртуальной экономики*, разработанная P. Cech, P. Tucmk, V. Bures и M. Husrakova, воссоздает процессы производства и потребления в реальной экономике. Она предназначена для исследования экономических процессов в чешском городе Градец-Кралове (Hradec Kralove) [45].

² NUTS (фр. Nomenclature des unites territoriales statistiques) – Номенклатура территориальных единиц для целей статистики, представляющая собой стандарт территориального деления стран для статистических целей, разработанный Европейским союзом и охватывающий входящие в него страны. Существуют NUTS-единицы трех уровней, при этом второй уровень (NUTS-2) соответствует административным округам в Германии, графствам в Великобритании и т. д.

В модели авторы выделяют четыре типа агентов: потребители (С-агенты); производители (F-агенты); добывающие предприятия (M-агенты); транспорт (Т-агенты). *С-агенты* могут приобретать товары первой необходимости, нормальные товары и предметы роскоши. Структура и скорость потребления определяется индивидуальной функцией потребления, которая зависит от благосостояния агентов. Уровень благосостояния определяется работой и квалификацией. Делая выбор между инвестициями в потребление или повышение квалификации, агенты могут распоряжаться своим благосостоянием. *F-агенты*, потребляя сырьевые ресурсы и другие продукты, осуществляют выпуск конечного продукта, который покупают С-агенты, или промежуточного продукта, приобретаемого другими производителями. С помощью функции потребления в модели определяются пропорции закупаемых сырья и продуктов, а с помощью производственной функции задаётся ассортимент выпускаемой продукции. Объем выпуска зависит от используемой технологии и квалификации занятых в производстве С-агентов. *M-агенты в модели* осуществляют преобразование природных ресурсов в сырьевые, которые используют F-агенты, причем каждый M-агент поставляет только один вид сырья. Стоимость добычи определяется функцией потребления, отражающей необходимые энергию и технологии. *T-агенты в модели* выступают в роли посредников между агентами-производителями и добывающими предприятиями. Задача T-агента – найти оптимальный маршрут. Вместительность, скорость передвижения и технология определяют производительность t-агента. Стоимость перевозки зависит от расстояния.

На платформе NetLogo авторами реализована упрощенная компьютерная модель виртуальной экономики. Она имитирует процессы добычи сырья, его передачи транспортным агентам, транспортировку, обнаружение препятствий во время транспортировки, производство продукции, покупку, продажу и конечное потребление продукции агентами-потребителями. По замыслу исследователей, окончательная модель должна основываться на реальных статистических данных и согласовываться с поведением хозяйствующих субъектов города Градец-Кралове [27].

8. *Агент-ориентированная модель расширения китайского города* Чанша разработана Н. Zhang, Y. Zeng, L. Bian и X. Yu [46]. Модель включает три типа агентов: жителей города, крестьян и органы власти. В качестве одной из главных движущих сил расширения города в модели считаются агенты-жители, которые выбирают новое место жительства.

Агенты-крестьяне в поисках более комфортной жизни стремятся, с одной стороны, жить поближе к городу и «цивилизации», с другой – не потерять земли, которые их «кормят», ведь именно земли вблизи городской черты и крупных дорог с наибольшей вероятностью будут переданы городу. Принятие решений агентами-крестьянами зависит в модели от целого набора факторов: удельного веса охраняемых земель сельскохозяйственного назначения, удельного веса земель под застройку и зон возможной застройки, расстояния до железных дорог и шоссе, расстояния до главных городских дорог и центра города, плотности населения и др. Органы власти являются в модели агентом особого типа, который не обладает пространственными характеристиками в отличие от агентов двух других типов, однако может принимать решения, способствующие наиболее

рациональному использованию земель, обеспечивает устойчивое развитие города при одновременной защите и сохранении плодородных сельскохозяйственных земель [27].

Описанная модель построена на статистических данных о социально-экономическом развитии г. Чанша в Китае (начиная с 1990 г.) и использует ГИС-карту этого города.

9. *Модель внутригородской миграции* разработана американскими учёными S. Sun и S. M. Manson. В качестве основных агентов в модели представлены: домашние хозяйства (они формируют спрос на рынке недвижимости), застройщики (создают предложение нового жилья) и органы власти (осуществляют регулирование использования земли). Процесс моделирования внутригородской миграции осуществляется в несколько этапов: во-первых, определяются характеристики среды и пространственно-временных рамок; во-вторых, производится загрузка информации об агентах; в-третьих, осуществляется запуск модели и, в-четвертых, анализируются результаты моделирования. Модель верифицирована и откалибрована на данных столичной агломерации штата Миннесота, которую образуют Миннеаполис и примыкающий к нему Сент-Пол [50].

10. *Модель сокращения города*, разработанная немецкими исследователями D. Haase, S. Lautenbach и R. Seppelt, применяется для изучения миграции и землепользования в городе Лейпциг. Основу модели составляют три блока: «Население» (динамика населения влияет на жизненные циклы и типы домохозяйств, определяется миграционным приростом, рождаемостью и смертностью), «Пространство» (каждая точка городского пространства, за исключением её территориальной принадлежности, описывается составом домохозяйств,

типом жилой застройки, транспортной доступностью, стоимостью покупки и аренды недвижимости, безопасностью, криминальной обстановкой, а также наличием медицинских и образовательных учреждений, торговых центров, мест отдыха и развлечений), «Принятие решений» (на основе оценки привлекательности места жительства каждое домохозяйство осуществляет выбор между сохранением прежнего места жительства и переселением) [38].

Модель позволяет оценить уровень высвобождения жилья в городе на основе переселения домохозяйств, а в случае невосстановленности жилья более 5 лет — уровень его сноса.

На основе анализа подходов отечественных и зарубежных исследователей к разработке агент-ориентированных моделей в социальной и экономической сферах можно заключить, что большая их часть посвящена моделированию пространственного, территориального и социально-экономического развития регионов, городов и муниципальных образований. Основными агентами в такого рода моделях являются домашние хозяйства, жители регионов и городов, предприятия и организации, работающие на их территории, а также органы государственной власти и управления (их включение в модель позволяет осуществлять апробацию различных вариантов управленческих воздействий на территории посредством изменения параметров модели, например введения определенных запретов и квот, выдачи разрешений, распределения финансовых ресурсов и т. п.).

Для реализации агентных моделей социально-экономического развития на региональном уровне разработчикам необходимо преодолеть сложности, связанные с определением типов агентов, их количества и характеристик, пониманием механизма

взаимодействия агентов друг с другом и внешней средой, осуществлением калибровки модели и выбора периода симуляций. Ситуацию осложняет также проблема наполнения агент-ориентированных моделей социально-экономического развития территорий реальными данными. Частично данную проблему можно преодолеть путем проведения социологических опросов. Однако методики их проведения не всегда позволяют обеспечить сопоставимость полученных данных на разных уровнях моделирования. Одна из проблем, затрудняющих использование агент-ориентированного подхода при прогнозировании социально-экономического развития территорий, заключается в недостаточной информированности органов государственной власти и управления о возможностях и перспективах этого метода и целесообразности его применения при изучении экономической динамики, принятии управленческих решений и выборе стратегических приоритетов.

Обобщая, можно заключить, что агент-ориентированный подход к моделированию социально-экономического развития территорий очень перспективен, он позволяет повысить эффективность прогнозирования регионального развития и принимаемых управленческих решений за счет очень подробного и реалистичного воссоздания внутренней структуры региона в виде отдельных самостоятельных экономических субъектов, которые взаимодействуют друг с другом и внешней средой, а также возможности быстрой обработки и анализа больших массивов информации.

По нашему мнению, дальнейшие исследования в области агент-ориентированного моделирования социально-экономического развития территорий могут быть направлены на решение задач, связанных с изучением взаимодействия агентов друг с другом

и средой, разработкой теоретических и методологических основ агент-ориентированного подхода, проведением анализа программного обеспечения и технической

реализации агент-ориентированных моделей на суперкомпьютерах, а также разработкой алгоритмов калибровки и верификации агентных моделей.

За помощь при подготовке данной статьи автор выражает благодарность заместителю директора ИСЭРТ РАН, заведующему отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний д.э.н., доценту Гулину Константину Анатольевичу.

Литература

1. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, В.А. Васенин, В.А. Борисов, В.А. Роганов // Вестник РАН. – 2016. – № 3. – С. 253.
2. Бахтизин, А.Р. Агент-ориентированные модели экономики [Текст] / А.Р. Бахтизин. – М.: Экономика, 2008. – 279 с.
3. Боев, В.Д. Компьютерное моделирование: пособие для курсового и дипломного проектирования [Текст] / В.Д. Боев, Д.И. Кирик, Р.П. Сыпченко. – СПб.: ВАС, 2011. – 348 с.
4. Борщев, А.В. Имитационное моделирование: состояние области на 2015 год, тенденции и прогноз [Электронный ресурс] / А.В. Борщев // ИММОД 2015. – Режим доступа: http://www.anylogic.ru/upload/pdf/immod15_borshchev_statia.pdf.
5. Гранберг, А.Г. Моделирование социалистической экономики: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1988. – 487 с.
6. Денисова, С.В. Моделирование процесса слияний организаций с помощью агент-ориентированной модели / С.В. Денисова, А.Р. Бахтизин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 2. – С. 60.
7. Звягин, Л.С. Практические приёмы моделирования экономических систем / Л.С. Звягин // Проблемы современной экономики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 14-19.
8. Зилькарнай, И.У. Задача агент-ориентированного моделирования распределения функций по вертикали в асимметричной федерации / И.У. Зилькарнай // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 1249-1255.
9. Ивантер, В.В. Стратегия перехода к экономическому росту / В.В. Ивантер // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 1. – С. 3-8.
10. Лаборатория агентного моделирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abm.center>.
11. Макаров, В.Л. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин. – М.: Экономика, 2013. – 295 с.
12. Макаров, В.Л. Искусственные общества / В.Л. Макаров // Искусственные общества. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 10-24.
13. Макаров, В.Л. Современные методы прогнозирования последствий управленческих решений [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин // Управленческое консультирование. – 2015. – № 7. – С. 12-24.
14. Макаров, В.Л. Общее описание модели Вологодской области «Губернатор» [Электронный ресурс] / В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко, А.Р. Бахтизин. – Режим доступа: <http://abm.center/publications/index.php?ID=276>.
15. Макаров, В.Л. Общее описание демографической модели «Россия» [Электронный ресурс] / В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко, А.Р. Бахтизин. – Режим доступа: <http://abm.center/publications/index.php?ID=278>.
16. Макаров, В. Моделирование демографических процессов с использованием агент-ориентированного подхода / В. Макаров, А. Бахтизин, Е. Сушко // Федерализм. – 2014. – № 4. – С. 37.

17. Мусаев, А. Тихая когнитивная революция / А. Мусаев, А. Шевчик // Эксперт. – 2016. – № 4. – С. 45.
18. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон : принят Государственной Думой 20 июня 2014 г. №172-ФЗ // Консультант-плюс.
19. Опыт агент-ориентированного моделирования пространственных процессов в большой экономике [Текст] / В.И. Суслов, Д.А. Доможиров, В.С. Костин, Л.В. Мельникова, Н. М. Ибрагимов, А. А. Цыплаков // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 32-54.
20. Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем [Текст] / В.В. Окрепилов, В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин и др. // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 301-313.
21. Савчишина, К. Прогнозирование показателей налогового-бюджетной сферы в рамках квартальной макроэкономической модели QUMMIR» / К. Савчишина // Научные труды. – МАКС Пресс, 2008.
22. Саянова, А.Р. Таблицы «затраты-выпуск» в анализе и прогнозировании структурных параметров региона / А.Р. Саянова // Проблемы прогнозирования – 2004. – № 6. – С. 38.
23. Сушко, Е.Д. Мультиагентная модель региона [Электронный ресурс] / Е.Д. Сушко. – Режим доступа: <http://www.artsoc.ru/publications/index.php?ID=155>.
24. Фаттахов, М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития Москвы [Текст] / М.Р. Фаттахов // Экономика и математические методы. – 2013. – № 2. – С. 30-42.
25. Фаттахов, М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития мегаполисов [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.13. – Москва, 2011. – 30 с.
26. Фомин, А.В. Агент-ориентированная динамическая модель российского фармацевтического рынка [Электронный ресурс] / А.В. Фомин, А.С. Акопов. – Режим доступа: <http://abm.center/publications/index.php?ID=187>.
27. Чекмарева, Е. А. Обзор российского и зарубежного опыта агент-ориентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня / Е. А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 225-246.
28. Чиркунов, К.С. Агентное моделирование развития территориальной системы [Текст] / К.С. Чиркунов // Информатика и её применения. – 2011. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 58-64.
29. Чиркунов, К.С. Мультиагентный подход и моделирование поведения взаимодействующих иерархических систем экономической природы [Текст]: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.11. / К.С. Чиркунов. – Новосибирск, 2012. – 26 с.
30. Широ, А.А. Обоснование возможных сценариев долгосрочного развития российской экономики [Текст] / А.А. Широ, М.С. Гусев, А.А. Янговский // Всероссийский экономический журнал – «ЭКО». – 2012. – № 6.
31. Batty, M. Urban Modeling / M. Batty // International Encyclopedia of Human Geography. – Oxford: Elsevier, 2009. – Pp. 51-58.
32. Bures, V. Complex agent-based models: Application of a constructivism in the economic research / V. Bures, P. Tucnik // Economics & Management. – 2014. – XVII (1). – Pp. 152-168.
33. Collier N. (2012). Repast HPC Manual. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repast.sourceforge.net>
34. Deissenberg C., Hoog S. van der, Herbert D. (2008). EURACE: A Massively Parallel Agent-Based Model of the European Economy // Document de Travail No. 2008. Vol. 39. 24 June.
35. Epstein J.M., Axtell R.L. (1996). Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up. Ch.V. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
36. Gilbert N. Agent-based models: Sage Publications Inc. 2008. – 112 p.
37. Grassini M. Accumulation and Competitiveness [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2009/grassini_paper.pdf.
38. Haase, D. Modeling and simulating residential mobility in a shrinking city using an agent-based approach / D. Haase, S. Lautenbach, R. Seppelt // Environ. Model. Softw. – 2010. – No. 25. – Pp. 1225-1240.
39. Heath B., Hill R., Ciarallo F. A Survey of Agent-Based Modeling Practices (January 1998 to July 2008) // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2009. – No. 12 (4) 9. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/12/4/9.html>.
40. Heppenstall, A. «Space, the Final Frontier»: How Good are Agent-based Models at Simulating Individuals and Space in Cities? / A. Heppenstall, N. Malleon, A.T. Crooks // Systems. – 2016. – No. 4 (1) 9. – URL: <http://www.mdpi.com/2079-8954/4/1/9/pdf>.

41. Jiang, X. *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*, University of Groningen, Groningen, The Netherlands, 2011.
42. Kravari K., Bassiliades N. A Survey of Agent Platforms // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. – 2015. – No. 18 (1) 11. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/1/11.html>.
43. Lynar T. M., Herbert R. D., Chivers W. J. (2009): Implementing an Agent Based Auction Model on a Cluster of Reused Workstations // *International J. of Computer Applications in Technology*. Vol. 34. Issue 4, p. 13–24.
44. Magliocca, N. An economic agent-based model of coupled housing and land markets (CHALMS) / N. Magliocca, E. Safirova, V. McConnell, M. Walls // *Computers, Environment and Urban Systems*. – 2011. – No. 35. – Pp. 183-191.
45. Modelling Complexity of Economic System with Multi-Agent Systems / P. Cech, P. Tucnik, V. Bures, M. Husrakova // *5th International Conference on Knowledge Management and Information Sharing (KMIS 13)*, Vilamoura, Algarve, Portugal, 19-22 Sept. 2013. – Pp. 464-469.
46. Modelling urban expansion using a multi agent-based model in the city of Changsha / H. Zhang, Y. Zeng, L. Bian, X. Yu // *Journal of Geographical Sciences*. – 2010. – No. 20(4). – Pp. 540-556.
47. Nikolai C., Madey G. Tools of the Trade: A Survey of Various Agent Based Modeling Platforms // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. – 2009. – No. 12 (2) 2. – URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/12/2/2.html>.
48. Parker J. (2007). A Flexible, Large-Scale, Distributed Agent Based Epidemic Model. Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper No. 52, p. 25.
49. Rui, Y. Multi-agent Simulation for Modeling Urban Sprawl in the Greater Toronto Area / Y. Rui, Y. Ban // *Proc. of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science*. – Guimaraes (Portugal), 2010. – URL: https://agile-online.org/Conference_Paper/CDs/agile_2010/ShortPapers_PDF/124_DOC.pdf.
50. Sun, S. Simple Agents, Emergent City: Agent-Based Modeling of Intraurban Migration / S. Sun, S.M. Manson // *Computational Approaches for Urban Environments*. – Berlin: Springer, 2015. – Pp. 123-147.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Маковеев – кандидат экономических наук, и.о. зав. лабораторией интеллектуальных и программно-информационных систем, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, makoveevvn@mail.ru)

Makoveev V.N.

Using Agent-Based Models in the Analysis and Forecast of Socio-Economic Development of Territories

Abstract. The purpose of the paper is to study the essence of agent-based modeling, defining its features and prospects of usage in the modeling of socio-economic development of territories and systematization of domestic and foreign approaches to the development of prototypes for agent-based models of territories. Information basis for the research comprised the works on agent-based modeling by Russian and foreign scholars, especially articles and monographs of scientists of the Central Economics and Mathematics Institute under the Russian Academy of Sciences, papers presented in an international journal *The Journal of Artificial Societies and Social Simulation* and other sources available on the Internet. The article presents theoretical and methodological foundations of agent-based models of territories. The author considers the concepts of “agent-based modeling” and “agent” and defines specifics of agent-based models in comparison with other types of simulation modeling. The paper also describes major stages of building agent-based models for territories and considers qualification requirements to a modeling subject. Furthermore, it reviews Russian and foreign approaches to the development of prototypes for agent-based models of territories. It has been determined that most of them deal with the modeling of spatial, territorial and socio-

economic development of regions, cities and municipal entities. Agents in such models are presented by households, residents of regions and cities, enterprises and organizations operating in their territory, and public administration authorities (their inclusion in the model makes it possible to test different options of management impacts on territories by changing the model parameters, for instance, the introduction of certain prohibitions and quotas, issuance of permits, distribution of financial resources, etc.). At the end of the paper, the author formulates major conclusions. He shows the complexity faced by developers of agent-based models of socio-economic development and prospects for further research in this field. It has been established that the agent-based approach to the modeling of socio-economic development of territories is very promising, it helps improve the efficiency of forecasting regional development and management decisions due to a very detailed and realistic reconstruction of the internal structure of a region in the form of separate independent economic entities that interact with each other and with external environment, and also due to the possibility of fast processing and analysis of large amounts of data.

Key words: economy, mathematical modeling, agent-based models of socio-economic development.

References

1. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Vasenin V.A., Borisov V.A., Roganov V.A. Agent-orientirovannye modeli: mirovoi opyt i tekhnicheskie vozmozhnosti realizatsii na superkomp'yuterakh [Agent-based models: world experience and technical capability of implementation on supercomputers]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 3, p. 253. (In Russian).
2. Bakhtizin A.R. *Agent-orientirovannye modeli ekonomiki* [Agent-based models for the economy]. Moscow: Ekonomika, 2008. 279 p. (In Russian).
3. Boev V.D., Kirik D.I., Sypchenko R.P. *Komp'yuternoe modelirovanie: posobie dlya kursovogo i diplomnogo proektirovaniya* [Computer simulation: a handbook for simulation in term and graduation papers]. Saint Petersburg: VAS, 2011. 348 p. (In Russian).
4. Borshchev A.V. Imitatsionnoe modelirovanie: sostoyanie oblasti na 2015 god, tendentsii i prognoz [Simulation modeling: current state of the field as of 2015, its trends and forecast]. *IMMOD 2015*. Available at: http://www.anylogic.ru/upload/pdf/immod15_borshchev_statia.pdf. (In Russian).
5. Granberg A.G. *Modelirovanie sotsialisticheskoi ekonomiki: uchebnik dlya vuzov* [Modeling of the socialist economy: textbook for universities]. Moscow: Ekonomika, 1988. 487 p. (In Russian).
6. Denisova S.V., Bakhtizin A.R. Modelirovanie protsessa sliyanii organizatsii s pomoshch'yu agent-orientirovannoi modeli [Modeling of the process of mergers of organizations using an agent-based model]. *Problemy analiiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and public administration projection], 2011, no. 2, p. 60. (In Russian).
7. Zvyagin L.S. Prakticheskie priemy modelirovaniya ekonomicheskikh sistem [Practical techniques for modeling economic systems]. *Problemy sovremennoi ekonomiki: materialy IV mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, fevral' 2015 g.)* [Problems of modern economics: proceedings of the 4th international scientific conference (Chelyabinsk, February 2015)]. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa, 2015. P. 14-19. (In Russian).
8. Zul'karnai I.U. Zadacha agent-orientirovannogo modelirovaniya raspredeleniya funktsii po vertikali v asimmetrichnoi federatsii [Task of agent-based modeling for vertical distribution of the function in an asymmetric federation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2014, vol. 19, no. 4, pp. 1249-1255. (In Russian).
9. Ivanter V.V. Strategiya perekhoda k ekonomicheskomu rostu [Strategy for transition to economic growth]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2016, no. 1, pp. 3-8. (In Russian).
10. *Laboratoriya agentnogo modelirovaniya* [Laboratory for agent-based modeling]. Available at: <http://abm.center>. (In Russian).
11. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. *Sotsial'noe modelirovanie – novyi komp'yuternyi proryv (agent-orientirovannye modeli)* [Social simulation – a new computer breakthrough (agent-oriented models)]. Moscow: Ekonomika, 2013. 295 p. (In Russian).
12. Makarov V.L. Iskusstvennye obshchestva [Artificial societies]. *Iskusstvennye obshchestva* [Artificial Societies], 2006, vol. 1, no. 1, pp. 10-24. (In Russian).

13. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. *Sovremennye metody prognozirovaniya posledstviy upravlencheskikh reshenii* [Modern methods for forecasting the effects of management decisions]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2015, no. 7, pp. 12–24. (In Russian).
14. Makarov V.L., Sushko E.D., Bakhtizin A.R. *Obshchee opisanie modeli Vologodskoi oblasti "Gubernator"* [General description of Vologda Oblast model "The Governor"]. Available at: <http://abm.center/publications/index.php?ID=276>. (In Russian).
15. Makarov V.L., Sushko E.D., Bakhtizin A.R. *Obshchee opisanie demograficheskoi modeli "Rossiya"* [General description of the demographic model "Russia"]. Available at: <http://abm.center/publications/index.php?ID=278>. (In Russian).
16. Makarov V., Bakhtizin A., Sushko E. *Modelirovanie demograficheskikh protsessov s ispol'zovaniem agent-orientirovannogo podkhoda* [Simulation of demographic processes using the agent-based approach]. *Federalizm* [Federalism], 2014, no. 4, p. 37. (In Russian).
17. Musaev A., Shevchik A. *Tikhaya kognitivnaya revolyutsiya* [Quiet cognitive revolution]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 4, p. 45. (In Russian).
18. *O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon: prinyat Gosudarstvennoi Dumoi 20 iyunya 2014 g. №172-FZ* [On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law: adopted by the State Duma on 20 June 2014 No. 172-FZ]. *Konsul'tant-plyus* [Consultant-plus]. (In Russian).
19. Suslov V.I., Domozhirov D.A., Kostin V.S., Mel'nikova L.V., Ibragimov N.M., Tsyplakov A.A. *Opyt agent-orientirovannogo modelirovaniya prostranstvennykh protsessov v bol'shoi ekonomike* [Agent-based modeling of spatial processes in big economy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2014, no. 4, pp. 32-54. (In Russian).
20. Okrepilov V.V., Makarov V.L., Bakhtizin A.R. et al. *Primenenie superkomp'yuternykh tekhnologii dlya modelirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* [Application of supercomputer technologies for simulation of socio-economic systems]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no. 2, pp. 301-313. (In Russian).
21. Savchishina K. *Prognozirovaniye pokazatelei nalogovo-byudzhethnoi sfery v ramkakh kvartal'noi makroekonomicheskoi modeli "QUMMIR"* [Forecasting the performance of the fiscal sector in the framework of the quarterly macroeconomic model "QUMMIR"]. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. MAKS Press, 2008. (In Russian).
22. Sayanova A.R. *Tablitsy "zatraty-vypusk" v analize i prognozirovanii strukturnykh parametrov regiona* ["Input-output" tables in the analysis and forecasting of structural parameters of the region]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2004, no. 6, p. 38. (In Russian).
23. Sushko E.D. *Mul'tiagentnaya model' regiona* [A multi-agent model of the region]. Available at: <http://www.artsoc.ru/publications/index.php?ID=155>. (In Russian).
24. Fattakhov M.R. *Agent-orientirovannaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Moskvy* [An agent-based model of socio-economic development of Moscow]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods], 2013, no. 2, pp. 30-42. (In Russian).
25. Fattakhov M.R. *Agent-orientirovannaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya megapolisov: avtoref. dis. na soisk. uch. st. k.e.n.: 08.00.13* [An agent-based model for socio-economic development of megacities: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Moscow, 2011. 30 p. (In Russian).
26. Fomin A.V., Akopov A.S. *Agent-orientirovannaya dinamicheskaya model' rossiiskogo farmatsevticheskogo rynka* [Agent-based dynamic model of the Russian pharmaceutical market]. Available at: <http://abm.center/publications/index.php?ID=187>. (In Russian).
27. Chekmareva E. A. *Obzor rossiiskogo i zarubezhnogo opyta agent-orientirovannogo modelirovaniya slozhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem mezourovnya* [Overview of the Russian and foreign experience of agent-based modeling of complex socio-economic systems of the meso-level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2, pp. 225-246. (In Russian).
28. Chirkunov K.S. *Agentnoe modelirovanie razvitiya territorial'noi sistemy* [Agent-based modeling of development of territorial systems]. *Informatika i ee primeneniya* [Informatics and its applications], 2011, vol. 5, no. 1, pp. 58-64. (In Russian).
29. Chirkunov K.S. *Mul'tiagentnyi podkhod i modelirovanie povedeniya vzaimodeistvuyushchikh ierarkhicheskikh sistem ekonomicheskoi prirody: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk: 05.13.11* [Multi-agent approach and simulation of the behavior of interacting hierarchical systems of economic nature: Ph.D. in Physics and Mathematics dissertation abstract]. Novosibirsk, 2012. 26 p. (In Russian).

30. Shirov A.A., Gusev M.S., Yantovskii A.A. Obosnovanie vozmozhnykh stsenariiev dolgosrochnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki [Substantiation of possible scenarios for the long-term development of the Russian economy]. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal – "EKO"* [All-Russian economic journal – ECO], 2012, no. 6. (In Russian).
31. Batty M. Urban Modeling. *International Encyclopedia of Human Geography*. Oxford: Elsevier, 2009. Pp. 51–58.
32. Bures V., Tucnik P. Complex agent-based models: Application of a constructivism in the economic research. *Economics & Management*, 2014, no. 17 (1), pp. 152–168.
33. Collier N. *Repast HPC Manual. 2012*. Available at: <http://repast.sourceforge.net>
34. Deissenberg C., van der Hoog S., Herbert D. EURACE: A Massively Parallel Agent-Based Model of the European Economy. *Document de Travail No. 2008, vol. 39, 24 June*.
35. Epstein J.M., Axtell R.L. *Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up. Ch. V*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1996.
36. Gilbert N. *Agent-based models*. Sage Publications Inc., 2008. 112 p.
37. Grassini M. *Accumulation and Competitiveness*. Available at: http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2009/grassini_paper.pdf.
38. Haase D., Lautenbach S., Seppelt R. Modeling and simulating residential mobility in a shrinking city using an agent-based approach. *Environ. Model. Softw.*, 2010, no. 25, pp. 1225–1240.
39. Heath B., Hill R., Ciarallo F. A Survey of Agent-Based Modeling Practices (January 1998 to July 2008). *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2009, no. 12 (4) 9. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/12/4/9.html>.
40. Heppenstall A., Malleson N., Crooks A.T. "Space, the Final Frontier": How Good are Agent-based Models at Simulating Individuals and Space in Cities? *Systems*, 2016, no. 4 (1) 9. Available at: <http://www.mdpi.com/2079-8954/4/1/9/pdf>.
41. Jiang X. *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen, 2011.
42. Kravari K., Bassiliades N. A survey of agent platforms. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2015, no. 18 (1) 11. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/18/1/11.html>.
43. Lynar T.M., Herbert R.D., Chivers W.J. Implementing an agent based auction model on a cluster of reused workstations. *International J. of Computer Applications in Technology*, 2009, vol. 34, no. 4, pp.13–24.
44. Magliocca N., Safirova E., McConnell V., Walls M. An economic agent-based model of coupled housing and land markets (CHALMS). *Computers, Environment and Urban Systems*, 2011, no. 35, pp. 183–191.
45. Cech P., Tucnik P., Bures V., Husrakova M. Modelling complexity of economic system with multi-agent systems. *5th International Conference on Knowledge Management and Information Sharing (KMIS 13), Vilamoura, Algarve, Portugal, 19-22 September 2013*. Pp. 464–469.
46. Zhang H., Zeng Y., Bian L., Yu X. Modelling urban expansion using a multi agent-based model in the city of Changsha. *Journal of Geographical Sciences*, 2010, no. 20 (4), pp. 540–556.
47. Nikolai C., Madey G. Tools of the trade: a survey of various agent based modeling platforms. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2009, no. 12 (2) 2. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/12/2/2.html>.
48. Parker J. *A Flexible, Large-Scale, Distributed Agent Based Epidemic Model. Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper No. 52, 2007*. P.25.
49. Rui Y., Ban Y. Multi-agent simulation for modeling urban sprawl in the Greater Toronto Area. *Proc. of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science*. Guimaraes, 2010. Available at: https://agile-online.org/Conference_Paper/CDs/agile_2010/ShortPapers_PDF/124_DOC.pdf.
50. Sun S., Manson S.M. Simple Agents, Emergent City: Agent-Based Modeling of Intraurban Migration. *Computational Approaches for Urban Environments*. Berlin: Springer, 2015. Pp. 123–147.

Information about the Author

Vitalii Nikolaevich Makoveev – Ph.D. in Economics, Acting Head of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation, makoveevvn@mail.ru)

Статья поступила 09.09.2016

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.10.2016.
Дата выхода в свет 31.10.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,8. Тираж 500 экз. Заказ № 295.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru